

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2023. Том 71

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русины

2023. № 71

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarchy of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2023. Nr. 71

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodoľ

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: str. Miorita, 1C, ap. 83, Chisinau, MD 2028, Moldova,

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2023

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора 9

История

Суляк С.Г.

Иосиф Левицкий – просветитель Галицкой Руси 16

Птицын А.Н.

**Русины – директора петербургских и московских гимназий
в 1870–1900-е гг. 60**

Медоваров М.В.

**Панславистские журналы «Благовест» и «Русская беседа»
о русинском вопросе (1890–1896 гг.) 76**

Лингвистика и язык

Никитина Т.Г.

**Библейские образы в устойчивых сравнениях славян: типы
межязыковых соответствий и их словарная репрезентация 113**

Шкуран О.В.

**Десакрализация библеизмов в современном дискурсе как фактор
признанности или легкословия? 131**

Мокиенко В.М.

Русинский Бог в пословицах и поговорках 163

Тюрин А.П., Дизендорф К.И.

**Реконструкция механизма чтения слов с титлами с использованием
церковнославянских письменных памятников 183**

Серышева Ю.В., Сухорукова Ю.А., Филь Ю.В.

**Глаголы с проспективной семантикой в древнегреческом,
старославянском и русском языках 206**

Резанова З.И.

**Контакты языков в языковом и метаязыковом сознании билингов
(славянско-тюркское языковое взаимодействие) 223**

Артёменко Е.Д.

**Русский язык в неславянском окружении: модель языковой конкуренции
в регионах тесного языкового контактирования 239**

<i>Владими́рова В.Е.</i> Русский грамматический род через призму восприятия инофоном	251
<i>Оглезнева Е.А., Гордеев С.В.</i> Славянская языковая личность в неславянском окружении (на материале речи русских и их потомков в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР)	270
<i>Ван С., А.В. Курьянович А.В., Оглезнева Е.А., Гордеев С.В.</i> Славянские лексические единицы в рецепции представителей современной китайской лингвокультуры	288

Антропология

<i>Одреховский Р.В.</i> Воїн-русин у польських збройних силах Другої світової війни (на прикладі участі скульптора Павла Одрехівського)	311
<i>Тимохович М.</i> Красота скрытая в деталях. Украшения для нарядов русинов Шлахтовских	325
<i>Яковлева Е.Л.</i> Жизнь в разломах как исток эксцентричности Энди Уорхола. К 95-летию со дня рождения	344

CONTENTS

Editorial	9
------------------------	---

History

<i>Sulyak S.G.</i> Iosif Levitsky – the Enlightener of Galician Rus	16
<i>Ptitsyn A.N.</i> Rusins – headmasters of St. Petersburg and Moscow gymnasiums in the 1870s–1900s	60
<i>Medovarov M.V.</i> Pan-Slavist Journals <i>Blagovest</i> and <i>Russkaya Beseda</i> on the Rusin Question (1890–1896)	76

Linguistics and Language

<i>Nikitina T.G.</i> Biblical images in Slavic stable comparisons: Types of interlanguage correspondences and their dictionary representation	113
<i>Shkuran O.V.</i> Desacralization of biblical expressions in modern discourse as a factor of recognition or levity?	131
<i>Mokienko V.M.</i> The Rusin <i>Bog</i> in proverbs and sayings	163
<i>Tyurin A.P., Dizendorf K.I.</i> Reconstruction of the mechanism for reading words with titlos using Church Slavonic texts	183
<i>Serysheva Yu.V., Sukhorukova Yu.A., Fil Yu.V.</i> Verbs with prospective semantics in Ancient Greek, Old Slavonic, and Russian	206
<i>Rezanova Z.I.</i> Language contacts in the linguistic and metalinguistic consciousness of bilinguals (Slavic-Turkic language interaction)	223
<i>Artemenko E.D.</i> The Russian language in a non-Slavic environment: A model of language competition in regions of close language contact	239

<i>Vladimirova V.E.</i> Russian grammatical gender through the prism of bilingual perception	251
<i>Oglezneva E.A., Gordeev S.V.</i> Slavic language personality in a non-Slavic environment (based on the speech of the Russians and their descendants in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China)	270
<i>Wang Xinghua, Kurjanovich A.V.</i> Slavic lexical units in the reception of representatives of modern Chinese linguoculture	288

Anthropology

<i>Odrekhivskiy R.W.</i> The Rusin warrior in the Polish army during World War II (a case study of the sculptor Pavlo Odrekhivskiy's participation)	311
<i>Tymochowicz M.</i> Beauty hidden in details. Ornaments for the outfit of the Szlachtowa Rusins	325
<i>Iakovleva E.L.</i> Life in fractures as the source of Andy Warhol's eccentricity. To the 95th anniversary of his birth	344

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

В 71-м и 72-м номерах журнала «Русин» в разделах «История», «Лингвистика и язык», наряду с другими материалами, представлены прошедшие рецензирование статьи, подготовленные на основе докладов Международной научной конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов», которая была проведена 15–16 мая 2023 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете в сотрудничестве с редколлегией международного журнала «Русин».

Одним из фокусов теоретического осмысления в дискуссиях на конференции были вопросы исторической динамики и современного состояния русинского языка, его своеобразия и исторических связей в пределах славянского, и шире – индоевропейского языкового единства. В статьях этого направления представлены исследования формирования и исторических вариаций абстрактных концептов – «скорость», «шум», «Бог». При анализе концепта «шум» Л.П. Дронова, используя историко-лингвистический, историко-культурный и ареальный методы, включая в анализ данные истории и археологии в зоне Карпат, территории Румынии, Молдавии, Украины первых веков нашей эры, находит дополнительные данные в поддержку высказанной ранее В.И. Абаевым концепции о возможности влияния ираноязычного субстрата на формирование концепта в контексте собственно славянских формально-семантических взаимодействий. Погружение в языковую среду славянских языков с обращением к богатому фонду выразительных пословиц и поговорок русинского языка является основой интерпретации концепта «Бог» в статье В.М. Мокиенко.

В публикациях журнала отразилось также важное для развития исследований русинского языка расширение методологической базы: в статье И.А. Меркуловой представлены заслуживающие внимания научной общественности результаты использования формальных, математических методов анализа применительно к лексическому составу современного русинского языка, что позволило автору представить новый аспект его своеобразия в поле славянских языков.

Работы, посвященные исследованиям русинского языка, соседствуют с аналитическими статьями, представляющими деятели русинской культуры: С.Г. Суляк характеризует выдающуюся личность Иосифа Ивановича Левицкого – галицко-русского общественного

и культурного деятеля, писателя, филолога, педагога, автора первой грамматики русского (русинского) языка в Галиции. В статье А.Н.Птицына прослеживается участие русинов в развитии народного образования в Москве и Петербурге в 1870–1900-е гг.

Собственно славистическая тематика в публикациях журнала по материалам докладов конференции представлена многообразием теоретических и методологических подходов к анализу разных аспектов истории и современного состояния славянских языков, единиц разных уровней, от фонетического до дискурсивного. В методологически ориентированной статье И.С. Пекуновой доказываются преимущества «эталонных» описаний в сфере акцентной грамматики средневековых славянских письменных памятников как инструмента научного исследования.

Грамматико ориентированные исследования славянских языков в данном выпуске журнала представлены двумя публикациями, в фокусе которых сравнительный анализ системы славянской глагольной префиксации, разрабатываемый под руководством Ю.В. Филь. Авторы статей, совмещая структурно-семантические и когнитивные методы анализа, исследуют развитие глагольной полисемии в процессах морфологической деривации как акт взаимодействия корневой и префиксальной семантики. В статьях охарактеризована система отпространственных значений в префиксальных глаголах старославянского языка, доказано влияние греческого языка на формирование спектра абстрактных значений дериватов, выявлены направления заимствования «перспективной» префиксальной модели из древнегреческого в старославянский и из старославянского языка в русский. В статье К.А. Шишигина и Н.Б. Лебедевой префиксальные глаголы и существительные русского, украинского и белорусского языков рассматриваются в сопоставлении с единицами немецкого языка с ориентацией на возможность использования полученных данных в практике параллельного преподавания трех восточнославянских языков в немецкоязычной среде с целью популяризировать изучение этих языков.

Сравнительно-историческая перспектива исследования процессов семантической и формальной деривации в славянских языках соседствует на страницах журнала с работами, посвященными исследованию их лексического состава, в которых также сочетается обращенность к историческим истокам словарного состава и его современному состоянию. Отметим, что в данных статьях совершенно закономерно семантический аспект исследования совмещается с функциональным. Авторы двух статей представляют результаты семантического и функционального анализа библеизмов и принципов их лексикографической подачи в разрабатываемом сопоставительном словаре : в работе Т.Г. Никитиной в русских, украинских,

белорусских и чешских устойчивых сравнениях с антропонимами-библеизмами на основе авторской методики выявлены полные межъязыковые эквиваленты, определены направления вариаций в образной структуре устойчивых сравнений, а также безэквивалентные национально-специфические обороты. Частично соотнесенной по материалу с данным исследованием является работа О.В. Шкуран, посвященная десакрализации библеизмов в современных дискурсах славяноязычного культурного ареала. Автор характеризует социально-исторические условия процессов десакрализации библеизмов, стилистические эффекты стратегий коммуникации, построенных на актуализации экспрессивно-десакрального использования библеизмов, приводящих, по мнению автора, к релятивизации ценностно-смыслового пространства языка.

В статье И.И. Чумак-Жунь и Н.Ф. Алефиренко анализируются этнонимы – пласт лексики, также весьма значимый для выражения культурно и социально значимых смыслов в концептосферах современных славянских языков. Авторы выделяют семантические и функциональные типы этнонимов, дискурсивные эффекты их использования в современных социально-исторических условиях.

Ярким свидетельством методологического разнообразия представленных славистических исследований являются статьи, авторы которых обращены к древним славянским текстам. В статье О.Г. Щегловой анализируются с использованием классических текстологических и структурно-семантических методик житийные тексты русского происхождения о Феодосии Печерском, князьях Борисе и Глебе, о Леонтии Ростовском и др., представленные в списках Стишного Пролога, и выявляются системы лексико-деривационных вариантов, организующих смысловое пространство данных текстов. А в статье А.П. Тюрина, К.И. Дизендорфа представлены результаты анализа процессов чтения церковнославянских текстов с применением современных методов окулографии.

Широтой используемых методов характеризуется и серия статей участников секции, посвященной проблемам языкового контактирования: представлены результаты социолингвистических и психолингвистических аспектов языкового констатирования, реализуемых с использованием методов полевых исследований, анкетирования, аппаратных поведенческих экспериментов. В статьях обсуждаются проблемы социолингвистических и когнитивных следствий функционирования славянских языков в неславянском окружении, в большинстве представленных работ решаются эти проблемы на примере русского языка. Русский язык, типичный представитель славянских языков, исследуется как миноритарный в позиции неславянского

языкового окружения во взаимодействии с китайским изолирующим языком в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (Е.А. Оглезнева и С.В. Гордеев) и как мажоритарный, функционально доминирующий в контактах с тюркскими агглютинативными языками в Южной Сибири Российской Федерации. Ситуация языкового контактирования рассматривается как фактор, актуализирующий метаязыковое сознание в статье З.И. Резановой, посвященной сравнению методов выявления языкового и метаязыкового сознания в корпусе исследований языкового контактирования. Один из вариантов проявлений языкового сознания представляют А.В. Курьянович и С. Ван, характеризуя корпус славянских лексических единиц в рецепции представителей современной китайской лингвокультуры.

В статье В.С. Дибровой исследуется влияние неравновесных языковых ситуаций, в которых функционирует русский язык, на формирование личностных мотиваций к его использованию по сравнению с родным языком. Е. Д. Артеменко с применением методов статистического анализа соотносит влияние социодемографических, социокультурных и мотивационных факторов на статус языков в функционально несбалансированной ситуации Южной Сибири. Когнитивные аспекты языкового контактирования в зоне взаимодействия с неславянскими языками представлены в статьях И.С. Коршуновой и В.С. Владимировой с фокусировками на когнитивных основаниях восприятия и обработки лексических и грамматических единиц русского языка носителями татарского, узбекского и китайского языков.

Программный и организационный комитеты конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов» выражают благодарность редколлегии журнала «Русьны» за длительное плодотворное сотрудничество, а также всем участникам конференции за создание атмосферы научного поиска и плодотворных дискуссий на конференции 2023 г. и приглашают к дальнейшему сотрудничеству славистов, изучающих историю и современное состояние языков в широком социокультурном контексте с использованием традиционных и новейших собственно лингвистических и междисциплинарных методов.

З.И. Резанова,
профессор, доктор филологических наук,
заведующая кафедрой общей, компьютерной и когнитивной
лингвистики филологического факультета
Томского государственного университета;
С.Г. Суляк,
главный редактор

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

Sections “History” and “Linguistics and Language” of Issues 71 and 72 of *Rusin* contain peer-reviewed articles based on the reports of the International Conference *Slavic Languages: Responding to New Challenges* held by the National Research Tomsk State University in partnership with *Rusin International Journal* on May 15–16, 2023.

One of the focuses at the conference was the historical dynamics and the current state of the Rusin language, its specificity and historical connections within the Slavic and, more broadly, Indo-European linguistic unity. The articles in this section present studies of the formation and historical variations of abstract concepts “speed”, “noise”, “God.” Lyubov P. Dronova analyzes the concept “noise”, using the historical-linguistic, historical-cultural and areal methods and drawing on the data of history and archeology in the Carpathians, Romania, Moldova, Ukraine of the first centuries AD, to find additional data in support of Vasily I. Abaev’s concept of the possible influence of the Iranian language substrate on the formation of the concept in the context of the proper Slavic formal-semantic interactions. Valerii M. Mokienko plunges into the Slavic linguistic environment and appeals to a rich fund of Rusin proverbs and sayings to interpret the concept “God.”

The published articles reflected the expanded methodological base, which is important for the development of Rusin studies: Inna A. Merkulova uses formal and mathematical methods to analyze the lexical composition of the modern Rusin language. This approach allowed Merkulova to present a new aspect of the Rusin language originality among Slavic languages.

The works focused on the Rusin language are side by side with analytical articles representing figures of the Rusin culture: Sergey G. Sulyak reports about the outstanding personality of Iosif Levitsky, a Galician-Russian public and cultural figure, writer, philologist, teacher, author of the first Grammar of the Russian (Rusin) language in Galicia. Andrey N. Ptitsyn traces the participation of Rusins in the development of public education in Moscow and St. Petersburg in 1870–1900.

The Slavic subject matter proper is represented by a variety of theoretical and methodological approaches to the analysis of various aspects of the history and the current state of the Slavic languages and units of different levels, from phonetic to discursive. Irina S. Pekunova proves the advantages of “reference” descriptions in the field of accent grammar of medieval Slavic writings as a tool for scholarly research.

Grammar-oriented studies of Slavic languages are presented by two publications, which focus on a comparative analysis of the system of Slavic verbal prefixation, developed under the supervision of Yulia V. Phil.

The authors combine the structural-semantic and cognitive methods to explore the development of verbal polysemy in the processes of morphological derivation as an act of interaction between root and prefix semantics. The articles characterize the system of spatial meanings in the prefixed verbs of the Old Church Slavonic language, prove the influence of the Greek language on the spectrum of abstract meanings of derivatives, and identify the directions of borrowing the “prospective” prefixal model from Ancient Greek to Old Church Slavonic and from Old Church Slavonic to Russian. Kirill A. Shishigin and Natalia B. Lebedeva compare prefixed verbs and nouns of the Russian, Ukrainian, and Belarusian languages with the units of the German language to find out whether it is possible to use the obtained data for simultaneous teaching the three East Slavic languages in a German-speaking environment.

The works focusing on the lexical composition of the Slavic languages address both the historical origins of the vocabulary and its modern state. These articles quite naturally combine the semantic and functional aspects of the study. The authors present the results of a semantic and functional analysis of biblical expressions and the principles of their lexicographic presentation in comparative dictionaries: Tatiana G. Nikitina develops an original methodology to identify full interlingual equivalents in Russian, Ukrainian, Belarusian and Czech stable comparisons with biblical anthroponyms. She also determines variations in the figurative structure of stable comparisons as well as non-equivalent national-specific phrases. Oksana V. Shkuran studies the desacralization of Biblical expressions in modern discourses of the Slavonic cultural area. The author characterizes the socio-historical conditions of the desacralization of Biblical expressions and the stylistic effects of communication strategies built on their expressive-desacral use, leading to the relativization of the value-semantic space of the language.

Irina I. Chumak-Jun and Nikolay F. Alefirenko analyze ethnonyms – a layer of vocabulary, important for expressing culturally and socially significant meanings in the concept spheres of modern Slavic languages. The authors identify semantic and functional types of ethnonyms and discursive effects of their use in modern socio-historical conditions.

Some articles included in these issues address ancient Slavic texts, thus contributing to the methodological diversity of Slavic studies. Using classical textological and structural-semantic methods, Olga G. Shcheglova analyzes Russian hagiographic texts about Theodosius of the Caves, Princes Boris and Gleb, Leonty of Rostov, etc., from the *Stishnaya Prologue* (Synaxarion) and reveals the systems of lexico-derivational variants that organize the semantic space of these texts. The article by Alexander P. Tyurin and Konstantin I. Dizendorf analyzes the processes of reading Church Slavonic texts using modern methods of oculography.

A series of articles focus on the problems of sociolinguistic and psycholinguistic results of language contacts. Using methods of field research, questionnaires, and behavioral experiments the authors study sociolinguistic and cognitive consequences of functioning of Slavic languages (mainly Russian) in a non-Slavic environment. The Russian language, a typical representative of Slavic languages, is studied as a minority language within the non-Slavic language environment in its interaction with the isolating Chinese language in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China (Elena A. Oglezneva and Sergey V. Gordeev) and as a majoritarian, functionally dominant language in contacts with Turkic agglutinative languages in Southern Siberia of the Russian Federation. In her article comparing the methods for identifying linguistic and metalingual consciousness in the corpus of studies of language contact, Zoya I. Rezanova considers language contact as a factor that urges the metalinguistic consciousness. Anna V. Kuryanovich presents a variant of linguistic consciousness manifestations by characterizing the corpus of Slavic lexical units as received by representatives of modern Chinese linguistic culture.

The article by Veronika S. Dibrova examines the influence of non-equilibrium language situations with the Russian language on the formation of personal motivations for its use in comparison with the native language. Elena D. Artemenko uses methods of statistical analysis to correlate the influence of socio-demographic, socio-cultural and motivational factors on the status of languages in the functionally unbalanced situation of Southern Siberia. Cognitive aspects of language contact in the zone of interaction with non-Slavic languages are presented in the articles by Irina S. Korshunova and Valeriia E. Vladimirova, with a focus on the cognitive bases of perception and processing of lexical and grammatical units of the Russian language by native speakers of Tatar, Uzbek, and Chinese.

The program and organizing committees of the International Conference Slavic Languages: Responding to New Challenges express their gratitude to the editorial board of Rusin International Journal for long-term fruitful cooperation, as well as to all conference participants for creating an atmosphere of scientific research and fruitful discussions at the conference in 2023. They invite to further cooperation the Slavists who study the history and current state of languages in a broad sociocultural context using traditional and newest linguistic and interdisciplinary methods.

*Zoya I. Rezanova, Professor, Doctor of Philology,
Head of the Department of General, Computer and Cognitive Linguistics,
Faculty of Philology, Tomsk State University;
Sergey G. Sulyak,
Chief Editor*

УДК 94(47)+94(438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/2

Иосиф Левицкий – просветитель Галицкой Руси

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Иосиф Иванович Левицкий (1801–1860) – греко-католический священник, галицко-русский общественный и культурный деятель, автор первой галицко-русской грамматики и ряда школьных учебников. Окончил гимназию в Перемышле, затем – Венскую духовную семинарию. По её окончании преподавал церковнославянскую грамматику в перемышльском богословском лицее. С 1834 по 1844 г. был священником в с. Шкло, затем – в с. Грушево (1844–1848). В 1848 г. стал духовником и профессором Перемышльской греко-католической духовной семинарии. В марте 1853 г. был переведён на приход в с. Нагуевичи. В своих приходах организовал работу приходских школ, издал за свой счёт «Молитвослов, для выгоды парафиан школьских» (1840), «Приручный словарь славяно-польский» (1830) и «Grammatic der ruthenischen oder klein russischen Sprache in Galizien = Грамматику языка русского в Галиции» (1834). Позже на основе своей грамматики выпустил два издания учебника грамматики на русинском языке для народных школ (1849, 1850). Для облегчения обучения немецкому языку издал грамматику этого языка для русинских приходских школ (1845) и подготовил пособие для изучения немецкого языка в рисунках (1849). В 1843 и 1849 гг. издал «Азбуку русскую для наименьших детей починающих ходити до школы». Его стихотворные посвящения епископу Перемышльскому Иоанну Снегурскому (1829, 1837), митрополиту Львовскому Михаилу Левицкому (1838), епископу Помпеолитанскому (с 1848 г. – епископу Перемышльскому) Григорию Яхимовичу (1841, 1849), епископу Мукачевскому Василию Поповичу (1849) были одними из первых стихотворений на русинском (галицко-русском) языке. Впервые перевёл на галицкое наречие ряд произведений Ф. Шиллера, И. Гёте и др., а также фрагмент «Слова о полку Игореве». Одним из первых выступил с критикой идей Иосифа Лозинского о введении польской азбуки в русинскую письменность в статье

«Odpowiedź na zdanie o zaprowadzeniu abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego» (Ответ на предложение о введении польского алфавита в русинскую письменность). Собирал местный фольклор. Часть его записей были изданы Я.Ф. Головацким во второй части «Народных песен Галицкой и Угорской Руси» (1878). Был членом «Галицко-русской матицы» и участником собора учёных русских во Львове (1848). Умер 24 мая 1860 г. в с. Нагуевичи Дрогобычского района, где и похоронен.

Ключевые слова: Иосиф Левицкий, Галиция, Галичина, Галицкая Русь, русины, грамматика, галицко-русский язык, русинский язык, русский язык

Iosif Levitsky – the Enlightener of Galician Rus

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Iosif I. Levitsky (1801–1860) – a Greek Catholic priest, Galician-Russian public and cultural figure, the author of the first Galician-Russian Grammar and a number of school textbooks. Levitsky graduated from high school in Przemyśl and the Vienna Theological Seminary. Upon graduation, he taught Church Slavonic grammar at the Przemyśl Theological Lyceum. From 1834 to 1844, he was a rural priest in Shklo, then in Grushevo (1844–1848). In 1848, Levitsky became a confessor and professor at the Przemyśl Greek Catholic Theological Seminary. In March 1853, Levitsky was transferred to the parish in Naguevichi. In all the parishes where he worked, Levitsky organized parochial schools and spent his own money to publish *Prayer Book for the Benefit of School Parathians* (1840), *Slavic-Polish Handy Dictionary* (1830) and *Grammatic der ruthenischen oder klein russischen Sprache in Galizien* (1834). Later, based on his *Grammar*, he published two editions of a grammar textbook in Rusin for public schools (1849, 1850). To facilitate learning German, he published a grammar of this language for Rusin parochial schools (1845) and prepared a manual for learning German in drawings (1849). In 1843 and 1849, Levitsky published the *Russian ABC Book for the Smallest Children Starting School*. His poetic dedications to Bishop of Przemyśl John Snegursky (1829, 1837), Metropolitan of Lvov Mikhail Levitsky (1838), Bishop of Pompeolitan (since 1848 – Bishop of Przemyśl) Grigory Yakhimovich (1841, 1849), Bishop of Mukachevo Vasily Popovich (1849) were among the first poems in Rusin (Galician-Russian) language. For the first time, he translated into the Galician dialect a number of works by Friedrich

Schiller, Johann Goethe, and others, as well as a fragment of *The Tale of Igor's Campaign*. Levitsky was among the first to criticize Joseph Lozinsky's idea to introduce the Polish alphabet into the Rusin script in the article "Odpowiedź na zdanie o zaprowadzeniu abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego" (Answer to the proposal to introduce the Polish alphabet into the Rusin script). He collected local folklore and published some of his recordings in Yakov F. Golovatsky's *Folk Songs of Galician and Ugric Rus* (1878). He was a member of the "Galician-Russian matitsa" and a member of the council of Russian scientists in Lvov (1848). Levitsky died on May 24, 1860, in Naguevichi, Drohobychsky district, where he was buried.

Keywords: Iosif Levitsky, Galicia, Galician Rus, Rusins, grammar, Galician-Russian language, Rusin language, Russian language

Иосиф Иванович Левицкий (1801, с. Баранчичи Самборского уезда Самборского округа Королевства Галиции и Лодомерии Австрийской империи (ныне – с. Барановцы Бисковицкой сельской общины Самборского района Львовской области Украины) – 24.05.1860, с. Нагуевичи Дрогобычского уезда Самборского округа (повета) Королевства Галиции и Лодомерии Австрийской империи (ныне – село в Дрогобычской городской общине Дрогобычского района Львовской области Украины) [2: 32; 50] – греко-католический священник, галицко-русский общественный и культурный деятель, писатель, педагог, филолог, историк, этнограф, публицист, переводчик, автор первой в Галичине грамматики русского (русинского) языка и ряда школьных учебников.

Гимназическое образование получил в Перемышле, окончив местную гимназию. Год изучал философию в Львовском университете (1819), затем уехал в Вену, где 1825 г. окончил Королевскую общую греко-католическую семинарию (Barbareum) [47: CCXLIX]. Как писал Б.А. Дедицкий, Варфоломей (Ерней) Бартол Копитар (1780–1844), словенский лингвист и историк, один из основоположников славистики, автор «Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark» («Грамматика славянского языка Краины, Каринтии и Штирии», 1808 г.), руководивший в то время славянским отделом Венской придворной библиотеки, «названный батько-учитель славянь», «на-скрѣзь перенятый чувством ѳцевскои любви для всѣхъ дѣтей Славянщины, особливо же для насъ русинѣвъ, которыхъ ѳнь за-для нашої вѣрности славянскому обряду наибѣльше любиль и предпочиталь» (орфография автора сохранена. – С.С.). В 1821 г. он был руководителем и учил в этой библиотеке «одного русского конвиктора, именно нашего первого знакомого языкослова Иосифа Левицкого»

[10: 16–17]. В Вене в 1822 г. молодой студент И. Левицкий издаёт «на летучем листке первое, хотя и совсем неудовлетворительное стихотворение нецерковного содержания под затейливым названием “Домоболие проклятых”» [52: 204]. Как вспоминал сам автор, в Вене он сошёлся с прибывшим на богословие К.И. Блонским и «плодом наших перших покушений был перевод з немецкого “Домоболие проклятых”» [6: 83–84], который они сделали в 1820 г. [29: 193]. Под таким названием они перевели немецкую поэму «Das Heimweh der verbannten») [40: 44].

После окончания семинарии и рукоположения И. Левицкий стал капелланом (духовником) епископа перемышльской греко-католической епархии Иоанна Снегурского и был им до 1832 г. [47: ССХLIX]. До апреля 1834 г. он преподавал «в духовном заведении церковно-славянскую грамматику кандидатам философии и богословия» [47: ССХLIX]. Он был «любимцем» владыки, одного из лидеров русинского возрождения, который называл о. Иосифа Левицкого «достоинное чадо Копитарево» [10: 23].

Перемышль стал австрийским в 1772 г. Перемышльским епископом в 1813 г. был назначен Михаил Левицкий (1774–1858), с 1815 г. – Галицкий митрополит и Львовский архиепископ. По инициативе крилошанина (каноника перемышльской капитулы) Ивана Могильницкого (1778–1831) владыка в 1815 г. издал катехизис («Наука христианская по ряду катехизма нормального»), через год «Буквар славено-русского языка». Начинания И. Могильницкого продолжила группа священников, образовавшаяся в 20–30-х гг. вокруг перемышльских владык Михаила Левицкого и Иоанна Снегурского (1784–1847) [9: 224].

Благодаря деятельности перемышльских просветителей удалось добиться в 1818 г. правительственного разрешения на введение руського (русинского) языка в начальных школах Восточной Галиции. Несмотря на противодействие местной администрации, И. Левицкий, И. Лозинский, И. Лавровский и др. под руководством И. Могильницкого приступили к изданию школьных учебников и популярной народной литературы на народном языке, распространению образования среди народа. К 1832 г. в Перемышльской епархии было открыто около 400 школ с русинским языком обучения [44: 100–101].

Епископ Иоанн Снегурский заботился о содержании епархиальной библиотеки, комплектации её новыми изданиями, о приобретении периодических изданий для семинарии, ввёл преподавание церковно-славянского языка в перемышльской духовной семинарии, оказывал поддержку, в т. ч. и материальную, литераторам (И. Левицкому, И. Лозинскому, Я. Головацкому, А. Добрянскому) [46: 108].

Во время пребывания в Перемышле И. Левицкий сыграл важную

роль во введении хорового пения в кафедральной церкви (1827), снабдив хор партитурами духовной музыки Д. Бортнянского, полученными с помощью профессора Львовского университета М. Нападиевича, способствовал налаживанию епископской типографии (1829), участвовал в упорядочении библиотеки И. Могиляницкого. В 1835 г. он организовал хор из слушателей духовной семинарии при греко-католической церкви св. Варвары в Вене [46: 112–113].

Позже в своей статье И. Левицкий изложил историю введения музыкального пения в Перемышле (Перемышлянин. Месяцеслов на 1853 г.) [37]. Он напомнил (орфография автора сохранена. – С.С.), «що во Львовѣ епископы русскіи (Лев Шептицкий (1717–1779), Пётр Беланский (1736–1798), Николай Скородинский (1751–1805). – С.С.) удерживали капеллю, котрои члены кромѣ забавъ дворскихъ, ще и въ Церкви Свято-Георгскѡй на інструментахъ вразъ съ голосами ѡтъгравали торжественныи службы Божіи» [37: 81]. В Перемышле же, несмотря на то, что до 1828 г. на кафедре находились органы, «не находилися жадныи інструмента, тимъ меньше ноты на четыре ключи пѣнія уложены, – не было о нихъ жадного преданія» (орфография автора сохранена. – С.С.). В 1808 г. на рождество св. Иоанна Предтечи играл музыкант Радилевич торжественную службу божию. Во Львове в 1825–1826 гг. музыкант-чех Роллечек написал русскую литургию на четыре голоса [37: 82]. Николай Нападиевич, доктор права, профессор «дѣдичь села Вяцковичь, будучи в свое время усердным русиномъ», постарался собрать много партитур Д.С. Бортнянского и передал их в 1828 г. И. Левицкому. Будучи с 1825 по 1832 г. в окружении епископа Иоанна Снегурского, И. Левицкий постарался исправить пение торжественных служб. В 1828 г. епископ поручил ему организовать обучение церковному пению. Была создана певчая школа и уже в 1829 г. её ученики смогли петь целую службу [37: 83–84].

Перемышльский староста Венклер, любитель музыкального пения, направил в помощь «мэтра музыки» А. Нанке (родом чех). Епископ разъяснил ему тексты русского пения и переписал для него немецкими буквами целую службу Божию и некоторые литургические песни. Хор под управлением А. Нанке, где «выступили панны Венклер и Шенк, дочка капитана» отспевал «прекрасно цѣлую службу» на Светлое Христово Воскресение [37: 84–85].

В 1835 г. И. Левицкий купил «партитуры на простопѣіе церковное» у священника Гавриила Меглицкого, которые затем пролежали 15 лет в кафедральной библиотеке. В 1851 г. питомец семинарии Иоанн Скобельский при помощи о. Якова Досковского ввёл их «въ практику». Певческая школа, как писал И. Левицкий, существует и ныне. Поддержку ей оказывает его преосвященство Григорий Яхимович [37: 87].

И. Левицкий стал одним из первых в Галиции русинских писателей. Своё литературное творчество, как указывалось выше, он начал в 20-е гг. Его оригинальные стихотворения были посвящены митрополиту М. Левицкому, епископам И. Снегурскому, Г. Яхимовичу, В. Поповичу, канонику И. Могильницкому, эрцгерцогу Карлу и др. [46: 115].

Его стихотворные посвящения епископу Перемышльскому Иоанну Снегурскому «в день С. Иоанна Богослова» 8 мая 1829 г. и 8 мая 1837 г. [18; 21], митрополиту Львовскому Михаилу Левицкому «во день Святого Архистратига Михаила» 8 ноября 1838 г. [22], епископу Мукачевскому Василию Поповичу «во день поставления его преосвященства на епископа в Свято-Георгиевской Архикафедральной церкви Львовской» 18/6 марта 1838 г. [23], епископу Помпеополитанскому (с 1848 г. – епископу Перемышльскому) Григорию Яхимовичу «во день поставления его во епископы» 21/9 ноября 1841 г. в Свято-Георгиевской церкви во Львове и «во день вошествия его престол владычий епархии Перемышской» 25 марта 1849 г. [26; 35] были одними из первых стихотворений на русинском языке. Епископу Перемышльскому Иоанну Снегурскому было посвящение и на немецком языке (1837) [59].

Как вспоминал его свояк, тоже известный галицко-русский деятель Иосиф Лозинский (1807–1889), «тогда по русски еще никто ничего не написал, и лишь Іос. Левицкій нѣкотрые стихи почаль складати» (орфография автора сохранена. – С.С.) [11: 116]. В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» отмечалось, что «оригинальные стихотворения Левицкого риторичны; они написаны смесью языков церковного и малорусского» [38]. На наш взгляд, они написаны на русинском (надсанский диалект) с использованием церковнославянского (старославянским языком русского извода) и русского литературного языков. К «песне» «Оказание высокога почтения его преосвященству господину Иоанну Снегурскому, Епископу Перемышльскому, Самборскому, Сяноцкому, доктору с. богословия, бывшему декану факультета богословского при Всеучилищи Венском, его же члену, директору Института философскаго Перемышльскаго, и пр: проч., милостивейшему благодетелю, в день С. Иоанна Богослова дня 8 месяца мая, года 1829, в Валяве через иерея Иосифа Левицкого» музыку «на сопрано соло и четыре голоса в хоре» сочинил Алоис Нанке [18: 4].

В изданном посвящении «Стихъ во честь Его Превшващенства куръ Григоріа Яхимовича, Епископа Помпеіополитанского... во день поставленія его во епископы дня 21/9 ноємврія 1841 року, во Архикафедральной Церкви Львовской Святого великомученника Георгія» в конце, после «Обяснѣня» (примечания), помещена запись: gedruckt

mit Stauropigianischen Schriften (напечатано ставропигийскими шрифтами) [26]. Вероятно, наличием/отсутствием тех или иных литер гражданского шрифта и замена недостающих на церковнославянские и объясняется встречающиеся в изданных работах И. Левицкого, как, впрочем, и других галицко-русских изданиях, различное написание слов. Из-за этого, а также чтобы были видны оригинальные названия работ И. Левицкого, ряд которых часть современных исследователей в силу своих политических симпатий/антипатий произвольно «переименовала» и которые дают представления о политических взглядах автора, мы разместили фотографии титульных страниц ряда работ И. Левицкого. На наш взгляд, недопустимо механически переносить сегодняшние (весьма спорные) реалии в прошлое. Кстати, примеры использования разных шрифтов видны и в других печатных изданиях. К примеру, на титульном листе книги Я. Головацкого написано: «Историческій очеркъ основанія Галицко-руської матиць...». На следующей странице уже несколько иное написание: «Историческій очеркъ основанїа Галицко-руської матиць...» [6].

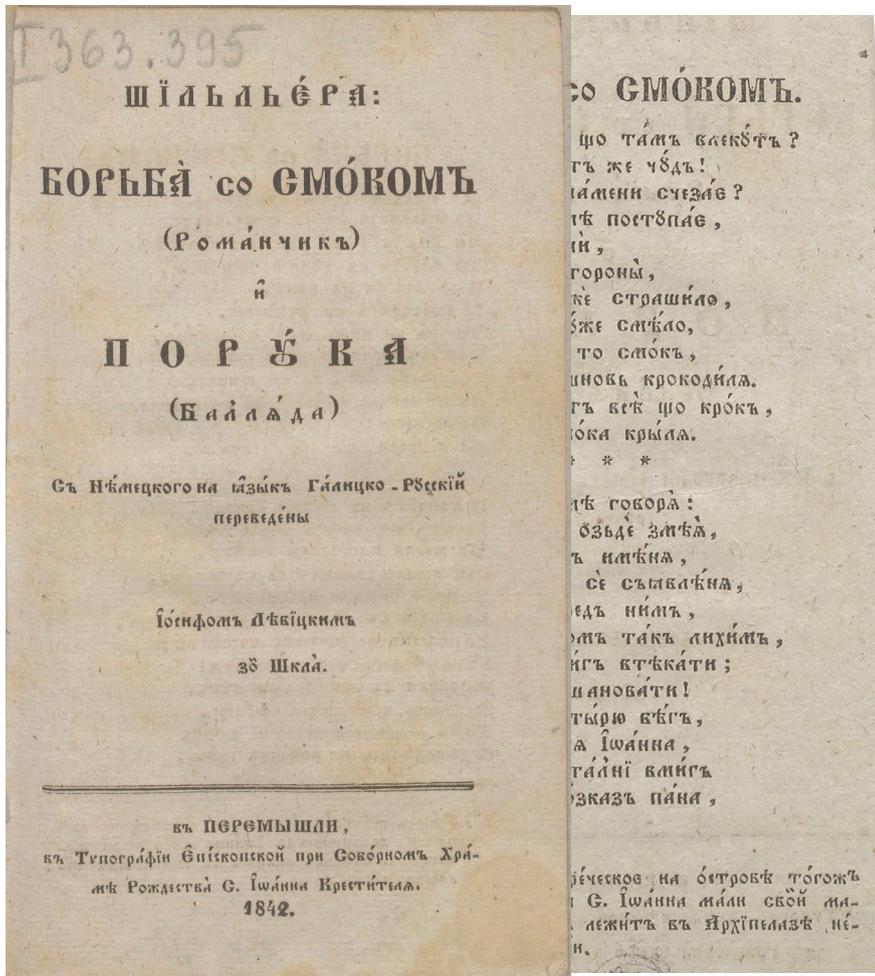
И. Левицкий впервые перевёл на галицкое наречие ряд произведений, в т. ч. ряд стихотворений Ф. Шиллера (1839, 1842, 1844) [25; 27; 30] и И. Гёте (1838) [24]. В статье «Доля галицко-русского языка» автор написал, что перевёл Шиллера с немецкого языка на русский [29: 194], в самих же переводах язык он обозначил, как галицко-русский (см. титульные листы: [25; 27; 30]), Гёте же – на «мало Русскій языкъ» [24].

В 1830 г. во Львове «за соизволением правительства» И. Левицкий выпустил за свой счёт «Приручный словарь славено-польский» [46: 112].

В этой работе, как и в последующих, автор использует надсанский говор Перемышлянщины с церковнославянским и русским литературным языками [39: 1268]. Как писал И. Огиенко (митрополит Украинской греко-православной церкви в Канаде Иларион), это было время сильной полонизации духовенства в Галиции и для нужд греко-католического духовенства был и напечатан этот словарь [45: 260]..

В «предсловіе» И. Левицкий написал (орфография автора сохранена. – С.С.), что «Язык славенскій, знаходящійся в книгахъ церковныхъ, с которымъ сходые суть языки: Россійскій (Московскій, Русскій), Иллирійскій (Сербскій, Българскій, Боснацкій, Далматиньскій, славонскій), Кроацкій, Винскій или Краинскій, Лўсацкій (лужицкий. – С.С.) (нишшей и вышшей Лўсацїи), Ческій (Моравскій), Словацкій, Польскій (Шлонзацкій), имѣеть много словъ, которыя неимѣющїа жаднаго сходства с діалектомъ оупотребляемымъ теперь въ сихъ сторонахъ, днешнымъ Галичанамъ принадлежашымъ Церкви восточнѣй, до сразумѣнїа суть трудныя». Причину «сего смѣтнаго

явленія в нашѣмъ просвѣщенномъ вѣцѣ» И. Левицкий видел в презирании собственного языка и отдании предпочтении чужестранным языкам. «Но извергъ естества есть, стыдящійся языка Дѣдовъ своихъ!». Он считал, что, кроме того, недостаточно действующих школ, в которых «младенчеству русскому (в оригинале – русскому. – С.С.) можно правильно преподавать язык русский (в оригинале – русскій. – С.С.) и объяснять некоторые слова, которые будь то иной в простой беседе имеют смысл, на примере» [19: 1].

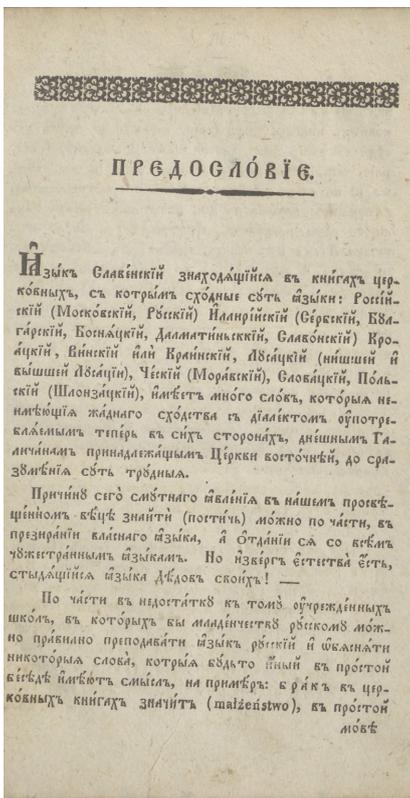
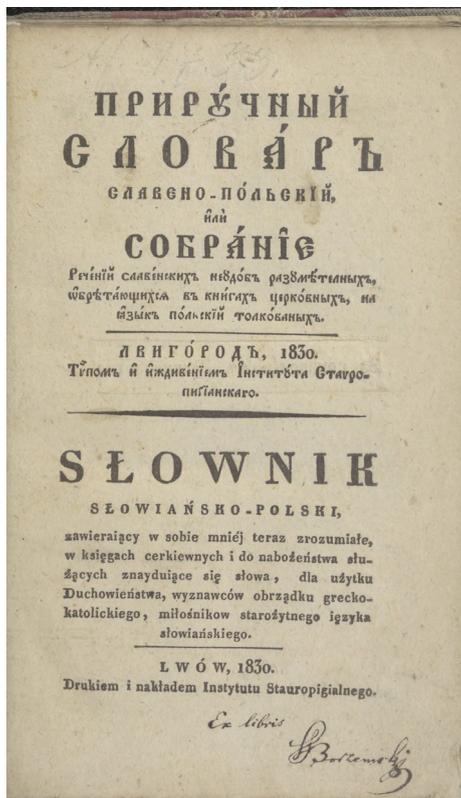

[Левицкий І.] Шилььера: Борьба со смокомъ (Романчикъ) и Порѹка (Баллада) [27]

Он пишет о вышедших ранее собраниях «труднейших слов славянских»: «Лексиконе славеноросском и имён толкование» (1627) Памво Берынды, «Лексиконе треязычном, сиречь речений славенских, еллино-греческих и латинских сокровище» (1704) Фёдора Поликарпова, «Лексиконе, сиречь словеснике славенском, имеющ в себе словеса перее славенския азбучныя, по сем же польския» (1722) монастыря общежительного Супрасльского [19: II–III].

В заключении приводит стихотворение Ф. Поликарпова из «Лексикона треязычного»:

Зрите вы семоу иже порицати
Любите чуждых труды и вешати:
Могли бы и мы тожде сотворити,
И лучшу сея книгу сочинити.

[Левицкій І.] Прирѣчный словарь славяно-польскій, или собраніе Реченій славенскихъ неудобъ разумьтальныхъ, вбрѣтающихся в книгахъ церковныхъ, на языкъ польскій толкованныхъ [19]

Аще мощно вам, по что нетвористе?
Не бых труд подял ащев в деле бысте.
Но всяк своих дел в корысть бе строитель,
Что знал то издал, а сих не любитель.
Лучше ли веси? Где худо приправи,
Аще же ни сих, оум свой в сих направи.

В конце предисловия стоит дата: «Перемышль, в день святого Апостола Андрея первозванного, 30 ноембрия, 1828 года. ... йй» [19: V].

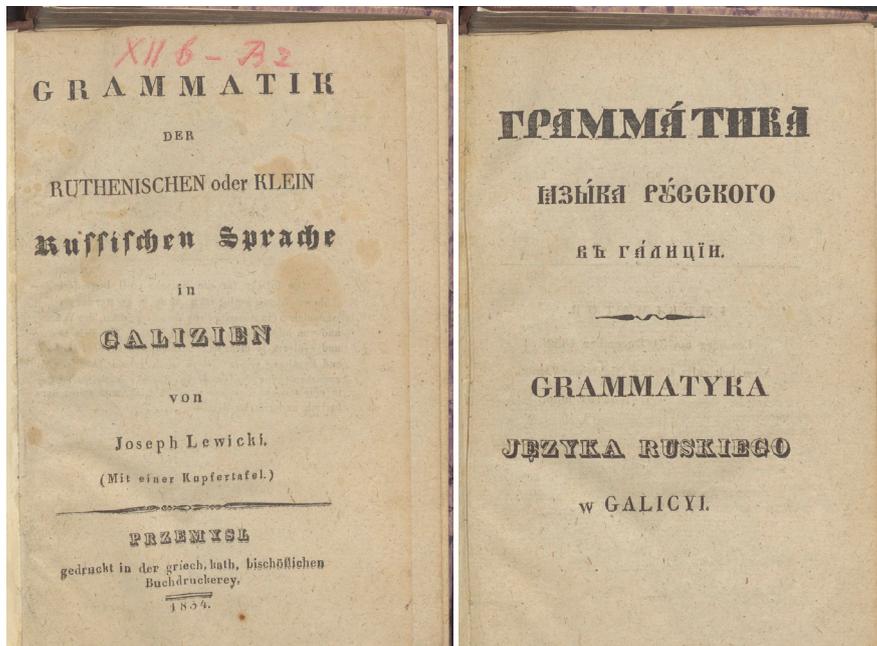
В 1834 г. И. Левицкий издал в Перемышле за свой счёт первую в Галичине грамматику русского (русинского) языка на немецком языке: «Grammatic der ruthenischen oder klein russischen Sprache in Galizien» («Грамматика языка русского в Галиции») [20]. Речь идёт о языке местного русинского населения и его литературном варианте – галицко-русском (южнорусском) языке: смеси народного языка со церковнославянским и с использованием русского литературного языка (т. н. язычи, в интерпретации украинофилов. – С.С.). Грамматика была составлена на основе изданной в России новой теоретико-практической русской грамматики для немцев (*Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche*) А.В. Таппе (A.W. Tappe), вышедшей в Санкт-Петербурге в 1810 г. и выдержавшей семь переизданий. Также в разделе о стихосложении он использует грамматику М. Бутковского (Грамматика російскаго языка въ пользу польскаго юношества въ Волинской гимназїи = *Gramatyka języka rosyjskiego dla użytku młodzieży polskiej w Gymnazyum Wołyńskiem. Poczajów, 1809*), рукописную грамматику И. Могильницкого, рукопись грамматики И. Лавровского [40: 127–129].

Он ввёл в своей грамматике большое количество слов из русского литературного языка. Вся её терминология и стиль были заимствованы из грамматики Таппе и других российских источников [40: 130].

В целом грамматика носила новаторский характер, в ней были показаны языковые примеры, взятые из оперы «Владимир, князь Новгородский», «Энеиды» И. Котляревского, из средневековых, в т. ч. и религиозных, текстов, приведены галицкие пословицы, загадки, название месяцев, дней недели, имена на русинском языке [20]. Эта грамматика позже легла в основу двух его изданий на русинском языке учебника грамматики для народных школ¹.

По свидетельству И. Лозинского, приведённому в автобиографических записках, И. Левицкий дал ему, «свою реченную рукопись перечитати, въ которой я ему мои примѣчанія подписалъ и которыми онъ и воспользовался» [11: 116].

В год выхода грамматики И. Левицкого назначили парохом (приходским священником) в село Шкло Яворовского уезда (ныне посёлок

[Левицкий I.] Grammatik der ruthenischen oder Klein russischen Sprache in Galizien von Joseph Lewicki (mit einer Kupfertafel) = Грамматика языка русского въ Галиціи = Grammatyka jezyka russkiego w Galicyi [20]

городского типа в Новояворовской городской общине Яворовского района Львовской области Украины) [10: 23].

И. Левицкий был знаком с «Опытom российской библиографии...» В.С. Сопикова и со «Словарём историческим о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви» (СПб., 1818. Ч. 1–2; СПб., 1827. Ч. 1–2, 2-е изд., испр. и доп.) митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова), ссылается на них в своей «Грамматике». Помещая в ней список старинных церковнославянских книг, «до сего дня употребляемых в церкви», И. Левицкий указал, что, если кто желает познакомиться с ними подробнее, пусть читает I том «Опыт русской библиографии» Сопикова. И. Франко, изучая литературное наследие И. Левицкого, обнаружил в его архиве, хранившимся в библиотеке «Народного дома» во Львове, тетрадь с выписками из второго тома библиографии В. Сопикова, посвящённого книгам гражданской печати, а также из «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви» Е. Болховитинова [17: 102].

В предисловии на немецком языке И. Левицкий даёт краткую историческую справку о русинском населении Карпат: в Восточной части Карпат и равнинах между реками Сан, Вегор (Вяр, Вигор), Буг, Бог (Южный Буг), Днепр, Припеч (Припять) проживает славянское племя, которое на своём родном русинском языке называет страну Русью, племя, чьи предки создали великую империю, основанную Владимиром Великим, которая после смерти этого великого и святого человека была разделена между русскими князьями [20: I].

После смерти Болеслава Тройденовича, последнего галицкого князя, Казимир Великий, король Польши, присоединил в 1340 г. Галицию и Лодомерию (Владимир) к польской короне. В 1772 г. при первом разделе Польши эти земли отошли к Австрии [20: II].

В Галиции русинский язык (диалект) распространён во всех округах: Санокском округе (kreise) его носителями были 91 848 чел., во всем Перемышльском округе 160 860 чел., в Жолкевском округе 165 440 чел., во всём Самборском округе 224 626 чел. В Лембергском (Львовском) на нём говорило 73 559 чел., в Станиславском – 165 282, Стрыйском – 167 669 (бойки), Бережанском – 143 288, Злочевском – 147 413, Тарнопольском – 137 968, Чертковском – 108 594, Коломыйском (гуцулы) – 155 862, Буковинском – 100 271 чел. В целом – 2 млн чел. Кроме того, в Ясленском и Сандецком округах в горных районах 121 939 жителей (лемки) говорили на этом диалекте (имеется в виду на русинском. – С.С.) «с небольшими изменениями в тонах и окончаниях, и некоторые выражения приближаются к словацкому». В Решовском округе, который и по сей день ещё не полностью ополячен, насчитывается 10 000 русинов, «которые, кроме церковного языка, мало что сохранили из своих наречий» [20: IV–V].

Некоторые исследователи считают, что при перечислении этнографических групп русинов (лемки, бойки, гуцулы) И. Левицким впервые в историографии упомянут этноним «лемки» [16: 24].

Русинский диалект (Russinische Dialekt), по мнению И. Левицкого, простирался от Жолкевского округа далее в смешанный русско-польский (russisch-polnische) регион, в район Замостья и Холма, где жители имели своего епископа и образовывали особые епархии. В России этот диалект распространяется на Подолье, Воынь, Киев и Украину, где на нем и по сей день говорят более 5 млн коренных жителей [20: VII–VIII]. Сюда же относятся и жители Венгрии, около 500 тыс. чел., которые говорят на русинском диалекте и называют себя русинами, а венгры именуют их Orosz-emberek (Russi homines). Всего на русинском диалекте говорит более 8 млн чел. [20: IX].

Литература этой нации (племени), как указывает автор, относится к X–XV вв. и с литературой великороссов одинакова (mit der Literatur

der Hochrussen, die nährliche) [20: X]. В дополнении автор приводит ряд примеров из разных произведений на этом диалекте, чтобы показать, как трудно перейти от славянской школы к русинскому диалекту (имеется в виду народному языку (Volhssprache)), даёт «подробную картину русинского (russinischen (ruthenischen)) наречия» [20: XXI].

И. Левицкий считал, что на немецком языке надо писать Russinische Sprache (Russinischer Dialekt), Russine, Russinen (русинский язык (русинский диалект), русин, русины), потому что русин, русины (у автора с двумя «с». – С.С.) называют себя жители Галиции и Лодомерии. Слово сокращено от руссианин (rússĭанинь), во множественном числе: руссиане [20: XXI].

Раскритиковал автор и «никоим образом необоснованное» употребление некоторыми писателями в качестве название русинского населения Галиции этнонима руснак (русняк) (Russnak oder Russiak (Russnaken)) (у автора с двумя «с». – С.С.). Русинское население Галиции существовало раньше, чем его начали переименовывать данные писатели [20: XXII].

Он упомянул, что руснаками (русняками) жителей Галиции не называли немецкие учёные, да польские исследователи до настоящего времени употребляют выражения: «Rusin, Rusini, Język ruski, Ziemia Ruska, Rus» [20: XXIII–XXIV].

Рукопись грамматики (две части «Versuch einer Grammatik der russischen (ruthenischen) oder kleinrussischen Sprache in Galizien» (Русский (русинский) или малороссийский язык в Галиции) и «Nachtrag» (Дополнение) были готовы в 1831 г. [42: 17]. Эти две рукописи читал в качестве цензора В. Копитар и сделал в них свои заметки на немецком языке и латыни.

Говоря о терминологии, И. Левицкий советует и употребляет названия русин, Русь, русский, Russine, russinisch, Ruthenier, ruthenisch, kleinrussisch, а этноним руснак (русняк), как и Иоанн Могильницкий (1778–1831), считал оскорбительным. В. Копитар в своих заметках приводит названия Russin, russinisch, а о латинском названии Ruthenus пишет, что это педантерия (глупое развращённое учение). Это слово у Юлия Цезаря означало некий италийский народ, и на будущее советует в немецком языке писать russisch в значении российский и geussisch – русинский (русский). В. Копитар также считал, что на термин руснак нечего обижаться. Он, по подобию слова босняк, придуман венгерскими авторами [42: 17].

В. Копитар советовал относительно шляхты: «Не объявляй войны: напрасно без силы гнев!»; про иезуитов: «Теперь Вы хотите критиковать иезуитов! Они не заботились ни о польском языке, ни о венгерском. Это усилие совершенно новое и лютеранское!»; про поляков:

«Что толку оскорблять мёртвого льва? Если поляки любят поляков, зачем удивляться? Не так ли?» [42: 18].

Также были высказаны цензором критические замечания по самой грамматике, в которой И. Левицкий пытался соединить правила церковнославянского, русского и русинского языков. В. Копитар советовал «забыть» церковнославянский язык и сделать грамматику понятной народу, на основе его говора [42: 23].

Как понимаем, в те годы создать чисто русинскую грамматику было невозможно из-за отсутствия у русинов литературного языка и наличия множества диалектов. В свою очередь, грамматика И. Левицкого сыграла свою роль в обучении детей русской (русинской) грамоте.

Говоря об этом времени, Я.Ф. Головацкий писал, что с запрещением «Русалки Днестровой» (1837) австрийское правительство снова уничтожило усилия галичан воссоздать русскую словесность. «Тем не менее народная жизнь проявлялась, но лишь одиночными литературными произведениями. Иосиф Левицкий переводил разные баллады Гёте и Шиллера и печатал их в Перемышле (1838–1844); Илькевич издавал свои «Галицкие народные пословицы и загадки» (Вена, 1841). Появилось несколько грамматик: Левицкого (Перемышль. 1836 (1834. – С.С.) – на немецком и 1845 – на русском языке), Вагилевича (Львов, 1845) и Иосифа Лозинского (Перемышль 1841). Издано было несколько сборников народных песен: Вацлава Залеского (1833), Жеготы Паули (1839–1840) и Лозинского (1835)» [8: 202].

В 1834 г. во львовском еженедельнике «Rozmaitości» (19 июля. Ч. 29) выходит публикация И. Лозинского «O wprowadzeniu abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego» (О введении польской азбуки в русинскую письменность), в которой он предложил ввести вместо «не соответствующей фонетической системе» русинского языка «мёртвой» кириллицы польский алфавит. Абецадло, на его взгляд, было более рациональным и приспособленным к повседневному использованию. Для наглядности он в 1835 г. издал свою этнографическую работу «Ruskoje wesile» (Русинская свадьба), напечатанную латинскими буквами. Это положило начало первому этапу «азбучной войны» в Галиции. «Rozmaitości» издавалась как приложение к правительственной «Gazety Lwowskiej», был органом «для средней интеллигенции в Галичине», имел много читателей среди «руської» интеллигенции, особенно среди духовенства [54: 571].

Одним из первых с критикой идеи Лозинского выступил И. Левицкий со своей статьёй «Odpowiedź na zdanie o zaprowadzeniu abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego» [61] (Ответ на предложение о введении польского алфавита в русинскую письменность), отпечатанной в типографии перемышльского епископа, приложенной к

тем же «Rozmaitości» (1834, 7 декабря. Ч. 52) и подписанной «Szkło dnia 1go Października 1834. X. Jozef Lewicki» [61] (1 октября 1834 г.). Как вспоминал Я.Ф. Головацкий, «Лозинский предложил было замену русского алфавита латинским, но эта мысль, поддерживаемая поляками, была победоносно опровергнута статьями Левицкого и Шашкевича, что побудило самого Лозинского отказаться от своего проекта в пользу кириллицы» [8: 202]. Он же упомянул, что «все передовые люди восстали против затеи Залеского и вознегодовали на Лозинского. Зубрицкий написал возражение, но оно осталось в рукописи; тогдашний капеллан Перемышльского епископа Снегурского Иосиф Левицкий (автор «Галицко-русской грамматики») написал на польском языке резкую статью против проекта Лозинского в защиту кириллицы. Епископ Иоанн Снегурский наградил автора и приказал его статью напечатать в епископской типографии, а редактор официальной львовской газеты и экстраординарный профессор польского языка и литературы Михалевич (русин), по благоволению к своим единоверцам, прибавил оттиски» [7: 240].

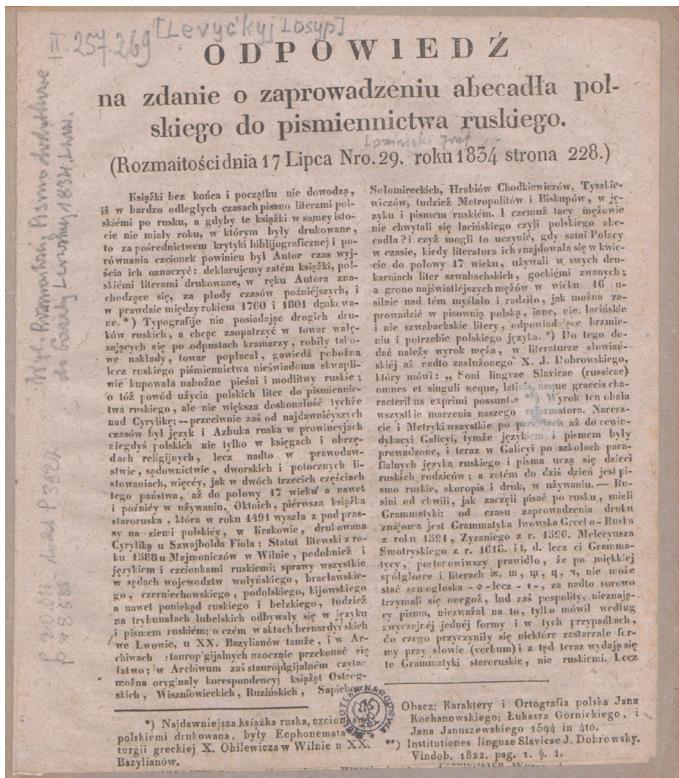
В своей статье И. Левицкий (её перевёл в своё время И. Франко [54]) пишет, что вышедшие в «древние времена» книги, написанные польскими буквами на русском языке, на которые указывает И. Лозинский, на самом деле – плоды более поздних времён и изданы они между 1760 и 1801 гг. Он отметил, что если в этих книгах не был указан год издания, то при помощи библиографической критики и сравнения букв автор должен был его обозначить. Однако с древнейших времён русский язык и русская азбука в бывших польских провинциях употреблялись не только в книгах и религиозных обрядах, но также в законодательстве, судопроизводстве, дворцовой и частной корреспонденции, в более чем двух третях того государства вплоть до половины XVII в. и даже позже. Первая древнерусская книга вышла на польской территории в Кракове в 1491 г. Все дела в судах воеводств Волынского, Брацлавского, Черниговского, Подольского, Киевского, иногда Русского и Белзского, а также на трибуналах в Люблине велись на русском языке и русским письмом (в оригинале: *w języku i piśmie ruskiem.* – С.С.), о чем легко наглядно убедиться из актов в бернардинском архиве во Львове, у отцов василиан и в ставропигийском архиве. В том же архиве можно читать оригиналы корреспонденции князей Острожских, Вишневецких, Ружинских, Сапегов, Соломерецких, графов Ходкевичей, Тишкевичей, а также митрополитов и епископов на русском языке и русском письме (в оригинале: *w języku i piśmie ruskiem.* – С.С.).

Но приняв даже мнение И. Лозинского (что русины до XIX в. не имели грамматики), из этого не следует, что русский (русинский) язык не

способен к литературе из-за нехватки грамматики, ни то, что русинов надо оторвать от их кириллического алфавита. Далее И. Левицкий пишет, что сравнение И. Лозинским кириллицы с латиницей очень пристрастно и подробно его анализирует.

В заключении автор отмечает: «...если бы на нашем языке мы стали писать польскими буквами, то смогут ли два миллиона галицких русинов сохранить свою литературу? Отсюда какая польза поделить русскую литературу на более мелкие осколки» (в оригинале: O toż to korzyści, literaturę ruską jeszcze lepiej podruzgolać na drobne ułamki. – С.С.). «По этим причинам мы, русины, должны и дальше писать так, как писали наши прадеды» [54: 571–578].

Сравнив статью И. Левицкого с неопубликованной рукописью Д. Зубрицкого, М. Возняк сделал вывод, что И. Левицкий свой ответ составил из ответа Зубрицкого. Проанализировав два материала, он указывает, в частности, что у И. Левицкого отсутствует длинное вступление, при

Lewicki J. Odpowiedź na zdanie o zaprowadzeniu abecadła polskiego do pismniennictwa ruskiego [61]

перечислении источников добавляет свой источник, делая выписки из него, в первом пункте он только сократил выводы Зубрицкого, во втором пункте повторил, в третьем также привёл его выводы и т. д. М. Возняк считал, что это плагиат статьи Зубрицкого, хотя признал, что это слово в данном случае не подходящее. И. Левицкий пользовался статьёй Д. Зубрицкого при его жизни и, когда был напечатан материал И. Левицкого, Д. Зубрицкий не высказался против него в прессе [5: 125–127]. Появление же нескольких вариантов (была ещё копия за подписью Н. Кмицикевича [5: 128]) ответа Д. Зубрицкого можно объяснить тем, что, до выхода печатного ответа И. Лозинскому, Д. Зубрицкий счёл необходимым реагировать против проекта введения латиницы в русинскую письменность более грамотным путём, в первую очередь рассчитывая на богословов и духовенство [5: 128].

В течение десяти лет, с 1834 по 1844 г., И. Левицкий прослужил священником в с. Шкло [47: ССЛ]. Здесь он организовал работу приходской школы, в которой обучалось более 100 детей. Для них он подготовил и издал за свой счёт «Молитвословъ, для выгоды парафіанъ школьскихъ» (1840). По его свидетельству, в пользовании у сельских детей было до 200 экземпляров этой книги (1841) [46: 112].

В это время И. Левицкий стал собирать местный фольклор. Ю.А. Яворскому с помощью библиотекаря «Народного дома» Ф.И. Свистуна удалось найти среди бумаг «небезызвестного в своё время литератора, автора первой галицко-русской грамматики» Иосифа Левицкого, хранившихся в библиотеке «Народного дома» во Львове рукопись из 27 листов. В ней И. Левицкий описал несколько колядок и щедровок, а также «ряд его “оуваг” об рождественских обычаях и обрядах». Сборник составлен в 1833–1837 гг., как это указано в самой рукописи. Некоторые из записей И. Левицкого были изданы Я.Ф. Головацким во второй части его «Народных песен Галицкой и Угорской Руси» (М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1878. Ч. 1–3). Дополнительно в сборнике были помещены ещё пять щедровок из Шкло и Улазова, записанных, вероятно, тоже И. Левицким [56: 4–5].

Ю.А. Яворский в «Научно-литературном сборнике Галицко-русской Матицы» (Т. 2, кн. 1) за 1902 г. опубликовал статью «Из этнографической тетрадки 1830-х годов. Колядки и щедровки в записях Иосифа Левицкого из Шкла», где вкратце разобрал состояние этнографических изучений в Галичине в 1830–1840-х гг., отметив, что «этнографическая литература Галицкой Руси 30-х и 40-х была крайне скудна и бледна. До появления “Русалки Днестровой” в 1837 г. она имела только две тощие публикации: издание Вацлава Залеского (z Oleska) “Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego” (1833 г.), в котором были помещены 574 русские народные песни, и “Ruskoje Wesile” Иосифа

Лозинского (1835 г.), содержащее описание свадебных обрядов и обычаев в Яворовском уезде» [56: 3–4].

Весь остальной материал сборника И. Левицкого, помимо части, опубликованной Я. Головацким, по мнению Ю.А. Яворского, представлял интерес не только по своему содержанию, но и являлся одним «из первых опытов этнографического изучения галицко-русской народной словесности». Он его воспроизвёл полностью «с сохранением правописания подлинника, позволяя себе только некоторые изменения интерпункции, которая в рукописи весьма спутана» [48: 82–83].

В 1839 г. И. Левицкий перевёл на галицкое наречие фрагмент «Слова о полку Игореве» от начала до фразы «ищучи себе чти, а князю – славъ». Перевод был сделан 4-стопным ямбом, разбит на две главы и опубликован И. Франко в 1896 г. [3: 136]. Рукопись перевода в двух списках находилась в библиотеке «Народного дома» во Львове. В кратком предисловии И. Франко написал: «Перевод неудачный, язык смешанный, хотя имеет кое-где интересные чисто народные обороты и формы» [55: 9].

В 1843 г. Левицкий опубликовал в варшавском русско-польском журнале «Денница» статью «Доля галицко-русского языка», в которой дал библиографический обзор галицкого книгопечатания за 70 лет австрийского правления в Галичине. В статье рассмотрен не столько вопрос культуры языка, сколько языковая ситуация в Галиции, даётся история галицко-русского возрождения с 90-х гг. XVIII в. до 40-х г. XIX в. [29].

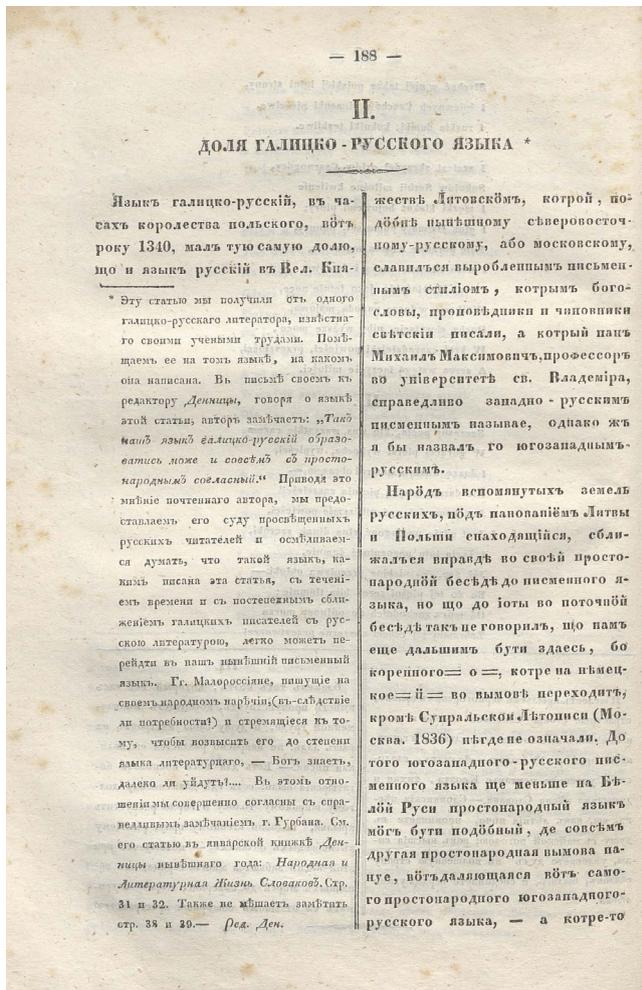
Статья привлекла внимание австрийской цензуры и властных структур в Галиции, которые расценили её как выпад против Австрии и свидетельство приверженности её автора к «российщине» [46: 116].

В 1844 г. статья была напечатана в сокращённом варианте на немецком языке «Das Schicksal der galizisch-russischen Sprache und Literatur (Beschluss)» вместо автора указано, что материал взят из «Денницы» («Jutrzenki»): «Nach Dubrowskis Jutrzenka, 1843» [58] и «Russinische Literatur in Gallizie» за подписью * * їй [63] в трёх выпусках научно-библиографического журнала «Jahrbuch für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft» (Ежегодник славянской литературы, искусства и науки), основанного в Лейпциге Яном Петром Йорданом, германским филологом-славяноведом, по происхождению сербомлужичанином.

В предисловии к статье редакция «Денницы» написала: «Эту статью мы получили от одного галицко-русского литератора, известного своими учёными трудами. Помещаем её на том языке, на каком она написана. В письме своём к редактору «Денницы» говоря о языке этой статьи, автор замечает (орфография автора сохранена. – С.С.):

«Такъ нашъ языкъ галицко-русскій образоватись може и совсѣмъ съ простонароднымъ согласный». Приводя это мнение почтенного автора, мы предоставляемъ его суду просвѣщенныхъ русскихъ читателей и осмеливаемся думать, что такой языкъ, какимъ писана эта статья с течениемъ времени и с постепеннымъ сближениемъ галицкихъ писателей с русскою литературою, легко можетъ перейти в нашъ нынешний письменный языкъ» [29: 188].

Самъ авторъ в письмѣ в редакцію, «когда оканчивалось печатание этой статьи», пояснилъ использование галицкого наречія: «Я старался

[Левицкий И.] Доля галицко-русского языка [29]

такъ писать, какъ у насъ въ Галиціи могутъ понимать, но строго нужно беречь мое правописаніе. Положеніемъ моимъ есть, чтобы мало-русскій языкъ со сѣверо-восточнымъ во правописаніи сходился, хотя во произношеніи разнятся, то не мѣшаетъ мысли; а кто хочеть и произносить по мало- или великорусски, очень скоро и легко въ томъ успѣтъ» [29: 45].

В начале статьи И. Левицкий пишет (орфография автора сохранена. – С.С.): «Языкъ галицко-русскій, въ часахъ королевства польского, вѣтъ року 1340, малъ тую самую долю, що и языкъ русскій въ Вел. Княжествѣ Литѣвскомъ, котрой подѣбнѣ нынѣшному сѣверовосточному-русскому, або московскому, славилься выробленнымъ письменнымъ стиліомъ, котрымъ богословы, проповѣдники и чиновники свѣтскіе писали, а котрый панъ Михаилъ Максимовичъ, профессоръ во університетѣ св. Владеміра, справедливо западно-русскимъ писменнымъ называе, однако жъ я бы назвалъ го югозападнымъ-русскимъ». Далее он отметил, что «нарѣдъ вспомнанныхъ земель русскихъ подѣ панованіемъ Литвы и Польши снаходящійся, сближался вправдѣ во своѣй простонародной бесѣдѣ до писменного языка» [29: 188].

В то же время на Белой Руси, какъ пишетъ автор, простонародное наречіе не было письменнымъ, хотя некоторые называютъ письменный юго-западный русскій языкъ белорусскимъ, в книгахъ той поры мы не находимъ «свойствъ нынѣшняго бѣло-русского простонародного языка». Ещё смешнее, по мнѣнію И. Левицкого, выглядитъ название юго-западного русского языка «польско-русскій языкъ», данное многими писателями, «зъ причины, же много слѣвъ польскихъ во таковыхъ книгахъ снаходится». Такимъ образомъ, шутитъ автор, и северо-восточный русскій, или российский, можно назвать немецко-русскимъ, т. к. в нёмъ находится много немецкихъ словъ, «но того ще никто не гадаль сотворити». «Языкъ бо западно- и южно-русскій есть такъ давнымъ, якъ и нарѣдъ русскій, нимъ говорящій, тому во тихъ сторонахъ западной и южной Руси кореннымъ, и жаднымъ правомъ зъ польского непоходящимъ, бо суть слова русскіи, що на польскій переробитись не дадутъ и противнѣ» (орфография автора сохранена. – С.С.) [29: 188–189].

Далее авторъ рассказалъ о характере северо-восточного и юго-западного русского языка, истории русского «письменного языка»: во времена Петра Великого на юго-западномъ русскомъ языке уже мало кто писалъ, сталъ развиваться северо-восточный русскій письменный языкъ. Грамматику северо-восточного языка создалъ Ломоносовъ, в тоже время юго-западный языкъ никогда не имелъ грамматики, кроме церковно-русской. Во время правления Екатерины II письменный юго-западный русскій языкъ «преглушенъ булъ языкомъ сѣверовосточнымъ-русскимъ, почастіи и польскимъ» [29: 190].

Остался юго-западный русский язык в нынешней Галиции и в Венгрии около Мункача, Унга и Прешова «во власти двуглавого австрийского ворла» Император Иосифе II «повелѣлъ всюды вчити по-русски, особливѣ науки релігій». Император «велѣлъ во Львовѣ науки філософії і и богословія языкомъ русскимъ выкладати», для чего были переведены ряд книг «съ латинскаго на російскій языкъ» П. Лодием в 1790 г. Всё это делалось во время епископа львовского Петра Беланского с 1780 до 1798 г. Следующий же епископ Николай Скородинский «о русскѣмъ языкѣ не журился», предпочитая польский язык. В 1808 г. перестали преподавать на русском языке философию и богословие во львовском университете [29: 190–192].

При владыке Михаиле Левицкомъ возшла «заря для русского языка въ Галиціи, котрый, межи вченными русинами галицкими, польскій языкъ совсѣмъ заступилъ» [29: 192]. Далее И. Левицкий перечисляет работы И. Могильницкого, свои труды, И. Лавровского, Р. Меха, Г. Илькевича, М. Малиновского, А. Добрянского, И. Кобрынского, И. Лозинского, Г. Пославского и др. [29: 192–194; 39–44]. Завершает статью автор следующими словами: «Пань Погодинь по своѣмъ Москвитянинѣ, зъ року 1841, N, 6, стр. 525, замѣтъль: «Галиція заселена нашими соотечественниками, Русскими, подѣ владѣніемъ польскихъ и нѣмецкихъ помѣщиковѣ. Не любопытно ли знать, какія средства она имѣеть для образованія?!» Желанію тому дасть Пань Бѣгъ послѣ постараеться задосить вчинити» (орфография автора сохранена. – С.С.) [29: 45].

В «Listy tyczące się piśmiennictwa ruskjego w Galicyi, staraniem Ks. Jozefa Lewickiego ze Szkła wydawane, w Przemyślu, w drukarni biskupiej obr. gr. kat. 1843» (Письма о русинской литературе в Галиции, благодаря усилиям о. Иосифа Левицкого из Шкло изданные, в Перемышле, в епископской типографии, обр. гр. кат. 1843 г.) автор обратился к нормам русского языка [62]. Вышло только первое из двух писем – «List I Maja 1841». В письме, посвященном «Русалке Днестровой», И. Левицкий критикует правописание альманаха, утверждая, что «первое, что бросается в глаза русским своей дикостью, – это орфография» (Najpierwsze co wpada i razi oko ruskie swa dzikością, jest pisownia) [62: 4]. Автор не стал указывать имена авторов, упомянув только их псевдонимы: Dalibor, Rustan i Jarostaw [62: 3]. Он поблагодарил правительство за то, что оно запретило распространять в Галиции «Русалку Днестрову» «w tej formie, w jakiej z rąk triumwiratu wyszła» (в той форме, в которой она вышла из рук триумvirата) [40: 266–267].

В 1843 г. было готово и второе «письмо» по случаю появления пастьерского послания митрополита Михаила Левицкого с заявлением, что он и капитул твердо будет стоять за унию и воззванием к пастве последовать их примеру и папского послания на него с кратким

объяснением митрополита. Митрополичье послание вызвано переходом части холмских униатов в православие. Оба послания были написаны на латыни, а затем по инициативе митрополита переведены на польский и на юго-западный русский (русинский) язык [49: 205].

Касаясь переводов этих текстов на русинский, И. Левицкий отметил, что переводчик использовал «старые или полумёртвые формы», которые когда-то использовались русинами. Переводчик вводит на галицко-русский язык различные формы несоответствующие этому языку, хотя они и присутствуют в других славянских языках или литературе сегодня, но нет нужды протягивать их в галицко-русский язык. И. Левицкий написал, что, богатство славянского языка умножается с каждым днём, особенно в случае малороссийского, то есть юго-западного языка русского, на котором говорят 13 миллионов человек и северо-восточного русского (московского) – из всех ныне живущих славянских языков он занимает первое место по численности (*małoruskiego czyli południowo-zachodniego języka ruskiego, którym 13 millionów mówi i po północno-wschodnim języku ruskim (moskiewskim) z pomiędzy wszystkich słowiańskich teraz żyjących języków co do ilości pierwsze zajmuje miejsce*). Говоря о народном языке, И. Левицкий подчеркнул: народный язык не подчиняется предрасположенности некоторых людей, он развивается и живёт народным путём, в разговорной речи и в песнях, и постепенно приходит в научную литературу [49: 206–207].

Примерно в то же время И. Левицкий задумал выпускать журнал «Бібліотека Бесѣдь Духовныхъ». Планируемое издание должно быть посвящено гомилетике (учению о христианском церковном поведении) и катехизису (краткому изложению христианского вероучения в форме вопросов и ответов). В нём публиковались бы оригинальные и переводные произведения, рецензии. И. Левицкий допускал использование в журнале всех галицких диалектов, считал, что каждый священник мог составить себе понятие о диалекте местности, где служил. Пробный номер необходимо было выслать перед печатанием в митрополичью консисторию для проверки, там он и пропал. До этого все остальные инстанции – администрация Галиции, куда просьбу он подал в конце 1842 г., оба венских цензора (отзывы Ф. Миклошича от 1 мая 1843 г. и теологического цензора Шейнера (Scheiner) от 25 мая 1845 г.) и перемышльский епископ И. Снегурский – готовы были разрешить издание журнала. Причём д-р Шейнер, просмотрев рукопись пробного номера, написал, что с теологической стороны вопросов к изданию нет, наоборот, журнал заслуживает признания [29: 44; 49: 242–251].

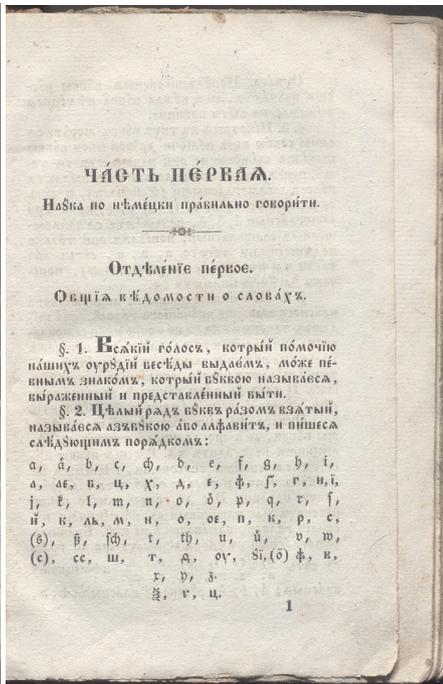
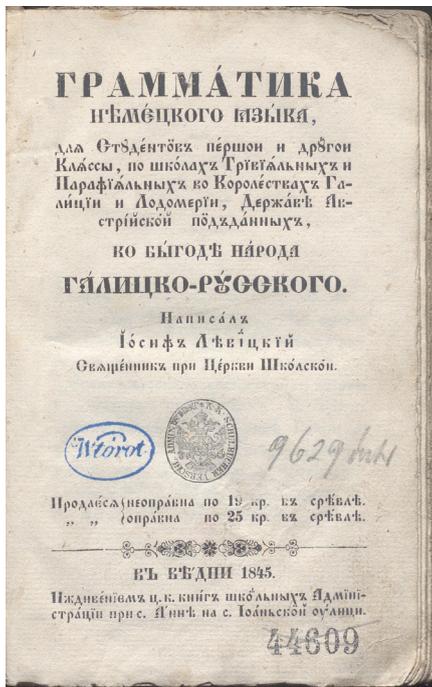
Лишившись расположения львовской консистории, И. Левицкий попытался издать новый тираж молитвослова («Молитвословъ, для выгоды парафіанъ школьскихъ»). Он остался верен идее, которую хотел осуществить в журнале: употреблять в письмах к народу духовного содержания диалект данной местности и поэтому для объяснения некоторых молитв применил диалектные слова своего прихода – села Шкло. Из-за этого против молитвослова выступили член львовской консистории и цензор Венедикт Левицкий. Венские же цензоры (отзыв Ф. Миклошича от 11 ноября 1845 г. и теологического цензора Шейнера от 4 марта 1846 г.) не нашли в нём ничего крамольного. Они указали только на формальные промахи, которые требовали переработки рукописи. Но из-за сложных отношений с митрополитом галицким М. Левицким молитвослов так и не вышел в свет [46: 116; 49: 258–264].

В введении к своей «Грамматике немецкого языка» (1845) И. Левицкий написал (орфография автора сохранена. – С.С.): «Кождыч человекъ говоритъ своимъ материнскимъ ѳзыкомъ борше, нежели нимъ пише, а если нимъ добре писати хочемо, потреба перше досконале наѳчитиса нимъ говорити; того порадкѳ тримаеся справедливо и Грамматика; она оучить перше правильно говорити, а потомъ правильно писати». Для этих целей грамматика делится на две главные части: «I. На наѳкѳ по нѳмецки правильно говорити. II. На наѳкѳ по нѳмецки правильно писати» [31: IV]. Работа состоит из введения, двух частей: *наука по немецки правильно говорити* (три отделения (общие ведомости о словах; о словах, яко частех мовы и их переменнах (одиннадцать глав); складание або вязание и оуживание слов во положениях (три главы)) и *руководство ко немецкому правописанию, або орфография немецкая* (семь глав), и двух «придатков» [31: 229–232]. В начале книги в обращении к читателям (оувага) автор пишет, что некоторые буквы неправильно проставлены, поэтому требуется «домыслитись», какая буква должна стоять. Кроме того, не везде «по вымовѳ галицко-русской справленна», так что в других местах грамматики надо посмотреть, как слово «вымовлати надлежить» [31: I].

Также вышла его «Азбука русская для наименьших детей починающих ходити до школы» (1843, 1849) [28; 33].

В 1839 г. он пытался вести в своём приходе метрические книги на русинском наречии, однако несмотря на поддержку епископа Иоанна Снегурского, власти это запретили [46: 113].

После этого случая за И. Левицким закрепилась репутация политически неблагонадёжного. 10 октября 1844 г. житель села Шкло Г. Олешкевич обвинил И. Левицкого во враждебных намерениях по отношению к австрийскому правительству и вообще к всякой власти,

[Левицкий I.] Грамматика немецкого языка для Студентѣвъ першой и дрѣгой Классы, по школахъ Трѣвіальныхъ и Парафіальныхъ во Королевствахъ Галиціи и Лодомеріи, Державѣ Австрийской пѣдданныхъ, ко выгодѣ народа галицко-русского. Написалъ Юсефъ Лвѣцкій, священникъ при Церкви Школской [31]

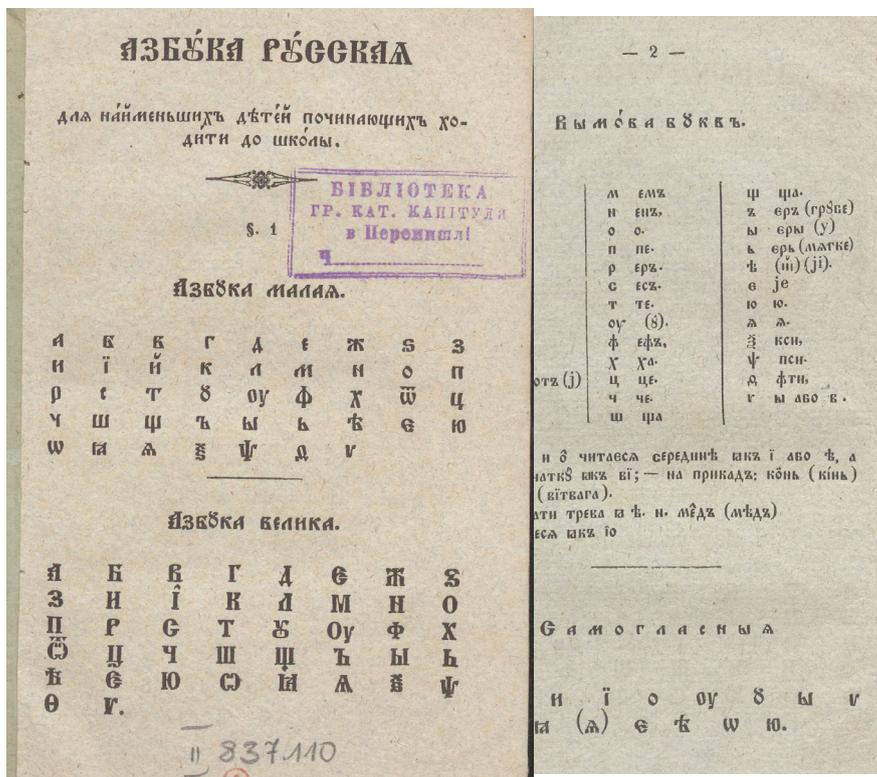
попытке подготовить и подстрекнуть крестьян к политическим действиям в пользу российского правительства и церкви, с которыми он якобы был тайно связан. Окружной староста, сообщая о доносе губернским властям, отметил, что И. Левицкий действительно любит всё российское, несколько лет пытался вести метрические книги на русинском языке, разделяет идеи панславинизма, вмешивается во все общественные дела и в споры некоторых подданных.

Староста предложил провести ревизию его книг, а самого священника, из-за большого влияния на крестьян, перевести на другой приход. Вероятно, донос повлиял на последующий перевод И. Левицкого на новый приход – в этом же году его перевели служить в с. Грушево недалеко от Дрогобыча [46: 114–115].

На новом месте И. Левицкий прослужил священником с 1844 по 1848 г. [47: ССЛ]. В июле 1845 г. он стал членом Галицкого фермерского общества [60: 276].

Во время «весны народов» И. Левицкий принимал активное участие в политической и культурной жизни края. Летом 1848 г. он был избран председателем Гушевского русского совета. От его имени И. Левицкий организовал сбор подписей за раздел Галиции на две отдельные административные части – русинскую и польскую. 22 мая, во время основания Дрогобычского русского совета, выступил с патриотической речью, в которой доказывал необходимость обучения в школах ведения делопроизводства на русинском языке. После переезда в Перемышль стал заместителем председателя Перемышльского совета. Здесь он работал над введением преподавания русинского языка в местной гимназии, участвовал в организации русинского любительского театра, для которого переводил драматические произведения с других языков [46: 117].

И. Левицкий был участником собора учёных русских во Львове 18 октября 1848 г. [6: XXXII]. Он также участвовал в работе его отделов:

[Левицкий И.] Азбука русская для наименьшихъ дѣтей починающихъ ходити до школы [28]

истории и географии, школьного, «урпавы языка руского и литературы руской», литературы «старословеньскои» [6: XXXIV–XXXVI]. В выступлении на общем заседании на съезде русских учёных 26 октября 1848 г. И. Левицкий заявил: «Языкъ колись вольный и панующій, окованный въ желѣзни пута неволѣ, выгнанный зо шкѣль вышшихъ, трибуналѣвъ, конверсаціи вышшихъ станѣвъ, изъ церкви – сталься языкомъ лишь опослѣдженого народа руского по мѣстахъ и селахъ мешкающего, немаючи навѣтъ приступа съ нимъ до своихъ панѣвъ и священникѣвъ» (орфография автора сохранена. – С.С.) [6: 81–82]. Перечислив имена «воскресителей слова руского и словесности руской», в заключении сказал (орфография автора сохранена. – С.С.):

«Теперь Братя! возьмѣмъ ся смѣло и жваво до дѣла и покажѣмъ свѣтови, же нарѣдъ рускій, хотъ такъ давно притисненный, еще совсѣмъ назагладилъся – маѣ своихъ писателей, поетѣвъ, витій, та богатырѣвъ – любитъ пѣнье и все красное, та полезное – хоче быти народомъ просвѣщеннымъ и моральнымъ – хоче быти славою державы Австрійскои – хоче быти подпорою престола Царского и хоче съ всѣми народами жити во мирѣ, пріязни и сгодѣ – а недасть собѣ своихъ правъ природныхъ и конституційныхъ силомѣцю выдерти, анѣ перекричати – твердо держатися буде старины и вѣры отецъ своихъ и надѣся, же за помочією Божією и просвѣщеніємъ Духа Святого, побѣдитъ всѣ перепоны народности руской на завадѣ стоящій – а такъ по всѣхъ церквахъ густо що рокъ спѣвати буде: Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покарайтесь, яко съ нами Богъ!» [6: 87–88].

В октябре 1848 г. в львовской «Зоре Галицкой» (Ч. 22. 10 октября; Ч. 23. 17 октября; Ч. 24. 24 октября) появилась его «Водповѣдь» на статью К.М. Венковского, «посла галицкого на сейме коституційном во Ведне», опубликованную в № 3, 4 «Дневника руского» (Dnewnyk Ruskiy – еженедельная галицкая газета, издавалась в 1848 г. по-лонофильской организацией «Русский собор». – С.С.), в который тот выступил с критикой предложения «Головной Руской Рады» о разделе Галиции на польскую и русинскую части. Редакция сделала пометку в начале статьи И. Левицкого: «правопись сочинителя» [32]. Окончание статьи подписано: от имя мое Иосиф Левицкий зо Шкла, теперь в Грушеве [32: 102].

О деятельности И. Левицкого в Грушево во время революции уроженец с. Нагуевичи И. Франко (1856–1916) писал, что тот часто выезжал в Дрогобыч, где образовалась «польска гвардія народов». И. Левицкий и там досаждал полякам своими шутками и острыми нападками, и они сговорились при выезде из Дрогобыча его избить. Однако И. Левицкий, узнав об этом, попросил старосту выделить ему вооружённый конвой для безопасного проезда. В 1849 г., когда

во всех школах Галичины стали вместо немецкого вводить «рускій языкъ» (русинский), И. Левицкого вызвали в Перемышльскую греко-католическую духовную семинарию, чтобы преподавать «по руски» (речь идёт о языке местного русинского населения и его литературном варианте – галицко-русском языке: смеси народного языка со церковнославянским и использованием русского литературного языка (т. н. язычи и в интерпретации украинофилов). – С.С.) катехетику. Ехал он туда без особого желанія, «зная свою натуру, которая не давала ему с кем-нибудь ужиться и согласиться»; на всякой случай, если ему в Перемышле не понравится, он оставил за собой приход в Грушеве на целый год. В семинарии его хорошо приняли, кроме преподавателя, он стал епископским проповедником и катехетом семинарии, получая за первые две должности по 800 гульденов, за третью – 300 [51]. Свои обязанности он исполнял с 1848 до марта 1853 г. [47: ССЛ].

В декабре 1849 г. И. Левицкий напечатал в «Галичо-русском вестнике» изложение своей лекции перед слушателями богословия в Перемышле, в которой он написал (орфография автора сохранена. – С.С.): «И во истинѣ сли на днешній нашійи письма гланемъ, то найдемъ у нихъ такую строкатѣсть орфографическѣ, же красшого неладѣ и нарокомъ бы устроити тажко. Едень пише отъ, дрѣгій ѣтъ, третій вѣдь, а четвертый вѣдь; едень овца, дрѣгій ѣвця, третій вѣвця, четвертый вѣвця; едень хоче дѣмалъ, а дрѣгій дѣмавъ, а третій дѣмавъ и т. д.». Он считал, что надо на съезде русских учёных положить первые основы для дальнейшего развития «русского» языка. Но этому помешала «самовлюбленность», а «правопись» как была, так и осталась «в каждом пере онакша» (Галичо-рускій вѣстникъ. Ч. 58. 12/24.11.1849. С. 232–233). Через месяц в этом же издании появилась его большая статья «Оуваги надъ образованьемъ языка Галицко-Русского отъ часѣ конституційи» (Галичо-рускій вѣстникъ. 1849. Ч. 69. 8/20.12; Ч. 70. 10/22.12; Ч. 71. 13/25.12). В этой статье И. Левицкий выступил за народный язык, критиковал тех, кто его отрицает, предложил строго соблюдать этимологию в письме. Проанализировав язык русинских журналов, он увидел, что каждый пишет, как хочет, язык авторов многообразен, «що село, то инное слово». По его мнению, надо искать середину, чтобы духу «русскому» не противилось и законам церковного языка тоже. Разобрав употребление букв в русинском языке, И. Левицкий завершает статью призывам: «панове защитители... пожертвуйте для блага Русьини и точности Грамматической своєю впертостею...» (орфография автора сохранена. – С.С.) [40: 282–284].

В 1849 г. в Перемышле вышла его «Грамматика языка русского в Галиции, розложена на пытаня и отповеди» (выдал Иосиф Левицкий, действительный член Галицкого общества ко просвещению народа

русского). В ней он сохраняет идеи, принципы, мысли, изложенные в грамматике 1834 г. В введении к русской грамматике автор даёт пояснение понятия грамматики, на какие части грамматика русская (грамматика русская) разделяется и перечисляет их: правописание слов (орфография), произведении слов (этимология), сочинение слов (синтаксис), слогаударение (просодия) [34: 3].

В следующем году он выпустил «второе издание, умноженное с медною таблицей». Автор обращается с напутствием «До молодѣжи русской» (орфография автора сохранена. – С.С.):

«Учись Отець швоихъ языка,
Онъ гладкій, милый та коренный:
Всегда прославить челоуѣка,
Що въ нѣмъ тожъ буде выученый,
И правда та пробуде въ вѣкъ,
Що сильный русскій нашъ языкъ!» [36].

«Грамматика» состоит из вступления, четырёх частей. Первая – о правописании слов (орфографии) – из трёх «отделений» (о буквах, слогах, знаках), вторая часть – о словопроизведению або этимологии – восьми глав: первая – о имени – из трёх «отделений» (о имени существительном, прилагательном, числительном), вторая – о местоимении, третья – о глаголе (из четырёх «отделений»: о спряжении глаголов, об образцах спряжений, об образовании правильных глаголов, о неправильных глаголах), четвёртая – о причастии, пятая – о наречии, шестая – о предлоге, седьмая – о союзе, восьмая – о междометии. Часть третья – о словесочинении (синтаксисе) – (из трёх «отделений»: о согласовании слов, об управлении слов (имеются ввиду падежи. – С.С.), о размещении слов (с приложением прозы)). Четвёртая часть о слогаударении (просодии) – из двух глав: о вымове слов (произношении слов), о поэзии (стихотворстве). В работе есть оглавление, а также перечислены опечатки [36: 179–180]. Во второй главе (о поэзии (стихотворстве)) четвёртой части И. Левицкий приводит примеры стоп из стихотворений А.П. Сумарокова об основных размерах русского классического стиха, примеры из стихотворений Г.Р. Державина, И. Могильницкого (баллада «Русин воин»), из своих переводов, в т. ч. из перевода Шиллера «Звон» [36: 172–178].

В первой части И. Левицкий дал таблицу с буквами «церковными», «гражданскими», их вариант курсивом, название букв, произношение букв, в т. ч. и на польском и немецком языках [36: 5–6]. После таблицы на рис. 1 показаны варианты скорописных (рукописных) букв.

Как и в первой своей «Грамматике», букву *i* в новозакрытых слогах с целью обеспечения этимологического принципа он решил передавать буквой *ö* (или *ö*), объясняя, что оно подобно немецкому

ÿ (ѡ применяется сегодня в некоторых русинских говорах. – С.С.). И. Левицкий дал кириллицу в полном составе, показал также буквы w, w̄, w̄̄ (как писал автор, в «стародавних» книгах русских буквы, в церковных книгах употребляемые, но неупотребляемые в наше время в гражданском языке), s, ŝ, џ, џ̄, v (в азбуке русской заимствованные из греческого языка и сохраняются лишь для русских чисел) [36: 7]. В XIX в. Галичина уже имела в пользовании и римские, и арабские цифры, а на церковных книгах числа традиционно обозначались буквами, и тем самым отдавалась дань традиции [40: 132]. Во многих случаях автор приводит примеры не из галицкого говора, а из церковнославянского или русского литературного языка [40: 133].

Под оглавлением автор поместил небольшое обращение (орфография автора сохранена – С.С.): «Увага. Дуже неблагорозумно дѣсь, що некотрыи писатели рускїи не мають взгляду на духа или генїя языка галицко-русского и лишь стремлять за общимь, тому пренебрегають вымову – ѣ, ѡ, такъ-же -и-; и ставлять натомѣть выказаныхъ гласныхъ: е, о, ѣ. Не менѣ натомѣть -святого- но, казати святаго -але- противь ся духови южно-русского языка. Въ настоящей Граматицѣ не встрѣчаемо нѣгде союза -але (али)» [36: 180].

В 1852 г. И. Левицкий выступил в журнале «Вѣстникъ для русиновъ Австрийской державы» с обширной статьёй «Мысли о словесности Галицко-русской» (Ч. 67. 27.08/8.09. С. 266–267; Ч. 68. 30.08/11.09. С. 270–271; Ч. 69. 3/15.09. С. 275–276). В ней он дал анализ статей Б. Леонтовича и И. Лозинского. Он отметил, что некоторые писатели не желают готовым пользоваться, а «желали би эпоху словесности собою респочинати». Он хвалит авторов «першей книги», изданной в Перемышле («Сборникъ приветствованїи и желанїи...»), в частности П. Белоуса, Красицкого, Наумовича, Здерковича, Долинского, Кульчицкого, И. Любовича, Гавр. Шеховича, которые обладают «добре поняли правила галицко-русской грамматики» и благодаря этому «причиняться к возрасту и правильности письменности Галицко-русской». Левицкий снова выступает против фонетического письма. Он считал, что фонетическое письмо, которое внедрил Вук Караджич в Сербии (победа народного языка над церковным), «отстует от древнего правописания и формы». Однако сенат с подтверждением князя «откинул» это правописание ((Ч. 67. 27.08/8.09. С. 266–267). Эта же статья под названием «Дещо о словесности Галицко-Русской», с небольшими изменениями, была опубликована в этот же год «Зоре Галицкой» (1852. Ч. 67. 27 сепня. С. 675–677; Ч. 68. 30 сепня. С. 688–691) [40: 334–336].

В Перемышле И. Левицкий из-за своей гордости, как указывает И. Франко, перессорился со всеми канониками, считая себя выше их.

И когда епископ Григорий Яхимович захотел его выдвинуть на этот пост, против были все каноники. После чего И. Левицкий допустил нападки и на самого епископа. Владыка Григорий перевёл его в марте 1853 на приход г. Нагуевичи [47: ССЛ], а каноники дали указания соседним священникам и деканам (окружным протоиереям) следить за его деятельностью и доносить о ней консистории [51]. Эти докладные, а также доносы сельского писаря Кость Думяк привели к тому, что отцу Иосифу назначили шесть воскресений реколлеции (наказание духовного лица, налагавшееся высшими чинами католической или греко-католической иерархии и граничащее с церковным покаянием. – С.С.). И. Левицкому удалось уговорить епископа снять это наказание [51].

В Нагуевичах пароха И. Левицкого, по свидетельству И. Франко, прихожане не любили за надменный нрав и грубое обхождение². Старшее поколение во времена И. Франко, ещё помнившее священника, называло И. Левицкого «ксёндз грубый». Однако его поведение было не проявлением «злой природы», когда доходило до дела, то он никого не обижал, а бедным не раз помогал. Особое внимание он уделял школе, собирая возле себя способнейших учеников. И. Франко видел книги, которые И. Левицкий дарил своим ученикам, в т. ч. и полную подборку венского «Венка русинам на обжинки», изданный братьями Головацкими (Вена, 1846, 1847, т. 1–2)» [50].

В Нагуевичах, как указывалось выше, сельский писарь К. Думяк, местный уроженец, отставной военный, постоянно доносил на священника. И. Левицкий прозвал его «мантой», т. е. жуликом. Пресловутый Думяк стал и причиной смерти священника. Церковная земля в Нагуевичах примыкала к общественной, и на неё постоянно заходил общественный скот. И. Левицкий хотел отгородиться. Писарь от имени сельской общины затеял со священником ссору, говоря, что тот ставит ограждение на общественной земле. Он довёл И. Левицкого до ярости и тот схватив кол, затёсанном концом ударил о землю, и крикнув «Вот по это моё» упал на землю, поражённый параличом (умер от сердечного приступа [47: ССЛ]). Случилось это в жаркий день [50].

Похоронили о. Иосифа на сельском кладбище. Поскольку у него не было ни семьи, ни наследников, то оставшиеся после него имущество в сумме около 60 рейнских гульденов (в Галиции носил неофициальное название золотый рынский. – С.С.) после двадцатилетнего срока перешло сельской общине [50].

И. Левицкий был награждён австрийским Золотым крестом «За заслуги» с короной в 1851 г. [57: 92].

Биографические сведения о И. Левицком, обзор его трудов содержатся в справочных материалах [2; 3; 38; 39], работах Ф. Аристова [1], М. Возняка [4; 5], Я. Головацкого [6–8], Я. Грицковяна [9]; Б. Де-

дицкого [10; 11], Ю. Желеховского [14], Н. Зимомри, В. Задорожного [15], И. Корнейчика [17], Н. Лесюка [40], О. Маковея [42], М. Мозера [43], Ф. Стебляя [46], К. Студинского [47], документах, собранных М. Тершковцем [49], И. Франко [50–55], Ю. Яворским [56] и т. д. Перечень ряда работ приводится в статье самого И. Левицкого «Доля галицко-русского языка» [29].

Известный исследователь литературы Карпатской Руси Ф.Ф. Аристов назвал И. Левицкого «одним из самых светлых, сознательных и образованных в то время галичан» [1: 22].

Как упоминал И. Франко, И. Левицкий занимался также и делами славянского возрождения, славянской науки. Среди бумаг И. Левицкого, перешедших в собственность Народного дома во Львове, И. Франко нашёл «переписанные им словацкие стихи “Urad narodu slavjanskego” и “Utrapeny rolnik”, а также сделанный им перевод польской песни “Do czeskich dziewoji od Polaka”. Одновременно он занимался славянской библиографией, а особенно русскими изданиями, такими как «Вестник Европы», «Журнал российской словесности» Брусилова (1805), из которых находим выписки в этих бумагах. Наряду с ними он записывает себе и “Энеиду” Котляревского, изданную 1809 г., собирает материалы для сравнительного словаря русько-немецко-латино-греческого и т. п.» [53: 45–46] (из-за разночтений значения слова «русский», оставляем написание, как в оригинале. – С.С.).

М.М. Левченко, российский лексикограф и этнограф, в своих «Воспоминаниях о походе в Венгрию в 1849 году (Записки пехотинца)» написал: «Образованность русинов под польским и венгерским владычеством совершенно было померкла, изредка печатались только богослужебные книги. Но в нынешнем столетии и у русинов пробудилась умственная жизнь. Кроме двух вышеупомянутых грамматик русинского языка, – Пихлера и Лозинского, там есть ещё грамматика Вагилевича и Левицкого; последняя считается лучшею из всех»³ [41: 79].

И. Франко, в целом негативно отзывавшийся о стихотворениях и «посвящениях» М. Левицкого, отметил, что «Иосиф Левицкий издал одно из своих “тезоименитых” стихов в честь Снегурского в 1841 году на языке народном и правописании радикально фонетическом» [53: 46].

Говоря о И. Левицком, И. Франко считал, что «тень на его память бросают не столько его бездарные переводы с Гёте и Шиллера и старомодные стихи на “тезоименития” разных иерархов, сколько польская брошюрка “Listy o piśmiennictwie ruskiem”, в которой он благодарит львовскую цензуру за то, что конфисковала “Русалку Днестровую” Шашкевича “за её народный язык и новое правописание”» [53: 45].

Отметим, что это были одни из первых переводов на галицкое наречие, а касательно «Русалки Днестровой», как понимаем, никаких конфликтов впоследствии у И. Левицкого с её авторами не было. К примеру, с Я.Ф. Головацким он продолжал сотрудничество и впоследствии. В свою очередь, Я. Головацкий положительно отзывался об авторе первой галицко-русской грамматики.

«И всё же Иосиф Левицкий, – писал И. Франко, – заслуживает признания как автор первой галицко-русской грамматики, основанной на новых принципах научных, поставленных Добровским ((1753–1829) – чешский филолог, лингвист, литературовед, фольклорист, историк и просветитель. – С.С.), как инициатор первого галицко-русского периодического издания (хотя оно и не увидело свет) и как автор нескольких интересных статей по истории литературы, известий библиографических и т. д., знакомившие галицко-русскую публику с вещами, ей до сих пор неизвестными, приучали её уважать остатки своей старины, прислушиваться к языку, песням и преданиям родного народа» [53: 45].

Можно согласиться с мнением, что И. Левицкий был одним из пионеров создания «русского» (галицко-русского) литературного языка на народной основе [43: 460].

Я.Ф. Головацкий, отдавая должное учёному, упомянул, что из грамматики Таппе И. Левицкий скопировал образец русской скорописи и посредством своей грамматики научил все молодое поколение скорописи [1: 86].

Б.А. Дедицкий, отметив, что И. Левицкий «училъ писати первый всю Русь (имеется в виду Галицкую Русь. – С.С.) по руски – безъ перерви», написал в стихотворении «Въ вѣчную память І. Лѣвицкому, сочинителю первой русской Грамматики, бывшему учителю св. Богословія и руского языка в Перемышли, Пароху Нагуевичъ и пр., усопшему в Божѣ на дню 24. Мая 1860» (орфография автора сохранена. – С.С.):

Ой, сумна нынѣ Мати-Русь,
Накрылась знаменемъ печальнымъ;
Умолкла ей громка гусль
Пѣдь отгомономъ погребальнымъ.
Настигло горе ей не мало:
Що лучшого зъ сынѣвъ не стало!

Не стало того сына ей,
Що первый передъ сорокъ лѣты
Изъ сна збудился, и для ней

Собратій соннихъ сталь будити;
Що первый словомъ ей озвался,
И словомъ тѣмъ за ню сражался [12: 3–4].

Примечания

1. Вряд ли можно согласиться с мнением, что в грамматике 1834 г. «була представлена не справжня українська мова, якою розмовляли українці, а сурогат, мішанина старослов'янських, українських, великоруських і польських слів» [40: 14]. Первые попытки писать на малороссийском языке были предприняты только в конце XVIII в. («Энеида» И.П. Котляревского 1798 г., полное название: «Малоросійская Енеида въ трехъ частяхъ. Съ приобщеніемъ значенія малоросійскихъ словъ какъ содержащихся въ оной, такъ и весьма многихъ другихъ»), никаких унифицированных и общепринятых правил и норм малороссийского языка ещё не существовало. Галицко-русский язык, тоже развивающийся на народной языковой основе, отличался от малороссийского. В свою очередь, они не совпадали и с письменным западно-русским (южнорусским, по определению И. Левицкого) языком. В местном разговорном галицком наречии не хватало слов для передачи сложных понятий и терминов. Поэтому логичным представляется введение в оборот слов из литературного русского языка, церковнославянского, южнорусского и, отчасти, польского языков. К тому же большинство галицко-русских деятелей, вынужденных самостоятельно изучать русский литературный язык, владело им в недостаточной степени. Хотя, судя по произведениям того же И. Левицкого, нельзя не отметить постоянное повышение его уровня владения языком.

2. Другие исследователи, ссылаясь на документы Центрального Государственного Исторического архива Украины в г. Львове, наоборот, указывают, что в приходах И. Левицкий пользовался большим авторитетом среди крестьян, был советчиком по многим вопросам взаимоотношений с властными структурами, боролся с распространённым среди крестьян пьянством, организовывал общества трезвости [46: 113].

3. Как считает современный исследователь М. Дронов, М. Левченко имел в виду одну из двух грамматик И. Левицкого: «Grammatik der ruthenischen oder klein russischen Sprache in Galizien» на немецком языке, вышла в 1834 г. или «Грамматику языка русского в Галиции» 1849 г. [13: 48]. Нам же кажется, учитывая, что грамматика Ивана Вагилевича («Grammatyka języka matoruskiego w Calicyi», на польском языке) была издана в 1845 г., Иосифа Лозинского («Gramatyka języka ruskiego», на польском языке) – в 1846 г., Карла Владимира Пихлера (Kurzgefasste russinische Sprachlehre) – в 1849 г., речь, скорее всего, идёт о первом издании «Грамматики языка русского в Галиции» в 1949 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристовъ Ф.Ф.* Карпато-русскіе писатели. Изслѣдованіе по неизданнымъ источникамъ: в 3 т. Т. 1. М.: Изданіе Галицко-русскаго общества в Петроградѣ, 1916. XVI, 304 с., 28 л. ил., портр., факс.

2. *Ваврик В.Р.* Краткий очерк галицко-русской письменности. Лувен: [б. и.], 1973. 80 с. портр.

3. *Водолазкин Е.Г.* Левицкий Иосиф // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. Т. 3: К–О. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 136–137.

4. *Возняк М.* Студії над галицько-українськими граматами XIX в. III–VIII // Записки товариства імені Шевченка (ЗНТШ). 1909. Т. XC. С. 33–118.

5. *Возняк М.* Апологія кирилиці Дениса Зубрицького // ЗНТШ. 1929. Т. CL. Ювілейний Збірник Наукового Товариства імені Шевченка у Львові в п'ятдесяти-п'ятиліття основання, 1873–1928. Праці Філологічної та Історично-філософичної секції / під ред. К. Студинського й І. Крип'якевича. С. 121–142.

6. *Головацькій Я.Ф.* Историческій очеркъ основанія Галицко-рускои матиць и справозданье первого Собору ученыхъ русских и любителей народнаго просвѣщенія. Во Львовѣ: Черенками Института Ставропігіянскаго, 1850. СХХ, 111, XXI с.

7. *Головацькій Я.Ф.* Пережитое и перестраданное // Письменники Західної України 30-50-х років XIX ст. Київ: Видавництво художньої літератури «Дніпро», 1965. С. 229–285.

8. *Головацькій Я.Ф.* Червонорусская литература // Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей изданный под редакціею Ник. Вас. Гербеля. СПб.: Типографія Императорскій академіи наукъ, 1871. С. 198–203.

9. *Грицковян Я.* До історії Просвітницького руху в Перемишлі // Перемишль і Перемиська земля протягом віків. Збірник наукових праць та матеріалів Міжнародної наукової конференції, організованої Науковим товариством імені Т. Шевченка в Польщі (Перемишль, 24–25 червня 1994 року в Перемишлі) / під ред. С. Заброварного. Перемишль; Львів, 1996. С. 223–232.

10. *Дьдицькій Б.А.* Антоній Добрянскій, его жизнь и дѣятельность в Галицкой Руси. Львов: Типографія Ставропігійскаго института, 1881. 128 с.

11. *Дьдицькій Б.А.* Материалы къ исторіи галицко-русской словесности, сообщаемые Богданомъ А. Дьдицькимъ. IV. Іосифъ Лозинскій // Литературный сборникъ, издаваемый Галицко-русскою матицею. Вып. II, III. Львов, 1885. С. 112–126.

12. *Дьдицькій Б.А.* Въ вѣчную память Іосифу Лѣвицкому, сочинителю первой русской грамматики, бывшему учителю св. богословія и рускаго языка в Перемишлі, пароху Нагуевичъ и пр., усопшему в боѣ на дню 24 мая 1860. Пѣсня, составленна зѣ поводу поминальнаго богослуженія, отправленнаго

за упокой души его въ Львовской Ставропигійской церкви дня 17 юнія 1860. Въ Львовъ: Типомъ Ставропигіскоинститута, 1860. 7 с.

13. *Дронов М.Ю.* Этноконфессиональные особенности и национально-культурная жизнь русинского населения Габсбургской монархии в восприятии М.М. Левченко в 1849 г. // Славянский альманах 2020. Вып. 3–4 / гл. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2020. С. 38–59.

14. *Желеховскій Ю.* Іоаннъ Снѣгурскій, его жизнь и дѣятельность въ Галицкой Руси. Львовъ: типомъ и накладомъ Ставропигііского института, 1894. 181 с.

15. *Зимомря М., Задорожний В.* Місце Перемишля в контексті культурно-освітніх зв'язків Галичини та Закарпаття // Перемишль і Перемиська земля протягом віків. Збірник наукових праць та матеріалів Міжнародної наукової конференції, організованої Науковим товариством імені Т. Шевченка в Польщі (24–25 червня 1994 року в Перемишлі) / під ред. С. Заброварного. Перемишль; Львів, 1996. С. 265–275.

16. *Красовський І., Солинко Д.* Хто ми, лемки... Популярний нарис. Львів: Редакційно-видавничий відділ обласного управління по пресі, 1991. 48 с.

17. *Корнейчик І.І.* Історія української бібліографії. Дожовтневий період (нарис). Київ: Редакційно-видавничий відділ Книжкової палати УРСР, 1971. 376 с.

18. [Левицкій І.] Оказаніе Высокагѡ почтеніа Его Превшващенствѡ Господинѡ Гднѡ Іwannѡ Снѣгурскомѡ, Епископѡ Перемислскомѡ, Самборскомѡ, Саноцкомѡ... въ день С. Іwannа Богослова. Днѡ 8. Мѡсяца Маіа, Года 1829, въ Валѡвѡ черезъ Іереѡ Іосифа Левицаго. В Лвигородѡ Тѡпомъ Інститѡта Ставропигіанскагѡ [1829]. [4] с.

19. [Левицкій І.] Прирѡчный словарь славено-польскій, или собраніе Реченій славенскихъ неѡдобъ разѡмѣтелныхъ, сбѣртающихся в книгахъ церковныхъ, на ѡзыкѡ польскій толкованыхъ. Лвигородѡ: Тѡпомъ и иждивеніемъ Іститѡта Ставропигіанскаго, 1830. [6], 147 с.

20. [Левицкій І.] Grammatik der ruthenischen oder Klein russischen Sprache in Galizien von Joseph Lewicki (mit einer Kupfertafel) = Грамматика ѡзыка рѡсскаго въ Галициі = Grammatyka jezyka russkiego w Galicyi. Przemyśl: gedrukt in der griech. Kath. bischöflichen Buchdruckerey, 1834. [8], XXVI, 212, 59, [11] s., [1] k. tabl.

21. [Левицкій І.] Стихъ во честьъ его Преосващенствѡ курь Іоаннѡ Снѣгурскомѡ Бискупѡви Перемыскомѡ, Самборскомѡ и Саноцкомѡ... въ день С. Ивана Богослова, дня 8. мѡсяца маіа, року 1837. во Валявѡ, јако во день его высококого тезоименитства: Іосифомѡ Лѡвицимѡ, Парохомѡ Школьским у пѡдъножія Јего Престола съ наибѡльшимъ ушанованьѡмъ сложенный. Друковано в друкарни Ставропигіянської во Львовѡ, [1837]. 10, [2] с.

22. [Левицкій І.] Стихъ во Честь Его Превосходительствѡ Преосващеннѡйшомѡ курь Михаилѡ Лѡвицкомѡ Митрополитѡ Галицкомѡ, Архиепископови

Львѡвскомѹ, Бѣсѹпови Каменца Подѡльскаго... во день Свѡтого Архистратига Михаила дна 8. Ноембрия 1838, ѡко во день Его высокаго тезоименитства, Іосифомъ Лѣвицкимъ, Парохоомъ Школьскимъ Дієцезіи Перемыскои оу пѡдъножия Его Престола съ наибѡльшимъ оушанованьомъ сложенный. В Перемышли, дрѹковано в дрѹкарни Рѹсскаго Єпископа, 1838. [12] с.

23. [Лѣвицкій І.] Стихъ во Честь Его Преосвѡщенствѹ курь Василю Поповичѹ, Єпископови Мѹнчаковскомѹ, Архимандритѹ Теплицкомѹ... сложенный Іосифомъ Лѣвицкимъ, Парохоомъ Школьскимъ Дієцезіи Перемыскои съ наибѡльшимъ почтеніемъ. Въ Перемышли, дрѹковано в дрѹкарне рѹсскаи капітѹлы, 1849. [4] с.

24. [Лѣвицкій І.] Erlkönig von Goethe ins klein = Russische übersetzt von Joseph Lewicki aus Sklo = Ерлькенігъ гетого переведенень на мало Рѹсскай ѡзыкѹ и названь Богинею Іосифомъ Лѣвицкимъ зѡ Шкла. Przemysl: gedruckt in der bischöflichen Buchdruckeren, 1838. [7] s.

25. [Лѣвицкій І.] Звѡнь Шіллерѡ. Зѹ Нѣмецкаго на ѡзыкѹ Галицко-Рѹсскай переведень Іосифомъ Лѣвицкимъ зѡ Шкла. Въ Перемышли, 1839. 16 с.

26. [Лѣвицкій І.] Стихъ во честь Его Преосвѡщенства курь Григоріѡ Яхимовичѡ, Єпископа Помпеіополитанскаго... во день поставленіѡ Его во Єпископы дна 21/9 Ноемвріѡ 1841 рокѹ, во Архікафедральной Церкви Львовской Свѡтого великомѹченника Георгіѡ... сложенный Іосифомъ Лѣвицкимъ, Парохоомъ Школьскимъ зѹ рѹсскаи Дієцезіи Перемыскои съ наибѡльшимъ почтеніемъ. Lemberg: [s.n.], 1841 (gedruckt mit Stauropigianischen Schriften). [4], 11, [1] с.

27. [Лѣвицкій І.] Шіллерѡ: Борьба со смокомъ (Романчикъ) и Порѹка (Баллада). С Нѣмецкаго на ѡзыкѹ Галицко-Рѹсскай переведенены Іосифомъ Лѣвицкимъ зѡ Шкла. Въ Перемышли, в Тѹпографіи Єпископской при Соборномъ Храмѹ Рождества С. Іванна Крестителя, 1842. 16 с.

28. [Лѣвицкій І.] Азбѹка рѹсскаѡ дла наименьшихъ дѣтей починающихъ ходити до школы. [Перемышль: s.n., 1843]. 16 с.

29. [Лѣвицкій І.] Доля галицко-русского языка. Денница. Словянское обозрѣніе издаваемое П. Дубровскимъ. 1843. Ч. I. № 3. С. 188–194; Ч. II. № 4. С. 39–45.

30. [Лѣвицкій І.] Шіллѡ: Нѹрокъ або Водолазъ (Баллада), Хѡдъ до залѣзной гѹты (Баллада) и Рѹкавичка (Казка) съ Нѣмецкаго ѡзыка Галицко-Рѹсскай переведенны, Іосифомъ Лѣвицкимъ зѡ Шкла. Перемышль надѹ Сѡномъ: въ в тѹпографіи Єпископской при Храмѹ Рождества С. Іванна Крестителя, Р.Б. 1844. 16 с.

31. [Лѣвицкій І.] Грамматика нѣмецкаго ѡзыка дла Стѹдентѡвъ першої и дрѹгой Классы, по школахъ Трѣвіѡльныхъ и Парафіѡльныхъ во Королевствѡхъ Галиціи и Лодомеріи, Державѹ Австрийской пѡдъданныхъ, ко выгодѹ народа галицко-рѹсскаго. Написаль Іосифѹ Лѣвицкай, свѡщенникъ при Церкви Школской. Въ Вѣдни, 1845. Иждивеніемъ ц.к. книгъ шкѡльныхъ Адмїністраціи при с. Аннѹ на с. Иоаньскѡй оулицы. [2], IV, 228, [4] с.

32. *Львицкий І.* Відповідь // Зоря Галицька. 1848. Ч. 22. 10 жовтня. С. 93–94; Ч. 23. 17 жовтня. С. 97–98; Ч. 24. 24 жовтня. С. 101–102.

33. [*Львицкий І.*] Азбука русская для наименьшихъ дѣтей починающихъ ходити до школы. [Перемышль: с.п., 1849]. 16 с.

34. [*Львицкий І.*] Грамматика языка русскаго въ Галиціи, Розложена на питања и отъповіди. Выдалъ Іосифъ Львицкий, дѣйствительный членъ Галицкого общества ко просвѣщенію народа русскаго. Въ Перемышли: въ друкарни русскаго Капітулы 1849 року. 126 с.

35. [*Львицкий І.*] Стихъ во честь Его Преосвященства кврѣ Григоріа Яхимовича, Єпископа Перемыскаго, Самбѣрскаго и Сяноцкаго ... во день возшествіа Его на престоль владычій Єпархіи Перемыскаго Дна 25. Марта 1849 року, съ глѣбчайшимъ почтеніемъ Іосифомъ Львицкимъ сложенный. Въ Перемышли друковано въ Друкарни русскаго Капітулы, 1849. 9, [1] с.

36. [*Львицкий І.*] Грамматика языка русскаго въ Галиціи, розложена на питања и отъповіди. Выдалъ Іосифъ Львицкий, дѣйствительный Членъ Галицкого Общества ко просвѣщенію народа русскаго. Второе изданіе умноженное съ мѣдною таблицею. Въ Перемышли: в друкарни русской Капітулы 1850 року. 178, [2] с., табл.

37. *Львицкий І.* Історія введенія музыкальнаго пѣнія въ Перемышль // Перемышлянинъ на рокъ 1853. Мѣсяцословъ на лѣто от Рождества Хрїстова 1853 г. Въ Перемышли: тупомъ и накладомъ книгопечатнѣ капітульнаго, 1852. С. 81–90.

38. *Львицкий (Іосифъ Levicki, 1801–60)* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭСБЕ). Т. XVII: Култагой – Лед. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1896. С. 441.

39. *Львицкий Іосиф* // Энциклопедія українознавства. Словникова частина: в 11 т. / Наукове товариство імені Шевченка; гол. ред. проф., д-р Володимир Кубійович. Т. 4. Париж; Нью-Йорк: Молоде життя, 1962. С. 1267–1268.

40. *Лесюк М.П.* Становлення і розвиток української літературної мови в Галичині. Івано-Франківськ: Місто НВ, 2014. 722 с.

41. *Лугинский Б. [Левченко М.М.]*. Воспоминанія о походѣ въ Венгрію в 1849 году (Записки пѣхотинца). (Окончаніе) // Москвитянинъ. 1855. Май. № 10. Кн. 2. С. 53–84.

42. *Маковей О.* З історії нашої фільології: Три галицькі грамматики (Іван Могильницький, Іосиф Львицький і Іосиф Лозинський) // ЗНТШ. 1903. Т. LI. С. 1–58; Т. LIV. С. 59–96.

43. *Мозер М.* Іосиф Львицький як борець за культуру «руської» (української) мови // Confraternitas. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаєвича / відп. редактор М. Крикун, заступник відп. редактора О. Середа. Львів, 2006–2007 (Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Збірник наукович праць. Вип. 15 / Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНА України). С. 447–460.

44. *Орлевич І.* Ставропігійський інститут у Львові (кінець XVIII – 60-ті рр. XIX с т.). Львів: Логос, 2001. 188 с.

45. *Огієнко І.* (Митрополит Іларіон). Історія української літературної мови / упоряд., авт. передмови і коментарів М.С. Тимошик. 2-е вид., випр. Київ: Наша культура і наука, 2004. 436 с., іл.

46. *Стеблій Ф.* Перемиський культурно-освітній осередок та його діячі епохи українського національного відродження (перша половина XIX ст.) // Перемишль і Перемиська земля протягом віків. Збірник наукових праць та матеріалів Міжнародної наукової конференції, організованої Науковим товариством імені Т. Шевченка в Польщі (24–25 червня 1994 року в Перемишлі) / під ред. С. Заброварного. Перемишль; Львів, 1996. С. 103–130.

47. *Студинський К.Й.* Львівська духовна Семинарія в часах Маркіяна Шашкевича (1829-1843) // Збірник Фільологічної Секції НТШ. 1916. Т. XVII–XVIII. [6], ССLX, 416, [2] с.: іл.

48. *Суляк С.Г.* Ю.А. Яворский – учёный и общественно-политический деятель Карпатской Руси // Русин. 2022. № 68. С. 70–130. DOI: 10.17223/18572685/68/5

49. Українсько-руський архів / Історично-фільософічна секція Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 3: Матеріали й замітки до історії національного відродження Галицької Руси в 1830 та 1840 рр. Додаток: До історії москвофільства в Угорській Русі / збір. і пояснив М. Тершаковець. Львів: З друк. Наук. т-ва ім. Т. Шевченка, 1907. 307 с.

50. *И.Ф[ранко]* До житєписи Іосифа Левицького // Зоря. Письмо літературно-наукове для рускихъ родинъ. Львѡвъ. № 5. 1 (13) марця 1886. С. 84.

51. *И.Ф[ранко]* До біографіи Йосифа Левицького // Зоря. Письмо літературно-наукове для рускихъ родинъ. Львѡвъ. № 11. 1 (13) червня 1886. С. 196.

52. *Франко І.Я.* Галицько-русская библиография XIX столетия с увзгляднением зданий, появившихся в Угорщине и Буковине (1801–1886). Составил Иван Ем. Левицкий. Львов. Из типографии Ставропигийского института. Вып. I и II, 1887 г.; III, 1888 г., 4^о, стор. 1–72 // Иван Франко. Зібрання творів: у 50 т. Т. 27. Київ: Наукова думка, 1980. С. 201–209. Вперше надруковано в журн. «Киевская старина». 1888. Кн. 5. С. 25–32. Підпис: Мирон.

53. *Франко І.Я.* Літературне відродження Полудневої Русі і Ян Коллар // Иван Франко. Зібрання творів у 50-и томах. Т. 29. Київ: Наукова думка, 1981. С. 40–50.

54. *Франко І.Я.* Азбучна війна в Галичині 1859 р. // Иван Франко. Зібрання творів: у 50 т. Т. 47. Київ: Наукова думка, 1986. С. 549–650.

55. *І.Ф[ранко] І.* «Слово о полку Игореве» в перекладі Йосифа Левицького // ЗНТШ. 1896. Т. 9. Miscellanea. С. 9–12.

56. Яворский Ю.А. Из этнографической тетрадки 1830-х годов. Колядки и щедровки в записях Иосифа Левицкого из Шкла. Оттиск из Научно-литературного сборника Галицко-русской Матицы. 1902. Т. II. Кн. 1. Львов: Издание Галицко-русской матицы, 1902. 15 с.

57. Schematismus Universi Cleri Orientalis Ritus Catholicorum Dioeceseos Premisliensis pro Anno Domini 1856. Premisliæ: typis rutheni Capituli Premisliensis, 1856. 179, 32 s.

58. Das Schicksal der galizisch-russischen Sprache und Literatur (Beschluss) // Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft / herausgegeben von Dr. J.P. Jordan. Leipzig: Expedition der slawischen Jahrbücher, 1844. Heft 5. S. 183–185; Heft 6. S. 206–210.

59. [Lewicki J.] Gedicht welches zu Ehren dem Hochwürdigsten Hochzuverehren den Iohann Snigurski Bischofe von Przemysl, Sambor und Sanok... Joseph Lewicki... Przemysl: bischöflichen Buchdruckerey, 1837. 8, [2] s.

60. Handbuch des Lemberger Statthaltereii Gebietes in Galizien für das Jahr 1860. Lemberg: k.k. Galizischen Aerarial-Staats-Druckerei, 1860. XVIII, 660 s.

61. Lewicki J. Odpowiedź na zdanie o zaprowadzeniu abecadła polskiego do pismiennictwa ruskiego (Rozmaitości dnia 17 Lipca. Roku 1834 strona 228) [Отдельный оттиск] [В Перемышли, в друкарни русской Капитулы, 1834]. [4] s.

62. [Lewicki J.] Listy tyczące się pismiennictwa ruskiego w Galicyi, staraniem Ks. Jozefa Lewickiego ze Skła wydawane. Przemysł w Drukarni biskupiéj obr. gr. kat., 1843. 24 s.

63. **iŭ [Lewicki J.] Russinische Literatur in Gallizien // Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft / herausgegeben von Dr. J.P. Jordan. Leipzig: Expedition der slawischen Jahrbücher, 1844. Heft 6. S. 224–227.

REFERENCES

1. Aristov, F.F. (1916) *Karpato-russkie pisateli. Issledovanie po neizdannym istochnikam* [Carpatho-Russian Writers. A Research on Unpublished Sources]. Vol. 1. Moscow: Galician-Russian Society in Petrograd.

2. Vavrik, V.R. (1973) *Kratkiy ocherk galitsko-russkoy pis'mennosti* [A Brief Essay on Galician-Russian Writing]. Luven: [s.n.].

3. Vodolazkin, E.G. (1995) Levitskiy Iosif. In: Dmitriev, L.A., Likhachev, D.S., Semyachko, S.A. & Tvorogov, O.V. (eds) *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [Encyclopedia "The Tale of Igor's Campaign"]. Vol. 3. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 136–137.

4. Wozniak, M. (1909) *Studii nad galitsko-ukrainskimi gramatikami XIX v. III–VIII* [Studies on Galician-Ukrainian grammars of the 19th century. III–VIII]. *Zapiski tovaristva imeni Shevchenka (ZNTSh)*. XC. pp. 33–118.

5. Wozniak, M. (1929) Apologiya kirilitsi Denisa Zubrits'kogo. *Zapiski tovaristva imeni Shevchenka (ZNTSh)*. CL. pp. 121–142.
6. Golovatsky, Ya.F. (1850) *Istoricheskiy ocherk osnovaniya Galitsko-ruskoj matitse i spravozdan'e pervogo Soboru uchenykh ruskikh i lyubiteley narodnogo prosveshcheniya* [A historical sketch of the foundation of the Galician-Russian motherland and the creation of the first Council of Russian scientists and lovers of public education]. Lviv: Cherenkami Instituta Stavropigiyans'kogo.
7. Golovatsky, Ya.F. (1965) Perezhitoe i perestradannoe [Experienced and endured]. In: Shashkevich, M. et al. *Pis'menniki Zakhidnoi Ukraini 30-50-kh rokov XIX st.* [Letters of Western Ukraine of the 1830-50s]. Kyiv: Dnipro. pp. 229–285.
8. Golovatsky, Ya.F. (1871) Chervonorusskaya literatura [Red Ruthenian literature]. In: Gerbel, N.V. (ed.) *Poeziya slavyan. Sbornik luchshikh poeticheskikh proizvedeniy slavyanskikh narodov v perevodakh russkikh pisateley* [Poetry of the Slavs. A collection of the best poetic works of the Slavic peoples in translations of Russian writers]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 198–203.
9. Gritskovyan, Ya. (1996) Do istorii Prosvitnits'kogo rukhu v Peremishli [Before the history of the Enlightenment in Peremyshl]. In: Zabrovarny, S. (ed.) *Peremishl' i Peremis'ka zemlya protyagom vikiv*. Przemysl; Lviv: [s.n.]. pp. 223–232.
10. Deditskiy, B.A. (1881) *Antoniy Dobryanskiy, ego zhizn' i deyatel'nost' v Galitskoy Rusi* [Anthony Dobryansky, his life and work in Galician Rus]. Lviv: Stavropegian Institute.
11. Deditskiy, B.A. (1885) Materialy k istorii galitsko-russkoy slovesnosti, soobshchaemye Bogdanom A. Deditskim. IV. Iosif Lozinskiy [Materials for the history of Galician-Russian literature, reported by Bogdan A. Deditsky. IV. Iosif Lozinsky]. In: *Literaturnyy sbornik, izdavaemyy Galitsko-russkoyu matitseyu* [Literary collection published by the Galician-Russian Society]. Vol. 2, 3. Lviv: [s.n.]. pp. 112–126.
12. Deditskiy, B.A. (1860) *V vechnyuyu pamyat' Iosifu Levitskomu, sochinitelyu pervoy ruskoj grammatiki, byvshomu uchitelyu sv. bogosloviya i ruskogo yazyka v Peremysli, parokhu Naguevich i pr., usopshemu v boze na dnyu 24 maya 1860. Pesnya, sostavljena zъ povodu pominal'nogo bogosluzheniya, otpravlennogo za upokoy dushi ego v Lvovskoy Stavropigiyskoy tserkvi dnya 17 yuniya 1860* [In eternal memory to Iosif Levitsky, the author of the first Russian grammar, the former teacher of theology and the Russian language in Przemysl, in Naguevichi and others, who fell asleep in the Lord of May 24, 1860]. Lviv: Stavropegian Institute.
13. Dronov, M.Yu. (2020) Etnokonfessional'nye osobennosti i natsional'no-kul'turnaya zhizn' rusinskogo naseleniya Gabsburgskoy monarkhii v vospriyatii M.M. Levchenko v 1849 g. [The ethno-confessional features and national-cultural life of the Rusin population of the Habsburg Monarchy in the perception of M.M. Levchenko in 1849]. In: Nikiforov, K.V. (ed.) *Slavyanskiy al'manakh 2020* [The Slavic Almanac 2020]. Vol. 3–4. Moscow: Indrik. pp. 38–59.

14. Zhelekhovskiy, Yu. (1894) *Ioann Snegurskiy, ego zhizn' i deyatel'nost' v Galitskoy Rusi* [Ioann Snegursky, his life and work in Galician Rus]. Lviv: Stavropegian Institute.

15. Zimomrya, M. & Zadorozhniy, V. (1996) *Mistse Peremishlya v konteksti kul'turno-osvitnikh zv'yazkiv Galichini ta Zakarpattya* [Przemysl in the context of cultural and educational links in Galicia and Transcarpathia]. In: Zabrovaryn, S. (ed.) *Peremishl' i Peremis'ka zemlya protyagom vikiv*. Peremysl; Lviv: [s.n.]. pp. 265–275.

16. Krasovskiy, I. & Solinko, D. (1991) *Khto mi, lemki... Populyarniy naris*. Lviv: Redaktsiyno-vidavnychiy viddil oblasnogo upravlinnya po presi.

17. Korneychik, I.I. (1971) *Istoriya ukrains'koi bibliografii. Dozhovtneviy period (naris)*. Kyiv: Redaktsiyno-vidavnychiy viddil Knizhkovoi palati URSS.

18. [Levitskiy, I.] (1829) *Okazanie Vysokago pochtenia Ego Preosvyashchenstvu Gospodinu Gdnu Iwannu Snigurskomu, Episkopu Peremisl'skomu, Samborskemu, Sanotskomu... v den' S. Ioanna Bogoslova. Dnya 8. Mesiatsa Maya, Goda 1829, v Valyave cherez lereya Iosifa Levitskago*. Lvigorod: Stavropegian Institute.

19. [Levitskiy, I.] (1830) *Priruchnyy slovar'slaveno-pol'skiy ili Sobranie recheniy slavenskikh neudob' razumetel'nykh, obretayushchikhysya v knigakh tserkovnykh, na yazyk pol'skiy tolkovanykh* [Handy Slavonic-Polish Dictionary or Collection of Slavonic Sayings Inconveniently Reasonable, Found in Church Books, Interpreted into Polish]. Lvigorod: Stavropegian Institute.

20. [Levitskiy, I.] (1834) *Grammatik der ruthenischen oder Klein russischen Sprache in Galizien von Joseph Lewicki (mit einer Kupfertafel)*. Przemysl: gedruckt in der griech. Kath. bischöflichen Buchdruckerey.

21. [Levitskiy, I.] (1837) *Stikh vo chest' jego Preosvyashchen'stvu kir Ioannu Snegurskomu Biskupovi Peremyskomu, Samborskemu i Sanotskomu... v den' S. Ivana Bogoslova, dnya 8. mesyatsa maja, roku 1837. vo Valyave, jako vo den' jego vysokogo tezoimenitstva: Iosifom Levitskim, Parokhom Shkol'skim u podnozhija Jego Prestola s naybol'shim ushanovan'jom slozhenny*. Lviv: Stavropegian Institute.

22. [Levitskiy, I.] (1838) *Stikh vo Chest' Ego Prevoskhoditel'stvu Preosvyashchennyyshomu kir Mikhailu Levitskomu Mitropolite Galitskomu, Arkhiiepiskopovi L'novskomu, Biskupovi Kamentsa Podol'skogo... vo den' Svyatogo Arkhistratiga Mikhaila dnya 8. Noembriya 1838, yako vo den' Ego vysokogo tezoimenitstva, Iosifom Levitskim, Parokhom Shkol'skim Dietsezii Peremyskoi ou podnozhia Ego Prestola s naybol'shim oushanovan'om slozhenny*. Przemysl: v drukarne Russkago Episkopa.

23. [Levitskiy, I.] (1838) *Stikh vo Chest' Ego Preosvyashchenstvu kir Vasiliyu Popovichu, Episkopovi Munkachovskomu, Arkhimandritъ Teplitskomu... slozhenny Iosifo Levitskim, Parokhom Shkol'skim Dietsezii Peremyskoi s naybol'shim pochteniem*. Przemysl: v drukarne Russkago Episkopa.

24. Goethe, I. (1839) *Erk König von Goethe ins klein*. Translated from German

into Gallician-Russian by I. Levitsky. Przemysł: gedruckt in der bischöflichen Buchdruckeren.

25. Schiller, F. (n.d.) *Zvon*. Translated from German into Gallician-Russian by I. Levitsky. Przemysl: [s.n.].

26. [Levitskiy, I.] (1841) *Stikh vo chest' Ego Preosvyashchenstva kir Grigoriya Yakhimovicha, Episkopa Pompeiopolitanskogo... vo den' postavleniya Ego vo Episkopy dnya 21/9 Noemvriya 1841 roku, vo Arkhikafedral'noy Tserkvi L'vovskoy Svyatogo velikomuchennika Georgiya* [Poem in honour of the Right Reverend Grigorii Yakhimovich, Bishop of Pompeiopolitansky ... on the day of his appointment November 21, 1841, in the Lviv Archcathedral Church of the Holy Great Martyr George]. Lemberg: [s.n.].

27. Schiller, F. (1842) *Bor'ba so smokom (Romanchik) i Poruka (Ballada)*. Translated from German by I. Levitsky. Przemysl: *Typografiyz Episkopskoy pri Sobornom Khramѣ Rozhdestva S. Ioanna Krestitelya*.

28. [Levitskiy, I.] (1843) *Azbuka russkaya dlya naymen'shikh detey pochinayushchikh khoditi do shkoly* [Russian ABC Book for the Smallest Children Starting School]. Przemysl: [s.n.].

29. [Levitskiy, I.] (1843) *Dolya galitsko-russkogo yazyka* [Share of the Galician-Russian language]. *Dennitsa*. 1(3). pp. 188–194; 4. pp. 39–45.

30. Schiller, F. (1844) *Nurok abo Vodolaz (Ballyada), Khod do zaleznoy guty (Ballyada) i Rukavichka (Kazka)*. Translated from German by I. Levitsky. Przemysl: *V Tipografii Episkopskoy pri Sobornom Khrame Rozhdestva S. Ioanna Krestitelya*.

31. [Levitskiy, I.] (1845) *Grammatika nemetskogo yazyka dlya Studentov pershoi i drugoy Klyassy, po shkolakh Triviyal'nykh i Parafiyal'nykh vo Korolestvakh Galitsii i Lodomerii, Derzhave Avstriyskoy poddannyykh, ko vygode naroda galitsko-russkogo*. Vedni: [s.n.].

32. Levitskiy, I. (1848) *Vodpoved' Zorya Galitska*. 22. pp. 93–94; 23. pp. 97–98; 24. pp. 101–102.

33. [Levitskiy, I.] (1849a) *Azbuka russkaya dlya naymen'shikh detey pochinayushchikh khoditi do shkoly* [Russian ABC Book for the Smallest Children Starting School]. Przemysl: [s.n.].

34. [Levitskiy, I.] (1849b) *Grammatika yazyka russkogo v Galitsie, rozlozhenna na pytanya i otpovedi*. Przemysl: *V drukarni russkoi Kapituly 1849 roku*.

35. [Levitskiy, I.] (1849c) *Stikh vo chest' Ego Preosvyashchenstva kir Grigoriya Yukhimovicha, Episkopa Peremyskogo, Sambörskogo i Syanotskogo ... vo den' vozshestviya Ego na prestol vladychiy Eparkhii Peremyskoy Dnya 25. Marta 1849 roku* [A verse in honor of His Eminence Grigorii Yukhimovich, Bishop of Peremysky, Sambiorsky and Syanotsky ... on the day of His accession to the throne of the Sovereign Diocese of Peremyskl, on March 25, 1849]. Przemysl: *V Drukarni russkoi Kapituly*.

36. [Levitskiy, I.] (1850) *Grammatika yazyka russkogo v Galitsii, rozlozhenna na pytanya i otpovedi*. Przemysl: *V Drukarni russkoi Kapituly*.

37. Levitskiy, I. (1852) *Istoriya vvedeniya muzykal'nogo peniya v Peremyshe*

[The history of the introduction of musical singing in Przemysl]. In: *Peremyslyanin na rok 1853. Mesyatsoslov na leto ot Rozhdestva Khristova 1853 g.* Przemysl: Typom i nakladom knigopечатne kapitvl'noi. pp. 81–90.

38. Brockhaus, F.A. & Efron, I.Ya. (1896) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona (ESBE)* [The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. XVII. St. Petersburg: I.A. Efron. p. 441.

39. Kubiyovich, V. (ed.) (1962) *Entsiklopediya ukraïnoznavstva. Slovníkova chastina: v 11 t.* Vol. 4. Paris; New York: Molode zhittya. pp. 1267–1268.

40. Lesyuk, M.P. (2014) *Stanovlennya i rozvitok ukrains'koi' literaturnoi' movi v Galichini.* Ivano-Frankivsk: Misto NV.

41. Luginskiy, B. [Levchenko, M.M.]. (1855) Vospominaniya o pokhode v Vengriyu v 1849 godu (Zapiski pekhotintsya). (Okonchanie) [Memories of the campaign in Hungary in 1849 (Notes of an infantryman). (End)]. *Moskvityanin.* 10(2). pp. 53–84.

42. Makovey, O. (1903) Z istorii nashoi fil'ol'ogii: Tri galits'ki gramatiki (Ivan Mogil'nits'kiy, Yosif Levits'kiy i Yosif Lozins'kiy). *Zapiski tovaristva imeni Shevchenka (ZNTSh)*. LI. pp. 1–58; LIV. pp. 59–96.

43. Mozer, M. (2006–2007) Yosif Levits'kiy yak borets za kul'turu "rus'koy" (ukrains'koy) movi. In: Krikun, M. (ed.) *Confraternitas. Yuvileyniy zbirnik na poshanu Yaroslava Isaevicha.* Vol. 15. Kyiv: NAS of Ukraine. pp. 447–460.

44. Orlevich, I. (2001) *Stavropigiy's'kiy institut u L'vovi (kinets' XVIII – 60-ti rr. XIX s t.)*. Lviv: Logos.

45. Ogienko, I. (Mitpopolit Ilapion). (2004) *Istoriya ukrains'koy literaturnoy movi.* Kyiv: Hasha kyl'tyra i nayka.

46. Steblyi, F. (1996) Peremis'kiy kul'turno-osvitniy osередok ta yogo diyachi epokhi ukrains'kogo natsional'nogo vidrozhennya (persha polovina XIX st.). In: Zabrovarny, S. (ed.) *Peremishl' i Peremis'ka zemlya protyagom vikiv.* Przemysl; Lviv: [s.n.]. pp. 103–130.

47. Studinskiy, K.Y. (1916) *L'viv's'ka dukhovna Seminariya v chasakh Markiyana Shashkevicha (1829–1843)*. Vol. XVII–XVIII.

48. Sulyak, S.G. (2022) Julian Yavorsky – a scholar, social and political activist of Carpathian Rus. *Rusin.* 68. pp. 70–130 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/68/5

49. Tershakovets, M. (ed.) (1907) *Ukrains'ko-rus'kiy arkhiv / Istorichno-fil'osofichna sektsiya Naukovogo tovaristva im. Shevchenka. T. 3: Materiali y zamitki do istorii natsional'nogo vidrozhennya Galits'koi Rusi v 1830 ta 1840 rr. Dodatok: Do istorii moskvofil'stva v Ugors'kiy Rusi.* Lviv: Z druk. Nauk. t-va im. T. Shevchenka.

50. I.F[ranko] (1886a) Do zhitepisi Iosifa Levitskogo. *Zorya. Pis'mo literaturno-naukove dlya russkikh rodin.* 5. 1(13) March. p. 84.

51. I.F[ranko] (1886b) Do biografii Yosifa Levitskogo. *Zorya. Pis'mo literaturno-naukove dlya russkikh rodin.* 11. 1(13) June. p. 196.

52. Franko, I.Ya. (1980) *Zibrannya tvoriv: u 50 t.* Vol. 27. Kyiv: Naukova dumka. pp. 201–209.
53. Franko, I.Ya. (1981) *Zibrannya tvoriv: u 50 t.* Vol. 29. Kyiv: Naukova dumka. pp. 40–50.
54. Franko, I.Ya. (1986) *Zibrannya tvoriv: u 50 t.* Vol. 47. Kyiv: Naukova dumka. pp. 549–650.
55. I.F[ranko]. (1896) “Slovo o polku Igoreve” v perekladi Yosifa Levits’kogo. *Zapiski tovaristva imeni Shevchenka (ZNTSh)*. 9. pp. 9–12.
56. Yavorskiy, Yu.A. (1902) *Iz etnograficheskoy tetradki 1830-kh godov. Kolyadki i shchedrovki v zapisyakh Iosifa Levitskogo iz Shkla. Ottisk iz Nauchno-literaturnogo sbornika Galitsko-russkoy Matitsy* [From an ethnographic notebook of the 1830s. Carols and schedrovkas in the notes of Joseph Levitsky from Shkla. Reprint from the Scientific and Literary Collection of the Galician-Russian Society.]. Vol. 2(2). Lviv: Izdanie Galitsko-russkoy matitsy.
57. Anon. (1856) *Schematismus Universi Cleri Orientalis Ritus Catholicorum Dioeceseos Premisliensis pro Anno Domini 1856*. Premislae: typis rutheni Capituli Premisliensis.
58. Jordan, J.P. (1844) Das Schicksal der galizisch-russischen Sprache und Literatur (Beschluss). In: Jordan, J.P. (ed.) *Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft*. Vol. 5(6). Leipzig: [s.n.]. pp. 183–185.
59. [Lewicki, J.] (1837) *Gedicht welches zu Ehren dem Hochwürdigsten Hochzuverehren den Iohann Snigurski Bischofe von Przemyśl, Sambor und Sanok... Josef Lewicki...* Przemyśl: bischöflichen Buchdruckerey.
60. Anon. (1860) *Handbuch des Lemberger Statthaltereii Gebietes in Galizien für das Jahr 1860*. Lemberg: k.k. Galizischen Aerial-Staats-Druckerei.
61. Lewicki, J. (1834) *Odpowiedź na zdanie o zaprowadzeniu abecadła polskiego do pismiennictwa ruskiego (Rozmaitości dnia 17 Lipca. Roku 1834 strona 228)*. Przemyśl: v drukarni russkoy Kapituly.
62. [Lewicki, J.] (1843) *Listy tyczące się pismiennictwa ruskiego w Galicyi, staraniem Ks. Jozefa Lewickiego ze Skła wydawane*. Przemyśl: w Drukarni biskupiej obr. gr. kat.
63. **iy [Lewicki, J.] (1844) Russinische Literatur in Gallizien. In: Jordan, J.P. (ed.) *Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft*. Vol. 6. Leipzig: Expedition der slawischen Jahrbücher. pp. 224–227..

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47).05(436)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/3

Русины – директора петербургских и московских гимназий в 1870–1900-е гг.

А.Н. Птицын

Северо-Кавказский федеральный университет

Россия, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

E-mail: ptiandr@gmail.com

Авторское резюме

Во второй половине 1860-х – 1870-е гг. на российскую службу активно принимались австро-венгерские преподаватели древних языков для обеспечения гимназической реформы. Среди них насчитывалось примерно 80–90 русинов, прибывших в основном из Галиции. Около 20 из них работали в российских столицах – Петербурге и Москве. Большинство русинских педагогов успешно адаптировались на новых местах и проработали там долгие годы. Существенная часть их смогла сделать карьеру, дослужившись до должности директора гимназии. В последней трети XIX – начале XX в. директорские должности в гимназиях Петербурга и Москвы занимали 5 русинов. Галичанин М.П. Костев почти 30 лет стоял во главе 10-й Петербургской мужской гимназии, первоначально прогимназии. Его земляк Л.О. Лавровский за свою долгую карьеру успел поруководить двумя петербургскими и двумя московскими гимназиями. Его основная деятельность связана с 3-й Московской мужской гимназией, директором которой он пробыл почти 25 лет. Ещё один галичанин – Л.С. Кульчицкий – много лет возглавлял гимназию в Рязани, а затем почти на десятилетие занял пост директора 4-й Московской мужской гимназии. Недолгая московская карьера угорского русина В.И. Горвата включала руководство 6-й мужской гимназией в течение 4 лет. Галичанин А.Г. Семенович возглавлял ту же гимназию менее года, после чего был назначен инспектором Московского учебного округа и в течение 8 лет курировал все гимназии региона. Русинские педагоги внесли свой вклад в развитие гимназического образования в двух крупнейших российских городах, в дело обучения и воспитания российского юношества и оставили о себе добрую память.

Ключевые слова: русины, галичане, угорские русины, Петербург, Москва, классические гимназии, директора гимназий, учителя древних языков

Rusins – headmasters of St. Petersburg and Moscow gymnasiums in the 1870s–1900s

Andrey N. Ptitsyn

North-Caucasus Federal University
1 Pushkin Street, Stavropol, 355017, Russia
E-mail: ptiandr@gmail.com

Abstract

In the second half of the 1860-70s, Austro-Hungarian teachers of ancient languages were actively recruited into the Russian service to ensure the gymnasium reform. Among them, there were approximately 80–90 Rusins, mainly from Galicia. About 20 of them worked in the Russian capitals – St. Petersburg and Moscow. Most of the Rusin teachers successfully adapted to their new jobs and worked there for many years. Many of them could make a career and rise to the position of gymnasium headmaster. In the last third of the 19th – early 20th century, there were five Rusin headmasters in the gymnasiums of St. Petersburg and Moscow. For almost 30 years, Galician M.P. Kostev was the headmaster of the 10th St. Petersburg Men's Gymnasium, originally a pro-gymnasium. His countryman L.O. Lavrovsky during his long career headed two St. Petersburg and two Moscow gymnasiums. His main activity is connected with the 3rd Moscow Men's Gymnasium, where he had been the headmaster for almost 25 years. Another Galician – Ludwig Kulczycki – for many years headed the gymnasium in Ryazan, and then for almost a decade he was the headmaster of the 4th Moscow Men's Gymnasium. During his short Moscow career, Ugric Rusin V.I. Gorvat was the headmaster of the 6th Men's Gymnasium for four years. Galician A.G. Semenovich headed the same gymnasium for less than a year, after which he was appointed Inspector of the Moscow educational district and oversaw all the region's gymnasiums for eight years. Rusin teachers contributed to the development of gymnasium education in the two largest Russian cities, as well as to the education and upbringing of Russian youth.

Keywords: Rusins, Galicians, Ugric Rusins, St. Petersburg, Moscow, classical gymnasiums, headmasters of gymnasiums, teachers of ancient languages

Впервые несколько учёных и педагогов из Подкарпатской Руси были приглашены на российскую службу в самом начале XIX в. В работах Т. Байцуры, Н.М. Пашаевой и других авторов их деятельность была подробно рассмотрена и получила высокую оценку. В частности, была показана их роль в качестве первых руководителей

Петербургского университета (М.А. Балугьянский), Нежинской гимназии высших наук (В.Г. Кукольник и И.С. Орлай) и Ришельевского лицея в Одессе (И.С. Орлай) [2; 12].

Вторая, более масштабная, кампания по привлечению педагогов-русинов в Российскую империю прошла во второй половине 60-х – 70-е гг. XIX в. Она, как и первая, была вызвана потребностями кадрового обеспечения образовательной реформы. В пореформенный период подавляющее большинство мужских гимназий в стране были преобразованы в классические, в которых основными предметами изучения становились латинский и древнегреческий языки. Поскольку в тогдашней России не было необходимого количества специалистов по классической филологии, их дефицит в первые годы реформы восполнялся, главным образом, за счёт приглашения специалистов славянского происхождения из Австро-Венгрии, в числе которых были и русины [3: 95–96; 7: 206].

Вторая переселенческая волна преподавателей-русинов изучена значительно слабее, чем первая. С.Г. Суляк и М.Ю. Дронов дали общий обзор русинских миграций на российскую территорию, выделив учителей в качестве одной из переселенческих групп [6; 25; 26]. Процесс привлечения австро-венгерских славян, в том числе русинов, на российскую службу, а также основные вехи их деятельности нашли своё отражение в работах Е.Ю. Басаргиной, Г.П. Измestьевой, И.В. Чуркиной, А.Н. Птицына и др. [3; 7; 16; 27].

В то же время слабо изученными остаются различные аспекты деятельности учителей-иммигрантов, а также конкретные практики их адаптации и интеграции. Особый интерес в этой связи вызывает служба русинов в качестве руководителей российских учебных заведений, которая в данной статье будет рассмотрена на материалах двух крупнейших образовательных центров империи – Петербурга и Москвы.

Приглашение учителей древних языков из числа австро-венгерских славян на службу в Министерство народного просвещения (МНП) началось с конца 1865 г. Инициатором и организатором этой кампании был священник русской посольской церкви св. Николая в Вене протоиерей М.Ф. Раевский, который в то время выступал в качестве неофициального представителя российских властей в контактах со славянами Дунайской монархии Габсбургов [27: 4–5]. Для профессиональной переподготовки этих педагогов и обучения их русскому языку в Петербурге был организован Институт славянских стипендиатов, через который за полтора десятилетия его деятельности (1866–1882 гг.) прошли около 160 австро-венгерских славян, в том числе 45 русинов. Преобладали в составе «славянских стипендиатов»

чехи, второе место занимали русины, затем шли словенцы, словаки, хорваты и сербы [16: 95–97].

Параллельно с общеимперской кампанией по привлечению иностранных учителей руководители учебных дирекций Царства Польского организовали собственную. С 1865 г. они стали активно вербовать учителей-русинов из Галиции для работы в униатских гимназиях и прогимназиях (гимназиях с неполным сроком обучения), организуемых в Люблинской и Седлецкой губерниях, частично населённых русинами [26: 129]. В результате в Россию перебралось более двух десятков галичан, причём не только филологов, но и других предметников. Гимназическими учителями становились и студенты-русины, получившие образование в российских университетах в пореформенный период, и прежде всего те, кто получал министерские стипендии [17; 19; 20].

Молодые образованные русины охотно шли работать в российские учебные заведения – как из материальных и престижных соображений, так и вследствие трудностей, с которыми их карьера часто сталкивалась на родине. Важную роль играло и то обстоятельство, что многие из них были сторонниками широко распространённого в то время среди русинов «москвофильства», пропагандировавшего сближение с Россией [16: 93–94].

Численность русинов-педагогов, работавших на просторах Российской империи в последней трети XIX – начале XX в., можно определить на основе штатных списков служащих МНП, содержащих биографические данные. Она составляла примерно 80–90 человек, причём не менее 75 % из них преподавали классические языки. Среди оставшихся в основном были представлены учителя немецкого и французского языков, отдельные русины вели другие предметы (математику и физику, рисование и черчение и др.). В отличие от первой волны русинской педагогической эмиграции, состоявшей из уроженцев Подкарпатской Руси, во второй были представители всех трёх русинских регионов Габсбургской монархии. При этом доминировали галичане, выходцев из Угорской Руси и Буковины насчитывалось примерно по 10 человек. Русины работали почти во всех учебных округах Российской империи, самым масштабным их присутствие было в двух западных округах – Варшавском и Киевском, а также в обширном Московском. Подавляющее большинство из них работало в мужских гимназиях и прогимназиях [17; 19; 20].

Адаптировались русины-педагоги в Российской империи, как правило, успешно. У подавляющего большинства из них российская карьера растянулась на долгие годы, на родину вернулись лишь единицы. Каждый шестой из учителей-русинов смог сделать карьеру,

дослужившись до поста директора гимназии либо прогимназии, всего таких насчитывалось 15 человек. Помимо русинов, директорские должности часто занимали чехи, а иногда – словаки и южные славяне из числа «славянских стипендиатов» [21–24].

В 1870–1900-е гг. около 20 русинов преподавали в гимназиях Петербурга и Москвы, причём две трети из них – в «первопрестольной». Примечательно, что в учебные заведения обеих столиц в то время старались назначать лучших учителей.

В петербургских гимназиях служили выходцы из Галицкой Руси М.П. Костев (директор), Л.О. Лавровский (директор, позднее работал в Москве), В.С. Вислоцкий (затем работал в Москве), В.О. Борковский, О.П. Витошинский, О.О. Хойнацкий и другие. Последние двое также занимали директорские должности в провинциальных гимназиях [17; 19; 20].

В московских гимназиях работали галичане А.Г. Семенович (директор гимназии и инспектор Московского учебного округа), Л.О. Лавровский (директор), Л.С. Кульчицкий (директор), Я.И. Гринчак (позднее был директором гимназии в Царстве Польском), В.С. Вислоцкий, П.И. Зарицкий, В.И. Ежовский, Л.И. Михалевич, К.К. Павликовский, Н.И. Козловский, И.Г. Семенович и другие. Также в Москве часть своей педагогической карьеры провели карпатские русины В.И. Горват (директор), В.Ф. Кимак и Ю.Ю. Ходобай [17; 19; 20; 24].

Обратимся к более подробному рассмотрению биографий наиболее выдающихся педагогов-русинов, выходцев из Австро-Венгрии, занимавших руководящие должности в гимназиях Санкт-Петербурга и Москвы – двух крупнейших городских центров Российской империи.

Галичанин Михаил Павлович Костев (1835–1907) окончил Львовский университет, после чего работал гимназическим учителем на родине. В 1866 г. он одним из первых откликнулся на призыв поступать на российскую службу и при посредничестве русинского учёного и общественного деятеля Я.Ф. Головацкого переехал в Россию. В течение года специалист обучался на педагогических курсах при Петербургском университете, получив диплом кандидата-педагога. В августе 1867 г. он был зачислен на службу в МНП и стал преподавать древние языки в Петербургской Ларинской гимназии [5: 161].

После 6-летней преподавательской работы в июне 1873 г. М.П. Костев был назначен руководителем 3-й Петербургской мужской прогимназии, открытой двумя годами ранее на южной окраине города (Измайловский район) [19: 48–49]. Во главе этого учебного заведения он стоял много лет, пройдя через две реорганизации. В 1874 г. прогимназия была преобразована из 4-классной в 6-классную, а в 1883 г. стала полноценной гимназией с 8-летним сроком обучения,

получив наименование 10-й Петербургской мужской гимназии. Эти изменения потребовали от директора большого труда, энергии и предприимчивости – в связи с поисками нового здания, переездом в него, капитальным и текущим ремонтом, подбором новых преподавателей и персонала, набором учеников, организацией учебного процесса в новых условиях, пополнением библиотеки и множеством других текущих проблем. В их разрешении директор, по свидетельству коллег-педагогов, проявлял «необыкновенную тщательность», осторожность и постепенность, он старался приноровиться к обстоятельствам, продолжая неуклонно двигаться к поставленной цели. Все ключевые вопросы школьной жизни были неразрывно связаны с личным вкладом Михаила Павловича, что получило своё отражение в официальной истории гимназии, изданной в годы его директорства [5: 29, 35–36, 49, 54, 145, 161].

Сама 10-я Петербургская гимназия в силу своего месторасположения не относилась к числу престижных, что создавало определённые сложности. Основной контингент учащихся составляли дети с окраин, родители которых принадлежали к различным сословиям и часто сталкивались с материальными трудностями. Дирекция гимназии старалась учитывать это обстоятельство, установив плату за обучение ниже, чем в центральных гимназиях, и помогала обеспечить учеников из самых бедных семей учебниками, пособиями и т. п. По инициативе Михаила Павловича и под его председательством в 1880 г. при школе было организовано «Общество вспомоществования нуждающимся ученикам», которое выделяло небольшие денежные пособия, приобретало учебники, устраивало школьные праздники и т. п. [5: 62, 91, 141–144].

Со второй половины 1880-х гг. директору 10-й гимназии пришлось с большими трудностями выполнять тогдашние министерские предписания в соответствии с политикой «контрреформ», которые постепенно ограничили количество учеников-евреев (их в гимназии было очень много из-за её местоположения), а также детей из низших сословий [18: 31–32].

В сложных ситуациях М.П. Костев проявлял себя как опытный администратор, благодаря чему смог оставаться на своём посту столь долгое время. Он возглавил прогимназию ещё в чине коллежского советника, а в 1890 г. был произведён в действительные статские советники (чин 4-го ранга, приравненный к званию генерал-майора и дававший права потомственного дворянства). За многолетнюю службу педагог был награждён орденами Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени и др. [21: 173; 22: 281; 23: 312].

М.П. Костев, как и другие директора, проживал на казённой квартире при гимназии. Это было выгодным в условиях столичной дороговизны, но заставляло находиться в русле школьной жизни круглые сутки. Согласно тогдашним правилам, директор гимназии был обязан проводить не менее 12 уроков в неделю, Михаил Павлович вёл латинский язык. С 1892 г., по выслуге 25 лет, педагог стал получать пенсию дополнительно к жалованию, оставаясь на прежней должности. В 1884 г. денежное содержание директора составляло 2,7 тыс. руб. в год, а к концу его службы достигло значительной по тем временам суммы – 3,9 тыс. руб. в год (в том числе 1,2 тыс. руб. жалования, 800 руб. столовых, 700 руб. платы за уроки и 1,2 тыс. руб. пенсии) [21: 173; 23: 312].

В сентябре 1901 г., в возрасте 66 лет, Михаил Павлович «за выслугой срока» был уволен со службы [14: 10]. После этого он продолжал жить в Петербурге вместе с женой и дочерью вплоть до своей смерти. Таким образом, всю свою российскую карьеру, составившую 34 года, педагог провёл в столице, и 28 лет из них руководил прогимназией и гимназией.

В отличие от работавшего в одном месте М.П. Костева, карьерный путь его земляка Лукиана Осиповича Лавровского (1834 – после 1904) был очень динамичным. Он занимал должность руководителя в двух петербургских и двух московских гимназиях. Будучи сыном униатского священника, Л.О. Лавровский в 1857 г. окончил курс в Львовском университете, а позднее обучался и сдавал учительский экзамен в Венском университете. На родине он работал учителем древних языков в гимназиях Дрогобыча и Львова. В 1867 г. педагог перешёл на службу в Царство Польское и переехал в Седлецкую губернию, став учителем Бельской униатской гимназии. Вскоре он принял российское подданство и присоединился к православию. Уже через год после переезда он был за заслуги награждён орденом Св. Анны 3-й степени, а в 1871 г. назначен инспектором Бельской гимназии [4: 96].

Следующий недолгий этап российской карьеры Л.О. Лавровского протекал в Петербурге. В августе 1872 г. он был назначен директором 1-й столичной мужской гимназии, а через год переведён на аналогичную должность в 6-ю мужскую гимназию, которую возглавлял в течение последующих двух лет [4: 96].

В августе 1875 г. Л.О. Лавровский переехал в Москву, заняв должность старшего учителя в Лицее Цесаревича Николая. Это было привилегированное учебное заведение с классическим уклоном, основанное известным публицистом М.Н. Катковым. Лицей включал в свой состав как гимназические, так и университетские классы, и старший учитель там выполнял функции заместителя директора.

На этом посту галичанин проработал 3 года. В декабре 1878 г. он был назначен директором 6-й Московской мужской гимназии, но проработал там меньше года [4: 96].

В октябре 1879 г. Лукиан Осипович был переведён на должность директора 3-й Московской мужской гимназии, где его карьера, наконец, обрела стабильность. Эту школу он возглавлял почти четверть века и внёс свой вклад в её развитие, что было отражено на страницах официальной истории гимназии [4: 96, 100–101]. Гимназия находилась в центре города, на Лубянке, в собственном здании, и считалась одной из лучших в первопрестольной. Она имела мощный педагогический состав, многие из её учителей были авторами гимназических учебников и пособий, по которым училась «вся Россия». Одним из них был карпатский русин Юрий Юрьевич Ходобай, преподававший там древние языки в 1869–1889 гг. [4: 146–148].

В 1885 г. Л.О. Лавровский получил высший для директорской должности чин, став действительным статским советником. С 1892 г. он получал пенсию по выслуге лет, продолжая исполнять свои обязанности. В 1901 г. его годовой заработок составлял 3,8 тыс. руб. (в том числе 1,2 тыс. руб. жалования, 800 руб. столовых, 400 руб. платы за проведённые уроки древних языков и 1,4 тыс. руб. пенсии). Проживал директор на казённой квартире при гимназии. Он был награждён орденами Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени и др. [24: 79].

В воспоминаниях бывшего гимназиста М.П. Кончаловского, ставшего впоследствии известным учёным-медиком, Лукиан Осипович характеризуется строгим, но искренне переживавшим за учеников директором, как «довольно приличный человек, который умел внушить к себе уважение и расположение детей» [9].

Последним местом работы Л.О. Лавровского стала уже знакомая ему 6-я Московская гимназия, на пост директора которой он был переведён в июне 1902 г. Через 2 года, достигнув 70-летнего возраста, он подал прошение об увольнении со службы с 1 июля 1904 г. [15: 93]. Таким образом, уроженец Галиции провёл на российской службе 37 лет, из которых почти 30 лет пробыл в статусе директора двух петербургских и двух московских гимназий.

Трамплином в карьере ещё одного галичанина – Антона Григорьевича Семеновича (около 1840–1900) – также стала успешная работа в Царстве Польском. Будучи выпускником Венского университета, он затем получил степень доктора философии в Лейпцигском университете. В июле 1866 г. молодой учёный был принят в число «славянских стипендиатов» первого набора и за год прошёл обучение при Петербургском университете. С сентября 1867 г. он в течение 6 лет преподавал латинский язык в Седлецкой униатской гимназии в од-

ноимённой польской губернии. Уже в следующем году «за отлично усердную службу и особые труды» педагог был награждён орденом Св. Анны 3-й степени. Как и многие его товарищи, он поменял подданство и перешёл в православие [19: 4; 20: 1–2].

Затем карьера галичанина переместилась в Москву, сделав резкий взлёт. 1 июля 1873 г. «учитель Седлецкой мужской гимназии, не имеющий чина» А.Г. Семенович распоряжением министра народного просвещения был назначен инспектором Московского учебного округа [20: 1–2]. С января по август 1874 г. он временно занимал должность директора 6-й Московской мужской гимназии, выполняя задачу по перестройке её работы в соответствии с министерскими предписаниями. Один из тогдашних гимназистов – А.В. Амфитеатров, ставший известным журналистом и писателем, вспоминал: «Подтягивать нашу республику определён был А.И. Семенович (мемуарист неточно указывает его инициалы. – А.П.), строгий и методический службист. Его уважали, о нём сохранились у меня и у большинства моих товарищей, с кем потом случалось встречаться, хорошие воспоминания как о педагоге суровом, чересчур формалистического направления и образа мыслей, но справедливом и с тёплой душой под грубоватую оболочкою. Его усилиями и после него наша гимназия вошла в общую узенькую колею, предписанную толстовским режимом» [1: 71]. Примечательно, что на посту школьного директора галичанина сменил угорский русин В.И. Горват, о котором речь пойдёт ниже.

В августе 1874 г. А.Г. Семенович вернулся на должность инспектора Московского учебного округа и находился на ней последующие 8 лет [20: 1–2]. Как филолог-классик с зарубежным и российским опытом, он курировал работу мужских гимназий в 11 губерниях Европейской России, входивших в состав Московского учебного округа, и внёс, таким образом, вклад в развитие образовательной системы и реализацию гимназической реформы в этом регионе.

В сентябре 1882 г. А.Г. Семенович покинул Москву, получив назначение на пост директора Калишской гимназии в Царстве Польском. Там он проработал почти два десятка лет, вплоть до своей смерти в феврале 1900 г. Галичанин достиг чина действительного статского советника и был награждён орденами Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени и др. [21: 528; 23: 734].

Младший брат предыдущего педагога Иван Григорьевич Семенович в качестве «славянского стипендиата» прошёл курс обучения на историко-филологическом факультете Петербургского университета и с 1877 г. до начала Первой мировой войны преподавал древние языки в 1-й Московской мужской гимназии, подготовив ряд учебных пособий и хрестоматий [7: 190].

В отличие от других русинов, занимавших руководящие посты в столичных гимназиях, Владимир (Сигизмунд) Иванович Горват (1837–?) был уроженцем Подкарпатской Руси. На родине он работал домашним учителем и преподавателем гимназии. В декабре 1871 г. педагог был принят в число слушателей Института славянских стипендиатов и прошёл переподготовку в Петербурге. В августе 1872 г. он был зачислен на службу и назначен учителем древних языков в Нежинскую гимназию, а вскоре был переведён во 2-ю Киевскую мужскую гимназию. В первые годы жизни в России он перешёл в православие, вследствие чего поменял имя Сигизмунд на Владимир [19: 45].

В августе 1874 г. В.И. Горват был назначен исполняющим должность директора 6-й Московской мужской гимназии, сменив А.Г. Семеновича. В январе 1876 г. он был утверждён в ней на постоянной основе. Директор получал жалование в размере 2 тыс. руб. в год и наряду с основной деятельностью вёл 12 уроков латинского языка в неделю, получая за них дополнительную плату [20: 14–15]. Однако по неясным причинам карьера карпаторусса оказалась непродолжительной. Пробыв во главе гимназии 4 года, в июне 1878 г. В.И. Горват подал прошение об увольнении с должности и службы «по собственному желанию», которое было удовлетворено [13: 102–103]. Дальнейшая его судьба в доступных источниках не отражена.

Ещё один галичанин – Лев Станиславович Кульчицкий (1844 – после 1917) – занял руководящий пост в московской гимназии после многолетней работы в провинции. Он окончил Львовский университет, после чего в августе 1866 г. по рекомендации Я.Ф. Головацкого был зачислен в число «славянских стипендиатов» и прошёл переподготовку при Московском университете. В августе 1867 г. молодой специалист был назначен учителем латинского языка в Костромскую гимназию. Там он проработал 7 лет и подготовил учебное пособие по латинскому языку, которое широко использовалось в гимназиях [20: 2–3].

В сентябре 1874 г. Л.С. Кульчицкий, сменивший к тому времени подданство и присоединившийся к православию, был назначен инспектором Рязанской мужской гимназии, а в июле 1877 г. стал её директором. Он быстро продвигался по лестнице чинов и в 1886 г. «за отличие по службе» был произведён в действительные статские советники, получив права потомственного дворянства [19: 49–50; 22: 359].

В марте 1887 г. Лев Станиславович был перемещён на пост директора 4-й Московской мужской гимназии, где проработал почти 10 лет. С 1892 г. он, оставаясь в прежней должности, стал получать пенсию. Его заработок составлял 4,5 тыс. руб. в год (в том числе 1,2

тыс. руб. жалования, 800 руб. столовых, 840 руб. доплаты за заведение гимназическим пансионом, 660 руб. за уроки латинского языка и 1 тыс. руб. пенсии). Директор проживал на казённой квартире при гимназии [22: 359].

В октябре 1896 г. Л.С. Кульчицкий «по прошению» был переведён обратно на должность директора Рязанской гимназии, где проработал до своего ухода со службы в 1902 г. Таким образом, его педагогическая карьера растянулась на 35 лет, из которых четверть века он руководил гимназиями в Рязани и Москве. Педагог был награждён орденами Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени и др. [24: 99].

Личностные качества Льва Станиславовича нашли своё отражение в воспоминаниях гимназистов, которым он запомнился «добродушно-суровым отношением на уроках латинского языка в старших классах, и чисто отеческим отношением на переменах и в части жизни в пансионе» [8: 350]. После ухода в отставку Л.С. Кульчицкий проживал в Рязани и служил в сословных дворянских учреждениях, причём в 1910-е гг. он стал предводителем дворянства Рязанского уезда, а затем и Рязанской губернии, что послужило весьма необычным эпилогом карьеры педагога из Галиции [10: 207].

Таким образом, в последней трети XIX – начале XX в. директорские должности в гимназиях Петербурга и Москвы занимали 5 русинов, в том числе 4 галичанина и 1 угорский русин. В разное время они возглавляли три петербургские и три московские гимназии. Один из галичан также являлся инспектором Московского учебного округа. Следует отметить, что директорский пост занимал каждый четвёртый из числа преподававших в столичных гимназиях русинов, что было заметно выше, чем в целом по стране.

Выходцы из русинских земель становились руководителями гимназий не сразу, вначале они по несколько лет проработали преподавателями древних языков. Примечательно, что все 4 директора-галичанина принадлежали к самой первой волне иностранных филологов, прибывших в Россию ещё в 1866–1867 гг.

Служебному продвижению педагогов-русинов способствовали как кадровая ситуация, сложившаяся в то время в российских гимназиях, так и свойственные им профессиональные и личные качества. В пореформенный период образовательная система развивалась быстрыми темпами, почти каждый год открывались новые гимназии и прогимназии, их руководители подбирались из числа опытных педагогов. При этом руководство МНП настоятельно рекомендовало назначать на директорские и инспекторские должности в гимназиях преимущественно специалистов по классической филологии «для

обеспечения первенствующего положения древних языков», принимая во внимание при этом «твёрдость характера» [7: 191, 207].

Карьерному росту учителей-иммигрантов – не только русинов, но и других преподавателей-славян, выходцев из Австро-Венгрии – способствовали такие, присущие многим из них, деловые качества, как европейская образованность, профессионализм, требовательность, решительность, методичность, дисциплинированность, лояльность и готовность исполнять приказы начальства. Для собственно русинов преимуществом было то, что в России того времени их, как правило, не считали иностранцами и иноверцами, а в духе господствовавших тогда представлений включали в состав «единого русского народа», проживавшего на пространстве «от Карпат до Камчатки» [11: 6]. Занятию управленческих должностей способствовали быстрая ассимиляция и интеграция русинов, многие из которых охотно принимали российское подданство и переходили в православие.

Педагогическая и организационно-управленческая деятельность учителей-русинов в Петербурге и Москве способствовала становлению, функционированию и развитию системы классического гимназического образования. Своей профессиональной деятельностью педагоги-русины вписали свои имена в историю отдельных учебных заведений этих городов, сыграв заметную роль в обучении и воспитании нескольких поколений российских гимназистов, сохранивших о них добрую память в своих воспоминаниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 584 с.
2. *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава: Словацьке педагогічне видавництво; Прашев: Відділ української літератури, 1971. 230 с.
3. *Басаргина Е.Ю.* Из истории классического образования в России: Учительский институт славянских стипендиатов // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV (Чтения памяти И.М.Тронского): материалы Международной конференции, проходившей 21–23 июня 2010 г. / отв. ред. Н.Н. Казанский. Ч. 1. СПб.: Наука, 2010. С. 93–104.
4. *Виноградов П.А.* Краткий очерк пятидесятилетия Московской III гимназии (1839–1889). М.: Тип-я А. Левинсон, 1889. 246 с.
5. Двадцатипятилетние С.-Петербургской Десятой гимназии. 1871–1896 / сост. А.И. Чевакинский. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1897. 194 с.

6. Дронов М.Ю. Галицкие, угорские и буковинские русины как объект внимания Российской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. Очерки / ред. Е.Ю. Борисенко, М.В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 311–342.

7. Измestьева Г.П. Классическое образование в истории России XIX века. М.: Пробел-2000, 2003. 336 с.

8. Историческая записка Рязанской первой мужской гимназии. 1804–1904. Рязань: Тип-я Н.В. Любомудрова, 1904. 358 с.

9. Кончаловский М.П. Моя жизнь, встречи и впечатления. URL: <http://www.celenie.ru/konchalovsky.htm> (дата обращения: 13.03.2023).

10. Памятная книжка Рязанской губернии. 1914. Рязань: Губернский статистический комитет, 1914. 499 с.

11. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001. 201 с.

12. Пашаева Н.М. Карпаторусские интеллигенты в России в 1-й половине XIX века: Орлай, Балугьянский, Лодий, Кукольник, Венелин // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 129–140.

13. Приказы управляющего министерством народного просвещения товарища министра // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). 1878. Сентябрь. Т. СХСІХ. С. 99–103.

14. Приказы по ведомству народного просвещения // ЖМНП. 1901. Ноябрь. Т. СССХХVІІІ. С. 3–15.

15. Приказы по ведомству народного просвещения // ЖМНП. 1904. Август. Т. ССCLIV. С. 79–96.

16. Птицын А.Н. Русины в Институте славянских стипендиатов (1866–1882 гг.) // Русин. 2022. № 70. С. 86–103. DOI: 10.17223/18572685/70/6.

17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 165. Д. 171. Дело по разным вопросам, касающимся устава гимназий и прогимназий, часть IV – списки преподавателей средних учебных заведений разных учебных округов (1884).

18. РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 188. Дело о выработке мер против обхода правил, изданных министерством, и о недопущении в средние учебные заведения детей некоторых лиц (1882–1889).

19. РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 15. Дело о списках стипендиатов (1866–1875).

20. РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Список стипендиатов Славянского учительского института в С.-Петербурге (1866–1882).

21. Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1884/5 учебный год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел 1884. 727 с.

22. Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения. 1894/95 учебный год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1894. 785 с.

23. Список лиц, служащим по ведомству Министерства народного просвещения на 1900 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1900. 881 с.

24. Справочная книга об учебных заведениях Московского учебного округа на 1901–1902 учебный год. Ч. 1. М.: Канцелярия попечителя Московского учебного округа, 1902. 461 с.

25. Суляк С.Г. Русины Молдавии: основные этапы этнической истории: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 34 с.

26. Суляк С.Г. Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья // Русин. 2022. № 70. С. 104–147. DOI: 10.17223/18572685/70/7

27. Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 200 с.

REFERENCES

1. Amfiteatrov, A.V. (2004) *Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlya sebya i dlya mnogikh* [The life of a person uncomfortable for himself and for many]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

2. Baytsura, T. (1971) *Zakarpatoукраїнська інтелігенція в Росії в першій половині XIX століття* [Transcarpatho-Ukrainian intelligentsia in Russia in the first half of the 19th century]. Bratislava: Slovats'ke pedagogicne vydavnistvo; Prešov: Viddil ukraїїns'koї literature.

3. Basargina, E.Yu. (2010) Iz istorii klassicheskogo obrazovaniya v Rossii: Uchitel'skiy institut slavyanskikh stipendiatov [From the history of classical education in Russia: Teacher's Institute of Slavic Scholars]. In: Kazanskiy, N.N. (ed.) *Indoevropskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XIV (Chteniya pamyati I.M. Tronskogo)* [Indo-European linguistics and classical philology – XIV (Readings in memory of Iosif M. Tronsky)]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. pp. 93–104.

4. Vinogradov, P.A. (1889) *Kratkiy ocherk pyatidesyatiletney Moskovskoy III gimnazii (1839–1889)* [A Brief Essay on the Fiftieth Anniversary of the Moscow III Gymnasium (1839–1889)]. Moscow: A. Levinson.

5. Chevakin'skiy, A.I. (ed.) (1897) *Dvadsatipyatiletnie S.-Peterburgskoy Desyatoy gimnazii. 1871–1896* [Twenty five years of St. Petersburg Tenth Gymnasium. 1871–1896]. St. Petersburg: Yu.N. Erlikh.

6. Dronov, M.Yu. (2018) Galitskie, ugarskie i bukovinskie rusiny kak ob'ekt vnimaniya Rossiyskoy pravoslavnoy tserkvi vo vtoroy polovine XIX–nachale XX v. [Galician, Ugrian and Bukovinian Rusins as an object of attention of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th–early 20th centuries]. In: Borisenok, E.Yu. & Leskinen, M.V. (eds) *Malorossy vs ukraїntsy: Ukraїnskiy vopros*

v nauke, gosudarstvennoy i kul'turnoy politike Rossiyskoy imperii i SSSR. Ocherki [Little Russians vs Ukrainians: The Ukrainian question in science, state, and cultural policy of the Russian Empire and the USSR. Essays]. Moscow: Institute of Slavonic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 311–342.

7. Izmestieva, G.P. (2003) *Klassicheskoe obrazovanie v istorii Rossii XIX veka [Classical education in the history of Russia in the 19th century]. Moscow: Probel-2000.*

8. Anon. (1904) *Istoricheskaya zapiska Ryazanskoy pervoy muzhskoy gimnazii. 1804–1904 [A historical note of the Ryazan First Male Gymnasium. 1804–1904]. Ryazan: N.V. Lyubomudrov.*

9. Konchalovskiy, M.P. (n.d.) *Moya zhizn', vstrechi i vpechatleniya [My life, meetings and impressions]. [Online] Available from: <http://www.celenie.ru/konchalovsky.htm> (Accessed: 13th April 2023).*

10. The Provincial Statistical Committee. (1914) *Pamyatnaya knizhka Ryazanskoy gubernii. 1914 [The Commemorative Book of the Ryazan province. 1914]. Ryazan: Provincial Statistical Committee.*

11. Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv. [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: State Public Historical Library of Russia.*

12. Pashaeva, N.M. (2008) Carpatho-Russian Intellectuals in Russia in the First Half of the XIX century: Orlai, Balug'ianskii, Lodii, Kukul'nik, Venelin. *Rusin*. 3–4(13–14). pp. 129–140 (in Russian).

13. Ministry of Public Education of Russia. (1878) *Prikazy upravlyayushchego ministerstvom narodnogo prosveshcheniya tovarishcha ministra [Orders of the Governor of the Ministry of Public Education Deputy Minister]. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. September. CXCIX. pp. 99–103.*

14. Ministry of Public Education of Russia. (1901) *Prikazy po vedomstvu narodnogo prosveshcheniya [Orders for the department of public education]. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. November. CCCXXXVIII. pp. 3–15.*

15. Ministry of Public Education of Russia. (1904) *Prikazy po vedomstvu narodnogo prosveshcheniya [Orders for the Department of Public Education]. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. August. CCCLIV. pp. 79–96.*

16. Ptitsyn, A.N. (2022) Rusins in the Institute of Slavic Scholars (1866–1882). *Rusin*. 70. pp. 86–103 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/6.

17. The Russian State Historical Archive (RGIA). (1884) *Delo po raznym voprosam, kasayushchimsya ustava gimnaziy i progimnaziy, chast' IV – spiski prepodavateley srednikh uchebnykh zavedeniy raznykh uchebnykh okrugov (1884) [Case on various issues concerning the Charter of gymnasiums and progymnasiums, part IV – lists of teachers of secondary educational institutions of different educational districts]. Fund 733. List 165. File 171.*

18. The Russian State Historical Archive (RGIA). (1882–1889) *Delo o vyrabotke mer protiv obkhoda pravil, izdannykh ministerstvom, i o nedopushchenii v srednie*

uchebnye zavedeniya detey nekotorykh lits [On the development of measures against circumvention of the rules issued by the Ministry, and on the exclusion of the children of certain persons from secondary educational institutions]. Fund 733. List 165. File 188.

19. The Russian State Historical Archive (RGIA). (n.d.) *Delo o spiskakh stipendiatov* (1866–1875) [Scholarship list case (1866–1875)]. Fund 733. List 169. File 15.

20. The Russian State Historical Archive (RGIA). (n.d.) *Spisok stipendiatov Slavyanskogo uchitel'skogo instituta v S.-Peterburge* (1866–1882) [List of scholarship holders of the Slavic Teachers' Institute in St. Petersburg (1866–1882)]. Fund 733. List 169. File 230.

21. Ministry of Public Education of Russia. (1884) *Spisok litsam, sluzhashchim po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1884/5 uchebnyy god* (1884) [List of people serving under the Department of the Ministry of Public Education. 1884/5 academic year]. St. Petersburg: Ministry of the Interior.

22. Ministry of Public Education of Russia. (1894) *Spisok litsam, sluzhashchim po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1894/95 uchebnyy god* [List of people serving under the Department of the Ministry of Public Education. 1894/5 academic year]. St. Petersburg: Ministry of the Interior.

23. Ministry of Public Education of Russia. (1900) *Spisok lits, sluzhashchikh po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya na 1900 g.* [List of people serving under the Department of the Ministry of Public Education. 1900 academic year]. St. Petersburg: Ministry of the Interior.

24. Moscow Educational District. (1902) *Spravochnaya kniga ob uchebnykh zavedeniyakh Moskovskogo uchebnogo okruga na 1901–1902 uchebnyy god* [Reference book on educational institutions of the Moscow educational district for the 1901–1902 academic year]. Vol. 1. Moscow: Office of the Trustee of the Moscow Educational District.

25. Sulyak, S.G. (2006) *Rusiny Moldavii: osnovnye etapy etnicheskoy istorii* [Rusins of Moldova: The main stages of ethnic history]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

26. Sulyak, S.G. (2022) Evfimy Kryzhanovsky on the Rusins-Uniates of the Russian Zabuzhie. *Rusin*. 70. pp. 104–147 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/7

27. Churkina, I.V. (2011) *Protoierye Mikhail Fedorovich Raevskiy i yugoslavyane* [Archpriest Mikhail Fedorovich Raevsky and the Yugoslavs]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия).

Andrey N. Ptitsyn – North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

E-mail: ptiandr@gmail.com

УДК 94(47).082

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/4

Панславистские журналы «Благовест» и «Русская беседа» о русинском вопросе (1890–1896 гг.)*

М.В. Медоваров

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Авторское резюме

Проанализировано восприятие русинского вопроса в Галиции, Буковине и Закарпатье, а также в русинской эмиграции в Америке российскими периодическими изданиями «Благовест» и «Русская беседа» в период с 1890 по 1896 г. Фактическим руководителем этих журналов был левый панславист Афанасий Васильев. Продемонстрировано отсутствие специальных работ о нем и в целом о левом крыле позднего славянофильства. Подчеркнута недостаточная изученность отражения русинской темы в общественном сознании России 1890-х гг. Основное внимание уделено эволюции позиций «Благовеста» и «Русской беседы» как его продолжения. Рассмотрены корреспонденции из Галиции, Буковины, Закарпатье (Угорской Руси), а также русинской эмигрантской диаспоры в США, публиковавшиеся на страницах этих журналов. Проанализированы политические обозрения и исторические труды по русинскому вопросу, формировавшие у читателей панславистских журналов представления о крайней степени угнетенности русинов в Австро-Венгрии и об их борьбе за единство со всем русским народом. Сделан вывод о существенном вкладе журналов Афанасия Васильева в формирование общественного мнения России о зарубежных русинах. Хотя влияние «Благовеста» и «Русской беседы» было ограничено узким кругом читателей, заложенные А.В. Васильевым, Н.П. Аксаковым, С.Ф. Шарпавым и их единомышленниками тенденции впоследствии усилили свои позиции в русской общественной мысли начала XX в., способствуя быстрому росту вовлеченности Российского государства и общества в русинский вопрос в Австро-Венгрии.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006>

Ключевые слова: позднее славянофильство, русский панславизм, Галиция, Буковина, Закарпатье, русинский вопрос, Афанасий Васильев, Николай Аксаков, «Благовест», «Русская беседа»

Pan-Slavist Journals *Blagovest* and *Russkaya Beseda* on the Rusin Question (1890–1896)*

Maxim V. Medovarov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
23 pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the perception of the Rusin Question in Galicia, Bukovina and Transcarpathia, as well as among the Rusin émigré in America as reflected by the Russian periodicals *Blagovest* and *Russkaya Beseda* from 1890 to 1896, when edited by the left-wing Pan-Slavist Afanasy Vasilyev. According to the author, Vasilyev's personality as well as the left wing of the late Slavophilism and the reflection of the Rusin Question in the Russian social conscience in the 1890s is understudied. In his article, the author draws on the correspondence from Galicia, Bukovina, Transcarpathia (Hungarian Rus), as well as the Rusin émigré in the USA published in *Blagovest* and *Russkaya Beseda* to trace the evolution of their stance on the Rusin question. He also analyzes the political reviews and historical works on the Rusin question that shaped the idea that Rusins were extremely oppressed in Austria-Hungary and struggled for the unity with the entire Russian people. The author concludes that Vasilyev's journals significantly contributed to the formation of Russian public opinion about Rusins abroad. Although *Blagovest* and *Russkaya Beseda* had a limited readership, the tendency shaped by Vasilyev, Nikolay Aksakov, Sergey Sharapov and their ideological soulmates subsequently strengthened their positions in Russian social thought in the early 20th century, contributing to the growing involvement of the Russian state and society in the Rusin question in Austria-Hungary.

Keywords: Late Slavophilism, Russian Pan Slavism, Galicia, Bukovina, Transcarpathia, Rusin Question, Afanasy Vasilyev, Nikolay Aksakov, *Blagovest*, *Russkaya Beseda*

---

* The research is funded by the RSF Project 22-78-10006, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10006>

История формирования общественного мнения в России по русинскому вопросу, первые шаги влияния прессы на представления публики о жизни зарубежных русинов изучены крайне недостаточно применительно к концу XIX в. [22: 75–78; 39]. По справедливому замечанию М.Л. Ивашкина, история русинов «не имеет прочной традиции в отечественной науке» [10: 68]. Из монографий последних лет выделяются исследования по истории русинского движения. В частности, рассматриваются борьба в Галиции по вопросам орфографии в 1892–1894 гг. [3: 53–56; 27: 107–108; 46: 87–88], межпартийная борьба и кровопролитие на галицких выборах в 1890–1896 гг. [13: 60–68] и деятельность закарпатского священника Алексия Тота в США, в 1891 г. перешедшего из униатства в православие [3: 68–70], которая отдельно будет проанализирована нами ниже.

А.И. Миллер, настаивая, что Россия якобы активно вела панславистскую пропаганду в Австро-Венгрии, не делает разницы между российским правительством и дипломатами, равнодушными к данной теме, и частными активистами, в том числе из Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (далее – СБО), к числу которых принадлежали и левые панслависты А.В. Васильев и Н.П. Аксаков [24: 68–69]. Напротив, Н.М. Пашаева четко противопоставляет позицию российского государства и панславистов (включая «Благовест») в 1890-е гг. [27: 111–116]. В монографии М.Э. Клоповой левые панслависты и их журналы не упоминаются, но постановка ею вопроса о противостоянии панславистской общественности и российской кабинетной дипломатии, ничего не делавшей для русинов [13: 46–66], близка к Н.М. Пашаевой.

М.А. Шульга, обращаясь к русинскому вопросу в 1890-е гг., сосредоточил внимание на патриархе правого крыла поздних славянофилов В.И. Ламанском [47: 20–22], который, как известно, после конфликта с левым и центристским крылом панславистов утратил позиции в данном движении. Наиболее острые нападки на правых в 1888 г. исходили именно от А.В. Васильева, что рассмотрено историками на примерах В.И. Ламанского [23: 43; 29: 381–382], А.А. Киреева и К.Н. Леонтьева [21: 60, 63–64].

Ввиду весьма слабого обращения русских правых монархистов конца XIX в. к русинскому вопросу [22], задача первичного формирования общественного мнения в России по данной теме во многом легла на плечи журналов «Благовест» и «Русская беседа», де-факто возглавлявшихся А.В. Васильевым. Специальных исследований ни об этих журналах, ни о нем самом не существует, за исключением энциклопедических статей А.Э. Котова [14] и А.Д. Степанова [38], хотя Васильев играл заметную роль в общественной жизни России

(после 1917 г. – и в эмиграции) на протяжении десятков лет. При этом причислять его к консерваторам или черносотенцам можно только с большими оговорками, поскольку в «Благовесте» он называл себя либералом и ставил знак равенства между славянофильством и «подлинным» либерализмом, в чем его поддерживал Н.П. Аксаков [31]. Любое «охранительство» и «реакция» были для них неприемлемы, а в 1905 г. Васильев вышел из правого Русского собрания по причине своей поддержки либеральных требований [38]. Афанасий Васильев и Николай Аксаков вслед за Орестом Миллером могут быть охарактеризованы как левые панслависты, русские национал-либералы, предтечи национал-демократов 1910-х гг.

Хронологические рамки исследования (1890–1896 гг.) определяются как периодом издания «Благовеста» и второй «Русской беседы», так и переменами в политической жизни Галиции и всей Европы в данные годы.

Активизация интереса левого крыла СБО к русинам относится к концу 1880-х гг. В 1888 г. член СБО Г.И. Купчанко основал в Галиции журнал «Русская правда»; одновременно выходила часто менявшая названия газета О.А. Маркова («Червонная Русь», «Галицкая Русь», «Галичанин») [27: 104]. Произошли заметные перемены в русской панславистской журналистике: преобразование ежемесячных «Известий СПб. Славянского благотворительного общества» в еженедельную газету «Славянские известия» (1889–1891 гг.) и реформирование «Благовеста».

«Благовест» издателя и редактора Г.И. Кульжинского с 1883 г. выходил в Харькове, с 1888 г. в Петербурге, с октября 1889 по январь 1890 г. – в Нежине. До 1889 г. журнал иногда печатал репортажи о тяжелой жизни в Галиции, но в последних, нежинских номерах эта тема отсутствует. Издание «Благовеста» было возобновлено левыми панславистами, отстраненными от «Славянских известий» 15 августа 1890 г., издателем журнала теперь числился Н. Филиппов, «кормчим» (т.е. редактором) – Ф.В. Четыркин, фактическим редактором и автором программных статей и примечаний – А.В. Васильев. Активнейшими сотрудниками журнала стали С.Ф. Шарاپов и Н.П. Аксаков. К.Н. Леонтьев иронизировал над «пламенными славянолюбцами “Благовеста”» [18: 662] и даже называл журнал «бешеным панславистическим воем» [25: 22 об.]. В.В. Розанов спустя много лет писал, что «Благовест» Васильева работал на Т.И. Филиппова в его борьбе с С.Ю. Витте [14: 90], однако в этом можно усомниться ввиду известной близости К.Н. Леонтьева к государственному контролеру.

Русинский вопрос почти сразу занял одно из ведущих мест в «Благовесте». Ввиду воздействия журнала на неопределенно широкий круг читателей и, как будет показано, необычную для 1890-х гг. долговеч-

ность издания, можно говорить о том, что наряду с официальными изданиями СБО он способствовал формированию общественного мнения в России в отношении «зарубежной, подъяремной Руси». «Благовест» неоднократно приостанавливался на несколько месяцев; с августа по декабрь 1890 г. было издано 9 выпусков, в 1891 г. – 21, в 1892 г. – 16. В 1893 г. журнал вышел лишь пять раз и не затрагивал русинскую тему. В январе 1894 г. появился последний 53-й выпуск под редакцией Н.П. Аксакова с измененной программой. Русинской темы в нем не звучало, в отличие от основанного тогда же «Галицко-русского вестника» (вышло два номера), рассмотрение которого выходит за рамки данной статьи.

Продолжением де-юре «Галицко-русского вестника», а де-факто «Благовеста» в 1895 и 1896 гг. стал почти ежемесячный журнал левых славянофилов – «Русская беседа» под редакцией А.В. Васильева, а «Благовестом» теперь называлось историко-церковное приложение к ней под редакцией Ф.В. Четыркина. Состав редакции и сотрудников журнала, равно как и универсальная тематика публикаций (русинский вопрос занимал в «Русской беседе» весьма скромное место) позволяют рассматривать ее как единое целое с «Благовестом».

Проанализируем все 15 публикаций о русинах в «Благовесте» с октября 1890 по ноябрь 1892 г. вместе с двумя публикациями за 1894 и 1895 гг., а также 14 публикаций в «Русской беседе» 1895–1896 гг. В совокупности это позволит нам реконструировать образ русинского вопроса, создававшийся левыми панславистами в целях формирования общественного мнения.

Целесообразно разделить анализ публикаций на тематические группы по регионам: Галиции, Буковины, Закарпатья и американской диаспоры.

Общая характеристика положения русинов. Первая же статья «Благовеста» о русинах, написанная Ф.В. Четыркиным, провозглашала тезис об угнетении 3,5 млн русских в Галиции, Буковине и Угорской Руси со стороны польских, немецких и венгерских властей и полиции: «Несмотря на конституцию, предоставляющую (на бумаге, конечно) всем народностям Австро-Венгерского государства равные права, русским не позволено ни употреблять свой родной русский язык в присутственных местах, учебных заведениях и проч., ни соблюдать как следует и как *им* хочется, церковные обряды» [45: 116]. Отмечалось, что жандармы мешают проведению униатских богослужений по православному обряду, а в Галиции крестьянам и священникам запрещают иметь издания львовских русофилов, включая газету Г.И. Купчанко «Русская правда», ее выпуски конфискуются. Особое значение придавалось запрету австрийским судом «Памятной кни-

жечки» Купчанко, распространявшейся по Галиции и Буковине и не нарушавшей закон, но неугодной властям из-за пропаганды русской идентичности этих провинций. Четыркин рассказывал о псаломщике М. Книше, отсидевшем полтора года в заключении за чтение крестьянам русских изданий Купчанко и вывешивание портрета Александра III. Подчеркивалось, что австрийские власти требуют от русских называться рутенами [45: 118].

В ноябре 1891 г. «Благовест» опубликовал текст речи Купчанко как члена австрийского общества трезвости перед аналогичным петербургским обществом. Русинский активист называл Галицию и Буковину центрами австрийского алкоголизма, а также убийств и самоубийств на его почве. Он связывал это с преобладанием водки у русинов (в отличие от пива и вина у немцев и чехов; закарпатские словаки, по М.В. Сарычу, пили и пиво, и водку-паленку). В этой статье Купчанко затрагивал вопрос языка, утверждая, что 3 млн галицких и 250 тыс. буковинских русинов не понимают русского литературного языка, что с «непросвещенными и необразованными крестьянами» приходится говорить на «малорусском наречии» [15: 885]. Однако тот же Купчанко, рассылая свои книжки о борьбе с пьянством по деревням, награждал за умеренную плату трезвых крестьян «медалями трезвости» на русском и немецком языках. Так, 20 тыс. крестьян отказались от алкоголя и получили такие медали, а их имена пропагандировались в газете «Русская правда» (например, Н. Лагадин из убицы превратился в добродетельного активиста). В этой борьбе Купчанко помогли русскоязычные немцы А. Даум и М. фон Просковец [15: 886–887].

Общую характеристику русинов всех регионов давал также М.В. Сарыч. Не отделяя 3 млн галицких и буковинских русинов от 500 тыс. закарпатских, он подчеркивал единство процесса «пробуждения» у всех них русского и православного самосознания с 1848 г. и австрийских репрессий против «передовых русских патриотов» [20: 1072]. Эти репрессии, в его понимании, не сводились к арестам, но включали и аграрную реформу 1871 г. в Галиции, связанную с отрезками у крестьян лучших участков пашни, лесов и пастбищ и сопровождавшуюся военной силой, и монополизацию евреями торгово-ремесленной сферы, недоступной для крестьян. Все надежды галицкие крестьяне сначала возлагали на приход русского царя с армией, а потом – на эмиграцию самореализацию в Америке [20: 1073–1074].

Галицкая Русь в «Благовесте» и «Русской беседе». Галицкую тему в «Благовесте» в мае 1891 г. открыл Афанасий Васильев своим стихотворением «Порабощенным славянам» (впервые опубликовано в

1889 г.). Призыв свергнуть «орду неистовую немцев» он адресовал Галиции: «Наш красный Галич и Карпаты / Да внидут вновь под русский кров!» [6: 498].

В сентябре 1891 г. «Благовесту» пришлось вспомнить о галицких русинах в связи с кончиной о. Иоанна Наумовича [42]. Журнал знакомил читателей с биографией известного галицко-русского подвижника, который до 22-летнего возраста считал себя поляком, но был осмеян крестьянами с русской православной идентичностью, после чего стал ходить по Галиции и Закарпатья, стал священником и пришел к выводу об исконно русском характере своего родного края. По оценке «Благовеста», поляки в Галиции «переманили всё высшее сословие на свою сторону, отняли все права, уничтожили все предания русского быта. Остался один простой народ со своим духовенством, верный заветам своих предков, но народ без всяких прав, отданный на дикий произвол кичливой аристократии» [42: 739]. Обозреватель отмечал русинское возрождение 1848 г. во главе с Я.Ф. Головацким и роль в нем Наумовича, его изданий для народа, значение общества им. М. Качковского. Благодаря всенародной любви о. Иоанн стал депутатом рейхсрата и «считался самым видным представителем староюрцев – старорусской или, как называют ее поляки, “москалефильской” партии, признающей одну нераздельную Русь от Карпат до Урала». Подчеркивалось, что уже в «манифесте» 1866 г. Наумович отказался от этнонима «русин» или «рутен» в пользу «русского» [42: 740]. «Благовест» не скрывал заявлений о. Иоанна о своей политической лояльности Австрии и признании им католических догматов, но вместе с тем и того, что он настаивал на тождестве униатских церковных праздников, богослужений и народного быта с Москвой. Разорвать связи с православной Россией, говорил Наумович полякам, значило бы стать предателем и отступником от своих предков.

Наконец, «Благовест» знакомил читателей с деталями суда над Наумовичем в 1883 г., когда он был приговорен к 8 месяцам заключения и лишился прихода, а после анафемы от римского папы обратился к нему с апелляцией. В ответ Ватикан потребовал отказаться от особых условий унии и подписать латинское исповедание веры, но о. Иоанн на пике своей народной популярности во Львове в 1885 г. принял православие, после чего уехал в Киев и до конца жизни искал в Закавказье место для поселения галичан-пчеловодов; смерть о. Иоанна на обратном пути «Благовест» вслед за «Киевлянином» Д.И. Пихно приписывал пороку сердца, не упоминая слух о его отравлении [42: 743].

Первые корреспонденции из Галичины, а именно из Львова, в «Благовесте» принадлежали 18-летнему Ю.А. Яворскому, который прославился в 1891 г. выступлением за промежуточную между

украинофилами и москвофилами позицию относительно русинской идентичности [27: 108–109]. В дальнейшем взгляды Яворского эволюционировали в сторону признания галицких русинов частью русского народа, чему способствовало его сотрудничество в «Благовесте» год спустя. В письме из Львова от 12 (24) сентября 1892 г. публицист сравнивал судьбу Галиции с веткой, оторванной от родного русского дуба, которую многие столетия метают чужие ветра, а потому невозможно винить ее, что она не выросла, а «осталась так далеко позади, так глубоко во тьме» [49: 1541]. Яворский истолковывал историю Галиции как 500-летний сон тупых рабов, проснувшихся лишь от «сильного электрического тока» 1848 г.

Союз Червонной Руси с Габсбургами публицист называл роковой ошибкой, за которой последовали и другие. Современное галицко-русское общество он описывал как состоящее из трех сословий: крестьянства, низшего духовенства и средней интеллигенции («чиновники, адвокаты, профессоры, т. е. учителя, врачи, литераторы и журналисты, а отчасти также ремесленники и промышленники») [49: 1542]. Национальное возрождение, по мнению Юлиана Яворского, предполагало единство этих сословий, преодоление недоверия крестьян к «старорусской» партии галицко-русских просветителей, устроивших «хождение в народ», и эту задачу смог решить о. Иоанн Наумович. Крайне отрицательно Яворский оценивал украинофилов, пытавшихся, по его мнению, представить себе нищих галицких крестьян запорожскими казаками. По его оценке, к 1892 г. «на 3 миллиона русского населения в Австрии есть целых четыре партии: рутенская, русская, сепаратистическая и радикальная» [49: 1647]. Первую представляло старшее поколение, лояльное к Австрии и называвшее себя русинами, вторую – молодые львовские интеллигенты, перешедшие на великорусский литературный язык, создавшие академический кружок во Львове, и общество О.А. Мончаловского «Беседа». Украинофилов Яворский разделял на две партии: приверженцев «Новой эры» и радикалов группы Ивана Франко, причем «первые служат в лакеях у правительства и поляков, а вторые – у женеvских и лондонских социалистов» [49: 1648].

В первом номере возобновленной «Русской беседы» (январь 1895 г.) Афанасий Васильев опубликовал редакционную статью с обзором ситуации в Галиции [30]. Он выделил период австрийской поддержки русинов против поляков (конец XVIII в.), период немецкого угнетения поляков и русинов (первая половина XIX в.), попытку Вены в 1848 г. опереться на русинов при условии их идентификации как «рутенoв», а не русских. Соглашение с Штадионом обозреватель называл роковой ошибкой галицкой интеллигенции: «Этот шаг сде-

лался началом зла и корнем бед Червонной Руси. С этого момента в народном организме червонорусов начинает развиваться болезнь, которую нельзя назвать иначе как рутенизмом. Эту болезнь они болеют до сих пор. Она сделала их нерешительными, уступчивыми, трусливыми, раболепными... она вселила в них уныние... породила в их среде антагонизм и усобицы, раздробила их силы, лишила их отваги и гражданского мужества... сделала их равнодушными к собственным судьбам» [30: 56]. Иными словами, «русские не сумели воспользоваться представившимся случаем для действительного обеспечения своего народного существования и начавшегося народного возрождения» [30: 56]. Васильев делал вывод: «Думавшие перехитрить австрийское правительство русские сами были обмануты им: правительство... успело всецело завладеть народным движением на русском Прикарпатьи и направлять его по своему усмотрению» [30: 57]. К моменту введения конституции 1861 г. русины Галиции подошли слабыми и неподготовленными к борьбе с поляками.

Наконец, с 1863 г. во Львове появились украинофилы во главе с Лавровским, впервые выдвинувшие тезис об отдельном малорусском языке и словесности. «Рутенская» маска 1848 г., по мысли публициста, превратилась в сепаратистский украинский нарост, мешавший уже в 1866 г. о. Наумовичу консолидировать львовскую молодежь на общерусской платформе. Отмечалось, что в 1870-е гг. от украинофилов откололась атеистическая социалистическая фракция Франко и Павлика в Коломые. Следующий этап борьбы галицких русинов «Русская беседа» связывала с усилением польского гнета при правительстве Тааффе с 1879 г., приездом во Львов из Угорской Руси о. Адольфа Добрянского 1881 г. и процессом Ольги Грабарь 1882 г., после которого Наумович, Площанский и Добрянский были вынуждены покинуть Галицию. Вследствие передачи униатских монастырей иезуитам русская партия пошла на временное соглашение с украинофилами, что, по мнению автора, все-таки позволило усилить позиции «русской партии» в народе. Испугавшись этого, австрийское правительство спровоцировало демарш Романчука осенью 1890 г., ознаменовавший поворот украинофилов в сторону поляков и католицизма. Васильев упрекал «русскую партию» в том, что она не ответила Романчуку столь же ясным заявлением о приверженности единству русского народа и продолжала прикрываться «рутенизмом»; утешением служило лишь заметное ослабление также и украинофильских сил вследствие «угоды» с поляками [30: 60–61]. Крайняя бедность народа Галиции (крестьян, низшего духовенства, мелких чиновников и ремесленников), по мнению «Русской беседы», привела к неспособности русинов организовать хоть какую-то устойчивую партию и поставила под угрозу всё народное

«пробуждение». Обозреватель советовал галичанам перейти к опоре на собственные силы, преодолеть «отсутствие всякого руководства и крайнюю нерешительность». «Им не на кого в Австрии полагаться, не от кого ждать добра», указывалось в статье, и лишь собственными силами они смогут сделаться «действительными хозяевами на своей праотеческой, родной русской земле» [30: 63].

В августе 1895 г. в связи с новостями о подготовке празднования в Австрии 300-летия Брестской унии «Русская беседа» напоминала, что принимать участие в этом действе будут лишь полонизированные отступники, а поляки должны извлечь выводы из того, как уния погубила их королевство [28: 140–141]. Одновременно члены СБО отслужили панихиду по лидерам галицких русинов: М.А. Качковскому и о. Наумовичу. В связи с этим А.В. Васильев знакомил читателей с биографией и заслугами Качковского [5], причем основа его очерка публиковалась уже третий раз за семь лет с целью напоминания и повторения. Автор излагал историю борьбы львовских русинов 1860-х гг. за прессу на русском языке, подчеркивал заслуги «Слова» (1861–1887) и близких ему газет в защите «сознания общерусского народного достоинства и силы» по обе стороны Карпат. Упоминались заслуги епископа Григория Яхимовича, Б.И. Дедицкого, В.М. Площанского, О.А. Мончаловского, О.А. Маркова. Рассказывалось об обнаружении Васильевым утерянной могилы Качковского в Кронштадте и установку на ней на средства СБО в 1885 г. памятника, о структуре и работе общества им. Качковского с ячейками по всей Галиции.

С мая по октябрь 1895 г. «Благовест», преобразованный в церковное приложение к «Русской беседе», публиковал по частям 190-страничную монографию Н.Д. Тихомирова по истории попыток создания отдельной галицкой митрополии в XIV – середине XV в. [40] Всего лишь годом ранее в «Русском обозрении» вышла статья А.С. Павлова на эту тему [26], правда, Галиции там было посвящено лишь 18 страниц, и только о периоде XIV в.

Н.Д. Тихомиров, жалуясь на скудость исторических источников, всё же брался дать более развернутую картину истоков галицкого церковного сепаратизма. Он связывал его с контекстом политической истории Руси после упадка Киева и возвышения Москвы, с инициативой литовских князей вопреки желанию православного народа, в памяти которого краткосрочные попытки назначения галицких митрополитов вообще не отложились. Второй причиной называлась коррумпированность некоторых константинопольских патриархов, за «подарки» согласных назначить какого угодно митрополита. Н.Д. Тихомиров скрупулезно доказывал, что в XIII в. никаких галицких митрополитов не существовало [40: 33–39], что первым из них в 1302–1305 гг. был

Нифонт, а свт. Петр Московский изначально должен был стать его преемником, но был рукоположен в митрополиты киевские и всея Руси [40: 40–63]. По вопросам о личностях последующих галицких митрополитов XIV в. Н.Д. Тихомиров активно спорил с А.С. Павловым, вписывая их назначения и смещения в сложный контекст византийской междоусобицы и польско-литовских конфликтов. Подчеркивая непрочность, эфемерность галицких владык, историк последовательно проводил линию в пользу единства русской православной церкви, подчеркивал захирение Галиции, где с 1415 по 1540 г. не было не только митрополитов, но и епископов, что способствовало ее окатоличиванию еще до Брестской унии [40: 141–142]. Историк настаивал, что с XV в. польские короли сделали ставку на окатоличивание Галиции и больше не пытались поставить для нее отдельных православных иерархов. В экономическом и политическом отношении Галиция, в отличие от Волыни, стала «униженной и заброшенной», чем и объясняется крайняя скудость источников по ее истории XIV–XV вв. [40: 150–156]. Труд Тихомирова также содержал обширные экскурсы в политическую историю русских земель и примечания по общегражданской истории всей Юго-Западной Руси, Литвы и Византии в широком международном контексте [40: 157–189].

В октябре 1895 г. «Русская беседа» писала о полновластии министров-поляков у руля всей Австро-Венгрии и о вопиющем насилии на выборах в Галиции, где путем избиений избирателей дубинками были аннулированы их голоса и присуждена победа ставленнику правительства. Обозреватель был уверен, что польская шовинистическая политика в Австрии неизбежно приведет к краху всего польского дела, в то время как им стоило бы делать ставку на распад империи Габсбургов в будущей мировой войне [11: 156–158]. В январе 1896 г. «Русская беседа» сожалела о доверчивости галицких русинов, понапрасну отправлявших депутацию из 220 человек к Францу-Иосифу с просьбой распустить сейм, назначить новые выборы и прислать из Вены комиссара. Император, поддержав польскую партию, раскритиковал русинов и отделался неопределенными обещаниями. Обозреватель (очевидно, А.В. Васильев) цитировал речь председателя СБО Н.П. Игнатьева о мирном духовном сотрудничестве с галичанами и вносил в нее принципиальную поправку: требование полного освобождения Галиции и ликвидации Австро-Венгрии как таковой [12: 151–152].

Весной – летом 1896 г. «Русская беседа» публиковала письма анонимного автора-лемка о борьбе русофилов и украинофилов в Галиции. Он подчеркивал, что украинофилы не имеют права называть себя «народовцами», потому что «коверкают местное наречие»

и опираются на поддержку австрийской и польской администрации, а также «поборников малороссийского движения в России». Автор обращал внимание на пропаганду украинофилами планов создания «Руси-Украины» как «независимого малороссийского государства под эгидою Габсбургов», при том что «для поднятия культурного уровня, для улучшения экономического быта народных масс они не сделали ровно ничего» [17: 68]. Однако Лемко обращал внимание и на недостатки в работе галицких русофилов, которые не сделали для своей социальной опоры – крестьян – того, что могли бы сделать, а вели всю работу «сверху вниз»: сначала учредили академическую Галицко-русскую матицу, а потом уже дозрели до основания Общества им. Качковского с целью школьного образования; создали Общее рольнично-кредитное заведение, разорявшее крестьян кредитами, и лишь затем обратили внимание на инициативу «фонда для покупки земель» о. Ружицкого. Митрополит Григорий Яхимович старался поднять уровень и престиж униатского духовенства перед лицом Вены, а галицко-русские лидеры – готовить чиновников и банкиров, в то время как простые крестьяне подвергались разорению польскими и еврейскими банкирами, возмущался Лемко.

Специально для российских читателей он описывал механизм ограбления крестьян-русинов после 1849 г. при отнятии у них земель и лесов, а после 1861 г. – при наложении дорожной повинности в пользу польских помещиков. «Жадность польской шляхты, имеющей за собой большинство львовского сейма, не знает пределов», – сокрушался Лемко [17: 71], подчеркивая, что все исключительные феодальные привилегии польских панов (монополии на производство спирта, на мельницы, на охоту) сохранились и после отмены крепостного права, а их союз с евреями-арендаторами упрочивает эксплуатацию русинов. Лемко отмечал факт бегства галицких русинов: только в 1895 г. 1,5 % населения края уехало в Бразилию. Надежду на победу русского движения в Галиции он возлагал лишь на крестьянские вече [17: 73], на разум крестьянина: «Несмотря на повсеместное попрание закона о свободе собраний и о гражданской свободе личности он неудержимо продолжает стремиться туда, где обсуждают вопросы, касающиеся его быта» [17: 80]. Крушение Австрии с ее пустой, бессодержательной государственной идеей и господством сильных наций в политике Лемко считал неизбежным. Он отличал массы поляков от «гнилой плесени отжившей шляхетчины»: «Стремления нынешней галицко-польской шляхты диаметрально противоположны интересам польского народа, образ действия галицко-польских шовинистов в высшей степени тормозит развитие и преуспевание польской национальности» [17: 80]. Лемко возмущался тем, что австрийская полиция, защищая интересы

шляхты, разогнала польское крестьянское движение во главе с о. Стояловским. Он одобрял решение русинской Подгорской рады в Стрые 11 апреля 1896 г. «организовать народную самозащиту не в сейме и не в парламенте, а в сельских и уездных советах» [17: 81]. Вместе с тем еще только предстояло завоевать большинство в этих советах в условиях грубейших нарушений при выборах и противодействия помещиков и ксендзов. Лемко отмечал угрозу создания всесословной волости и перехода должностей сельских старост в руки польских помещиков. План создания ссудных касс на деревне публицист отвергал, ссылаясь на прошлый опыт их подчинения диктату евреев-ростовщиков или (общество «Днепр») иезуитов [17: 82–83].

Своеобразным художественным итогом освещения галицкой темы в «Русской беседе» стал рассказ Илариона Габлы «Прокоп Звонарь» [8]. На примере одной деревни он живо описывал картины борьбы двух поколений униатских священников и прихожан с 30-х по 80-е гг. XIX в. за православную литургию и восьмиконечный крест против иезуитов-полонизаторов и евреев-контрабандистов. В рассказе подчеркивалась роль Венгрии и Ужгородской семинарии как раннего центра русинского движения меттерниховской эпохи и добрая память галицких русинов о встрече с русским генералом в походе 1849 г.

Рассмотрение галицко-русской темы в журналах левых панславистов продолжалось до конца их существования. В последнем номере «Русской беседы» была опубликована речь В.С. Драгомирецкого (бывшего редактора «Галицко-русского вестника») в торжественном собрании СБО 8 декабря 1896 г. о взаимоотношениях галицких русофилов с поляками [9]. Положение дел в крае он рисовал самыми мрачными красками: рабство народа, невыносимый гнет католического духовенства и евреев, поругание и забвение православия. За четыреста лет польского ига, говорил автор, «Галицкая Русь пришла к совершеннейшему упадку, всё куда-то исчезло, как будто никогда ничего не было, – живым остался один только простой, измученный и обращенный в рабство народ и его поруганная, исковерканная и попранная в своих правах церковь» [9: 66]. Вместе с тем Драгомирецкий достаточно высоко оценивал столетие австрийского владычества, способствовавшее относительной свободе и оживлению русского национального движения за самостоятельность Галиции. Он приводил свидетельства увлечения львовских семинаристов всем русским в 1839 г., их идентификации себя как части российской культуры, ориентации на Н.М. Карамзина и тесного научного сотрудничества с М.П. Погодиным. Однако с 1860-х гг., «сделавшись вторично полновластными хозяевами Галицкой Руси, поляки в союзе с целой гидрой неразлучных их друзей – римских патеров – набросились на галичан

с алчностью кровожадных зверей... Порабощение русской *веры* и *языка* стало главной их целью» [9: 68–69].

В.С. Драгомирецкий отмечал «политическое растление» галицкой интеллигенции, тщетно пытающейся спастись от полонизации то заключением союза с поляками (намек на авантюру Романчука), то отречением от русскости (намек на украинофилов в целом). Вторым фактором гибели Галиции он называл самую сильную во всей Европе нищету крестьян, вызванную вымогательством поборов в пользу шляхты, ксендзов, чиновников. Разоренные крестьяне лишались дома и земли: «Вся Галичина наполнилась множеством безземельных и бездомных бобылей, придав этой стране – хотя и бедной капиталами и не развитой в фабричном отношении – характер фабрично-пролетарствующих стран Запада с их аграрными и вообще экономическими затруднениями и опасностями» [9: 70].

Драгомирецкий подчеркивал роль евреев, скупавших земли русинов (особенно лемков) и поощрявших их отъезд в Америку: с 1880 по 1896 г. он оценивал число эмигрантов в 300 тыс. человек. С 1892 г. имела место также эмиграция русинов в пределы Российской империи [9: 71], о чем ранее писало «Русское обозрение» [22: 86–88]. Драгомирецкий утверждал прочность польско-еврейского союза в Галиции (из 800 тыс. евреев региона 600 тыс. называли себя поляками в политическом смысле), что в сочетании с назначением поляков на ключевые посты в руководстве Австро-Венгрии лишало русинов шансов на выживание. Публицист призывал не верить словам российских поляков о примирении, пока польская пресса в Германии и Австрии, часто руками приехавших туда из Российской империи поляков, разжигает ненависть ко всему русскому и православному, распространяет листовки с призывами идти на костер за верность католицизму [9: 72–74]. Луч надежды Драгомирецкий связывал с недавней поездкой галицко-русской делегации по России и их горячей поддержкой со стороны российских патриотов.

Положение дел в Буковине на страницах «Благовеста» и «Русской беседы». В апреле – мае 1891 г. Григорий Купчанко, издатель русских газет в Буковине, обстоятельно познакомил читателей «Благовеста» с ситуацией на местах. Он подчеркивал, что этот край носит русское название, что «русский православный народ жил в Буковине в незапамятные времена, еще тогда, когда о волохах или румынах, немцах, поляках, армянах, евреях и т. д. тут и слуха не было» [16: 446]. Купчанко отмечал, что во времена его детства буковинские крестьяне называли свою православную веру «волошской», а себя волохами; русской верой же они называли униатство Галиции. Бритые галицкие священники назывались «лядскими», а бородатые буковинские –

«волошскими». По словам Купчанко, эти православные священники были этнически русскими, но нарочно пользовались «страшной глупостью и темнотой тогдашнего нашего русского православного народа», пытаясь предотвратить его общение с галицкими униатами [16: 447]. В итоге буковинские мужики ненавидели унию, но считали себя «волохами», чему способствовала и активность волошских (румынских) учителей, несмотря даже на то, что буковинский епископ в 1835–1873 гг. Евгений Гакман придерживался русской идентичности. Румынизация осуществлялась руками этнически русских учителей и священников и в деревнях, и в Черновцах. Началась массовая замена фамилий и топонимов на румынские.

В такой среде вырос и сам Купчанко, но в старшем классе латинской школы в 1864 г. новый учитель из Галиции И.А. Глебовицкий (будущий профессор, памяти которого и посвящена рассматриваемая статья) внушил ему мысль хранить верность русской идентичности и в качестве примеров русской культуры привел ему стихи Т.Г. Шевченко и М.С. Шашкевича. По словам Купчанко, именно активистская деятельность Глебовицкого и еще не более десятка названных поименно галицких учителей, священников, врачей, переселившихся в Буковину, в 1860-е гг. сорвала процесс румынизации и германизации буковинских крестьян [16: 449–453]. Вслед за ними выдвинулись десятки местных священников и мелких чиновников, основавших в Черновцах общества «Русская беседа» (1868) и «Русская рада» (1870). Глебовицкий начал издание газеты «Зоря буковинская», инициировал появление в Черновцах русских вывесок, издание календарей, создание русских читален, обществ трезвости, сберкасс. «Благодаря ревностной совокупной деятельности буковинско- и галицко-русских патриотов, буковинская Русь воскресла, наконец, из своего долгого омертвения и начала новое лучшее достойнейшее существование», – подытоживал Купчанко процесс националистического «возрождения» [16: 480]. В ответ «оволошенные» священники и студенты усилили пропаганду румынизации в средних слоях буковинского общества, называя русский язык «бойковским» (т. е. галицким), «мужицким», «паскудным», «непросвещенным». По словам автора, «волошским пропагандистам... была лишь одна забота: чтобы русский народ... оставался в темноте и глупости и чтобы он и дальше не сознавал, что он есть часть великого русского народа, а чтобы верил и был убежден в том, что он есть волошский народ» [16: 481]. Перевод богослужения на румынский язык привел к тому, что буковинские русины бойкотировать непонятные службы и уходили либо в кабаки, либо в униатскую церковь. Центром кристаллизации сопротивления «волохам» Купчанко называл возникшие в 1870-е гг. студенческие православные русские общества «Союз» и «Согласие».

Наконец, в Буковине появилась еще одна сила – так называемые *украинцы, народовцы* или... *мягонькие русины*, которые в шестидесятых годах появились в Галичине и которые из Галичины, как саранча, разлетелися по целой Австрии и залезли и в нашу русскую православную Буковину» [16: 484]. Их Купчанко называл союзниками польских панов и иезуитов, а их украинский язык – «русско-польским». В считанные годы они получили большинство в студенческих обществах и вытеснили оттуда «москвофилов», основавших новое общество «Буковина». «Польская партия» с 1885 г. издавала газету «Буковина», пропагандировавшую переход в унию сначала на русском языке и пользовавшуюся популярностью у всех противников румынизации. С 1887 г. сотни крестьян приняли униатство, что вызвало испуг православной румынской консистории, в которой только теперь поняли, «какою великою глупостью... безумием... преступлением против святой православной веры было с их стороны многолетнее преследование русского языка и письма, многолетнее унижение русской народности» [16: 515]. В том же году Купчанко, издав книгу «Судьбы русского народа», вернулся из Вены в Буковину после 17-летнего отсутствия и основал газету «Русская правда», за три года добившись существенного сокращения униатской пропаганды. В ответ пропольские «черновицкие панки» безуспешно пытались засудить Купчанко и Глебовицкого за «измену», называя их «москалями» и «запроданцами» [16: 517–518].

В конце 1892 г. «Благовест» опубликовал исторический очерк Буковины, который фактически повторял основные выводы Купчанко [32]. В очерке утверждалось, что до конца 60-х гг. XIX в. австрийцы не подозревали о существовании русского населения Буковины; к тому моменту ни один ученый-славист в мире не написал трудов о нем. В этом автор винил буковинскую интеллигенцию, старавшуюся «заглушить и убить всякое национальное чувство, всякое русское сознание», заменив его «волошским» [32: 1728]. Он выдвигал тезис о славянском заселении Буковины с VI по IX в., о ее вхождении в Русское государство при князе Владимире и последующем развитии в составе Галицкого княжества до 1340 г., когда Галиция с Львовом досталась Польше, а в Буковину с 1352 г. пришли румыны Богдана Драгоша, сделавшего русское село Воловец своей столицей (с 1359 г. – Молдавского княжества) [32: 1729–1730]. С перерывом на присоединение к Трансильвании (1450–1484 гг.) и русскую оккупацию (1768–1774 гг.) Буковина оставалась молдавской, после чего была аннексирована Австрией – с этого момента анонимный автор переходил к компиляции из работ Купчанко. В несчастьях края он винил румынизированные дворянство и духовенство, с XVI в. уста-

новившие барщинную зависимость для лично свободных русских и цыган, при австрийцах замененную крепостным правом. Автор обращал внимание на австрийское постановление 1774 г., разрешавшее занимать любые должности в Буковине только немцам и румынам и требовавшее насаждения католической культуры, несмотря на сохранение русских названий мелких чинов [32: 1732].

Сменив «Благовест» на «Русскую беседу», А.В. Васильев в мае и августе 1895 г. продолжил практику редакционных статей о Буковине [33]. Отмечая актуальность русско-польской борьбы в регионе, он предпринимал исторический экскурс в этногенез румын и утверждал, что, спустившись с гор в конце XIII в., валахи через своих женщин постепенно румынизировали славянское население Карпат. Румын он называл славяно-романским народом, подчеркивал общность быта и братство «молдавских румын и червонорусов» [33: 151]. Это позволило Буковине остаться православным краем с десятками монастырей, без унии. В статье подробно рассматривались вехи австрийской политики в регионе после 1775 г.: административная поддержка немецкого и румынского элемента наряду с признанием существования русского населения и изданием при Иосифе II документов на русском литературном языке с единичными диалектизмами.

Русинское возрождение Буковины обозреватель связывал с событиями 1848 г. и последующим противостоянием двух фигур. В то время как Юрий Федькович (католик, сын православной), русский первопечатник Буковины и поэт, изменил свою позицию и с 1872 г. возглавил кружок украинофилов, о. Василий Продан стоял у истоков «Русской беседы» и «Русской рады» и до своей смерти в 1880 г. не допускал развития украинской партии в регионе. Лишь после этого общественность из «старорусской» партии стала переходить в украинскую [33: 156–157]. После процесса Грабарь в 1882 г. был закрыт «Родимый листок», и круг буковинских русофилов сжался до нескольких учителей и врачей.

Причиной поощрения малорусского сепаратизма автор статьи считал политику восточной экспансии Тройственного Союза, объясняя международными мотивами и основание немецкого университета в Черновцах, и массовое переселение поляков в Буковину в 1880-е гг. Это позволило создать украинско-польско-армянский политический блок, который в 1892–1894 гг. с переменным успехом боролся со старорусско-румынским блоком [33: 158–159, 90]. Тем не менее положение русинов, зажатых между православными румынизаторами и «национальными» униатами, было угрожающим. Как отмечал автор, с 1886 по 1894 г. центром политического конфликта стал вопрос о выборе орфографии: русской этимологической или украинской фоне-

тической. За последнюю выступили и поляки, и германские идеологи, писавшие «о необходимости раздробленья России и учреждения нового малорусско-польского государства со столицей в Киеве» [33: 90–91]. Несмотря на решения учительских советов об отказе от украинской орфографии, австрийские власти с 1894 г. принудительно ввели ее в школах и в нарушение конституции развернули пропаганду и репрессии против русинских активистов. За критику в своей газете «Наука» австрийских порядков и крестьянской нищеты в Вене пытались засудить ее престарелого редактора Д.М. Козарищука, равно как и Купчанко [33: 92–93].

Обозреватель освещал борьбу в буковинском сейме после выборов 1892 г., когда трем «старорусским» депутатам (Воляну, Бежану и бывшему украинофилу Тыминскому) противостояли два украинских (Пигуляк и Смаль-Стоцкий), так что австрийским властям пришлось снова нарушать закон и силой отстранять русофилов от работы в исполнительной власти. Другим очагом конфликта стало общество «Буковина» из трех десятков студентов, изучавших русский язык и литературу. Оно было незаконно закрыто австрийской полицией в июне 1894 г. только за употребление русского языка [33: 95–96]. Автор констатировал дискредитацию украинской партии в народе по причине ее откровенного прислужничества полякам и немцам, погони ее приверженцев за взятками и чинами, крайнего деспотизма и призывов посадить в тюрьмы всех оппонентов украинской идеологии. «Русская беседа» сообщала, что во Львове и Черновцах началась резкая реакция крестьянской и студенческой молодежи против культа «безбожника» Шевченко и украинских идей, что в украинской партии остались только наиболее трусливые и корыстные элементы. Отмечалось, что к 1895 г. русская партия создала общество «Народная Буковина» и имеет две газеты: «Православную Буковину» и купчанковское «Просвещение» [33: 97–98].

«Благовест» и «Русская беседа» об Угорской Руси. Первая публикация «Благовеста» о закарпатских русинах была посвящена Пряшевщине, где «то попадаются отдельные русские села и деревни среди словаков, то идут целые сплошные ряды русских селений», где находился русинский униатский епископ и основанная А.И. Добрянским духовная семинария для русинов. «Пряшов [sic!] есть сосредоточие духовной жизни северо-западной половины Угорской Руси», – отмечал М.В. Сарыч [35: 169]. В целом данная статья была посвящена мнению словацких крестьян о «москалях»: они очень хотели узнать правду о жизни в православной России и не верили пропаганде помещика и «плебана» (ксендза) о «москальском» людоедстве и тирании, поэтому с доверием восприняли рассказ Сарыча, описав-

шего жизнь в России как рай для всех крестьян: и православных, и католиков [35: 170–171]. Старый хозяин-словак с теплотой вспоминал свое сотрудничество с русскими войсками во время похода 1849 г. Во всех бедах и нищете своего края и крестьяне, и рассказчик обвиняли евреев, венгерских панов и католическую церковь, вспоминая, что при немецкой власти (т. е. до 1867 г.) положение было намного лучше [35: 172–173].

1 января 1891 г. Сарыч опубликовал еще одну статью – «Богомольцы на Угорской Руси» [34: 294–298]. В ней он утверждал, что под маской униатства православная вера и быт сохранились по обе стороны Карпат. Сарыч красочно описывал приток на монастырские летние праздники (Духов день и Успение) русинов из всех частей Австро-Венгрии, но также и словаков, и мадьяр, когда народ хором пел литургию и вспоминал приход русских войск в 1849 г. Сарыч подчеркивал факты паломничеств из Закарпатья в Почаев и крайне негативно характеризовал поведение евреев, пользовавшихся полной поддержкой жандармов против русских крестьян.

С августа 1891 по август 1892 г. «Благовест» регулярно публиковал анонимный цикл заметок об Угорской Руси, часть из которых подписана «фитой» (Θ). Всего вышло 11 выпусков, хотя иногда перерыв между ними достигал 2–2,5 месяцев [50]. Циклу было предпослано предисловие Афанасия Васильева, указывающее, что очерки принадлежат известному карпаторусскому деятелю и что более краткая и ранняя их редакция публиковалась в «Славянских известиях» 1889 г., но осталась тогда незавершенной. Таким образом, Васильев бросал вызов правому панславизму «Славянских известий» 1891 г. и позиционировал левый панславистский «Благовест» как преемника начатого ранее курса.

Цикл заметок начинался с общих сведений о регионе, причем автор сразу заявлял: «На Угорской Руси нет ни высшего аристократического, ни среднего класса, ни купечества. Наши древние бояре сделались мадьярами... перешли в кальвинство или римское католичество; чиновники должны быть ex officio мадьярами; а торговля почти исключительно в еврейских руках. Итак, вся Угорская Русь состоит из простого земледельческого народа и из священников и дьячков» [50: 714]. Автор приступал к этнографическим очеркам о быте, одежде, годовом цикле земледельческих работ закарпатских русинов («верховинцев» и «долишнян»), об их праздниках и суевериях [49: 715–717, 1380–1389]. Отмечалось проникновение к русинам католических икон и венгерского языка. В то же время подчеркивалась прочность религиозного самосознания горцев: говоря «я русин, я русска», они имели в виду принадлежность «русской вере», «русской церкви», в том числе те 60 тыс. человек, кто говорили только по-венгерски, но

ходили в униатскую церковь и тоже назывались «русскими» [50: 757]. Автор отмечал: «Угорорусский народ считает себя все еще русским православным народом, веру свою называет верою православною, церковь свою – церковью русскою. Об униии у него нет и понятия... Униаты только его священники, но и те, кажется, только из необходимости, ибо все они как-то нерасположены к римским католикам... Церкви строятся на Угорской Руси по-православному. Богослужение православное, посты и праздники соблюдаются православные, духовенство женатое, молятся по-нашему, обряд соблюдают греко-восточный, таинства принимают по уставу Святой Восточной Православной Церкви. <...> Угорорусы считают себя православными, а на римских католиков, которых зовут *папишами*, смотрят как на людей чуждого им вероисповедания» [50: 1394–1395]. В конце XIX в. часть униатских священников подалась в латинство и не отказывалась от мяса в Великий пост, что вызвало осуждение народа [50: 1384].

Автор заметок подробно рассматривал статус двух униатских епископов, пряшевского и мукачевского, и характер их зависимости от латинского митрополита и от габсбургской короны. Епископы и их советники-каноники назначались Францем-Иосифом, но получали оклад от венгерского правительства в зависимости от успехов в подавлении русского движения в крае [50: 758–762]. Так, Ф. подчеркивал катастрофическое состояние 820 церковно-приходских школ Закарпатья и «препарандий» (педагогических училищ), в результате чего русинам преподавали только церковные предметы и венгерский язык на элементарном уровне, но не преподавали ни наук, ни практических хозяйственных навыков, ни грамотности на уровне способности написать челобитную; учебники отсутствовали как таковые, а буквари издавались на непонятной смеси русских и венгерских слов [50: 815–819]. В государственных венгерских школах учеников настраивали в атеистическом духе, но их в Подкарпатской Руси было мало. Мадыаризацией молодежи занимались также в Ужгороде учительская семинария, пансион священнических дочерей и приют сирот-сыновей священников [50: 889–892]. С 1890 г. в четырех закарпатских гимназиях было прекращено обучение на русском языке даже закону Божьему [50: 893]. «Не чудо, что на Угорской Руси просвещение не идет вперед; некому двигать его, ибо тружеников народного просвещения ожидает не признательность, а преследование», – подытоживал корреспондент «Благовеста» [50: 954]. Становившиеся образованными чиновниками вчерашние священники отрекались от церкви и своей идентичности: «Кто из русских в Угорщине попал в мирскую службу, того следует исключить из русского народа» [50: 1396].

Униатскими священниками назначались только русины, прошедшие обучение в венгерских семинариях (обучение в Венском университете было прекращено, потому что там студенты быстро приобретали русское самосознание) [50: 917–920]. Имевшим (даже незаслуженно) репутацию «панслависта» или «москаля» кандидатам приход не давали; священники, боровшиеся в 1850-е гг. за русинскую идентичность, умерли рядовыми сельскими пастырями [50: 954]. Требы с прихожан взимались, как в Средневековье, в виде натуральных и трудовых повинностей [50: 921]. Автор отмечал, что до XVIII в. закарпатские священники жили обычной крестьянской жизнью, но затем, несмотря на свою семейственность и трудолюбие, стали стремиться к «панской» роскоши и превратились в замкнутую наследственную касту, выходцы из которой становились «мадьяронами»: «Эта спесь и желание поблестеть и составляет ныне отличительную черту угрорусского духовенства» [50: 952–953, 1396–1398].

Обозреватель подчеркивал отсутствие политических прав закарпатских русинов: их не назначали на должности выше сельского писаря, сельский голова и крестьянская община были бесправны перед решениями помещика, крестьяне лишены права на охоту, а членами «губернских» советов избирались только венгры и евреи, часто даже с образованием на уровне начальной школы [50: 1143–1145]. Подробно описывались «выборы» в венгерский парламент как процедура применения административного ресурса, запугивания и спаивания населения правящей партией [50: 1147–1150]. Автор цикла приходил к выводу: «Гнету, которому подвергаются в Угорской Руси русские люди, нет примера во всей истории. Русский в Угорщине не смеет признать себя русским, иначе подвергает себя презрению и преследованию; даже мужички, которые не знают ни слова по-мадьярски, часто принуждены кричать: “мы мадьяры”. <...> Заговорить где-нибудь в образованном обществе по-русски считается непростительным грехом. <...> Русский язык считается мужицким, не имеющим права гражданства в салонах, даже и в русских священнических семьях, и употребляется только в разговорах с маленькими детьми и с прислугой. <...> Если сравним положение угрорусов с положением турецкой райи, то окажется, что угрорусы должны завидовать положению последней» [50: 893].

Как положительные примеры, автор приводил латиноязычные сочинения русинских священников-краеведов конца XVIII – начала XIX в. и первые катехизисы о. Иоанна Кутки и о. Василия Дивговича, написанные на смеси церковнославянского языка и живой русинской речи [50: 1175–1178]. Рассматривались также повести, стихи, драмы периода расцвета русинской литературы 1850-х гг. (о. Александр

Духнович [50: 1179–1181], о. Иоанн Раковский [50: 1228–1230], о. Виктор Кимак и поэтический кружок газет «Свет» и «Сова» [50: 1230–1233], о. Евгений Фенцик [50: 1232, 1279–1280], Андрей Балугьянский и Андрей Попович [50: 1275–1277]), а также первая газета и первое в крае литературное общество св. Василия Великого во главе с А.И. Добрянским. Примечательна поднятая в цитируемых стихах тема «загнивания» безбожного Запада, противопоставляемого святой Руси и возрождению русинского самосознания. Прослеживался постепенный переход этих писателей от «пестрого языка» с «варваризмами» к русскому литературному. Автор очерков освещал венгерские репрессии против этого литературного возрождения, осуществленные руками униатского епископа Панковича [50: 1233–1235], и писателей 70–80-х гг., продолжавших деятельность в трудных условиях (о. Иван Дулишкович, о. Александр Митрак, Уриил-Метеор, Фенцик и другие) [50: 1277–1280]. К 1892 г. вся эта литература свелась к 150 экземплярам «Листка» Фенцика, распространявшимся среди священников.

Он не сомневался, что угрорусы являются «составною частью единого великого русского народа» [50: 1389] и что сами местные священники прекрасно это осознают [50: 1379], но отмечал, что им присущи также уникальные особенности, например, слепая привязанность к бедной и неплодородной земле («груде»), постоянные раздумья и отсутствие действий, тяга к миру и покою, недоверие к «панам», чиновникам, суду. По словам публициста, «угрорус очень хорошо знает, что его главный враг – это еврей» [50: 1392], однако постоянно вступает с ним в денежные отношения; венгров же он боится. Угрорусы не ленивы, трудятся много круглый год, но не предприимчивы и становятся жертвой обмана, подчеркивал автор цикла.

В последнем номере «Благовеста» как отдельного журнала в январе 1894 г. была опубликована краткая заметка некоего «Угроруса», бывшего тревогу о прогрессе мадьяризации русинских областей, начиная с XVII в. Так, 600 тыс. закарпатских русинов он называл «продолжением русского населения в Галичине и Буковине» и печалился, что «никто не стоит в таком одиночестве и беззащитности, как угорские русские» [43: 2057]. Очагами русской культуры в сатмарском крае автор называл Мария-Повчанский монастырь XVIII в. с чудесно явленной на вербе иконой, при том что местное население уже полностью (кроме семинаристов) перешло на венгерский язык, но продолжало называть себя русскими и свою веру русской. Целью Венгрии автор называл превращение «русского населения, живущего по склонам Карпат, в злейшего врага России» [43: 2058].

«Русская беседа» под руководством А.В. Васильева продолжила линию «Благовеста» в отношении Угорской Руси. В апреле 1895 г. кор-

респондент журнала бил тревогу по поводу превращения угрорусов в «вымирающий народ», спасти который может лишь совместная с румынами, словаками и сербами борьба против мадьярской власти [1: 101–102]. При этом подчеркивалось игнорирование ситуации внутри Венгрии в российской периодической печати, хотя обозреватель считал будущую войну за русинские земли и раздел Австро-Венгрии неизбежной [1: 99, 104]. Данные настроения вскоре были подкреплены стихотворением Васильева «Песня угроруса», отражавшим думы об угнетенной родине [2].

В декабре 1895 г. Васильев разместил в «Русской беседе» статью А.С. Будиловича о значении русского похода в Венгрию 1849 г. и прилагаемую к нему австрийскую записку о действиях русского корпуса [4]. В интерпретации Будиловича в 1848 г. русины Галиции, Буковины и Закарпатья впервые сражались за свои права. В то же время ученый подчеркивал уважительное отношение проигравших мадьяр к русским, их желание вступить в русскую армию, равно как и симпатии русских офицеров к венграм при пренебрежительном отношении к австрийцам. Будилович считал отказ Николая I от венгерской короны для себя или других Романовых оправданным, поскольку при ее принятии он был бы вынужден выполнять антиславянскую политику Кошута и дискредитировать авторитет России среди славян. Ученый признавал, что в итоге положение венгерских славян стало хуже, но винил в этом не военный поход, а отсутствие подписанного после него мира, который гарантировал бы права национальностей и недопущения их угнетения во избежание повторения революционных событий [4: 143–144]. Будилович не видел альтернативы походу Паскевича: в случае распада Австрии в 1849 г., рассуждал он, России пришлось бы воевать с большими и агрессивными венгерской и польской республиками. В случае же самостоятельной победы Габсбургов над венграми сразу же было бы достигнуто дуалистическое соглашение, а потому Австрия напала бы на Россию в Крымскую войну или во время польского восстания 1863 г., так что русский поход превентивно устранил и эту угрозу.

Наконец, по мысли Будиловича, «для червонорусов русский поход 1849 г. был чуть ли не эпохой... в истории их возрождения. <...> Это не только улучшило их положение, но, что еще важнее, возродило их надежды, следовательно, и энергию в борьбе, которая без помощи со стороны России не могла бы не представляться безнадежною. Этим объясняется тот восторг, с которым червонорусы встречали наши войска, и искренние сожаления, с которыми они провожали их по окончании войны» [4: 146]. Славист отмечал единодушие, с которым угрорусы под руководством А.И. Добрянского и словацкие отряды Гурбана, Штура,

Годжи совместно действовали против мадьяр. Русский поход не просто спас жизни русинских и словацких «будителей», но и позволил им вплоть до 1867 г. относительно свободно развивать самосознание своих народов, «служащее им ныне единственным щитом против ударов фанатизированного мадьяризма и разнузданного юдаизма» [4: 146]. Свои выводы Будилович подкреплял цитированием записки австрийского комиссара Ридигера о восторженной встрече российских войск галицкими и закарпатскими русскими, а также румынами и галицкими поляками-мазурами. Австриец подчеркивал, что все земли до Мишковца включительно воспринимались и местными жителями, и российскими солдатами как чисто русские, но и в мадьярских селах многие радовались и хотели вхождения Венгрии в состав России на правах унии [4: 154–155].

Наконец, от русской победы над венгерской революцией выиграли, как отмечал Будилович, и чехи, и ненавидевшие свою шляхту польские крестьяне, и сербы, и хорваты, и трансильванские румыны, и даже сами венгры, потому что «сокрушение революционного сброда со всех концов Европы» защищало венгерских трудящихся от поборов и эксплуатации. А.С. Будилович вслед за своим учителем и тестем В.И. Ламанским указывал на «естественное» место мадьяр в греко-славянском мире: «В русской и вообще в славянской науке уже давно признана органическая сопринадлежность *Hungarica* к *Slavica* и, след., к *Rossica*. Эту связь необходимо признать и основным тезисом русско-славянской политики» [4: 153]. Будилович отмечал у венгерских крестьян и офицеров доброжелательные чувства к России, факты братания русских солдат с пленными [4: 156], а русофобию мадьярской интеллигенции и шляхты приписывал немецкому влиянию, рассматривая Кошута и его соратников как «эmissсаров Запада» и союзников немецких революционеров-пангерманистов. Требования немецкой и венгерской революций 1848 г. (ассимиляцию и угнетение других народностей) Будилович называл грубо материалистическими, лишенными идеальности, полагая, что в лице Кошута воплотились «испорченная воля, неустойчивый шовинизм и своекорыстный племенной фанатизм» [4: 152].

Примечательно, что А.В. Васильев сопроводил публикацию статьи Будиловича редакционным предисловием, в котором выразил несогласие с автором. По мнению Васильева, целью русского похода должно было стать освобождение славянских народов, и для Николая I принять венгерскую корону было бы вполне уместно. Более того, публицист с его левыми, демократическими симпатиями защищал Кошута от нападок Будиловича [4: 136], принадлежавшего, как известно, к числу правых славянофилов.

В апреле 1896 г. А.П. Липранди, ранее публиковавший свои заметки в «Славянских известиях» под именем «Вольнец», выступил в «Русской беседе» с очередным обзором ситуации в Угорской Руси [19]. 600-тысячное население «Крайны», как выражался автор, он считал «неотдельной оконечностью всей остальной Руси» и не усматривал никаких этнографических различий между закарпатскими русинами и малорусами. Липранди доказывал, что «мадьярская тирания» поставила под угрозу дальнейшее существование этого народа, который настолько принижен и забит, что «потерял способность сопротивляться». Липранди цитировал чешского публициста К. Живного: «Угро-руссы являются самым бедным и несчастным народом земного шара... Угро-русское племя умирает от неволи и нищеты... Племя это находится в предсмертной агонии» [19: 76].

Историю Угорской Руси А.П. Липранди излагал по следующей схеме. Славяне заселили Карпаты еще до прихода мадьяр в конце IX в., после чего стали союзниками пришельцев в общей борьбе с немцами и папством, способствовали славянизации образа жизни мадьяр. Венгрию Арпадов X–XIII вв. Липранди оценивал как фактически славянское государство, в котором православные русины могли спокойно жить. После присоединения к Австрии с 1526 г. началась латинизация (Ужгородская уния 1649 г.), «русское дворянство совершенно слилось с мадьярской народностью» [19: 79], за ним последовали прислуга и священники, получившие образование в австрийских и венгерских семинариях. Вплоть до 1848 г. австрийские власти поощряли мадьяризацию русинов, но после похода русских войск они обеспечили русинам передышку, позволившую А.И. Добрянскому и о. Духновичу возглавить национальное возрождение в Закарпатье. При губернаторстве Добрянского русский язык стал единственным официальным в регионе [19: 81], возникла угрорусская литература, журналистика, общества при семинариях. После 1867 г. всё это было упразднено. Липранди считал, что галицкие и буковинские русины, имеющие хотя бы депутатов в рейхсрате, получили шансы отстоять свою народность, в то время как бесправные угорские русины, не представленные в будапештском парламенте, лишены будущего. В регионе не осталось ни одной русской школы, ни даже отдельных уроков на родном языке (это противоречило утверждению Ө. о русинских букварях в церковных школах); на налоги с русинских сел венгры организовали приюты, куда забирают годовалых детей и мадьяризуют их. Единственную русскую газету Е. Фенцика «Листок» боятся выписывать (как мы видели ранее, она распространялась только среди священников). Примечательно, что здесь Липранди ссылался на статью консервативного «Русского обозрения» [44].

Сравнивая результаты переписей 1851 и 1891 гг., Липранди обнаруживал, что численность венгров в Венгрии выросла вдвое (причем естественный прирост составлял менее 1 % в год), в то время как русинов – лишь на 9 % (при ежегодном естественном приросте 1,5 %), поскольку остальные ассимилировались. По его оценке, этнически русских в Закарпатье насчитывается 600 тыс. человек, из которых 380 тыс. записались русскими, а остальные уже считают себя мадьярами. Перепись фиксировала 120 тыс. «православных мадьяр» в районах Пряшева и Мукачева, т. е. тех же русинов, перешедших на венгерский язык, но сохранивших униатскую церковь [19: 85–86]. Венгры называли их «муска» («москалии») и потому с 1890-х гг. перешли к замене церковнославянского богослужения мадьярским, замене катехизисов, житий святых, печатей на венгероязычные. Русинские священники начали брить бороды и превращались в венгерских националистов. Доступ русской литературы был запрещен во все школы Венгрии. Даже упоминания о существовании России были изъяты из школьного курса, подчеркивал Липранди. В отличие от минимального сопротивления румын, словаков, сербов мадьяризации, он не усматривал никакого сопротивления у русинов: «Угро-руссы совершенно ныне обезличены и немощны, вековой гнет окончательно подавил в них народный дух, и недалеко уже то глубоко печальное время, когда от этой ветви русского народа останется только одно смутное воспоминание» [19: 91]. Вину за это Липранди возлагал как на образованные слои самих русинов, так и на российскую общественность, поддерживая предложение Г.И. Деволана активизировать рассылку русской прессы и книг в Угорскую Русь, дабы установить «духовное общение» с ней. Липранди обвинял общественное мнение России в игнорировании своих угнетенных братьев: «Загляните в наши так называемые “большие” органы – и вы убедитесь в этом. Галиция и Буковина, где ключом бьет в последнее время русская жизнь, еще привлекают изредка – и то только изредка – внимание наших газетных политиков. А Угорской Руси для них словно и не существует» [19: 92–93]. Лишь срочное изменение этой ситуации в течение десяти лет, по оценкам А.П. Липранди, могло бы спасти русинов от исчезновения.

В сентябре 1896 г. «Русская беседа» перепечатала статью из «Угро-русского вестника», в которой план открытия венгероязычной униатской епархии трактовался как угроза существованию закарпатских русинов. Однако автор отвергал мнение тех, кто полагал, что «весь угро-русский народ находится на краю могилы, и после каких-нибудь двадцати лет и следа русского человека не останется в Угорщине» [37: 180]. Он настаивал, что хотя в отсутствии русских школ в Закарпатье всё духовенство и интеллигенция венгероязычны, но с 500-тысяч-

ным народом, хранящим свои обычаи, они вынуждены общаться по-русски. Наличие венгров-униатов он считал нормальным и даже призывал их к совместному со славянами противостоянию богатым евреям, в то время как редакция «Русского богатства» опасалась, что новая епархия будет основана при условии закрытия русинской мукачевской епархии.

Русинская эмиграция в Америке в освещении «Благовеста». В 1890-е гг. до половины всего населения некоторых русинских регионов, например, галицкой Лемковины и закарпатской Пряшевщины, эмигрировали в США [3: 68]. Оказавшиеся ненужными ни униатским иерархам у себя на родине, ни католическим архиереям в Америке, эмигранты начали склоняться к православию. Освещение этой темы в «Благовесте» начал М.В. Сарыч [20], вновь напомнивший читателям о тяжелом положении 500 тыс. угорских русинов, лишь с 1848 г. извлеченных от крепостного права и с 1870-х гг. целыми деревнями хлынувших в Америку. Сарыч подчеркивал, что запрет униатским священникам в США напрямую, без посредства местных католических епископов, связываться со своими непосредственными австро-венгерскими епископами, вынудил их разорвать с унией и вернуться в православие. Православная паства о. Алексея Юрьевича Товта (Тота) оценивалась в 524 человека в Миннеаполисе, 676 в Чикаго и 1 600 – в Кливленде. Противодействовал этой миссии украинский фанатик о. Андрухович в Шенандоа (Пенсильвания), в своей газете грозивший православным русинам как «московским шпионам» адскими муками от папы и тюрьмой – от австро-венгерских властей в случае возвращения на родину [20: 1076].

М.В. Сарыч опубликовал адрес о. Товта для высылки ему пожертвований, церковных книг и икон. Статья в «Благовесте» получила отклик, подписчики стали посылать пожертвования для о. Товта. Спустя три месяца этой теме была посвящена лекция Афанасия Васильева в столичном СБО 11 мая 1892 г., вскоре опубликованная в «Благовесте» [7]. Васильев обращал внимание, что, хотя из 3,5 млн русинов лишь буковинцы остались верны православию, насильственная униа начинает разваливаться: отдельные села в Галиции переходят в православие, а о. Товт возглавил приход из сотен «угрорусов и отчасти галичан». На основании полученных от него сведений Васильев приводил список десятков городов и сел США в восьми штатах, где с 1879 г. стали селиться русины: «Причинами переселения были нужда, непосильные налоги, недостаток земли, голодовки и невыносимые притеснения в Галиции от поляков, а в Угрии от мадьяр» [7: 1305].

Общую численность австро-венгерских «малорусов» в США о. Товт оценивал в 120–150 тыс. человек. Отмечая их работу на шах-

тах, заводах, железных дорогах, священник указывал, что, попав в «свободную» Америку, по своей доброте и «христианской неразвитости» русины быстро впадают в пьянство и разврат, удержать их от которых может только церковь. Ввиду отказа пряшевской униатской епархии отправить священника к русинам в США, эту миссию с 1881 г. стал исполнять галицкий униатский священник Иоанн Волянский. Он вместе с помощником о. Ляховичем построил пять храмов, начал издавать русинскую газету и вызвал тем ненависть поляков. По утверждению о. Товта, о. Ляхович был убит в польской гостинице, после чего польский католический епископ Пенсильвании велел читать со всех кафедр проклятия женатым униатским священникам и угрозы «разрушить капища русинов и москалей-схизматиков» [7: 1307]. Однако о. Волянский расширил сеть приходов, в нарушение католических постановлений регистрируя их на свое имя, а не на имя польского епископа, и регулярно вызывал всё новых священников из Закарпатья в помощь себе. Одним из них с 1889 г. стал и сам о. Товт из Пряшева. Он прибыл в трудное время: о. Волянский вернулся в Галицию, а сменивший его украинофил о. Андрухович вступил в острый конфликт со своей «москвофильской» паствой, стал отнимать храмы и продавать приходскую недвижимость. Возникла конкуренция газет: «Американского русского вестника» и украинского «Руського слова».

Тогда в октябре 1890 г. дюжина священников по инициативе о. Товта устроила собор в Вилькесбарре, на котором приняла решение объединить русинские приходы, издавать еженедельную газету и просить униатских архиереев Львова, Мукачева и Пряшева назначить им викарного епископа. В ответ они получили только обвинения в том, что все русинские деятели – «московские шпионы»; епископ-ирландец вообще отказывался признавать униатов католиками ввиду вступления в брак их священников, хотя это и было разрешено папой. После этого, узнав о существовании русского православного епископа в Сан-Франциско, русины наладили с ним контакт, а о. Товт стал перед своей паствой обличать унию и проповедовать возврат к русской православной идентичности. 24 марта 1891 г. епископ Владимир в Миннеаполисе присоединил к Русской православной церкви всю русинскую общину [7: 1311]. Отцу Товту пришлось столкнуться с проклятиями и угрозами расправы со стороны американского католического духовенства: ирландцев, поляков, немцев. Но он расширил сеть приходов на Чикаго и Кливленд, установил общение с православными греками и арабами, всего же присоединил к православию 500 галицких и угорских русинов.

Однако епископ Владимир после скандала в газетах был отозван в Россию, его кафедра осталась вакантной, поэтому многие униатские

священники теперь не решались перейти в православие, в то время как иезуиты при содействии русских революционеров усилили «черный пиар» против о. Товта, разнося по кабакам клеветнические слухи о нем. Несмотря на нищету и нехватку церковной утвари, число униатских приходов в США, стоявших на платформе православных убеждений и готовых перейти в православие, достигло 21. В этих условиях в Миннеаполис и Чикаго в мае 1892 г. торжественно прибыл новый православный епископ Николай, что ознаменовало следующий этап возрождения православия в русинской диаспоре, связанный с рукоположением новых священников, раздачей народу икон и крестов, выпиской «Благовеста» и «Русского паломника», а также галицко-буковинской «Русской правды» Купчанко и закарпатского «Листка» о. Фенцика [7: 1316]. Васильев вновь публиковал адрес о. Товта, чтобы читатели «Благовеста» высылали ему пожертвования, а ровно через два месяца в журнале появилось стихотворение подписчика, посвященное Товту и его православным русинам и красочно описывавшее гонения на них: «Рука безжалостной судьбины, – / Хоть край ваш отчий и богат, – / Отторгла вас от Буковины, Червонной Руси и Карпат. <...> С понятным чувством отвращенья / Прочла вся Русь и братский мир: / Какую травлю и гоненья / Воздвиг на вас Лойолы клир» [48: 1437]. Автором стихотворения был Э. Щешинский из Архангельска, очевидно, этнический поляк, поскольку он целых четыре строфы посвятил призыву к полякам покаяться и принять православие: «Дай Бог, чтоб лях, все узы, с Римом / Его сковавшие, порвал, / И чтоб в славянстве неделимом / Нашел искомый идеал» [48: 1437].

Наконец, в августе 1892 г. прихожанин из Сан-Франциско, скрывшийся за инициалами С.Д., отправил в «Благовест» письмо о приезде к ним епископа Николая с приложением текста проповеди о. Товта [36]. Отмечалось успешное крещение сотен эскимосов и индейцев на Аляске и рукоположение для 2 тыс. сербов и греков первого в США православного иеромонаха Севастиана. Численность перешедших в православие русинов в окрестностях Чикаго оценивалась уже в 1 800 человек. В прилагаемой проповеди о. Товта торжественно провозглашался разрыв Ужгородской унии, союз России и США и возможность для закарпатских русинов теперь паломничать в Россию. Отец Товт вместе с паствой молился за Александра III как «покровителя всех православных и надежды всех угнетенных русских и славян» [36: 1545].

Наконец, в ноябре 1892 г. о. Товт сам написал письмо М.В. Сарычу для публикации его в «Благовесте» [41]. В нем он рассказывал об установке иконостаса в храме в Миннеаполисе, о строительстве на пожертвования епископа приходского училища на 30 учеников, о

раскрытии душевных качеств «карпаторуссов» в борьбе с унией. Отец Товт презрительно отзывался об униатских епископах как «мадьярско-жидовских» марионетках и был убежден, что только евреи и славяне, в отличие от европейцев, воспринимают Бога сердцем, а не умом. Это не помешало ему воспользоваться президентскими выборами в США и добиться от республиканского кандидата участка земли под православное кладбище в Миннесоте. В письме отмечалось массовое стечение народа на освящение епископом Николаем храмов в Миннеаполисе, Чикаго и Стриторе, где в православие перешли еще 187 униатов [41: 1726].

Заключение. Несмотря на вынужденные перерывы в издании «Благовеста», этот журнал и его продолжение «Русская беседа» под руководством левых панславистов Ф.В. Четыркина и А.В. Васильева уделяли русинскому вопросу заметное внимание (из 75 номеров журналов в 38 присутствовали материалы на эту тему), знакомя российских читателей с мельчайшими подробностями жизни, быта, религии и политической борьбы русинов за рубежом. Всего с 1890 по 1896 г. в данных журналах полностью или частично русинам была посвящена 31 публикация: 15 – Галиции (в т. ч. в двух случаях затрагивался также русинский вопрос в целом), 3 – Буковине, 8 – Закарпатья (Угорской Руси), 5 – православной миссии о. Алексея Товта в США. Половина всех публикаций (15) пришлась на период «Русской беседы» (1895–1896 гг.), хотя ранние публикации «Благовеста» 1890–1892 гг. часто отличались очень большим объемом, особенно в случае рассмотрения Буковины и Угорской Руси. На протяжении всего рассмотренного периода Афанасий Васильев координировал публикуемые материалы, в т. ч. от русинских корреспондентов (Григорий Купчанко, Михаил Сарыч, о. Алексей Товт, Юлиан Яворский и ряд анонимных журналистов), подчеркивая позицию редакции по поддержке демократических начинаний среди «австро-угорских русских».

«Благовест» и «Русская беседа» твердо стояли на почве тезиса о единстве русского народа и де-факто православной веры (даже у формальных униатов), о необходимости уничтожения габсбургской монархии и борьбы с полонизацией, румынизацией, мадьяризацией, а также с насаждением римо-католической обрядности среди русинов. Можно заключить, что на фоне кризиса СБО и прекращения (с концом «Славянского обозрения») связанных с ним периодических изданий, а также слабого интереса правоконсервативных журналов к русинскому вопросу [22], «Благовест» и «Русская беседа» даже при ограниченном тираже внесли существенный вклад в повышение информированности российской публики и ее деятельного сочувствия

к русинам Австро-Венгрии, а также их американской диаспоры. Тем самым была подготовлена почва для быстрого роста вовлеченности российского общества и государства в русинский вопрос в начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *А.-Д.-ч.* Борьба с мадьярами угнетенных народностей Венгрии // Русская беседа. 1895. № 4. С. 98–104.
2. *Альфа Вита [Васильев А.В.]* Песня угроруса // Русская беседа. 1895. № 8. С. 123–124.
3. *Ахременко Д.А., Шевченко К.В., Кривочуприн Е.Л.* Русинский вопрос в национальной политике Австро-Венгрии накануне и в годы Первой мировой войны. Брянск: ЦИОГНИС, 2018. 224 с.
4. *Будилович А.С.* О значении русского похода 1849 г. для австро-угорских народов // Русская беседа. 1895. № 12. С. 136–156.
5. *Васильев А.В.* Михаил Алексеевич Качковский и общество его имени на Галицкой Руси // Русская беседа. 1895. № 8. С. 99–107.
6. *Васильев А.В.* Порабощенным славянам // Благовест. 1891. 1 мая. Вып. 17. С. 497–498.
7. *Васильев А.В.* Русские поселенцы и успех Православия в С. Америке // Благовест. 1892. 1 июля. Вып. 39. С. 1304–1316.
8. *Габла И.* Звонарь Прокоп. Из жизни галицких русских // Русская беседа. 1896. № 9. С. 1–31.
9. *Драгомирецкий В.С.* Галицкая Русь и русско-польские отношения // Русская беседа. 1896. № 12. С. 65–75.
10. *Ивашкин М.Л.* Этнополитическая ситуация в Австрийской Галиции во второй половине XIX – начале XX в.: польский и русинский вопросы // История в подробностях. 2011. № 4 (10). С. 62–73.
11. *Иностранное обозрение* // Русская беседа. 1895. № 10. С. 149–158.
12. *Иностранное обозрение* // Русская беседа. 1896. № 1. С. 145–152.
13. *Клопова М.В.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 279 с.
14. *Котов А.В.* Васильев Афанасий Васильевич // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 88–90.
15. *Купчанко Г.И.* Борьба с пьянством у русских в Буковине и Галичине // Благовест. 1891. 1 ноября. Вып. 27. С. 884–888.
16. *Купчанко Г.И.* Народная и вероисповедная борьба русского православного народа в Буковине // Благовест. 1891. 1 апреля. Вып. 15. С. 446–453; 15 апреля. Вып. 16. С. 478–485; 1 мая. Вып. 17. С. 513–519.

17. *Лемко*. Письма из Галиции // Русская беседа. 1896. № 4. С. 68–73; № 7–8. С. 79–83.
18. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996. 799 с.
19. *Липранди А.П.* Забытый уголок Русской земли (Угорская Русь) // Русская беседа. 1896. № 4. С. 74–94.
20. *М. С–ч [Сарыч М.В.]* Успех православия в Америке // Благовест. 1892. 1 февраля. Вып. 33. С. 1072–1076.
21. *Медоваров М.В.* А.А. Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX – начала XX в: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород: ННГУ, 2013. 357 с.
22. *Медоваров М.В.* Русинский вопрос в зеркале русских консервативных журналов (1890–1894 гг.) // Русин. 2022. Т. 69. С. 73–96. DOI: 10.17223/18572685/69/5
23. *Медоваров М.В., Снежницкая С.И.* Раскол среди поздних славянофилов (1887–1897 гг.) и роль В.И. Ламанского в нем // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 38–47.
24. *Миллер А.И.* Галиция в системе австро-венгерского дуализма // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 63–70.
25. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 126. К. 3323. Ед. хр. 22. Письма К.Н. Леонтьева О.А. Новиковой 1882–1890 гг.
26. *Павлов А.С.* О начале галицкой и литовской митрополий и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV в. // Русское обозрение. 1894. № 5. С. 214–251.
27. *Пашаева Н.М.* Очерки русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: ГПИБ, 2001. 201 с.
28. Политическое обозрение // Русская беседа. 1895. № 8. С. 125–142.
29. *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 2013. 570 с.
30. Прикарпатская Русь в политико-национальном отношении // Русская беседа. 1895. № 1. С. 56–63.
31. *Репников А.В.* Аксаков Николай Петрович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 28–30.
32. Русский Буковинец. Судьба русского православного народа в Буковине // Благовест. 1892. 15 декабря. Вып. 46. С. 1727–1732.
33. Русско-буковинские дела // Русская беседа. 1895. № 5. С. 150–160; № 8. С. 90–98.
34. *Сарыч М.В.* Богомольцы на Угорской Руси // Благовест. 1891. 1 января. Вып. 10. С. 294–298.
35. *Сарыч М.В.* Два часа в словацкой хате // Благовест. 1890. 1 ноября. Вып. 6. С. 169–173.

36. С.Д. Из Сан-Франциско. Слово о. Алексея Товта // Благовест. 1892. 1 октября. Вып. 42. С. 1542–1545.
37. *Селянин*. «У свежей русской могилы» // Русская беседа. 1896. № 9. С. 180–182.
38. *Степанов А.Д.* Васильев Афанасий Васильевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 86.
39. *Стогов Д.И.* Русинская проблематика в трудах русских консерваторов конца XIX – начала XX в. // Русин. 2022. Т. 67. С. 174–187. DOI: 10.17223/18572685/67/10
40. *Тихомиров Н.Д.* Галицкая митрополия: церковно-историческое исследование // Благовест. 1895. № 5. С. 5–32; № 6. С. 33–62; № 7. С. 63–92; № 8. С. 93–122; № 9. С. 123–152; № 10. С. 153–189.
41. *Товт А.* Письмо из Миннеаполиса // Благовест. 1892. 15 декабря. Вып. 46. С. 1722–1727.
42. Тяжелые утраты. Протоиерей Иоанн Григорьевич Наумович // Благовест. 1891. 1 сентября. Вып. 23. С. 737–743.
43. *Угросус*. Мария-Повчанский монастырь в Угрии // Благовест. 1894. Январь. Вып. 53. С. 2057–2058.
44. *Угро-Русс*. Латинизация и мадьяризация русских в Венгрии // Русское обозрение. 1893. № 6. С. 634–656.
45. *Четыркин Ф.В.* «Русская Правда» и австрийская кривда // Благовест. 1890. 1 октября. Вып. 4. С. 116–117.
46. *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Regnum, 2010. 414 с.
47. *Шульга М.А.* Русинский вопрос и геополитические миры Владимира Ламанского // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (36). С. 15–26.
48. *Щешинский Э.* Братьям – за океан (По поводу сообщений отца Алексея Товта) // Благовест. 1892. 1 сентября. Вып. 41. С. 1437–1438.
49. *Яворский Ю.А. (Галичанин)* Письма из австрийской Руси // Благовест. 1892. 1 октября. Вып. 42. С. 1540–1542; 15 ноября. Вып. 45. С. 1646–1648.
50. *Ө.* Угорская Русь // Благовест. 1891. 15 августа. Вып. 22. С. 713–722; 1 сентября. Вып. 23. С. 757–762; 1 октября. Вып. 25. С. 815–819; 1 ноября. Вып. 27. С. 888–893; 15 ноября. Вып. 28. С. 917–921; 1 декабря. Вып. 29. С. 952–955; 1892. 15 марта. Вып. 35. С. 1143–1150; 5 апреля. Вып. 36. С. 1175–1181; 1 мая. Вып. 37. С. 1228–1235; 1 июня. Вып. 38. С. 1275–1280; 1 августа. Вып. 40. С. 1380–1399.

REFERENCES

1. A. D-ch. (1895) Bor'ba s mad'yarami ugnetennykh narodnostey Vengrii [The struggle against the Magyars of the oppressed peoples of Hungary]. *Russkaya beseda*. 4. pp. 98–104.
2. Al'fa Vita [Vasilyev, A.V.] (1895) Pesnya ugororusa [A Song of Ugro-Rus]. *Russkaya beseda*. 8. pp. 123–124.
3. Akhremenko, D.A., Shevchenko, K.V. & Krivochuprin, E.L. (2018) *Rusinskiy vopros v natsional'noy politike Avstro-Vengrii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Rusin Question in the national policy of Austria-Hungary before and during WWI]. Bryansk: BROO "TsLOGNIS".
4. Budilovich, A.S. (1895) O znachenii russkogo pokhoda 1849 g. dlya avstro-ugorskikh narodov [On the significance of the Russian campaign of 1849 for the Austro-Ugric Peoples]. *Russkaya beseda*. 12. pp. 136–156.
5. Vasilyev, A.V. (1895) Mikhail Alekseevich Kachkovskiy i obshchestvo ego imeni na Galitskoy Rusi [Mikhail Alekseevich Kachkovsky and the society named after him in Galician Rus]. *Russkaya beseda*. 8. pp. 99–107.
6. Vasilyev, A.V. (1891) Poraboshchennym slavyanam [To Enslaved Slavs]. *Blagovest*. 17. pp. 497–498.
7. Vasilyev, A.V. (1892) Russkie poselentsy i uspekhn Pravoslaviya v Severnoy Amerike [Russian Settlers and the success of Orthodoxy in North America]. *Blagovest*. 39. pp. 1304–1316.
8. Gabla, I. (1896) Zvonar' Prokop. Iz zhizni galitskikh russkikh [The Bellman Prokop. From the life of Galician Russians]. *Russkaya beseda*. 9. pp. 1–31.
9. Dragomiretskiy, V.S. (1896) Galitskaya Rus' i russko-pol'skie otnosheniya [Galician Rus and Russian-Polish relations]. *Russkaya beseda*. 12. pp. 65–75.
10. Ivashkin, M.L. (2011) Etnopoliticheskaya situatsiya v Avstriyskoy Galitsii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: pol'skiy i rusinskiy voprosy [The ethnopolitical situation in Austrian Galicia in the second half of the 19th – early 20th centuries: The Polish and Ruthenian Questions]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 4(10). pp. 62–73.
11. Anon. (1895) Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Russkaya beseda*. 10. pp. 149–158.
12. Anon. (1896) Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Russkaya beseda*. 1. pp. 145–152.
13. Klopova, M.V. (2016) *Rusiny, russkie, ukraintsy. Natsional'nye dvizheniya vostochnoslavyanskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka* [Rusins, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Indrik.
14. Kotov, A.V. (2010) Vasilyev Afanasiy Vasilyevich. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Russkiy konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediya* [Russian

conservatism in the middle of the 18th – early 20th century: An encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 88–90.

15. Kupchanko, G.I. (1891a) Bor'ba s p'yanstvom u russkikh v Bukovine i Galichine [The fight against drunkenness among Russians in Bukovina and Galicia]. *Blagovest*. 27. pp. 884–888.

16. Kupchanko, G.I. (1891b) Narodnaya i veroisповедnaya bor'ba russkogo pravoslavnogo naroda v Bukovine [Folk and religious Struggle of the Russian Orthodox people in Bukovina]. *Blagovest*. 15. pp. 446–453; 16. pp. 478–485; 17. pp. 513–519.

17. Lemko (1896). Pis'ma iz Galitsii [Letters form Galicia]. *Russkaya beseda*. 4. pp. 68–73; 7–8. pp. 79–83.

18. Leontiev, K.N. (1996) *Vostok, Rossiya i slavyanstvo* [East, Russia and Slavdom]. Moscow: Respublika.

19. Liprandi, A.P. (1896) Zabytyy ugolok Russkoy zemli (Ugorskaya Rus') [A Forgotten Corner of the Russian land (Ugric Rus)]. *Russkaya beseda*. 4. pp. 74–94.

20. M. S–ch [Sarych, M.V.] (1892) Uspekhn pravoslaviya v Amerike [The Success of Orthodoxy in America]. *Blagovest*. 33. pp. 1072–1076.

21. Medovarov, M.V. (2013) *A.A. Kireev v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Aleksandr A. Kireev in social and political life of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

22. Medovarov, M.V. (2022) The Rusin Question in Russian Conservative Journals. *Rusin*. 69. pp. 73–96 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/69/5/

23. Medovarov, M.V. & Snezhnitskaya, S.I. (2019) Raskol sredi pozdnykh slavyanofilov (1887–1897 gg.) i rol' V.I. Lamanskogo v nem [The split among the late Slavophiles and Vladimir Lamansky's Role in it (1887–1897)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 5. pp. 38–47.

24. Miller, A.I. (1995) Galitsiya v sisteme avstro-vengerskogo dualizma [Galicia in the system of Austro-Hungarian dualism]. In: Islamov, T.M. & Miller, A.I. (eds) *Avstro-Vengriya: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: A Multinational State]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of Russian Academy of Sciences. pp. 63–70.

25. Leontiev, K.N. (1882–1890) *Letters by Konstantin N. Leontyev to Olga A. Novikova, 1882–1890*. The Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 126. Op. 2. Box 3323. D. 22.

26. Pavlov, A.S. (1894) O nachale galitskoy i litovskoy mitropolii i o perykhn tamoshnykh mitropolitakh po vizantiyskim dokumental'nym istochnikam XIV v. [On the beginning of the Galician and Lithuanian metropolises and on the first metropolitans there according to Byzantine documentary sources of the 14th century]. *Russkoe obozrenie*. 5. pp. 214–251.

27. Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays of Russian Movement in Galicia in the 19th – 20th Centuries]. Moscow: State Public Historical Library.

28. Anon. (1895) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. *Russkaya beseda*. 8. pp. 125–142.
29. Popovkin, A.A. (2013) *Slavyanskije blagotvoritel'nye obshchestva v Moskve i Sankt-Peterburge (1858–1921 gg.)* [Slavic Charitable Societies in Moscow and St. Petersburg (1858–1921)]. History Cand. Diss. Voronezh: Voronezh State University.
30. Anon. (1895) Prikarpatskaya Rus' v politiko-natsional'nom otnoshenii [Carpathian Rus in political and national terms]. *Russkaya beseda*. 1. pp. 56–63.
31. Repnikov, A.V. (2010) Aksakov Nikolay Petrovich. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Russkij konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediya* [Russian conservatism in the middle of the 18th – early 20th century: An encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 28–30.
32. Russkiy Bukovincts. (1892) Sud'ba russkogo pravoslavnogo naroda v Bukovine [The fate of the Russian Orthodox people in Bukovina]. *Blagovest*. 46. pp. 1727–1732.
33. Anon. (1895) Russko-bukovinskie dela [Russian Bucovinian Affairs]. *Russkaya beseda*. 5. pp. 150–160; 8. pp. 90–98.
34. Sarych, M.V. (1891) Bogomol'tsy na Ugorskoy Rusi [Pilgrims in Ugric Rus]. *Blagovest*. 10. pp. 294–298.
35. Sarych, M.V. (1890) Dva chasa v slovatskoy khate [Two hours in a Slovak hut]. *Blagovest*. 6. pp. 169–173.
36. S.D. (1892) Iz San-Frantsisko. Slovo o Alekseya Tovta [From San-Francisco. A Sermon of Rvd. Alexey Tovt]. *Blagovest*. 42. pp. 1542–1545.
37. Selyanin. (1896) “U svezhey russkoy mogily” [At a fresh Russian grave]. *Russkaya beseda*. 9. pp. 180–182.
38. Stepanov, A.D. (2008) Vasilyev Afanasiy Vasilyevich. In: Platonov, O.A. (ed.) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundred. Historical Encyclopedia 1900–1917]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
39. Stogov, D.I. (2022) The Rusin agenda in the works of Russian conservatives of the late 19th – early 20th Century. *Rusin*. 67. pp. 174–187 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/67/10
40. Tikhomirov, N.D. (1895) Galitskaya mitropoliya: tserkovno-istoricheskoe issledovanie [Galician Metropolis: Church-Historical Research]. *Blagovest*. 5. pp. 5–32; 6. pp. 33–62; 7. pp. 63–92; 8. pp. 93–122; 9. pp. 123–152; 10. pp. 153–189.
41. Tovt, A. (1892) Pis'mo iz Minneapolisa [A Letter form Minneapolis]. *Blagovest*. 46. pp. 1722–1727.
42. Anon. (1891) Tyazhelye utraty. Protoierey Ioann Grigor'evich Naumovich [A heavy loss. Archpriest Ioann Grigorievich Naumovich]. *Blagovest*. 23. pp. 737–743.
43. Ugorus. (1894) Mariya-Povchanskiy monastyr' v Ugrii [Maria-Povchansky Monastery in Ugria]. *Blagovest*. 53. pp. 2057–2058.

44. Ugro-Russ. (1893) Latinizatsiya i mad'yarizatsiya russkikh v Vengrii [Latinization and Magyarisation of Russians in Hungary]. *Russkoe obozrenie*. 6. pp. 634–656.

45. Chetyrkin, F.V. (1890) “Russkaya Pravda” i avstriyskaya krivda [“Russian Truth” and the Austrian falsehood]. *Blagovest*. 4. pp. 116–117.

46. Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX v.* [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Ruthenians in the 19th – First Half of 20th Centuries]. Moscow: Regnum.

47. Shulga, M.A. (2016) Rusinskiy vopros i geopoliticheskie miry Vladimira Lamanskogo [The Rusin Question and geopolitical worlds of Vladimir Lamansky]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2(36). pp. 15–26.

48. Shcheshinskiy, E. (1892) Brat'yam – za okean (Po povodu soobshcheniy ottsa Alekseya Tovta) [To Brothers – across the Ocean (Regarding the Messages of Father Aleksey Tovt)]. *Blagovest*. 41. pp. 1437–1438.

49. Yavorskiy, Yu.A. (1892) Pis'ma iz avstriyskoy Rusi [Letters form Austrian Rus']. *Blagovest*. 42. pp. 1540–1542; 45. pp. 1646–1648.

50. Th. (1891–1892) Ugorskaya Rus' [Hungarian Rus']. *Blagovest*. 22. pp. 713–722; 23. pp. 757–762; 25. pp. 815–819; 27. pp. 888–893; 28. pp. 917–921; 29. pp. 952–955; 35. pp. 1143–1150; 36. pp. 1175–1181; 37. pp. 1228–1235; 38. pp. 1275–1280; 40. pp. 1380–1399.

Медоваров Максим Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия).

Maxim V. Medovarov – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

УДК 811.161

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/5

Библейские образы в устойчивых сравнениях славян: типы межъязыковых соответствий и их словарная репрезентация*

Т.Г. Никитина

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: cambala2007@yandex.ru

Авторское резюме

Представлена концепция сопоставительной лексикографической репрезентации русских и чешских устойчивых сравнений с образами библейских персонажей. Систематизация материала по стержневому принципу позволила сформировать фразеогнёзда следующих типов в зависимости от их наполнения: 1) двуязычные, состоящие из фразеологических параллелей; 2) двуязычные, включающие параллели и безэквивалентные обороты; 3) двуязычные, состоящие исключительно из безэквивалентных фразеологизмов; 4) одноязычные. Выявлены сходства и различия структуры и семантики устойчивых сравнений, образующих межъязыковые фразеологические параллели. Установлены источники происхождения безэквивалентных фразеологизмов. Все это получает отображение в словарной статье особой структуры с параллельным расположением частично сходного и безэквивалентного материала в отдельных колонках (полях) для каждого из языков или в общем поле – при полной эквивалентности. Цель исследования – наглядно представить сходства и различия в составе фразеологических гнёзд и отдельных русско-чешских фразеологических параллелей, свидетельствующие об особенностях интерпретации библейских образов народным сознанием, об их аксиологическом диапазоне, раскрываемом в народной фразеологии. Предлагаемая модель контрастного описания устойчивых сравнений может представлять интерес для сопоставительной фразеологии и практической лексикографии.

Ключевые слова: славянские языки, фразеология, устойчивые сравнения, сопоставительный анализ, этимология, лексикография, библейский текст, прецедентный антропоним

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Biblical images in Slavic stable comparisons: Types of interlanguage correspondences and their dictionary representation*

Tatiana G. Nikitina

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: cambala2007@yandex.ru

Abstract

The article presents the concept of comparative lexicographic representation of Russian and Czech stable comparisons with the images of biblical characters. The systematization of the material according to the core principle made it possible to form phraseological nests of the following types, depending on their content: 1) bilingual, consisting of phraseological parallels; 2) bilingual, including parallels and non-equivalent units; 3) bilingual, consisting exclusively of non-equivalent phraseological units; 4) monolingual. The author reveals the similarities and differences in the structure and semantics of stable comparisons forming interlanguage phraseological parallels and establishes the sources of origin of non-equivalent phraseological units. All this is displayed in a dictionary entry of a special structure with a parallel arrangement of partially similar and non-equivalent material in separate columns (fields) or in a common field – with full equivalence. Thus, the purpose of the study is realized – to visually present the similarities and differences in the composition of phraseological nests and individual Russian-Czech phraseological parallels, testifying to the peculiarities of the interpretation of biblical images by the popular consciousness and their axiological range, revealed in folk phraseology. The proposed model of description of stable comparisons may be of interest for comparative phraseology and practical lexicography.

Keywords: Slavic languages, phraseology, stable comparisons, comparative analysis, etymology, lexicography, biblical text, precedent anthroponym

Авторы сопоставительных описаний фразеологии библейского происхождения подчеркивают её культурно-историческую ценность как источника, свидетельствующего о сходствах образной интерпретации библейского наследия славянскими народами и в то же

* The study is funded by the Russian Science Foundation (Project No. 23-18-00252, implemented at St. Petersburg State University).

время об этнокультурной специфике его восприятия в отдельных лингвокультурах. При общности первоисточника библеизмов такие расхождения объясняются различиями переводческих традиций, стремлением редакторов приблизить библейский текст к литературному и народному языку [6: 3–5].

К библеизмам обычно относят языковые единицы, восходящие к Ветхому и Новому Завету или апокрифическим христианским текстам, легендам и фольклору на библейские сюжеты. Библеизмы получают максимально полное описание в «Толковом словаре русских библейских выражений и слов» Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко, О.И. Трофимкиной [8], где отражены их семантико-прагматические свойства, показана связь с конкретными фрагментами текста Священного Писания, в историко-этимологическом аспекте комментируются отдельные культурологически маркированные компоненты фразеологизмов и паремий, даются ортологические рекомендации. Особую ценность в лингводидактическом плане представляет «Словарь библейских крылатых выражений» В.М. Мокиенко, изданный в СПбГУ (серия нормативных словарей «Давайте говорить правильно!») и информирующий читателя о трудных случаях восприятия и использования библеизмов в современной коммуникации [11]. К научно-популярным лексикографическим источникам, репрезентирующим библеизмы широкому читателю, можно отнести переизданный в 2021 г. сборник «Вечные истины» В.Г. Мельникова [3].

Все чаще объектом словарного описания становятся межъязыковые параллели библейских фразеологических единиц и паремий. Немецко-русский словарь, немецко-польский словаря библейских фразеологизмов [14; 15] и трехъязычный русско-немецко-словацкий словарь [1] послужили базой шестизычного словаря «Лепта библейской мудрости» [6], где русские фразеологизмы и их английские, белорусские, немецкие, словацкие и украинские аналоги сопровождаются отсылками к библейскому тексту-источнику на всех шести языках, что позволяет показать сходства и различия фразеологических процессов и их результатов в культурно-языковом пространстве христиан.

Этот словарь, в свою очередь, стал основой не имеющего аналогов в мировой лексикографической практике 19-язычного русско-славянского словаря библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках [7], над которым работали 20 составителей из 15 стран. Славянские параллели русским библеизмам составили белорусские, болгарские, македонские, польские, сербские, словацкие, словенские, чешские, украинские, хорватские библейские выражения. Материал

германских языков включает английские, немецкие, шведские соответствия. Испанские, итальянские и французские аналоги представляют романскую группу языков в этом европейском собрании библеизмов, адресованном переводчикам, компаративистам-фразеологам, исследователям языка Библии.

При таком впечатляющем количестве лексикографических источников и при всем разнообразии типов библеизмов, получающих качественное словарное описание, в поле зрения составителей не часто попадают устойчивые сравнения (компаративные фразеологизмы) библейского происхождения. Например, представленные в словаре «Лепта библейской мудрости» [7] устойчивые сравнения (УС) *хранить как зеницу ока, беден как Лазарь, стоять как соляной столп* составляют лишь 2 % от общего количества включенных в словник библеизмов.

На наш взгляд, фразеологизмы этого типа заслуживают большего внимания как объект сопоставительной лексикографической разработки в силу своей аксиологической наполненности и яркой образности, в которой проявляются этноспецифические интерпретации фрагментов библейского текста, эмотивно-оценочное отношение к библейским персонажам, обусловленное народными мировоззренческими стереотипами.

Цель данного исследования – в соответствии с разработанными моделями сопоставительного словарного описания устойчивых сравнений наглядно представить сходства и различия в составе фразеологических гнёзд и отдельных русско-чешских фразеологических параллелей, свидетельствующие об особенностях интерпретации библейских образов народным сознанием, об их аксиологическом диапазоне, раскрывающемся в народной фразеологии.

Как известно, в компаративных фразеологизмах получают отображение результаты сравнения как когнитивного процесса оценивания чего-либо. В речевом акте реализация компаративного фразеологизма соответствует логической структуре сравнения, где элемент (А) представляет собой обозначение субъекта – носителя признака, элемент (В) – обозначение признака (это основание сравнения), по которому субъект сопоставляется с эталоном признака – элементом (С), а союз (*как*) служит средством выражения логико-грамматических отношений сравнения: *Саша (А) вся задрожала (В) как осиновый лист (С), оправилась и пошла открывать (А.Н. Толстой. Хромой барин)*. Для репрезентации эталона признака используется и форма творительного падежа элемента (С): *Поем и свищем и стрелой (С) летим над снежной глубиной (А.С. Пушкин. Братья разбойники)*. Устойчивое сравнение как языковая единица включает компоненты (В) и (С), что и отражает фразеологический словарь: *дрожать (В) как осиновый*

лист (С) – ‘сильно дрожать от страха, волнения или холода’; *лететь* (В) *стрелой* (С) – ‘очень быстро, стремительно бежать, передвигаться’ [12: 349, 662].

Словарные толкования, как показано выше, передают экспрессию УС за счёт компонентов-интенсификаторов (*очень, сильно, чрезвычайно* и т. п.), таким образом, подчёркивается оценочный характер оборота. Если в речи с его помощью каждый раз оценивается новый субъект (его действия, качества), то акт фразеомообразования основан на стабильном, утвердившемся в народном сознании оценочном отношении к тому или иному объекту, которому приписывается высшая степень проявления признака. При выборе библейских реалий в качестве эталона сравнения их признаки, определяющие мотив номинации, и оценочные коннотации, универсальные или этноспецифические, обеспечивают не только семантическую перспективу, заданную номинатором, но и аксиологическую насыщенность процесса фразеомообразования: рус. *ждать как Бога*, бел. *чакаць (ждаць) як Бога* – укр. *ждати як Бога* – ‘о нетерпеливом ожидании чего-л.’ [4: 143; 12: 55]; рус. *верить как Священному Писанию* – чеш. *věřit jako Evangelii* (букв. *верить как Евангелию*) – ‘свято верить, полностью доверять кому-л.’ [12: 502; 13: 321]. Аксиологический вектор библейского оборота ещё более очевиден, если оценочная лексема выступает и в роли основания сравнения (*прекрасный, глупый, верный, предать, хранить* и т. п.). Она определяет параметр оценки (качество субъекта), а в совокупности с эталоном признака и направленность оценки (положительную или отрицательную): рус. *прекрасна как ангел* (о женщине) – чеш. (*být*) *krásný/ hezký jako anděl* (о женщине, ребёнке) [12: 16; 13: 33]; рус. *Богатый, что чёрт рогатый* – русин. *Богатый, ги чорт рогатый* – укр. *Багатий, як біс рогатий* [9: 59]; рус. *верен что золото в огне* – укр. *вірний як злото* [4: 143] и т. п.

Как следует из приведенных выше примеров, общность текстового источника, ценностной ориентации и образного мотива УС не всегда обеспечивают полное совпадение образной структуры и, соответственно, компонентного состава соотносительных оборотов разных языков. Это подтверждают сопоставительные исследования, выполненные и на более широком славянском материале библейских фразеологизмов и паремий, прежде всего, анализ русинских библеизмов на общеславянском и восточнославянском фоне [9; 10].

Что касается компаративных фразеологизмов, то в этом разряде библеизмов особый интерес лингвокультурологов и лингвокогнитологов привлекают УС с именами библейских персонажей в роли эталонов сравнения. Большинство таких оборотов образовано не прямым воспроизводством библейского текста, а появившейся в

результате его осмысления самостоятельной комбинацией слов [1: 16], за которой стоит собственная интерпретация образов и сюжетов Библии, а также апокрифических источников. На материале славянских УС с образными компонентами *Иуда, Иисус/Христос, Ирод* и др. эти интерпретации демонстрирует И.В. Кузнецова, например, воплощение темы предательства вслед за библейским сюжетом: рус. *предать кого как Иуда [Христа]* – хорв. *izdati koga kao (ko) Juda Krista*; *продажный как Иуда* – бел. *прадажны як Юда*, а также специфическое украинское ироническое *вірний як Іуда в середу* (букв. *верный как Иуда в среду*) [4: 145] и кашубское *kochas jak Judasz Christusa* (букв. *любит как Иуда Христа*) – ‘о лицемере’, или «антропоморфизация» характера и поведения Христа в образах УС, приписывание ему простых человеческих слабостей наряду с эталонными моральными качествами, например, в идиоэтнических русинских оборотах: *махати руков як Христос на Карпаты* (букв. *махать рукой как Христос на Карпаты*), *махнути руков як Ісус на Стропковы* (букв. *махнуть рукой как Иисус на Стропков*) – ‘перестать обращать внимание на что-л., стать абсолютно равнодушным’ [5: 233–235].

Группировка материала по стержневому принципу, то есть формирование фразеологических гнёзд с определенным образным стержнем – эталоном сравнения, представляется оптимальной для отображения УС в сопоставительном словаре и предварительного их структурно-семантического анализа с целью выявления полных и частичных межъязыковых эквивалентов, а также безэквивалентных оборотов в каждом из языков и, соответственно, лакун на уровне фразеогнезда в другом. Полученные данные о сходствах и различиях в выборе имени эталонного библейского персонажа и связанного с ним мотивировочного признака будут свидетельствовать об универсалиях и уникалиях славянского аксиологического компаративного словообразования на библейском материале. Представим модель их контрастивного описания в проектируемом русско-чешском словаре фразеологизмов-библейизмов.

Русские и чешские компаративные фразеологизмы с компонентами –прецедентными антропонимами, восходящие к библейским текстам, были избраны для репрезентации нашей лексикографической концепции как наиболее широко представленные в словарях и сопоставительных работах [1; 2; 4–8; 12; 13]. В результате сплошной выборки и группировки по стержневому принципу было сформировано 18 фразеогнёзд на русском материале и столько же на чешском, но лишь 14 имён библейских персонажей были отмечены в роли вершины гнезда в обоих языках: *Авраам – Abrahám*, *Адам – Adam*, *Давид – David*, *Дева Мария – Panenka Maria*, *Иисус Христос – Ježíš*

Kristus, Иов – Job, Ирод – Herodes, Иуда – Jidáš, Лазарь – Lazar, Мафусаил – Metuzalém, Пётр – Petr, Пилат – Pilát, Соломон – Šalomoun, Фома – Tomáš. Имена *Андрей, Аред, Енох, Каин* в роли эталонных компонентов сравнений были зафиксированы только в русском языке, *Daniel (Даниил), Ezau (Исаев), Svätý Jan (Иоанн Креститель), Pavel (Павел)* стали образными стержнями чешских УС, не имеющих аналогов в русской лингвокультуре.

Совпадение состава гнёзд и полная эквивалентность входящих в них УС, образующих межъязыковую параллель, зафиксированы лишь в трёх случаях, когда образные стержни (в нашем материале это *Мафусаил – Metuzalém, Фома – Tomáš* и *Давид и Голиаф – David a Goliáš*) используются как эталонные компоненты УС лишь единожды, например, в параллели *старый как Мафусаил – (být) starý jako Metuzalém* ('о неправдоподобно долголетнем и многоопытном старце') [12: 380; 13: 205], где мотивирующим признаком в акте фразеомобразования становится возраст ветхозаветного патриарха, прожившего 969 лет (Быт. 5, 27), или *как Давид и Голиаф – Jsou jako David a Goliáš* ('о двух соперниках, резко различающихся по физическим качествам и интеллекту') < по сходству с персонажами Ветхого Завета: один (молодой Давид, будущий царь Иудеи, победивший Голиафа) – небольшого роста, слабый, но умный, ловкий; второй (Голиаф, филистимлянский воин) – большой и сильный, но неповоротливый, несообразительный [12: 160; 13: 78].

Архитектоника сопоставительного двуязычного словаря предполагает размещение таких межъязыковых эквивалентов по центру поля словарной статьи (зона совпадений) вслед за заголовком. Знак (=) передает отношения полной эквивалентности. Стилистические параметры материала отражают пометы, которыми УС сопровождаются в источниках нашего материала. Фразеологическая параллель получает общее толкование и этимологический комментарий, отсылающий читателя к библейскому тексту:

ФОМА – ТОМАШ

Как Фома неверующий. *Прост., ирон.*

= **(Být) jako nevěřící Tomáš.** *Разг., неодобр., экспр.*

О человеке, упорно не желающем чему-л. верить, несмотря на все убеждения и объективную аргументацию. МН, 715; БМС, 596; SČF, 360.

< Выражение образовано на основе Евангельского предания об одном из апостолов Иисуса Христа Фоме («называемом Близнец»), не поверившем в воскресение Учителя. Иисус предложил неверующему Фоме вложить персты в язвы на его рёбрах (Иоанн 20, 24–28).

Для большинства соотносительных русских и чешских фразеогнёзд, сформированных на нашем материале, характерны частичные совпадения на уровне их состава, а в ряде случаев – и на уровне компонентного состава и оттенков значения УС, образующих фразеологические параллели.

Такие частично сходные параллели располагаются в двух колонках – полях расхождений, а также сопровождаются графическим знаком (~), указывающим на тип соответствия. Компоненты, которыми различаются УС, выделяются курсивом, как, например, факультативный компонент *царь* в русском фразеологизме (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

СОЛОМОН – ŠALOMOUN	
<p>** Соломон – третий еврейский царь, правитель объединённого Израильского царства (нач. X в. до н. э.), в многочисленных легендах выступает как справедливый судья, мудрый, рассудительный человек</p>	
<p>РУС. ~ Мудрый как <i>царь Соломон</i></p>	<p>ЧЕШ. ~ Moudrý jako Šalomoun</p>
<p><i>Книжн. Одобр.</i> Об очень умном, мудром человеке. МН, 643; SČF, 345</p>	

В данном случае совпадающие семантико-стилистические характеристики русского и чешского оборотов отражаются в центральном поле словарной статьи. Если же частично сходные фразеологизмы двух языков различаются и на уровне семантических нюансов, то их толкования даются раздельно, как, например, в словарной статье «Дева Мария – Panenka Maria» (табл. 2), где в правом поле статьи (чешский язык) получает лексикографическое описание и ещё один оборот, не имеющий зафиксированного на русском материале аналога. В русском языке ему соответствует образная фразеологическая лакуна, обозначаемая в статье, как и в других подобных случаях, знаком (-).

Буквальный перевод чешского УС *koukat se (dívat se) na něho jako na panenku Marii* раскрывает его прозрачную внутреннюю форму. Такие обороты не требуют дополнительных этимологических комментариев в отличие, например, от фразеологизма *dostat se do něčeho jako Pilát do kréda* (букв.: *попасть куда-л. как Пилат в Кредо*) [13: 270] из словарной статьи «Пилат – Pilát», для которого разработана этимологическая справка, разъясняющая, что *Кредо* – это латинское название «Символа веры», молитвословия, отражающего догматы христианской веры, а Понтий Пилат упоминается в нем в связи с расправой над Иисусом.

ДЕВА МАРИЯ – PANENKA MARIA	
** Дева Мария – Богородица, земная мать Иисуса Христа, зачавшая его чудесным образом, будучи девственницей (Мф 1, 16–25)	
РУС. ~ Как <i>непорочная дева</i> [Мария]. <i>Книжн.</i> <i>Высок.</i> или <i>шутл.</i> О невинной, целомудренной и очень скромной девушке; о целомудренном, чистом, невинном и простодушном человеке. МН, 161	ЧЕШ. ~ <i>Tvářít se (být) jako panenka Maria</i> (букв. <i>выглядеть как дева Мария</i>). <i>Разг., редк., иногда шутл.</i> Выглядеть скромно, кротко или же набожно; выглядеть неестественно целомудренно, благопристойно, чопорно, надменно. SČF, 253
–	Koukat se (dívat se) na někoho jako na panenku Marii (букв. <i>смотреть на кого-л. как на деву Марию</i>). <i>Разг., редк.</i> Смотреть на женщину влюбленно и преданно, видеть в ней свой идеал. SČF, 253

Так читателю станет понятен механизм развития у данного чешского фразеологизма значений: 1) 'неожиданно оказаться в ситуации сложного выбора'; 2) 'не желая того, оказаться в роли судьи, принимающего решения' [13: 270]. Кроме этого чешского УС словарная статья, отражающая фразеогнездо ПИЛАТ – PÍLÁT, будет включать пару русско-чешских эквивалентов с частичным расхождением в компонентном составе: *умывать/умыть руки как Пилат* – *týt si ruce jako [Pontský] Pilát*. 1. Слагать с себя ответственность за что-л., отстраняться от исполнения чего-л. 2. Отказываться от своей активности, инициативы, подчинившись воле обстоятельств или приказу вышестоящего [12: 501; 13: 270].

Самой объёмной словарной статьей, представляющей данный тип соотносительных фразеогнёзд, станет статья «Иисус Христос – Ježíš Kristus». Частичные русско-чешские соответствия отражают здесь сходные народные представления о внешности Христа: *рус. заросший как Иисус* – *чеш. chodit [bradatý (fousatý)] jako Kristus* (букв. *ходить [бородатым (усатым)] как Христос*). *Разг., одобр. и неодобр., шутл., редк.* – 'иметь густую длинную бороду и усы и, как правило, длинные нестриженные волосы' [5: 233; 13: 175]. Русские фразеологизмы, не имеющие в чешском языке аналогов с эталонными компонентами *Ježíš, Kristus, Ježíš Kristus*, продолжают тему репрезентации образа Христа в народном сознании – особенностей его характера, поведения: *честный как Иисус [Христос]* [5: 233–235]; *сидеть как Иисус [Христос]* – 'о скромно, молчаливо и тихо сидящем где-л. человеке'; *стоять как*

Исус [Христос] – ‘о скромно, молчаливо и смиренно стоящем где-л. человеке’ [12: 237]. Русские народные сравнения с вымышленными образами взаимодействия человека и Бога свидетельствуют об ассоциации «Бог → благодать, комфорт, тепло, безопасность, спокойствие»: как [будто] *Христос по душе (по сердцу) в лапотках прошёлся. Народн., шутл.* – ‘об ощущении приятности, благодати от чего-л.’; *Как Исус Христос на колеснице прокатился. Кубан., шутл.* – ‘об ощущении лёгкости, приятности, в том числе от выпитого’; *жить (работать где) как у Христа за дверями (дверью). Перм., Новг.* – ‘о чьей-л. вольготной, привольной жизни, работе’; *жить как у Христа за пазухой (за пазушкой). Разг., одобр.* – ‘о чьей-л. материально обеспеченной, беззаботной и привольной жизни’; *чувствовать себя (сидеть) как у Христа за пазухой. Разг., одобр.* – ‘об ощущении полного комфорта, уюта, безопасности’ [12: 237, 726]. В отличие от этих этноспецифических русских УС, не восходящих к какому-то конкретному эпизоду библейского текста, безэквивалентный чешский фразеологизм, включённый в данную словарную статью, обнаруживает такую связь: как отмечает И.В. Кузнецова, предсказание Иисусом разрушения Иерусалима (Мф 24, 1–2) на всём славянском языковом пространстве отражено лишь в чешском устойчивом сравнении: *spláčeš nad tím jak Kristus pán nad Jeruzalémem* ‘лишиться чего-л., потерпеть неудачу, не добиться успеха’ [5: 238].

Следующий тип соответствий (табл. 3) – фразеогнёзда, включающие полные двуязычные эквиваленты (располагаются в центральном поле статьи) и фразеологизмы, не имеющие аналогов в языке сопоставления. Они располагаются в отдельных колонках, где сопровождаются дополнительными этимологическими комментариями, эксплицирующими конкретные образные мотивы, положенные в основу УС, которым в другом языке соответствуют фразеологические лакуны.

Материал ещё одной пары фразеогнёзд из данной группы соответствий (ИУДА и JIDÁŠ) совпадает в отражении кульминационного момента библейской истории взаимоотношений Иисуса и Иуды: рус. *предать кого как Иуда* – чеш. *zradit někoho jako Jidáš. Книж., неодобр.* или *презр.* – ‘предать кого-л.; изменить своим прежним идеалам, отношениям, своей изменой сильно разочаровать кого-л.’ [12: 237; 13: 141]. Частично сходны в структурно-семантическом плане УС, отражающие личностные качества Иуды: рус. *как Иуда. Разг., презр.* – ‘о низком, подлом, лицемерном, предательски ведущем себя человеке’ – чеш. *(být) falešný jako Jidáš* (букв. *быть лицемерным как Иуда*). Разг., неодобр. ‘быть неискренним, лицемерным, неверным; притворяться, лицемерить’ [12: 237; 13: 141].

ПЁТР – PĚTR ** Пётр – один из 12 апостолов – ближайших учеников Иисуса Христа, отрекся от своего учителя, как и предрекал Иисус (Мф 26, 70).	
Отречься от кого как Пётр от Христа = Zepřít někoho jako Petr Krista	
<i>Устар. Книжн.</i> О чьём-л. отречении от старого друга, предательском отказе от признания дружеских отношений с ним из-за корыстных интересов. МН, 496; СČФ, 268	
РУС. Дерзок что Пётр. <i>Устар. Пск.</i> Об очень дерзком, излишне прямолинейном человеке. МН, 496. < Пётр в Евангельских текстах – энергичный, вспыльчивый, темпераментный	ЧЕШ. –
–	To je Petr jako Pavel (букв. <i>это Пётр как Павел</i>). <i>Разг.</i> О двух решениях, мнениях, предметах, инструментах, мало пригодных, не подходящих, бесполезных в данной ситуации, при этом не особо различающихся. < Пётр и Павел – оба апостолы, праздник в их честь отмечается в один и тот же день; ассоциация подобия усиливается аллитерацией. СČФ, 259

В остальном развитие образа в двух лингвокультурах идёт разными путями, что и будет отражено в двух полях словарной статьи. Языковое сознание чехов избирает в качестве мотивирующего признака УС тяжёлый, враждебный взгляд Иуды: *koukat jako Jidáš* (букв. *смотреть как Иуда*). *Разг., неодобр.* – ‘смотреть неискренне, враждебно, предательски’ [13: 141]. Для русских особо значимой в аксиологическом плане оказалась жадность Иуды, предавшего своего учителя за 30 сребреников (Мф 26, 14–16): *жадный как Иуда*. *Ирк., презр.* – ‘об алчном, жадном до денег человеке’; *труситься как Иуда с кошельком*. *Кубан., презр.* – ‘о скаредном скупом человеке’ [12: 237]. Апокрифическое предание о том, что Иуда повесился на осине, стало источником идиоэтнических русских просторечных УС-проклятий: *Пусть кто удавится на горькой осине как Иуда Искариот! Трястись кому как Иуде на осине!* [12: 237].

В плане этнокультурной интерпретации библейских образов особенно показательны случаи, когда прецедентный антропоним-библейзм в двух языках проявляет фразеомобразовательную активность, но при этом в соотносительных фразеогнёздах не обнаруживается УС-параллелей. Так, у русских основанием для сравнения человека с ветхозаветным персонажем Иовом становится его бедность (*беден как Иов*), у чехов – способность стойко переносить трудности и лишения (*trpělivý jako Job* – букв. *терпеливый как Иов*) [12: 245; 13: 142]: согласно источнику («Книга Иова», входящая в состав «Ветхого Завета»), праведник Иов был лишён богатства, долго испытывал физическую боль и душевные страдания, но остался верен Богу и был вознаграждён [2: 233].

Библейский персонаж, прародитель евреев Авраам (Abrahám), проживший 175 лет (Быт. 11, 26 – 25, 10), в чешской лингвокультуре является эталоном долголетия: *starý jako Abrahám* – букв. *старый как Авраам* [13: 31]. Русское народное сознание приписывает ему главенствующую роль на небесах, отсюда – поговорка, построенная на сравнении с Авраамом хозяина дома, главы православной русской семьи: *Хозяин в дому, как Аврам в раю* [12: 723].

Соотношение фразеогнёзд данного типа будет отражено в сопоставительном словаре следующим образом (табл. 4).

Таблица 4

ИРОД – HERODES	
** Ирод (Ирод Великий) – Царь Иудеи (40–4 гг. до н. э.)	
РУС. Как ирод. <i>Неодобр.</i> О крайне жестоком, злобном, бессердечном мучителе и садисте. МН, 235. < Ироду приписывается «избиение младенцев» – умерщвление всех младенцев в Вифлееме после рассказа волхвов о рождении Иисуса, названного ими царём иудейским	ЧЕШ. –
–	Smrďět jako Herodes (букв. <i>смердеть как Ирод</i>). <i>Разг., неодобр., редк.</i> О человеке, как правило, мужчине, от которого исходит сильный отвратительный запах. < Согласно легенде, наказанием Ироду за его злодеяния в конце жизни стала страшная болезнь (возможно, фурункулёз), сопровождавшаяся неприятным запахом. SČF, 110

В ряду фразеогнёзд, сформированных по стержневому принципу и расположенных в алфавитном порядке, получают отражение и такие случаи, когда известное в двух языках имя библейского персонажа используется в качестве эталонного компонента сравнения лишь в одном из языков, например в русском (табл. 5).

По этой схеме будут разработаны и другие русские УС, не имеющие в чешском языке аналогов на уровне фразеомобразующих антропонимов – имен библейских персонажей. Отсылки к сюжетам Библии в этимологических комментариях помогут читателю осмыслить логику выбора мотивировочного признака и оценочные параметры безэквивалентного русского фразеологизма.

Таблица 5

КАИН – KAIN	
** Каин – один из сыновей Адама и Евы, совершивший первое убийство на земле – убивший своего брата Авеля (Быт. 4, 8)	
РУС. Пырьать [вилами] как Каин Авеля. <i>Кубан.</i> <i>Неодобр.</i> О колющем, накальвающем или протыкающем что-л. с силой или со злостью человеке. МН, 239	ЧЕШ. –
Трястись/затрястись как Каин. <i>Устар.</i> <i>Неодобр.</i> О неожиданно задрожавшем мелкой дрожью (от страха) человеке. МН, 239. < Совершивший убийство Каин боялся возмездия (Быт. 4, 11–16)	–

Дополнительных лингвокультурологических комментариев требуют особенности народной образной интерпретации библейских событий, народноэтимологические трансформации антропонимов, их деонимизация, отразившиеся в самобытных русских диалектных УС. Так, в статье «Андрей – Ondřej», где будет представлен зафиксированный в районе реки Урал оборот *сидеть как Андрей на воздушях* ('о человеке, сидящем где-л. очень высоко'), наряду с этимологизацией выражения (***Андрей Первозванный* (брат Петра), ученик Иоанна Крестителя (Деян. 1: 13), был замучен на кресте в Ахее) толкование получит и предложно-именная форма *на воздушях* (в народной речи: *высоко в воздухе*). В статье «Аред – Jered» параметрическая зона комментария будет включать экспликацию цепочки структурно-семантических преобразований имени библейского патриарха-долгожителя Иаред: фонетическая адаптация антропонима в народной речи приводит к появлению варианта *Аред*, который, в свою очередь,

начинает ассоциироваться с именем Ирода, а негативное отношение народа к последнему способствует переходу имени собственного в разряд нарицательных в значении ‘зловредный старик, брюзга, скряга’, отсюда – зафиксированное в карельских говорах сравнение *как аред* – 1) ‘о вредном злом человеке’; 2) ‘о жестоком человеке, и дальнейшее семантическое развитие слова, превратившее его в интенсификатор значения народных сравнительных фразеологизмов, отражающих процессы разрушения, уничтожения, захвата чего-л., например, новгородские и оренбургские УС *аредом идти/пойти* (‘быстро и полностью разрушить, уничтожить, испортить что-л.’), *брать/взять (побрать) аредом* (1) ‘захватить что-л. напором, дерзостью’, 2) ‘устроить беспорядок, разгром’), а также бытующие в Карелии и на Селигере обороты *провались ты (он, вы и т. д.) аредом* (злое пожелание: чтобы ты исчез, убрался!), *разносить/разнести аредом* (‘об уничтожении, разрушении чего-л. до основания, полностью’) [12: 22].

Имена библейских персонажей *Даниил, Исав, Павел, Иоанн Креститель* не функционируют в роли эталонных компонентов русских УС, тогда как носители чешского языка видят основания для использования их аналогов в чешском языке как образных стержней аксиологически маркированных компаративных фразеологизмов. В формате сопоставительного словаря эти небольшие по объёму фразеологические гнёзда разрабатываются по той же схеме (табл. 6), что и представленный выше русский фразеологический материал.

Таблица 6

ИСАВ – EZAU	
<p>** Исав (др.-евр. «волосатый») – библейский персонаж, брат Иакова; обычно изображается с длинными взлохмаченными волосами и бородой (Быт. 25, 25–27)</p>	
РУС.	ЧЕШ.
–	<p>(Být) zarostlý/chlupatý jako Ezau (букв. <i>быть обросшим, лохматым как Исав</i>). Разг., неодобр.-порицат., экспр. 1. О небритым, нестриженом, обросшем мужчине. 2. О лохматом, взлохмаченном мужчине. SČF, 99</p>

Уникальные образы чешских УС данного типа также получат дополнительное лингвокультурологическое комментирование, выводящее читателя за пределы библейского текста, например, в связи с фразеологизмом *stát někde jako svatý Jan za dědinou (na mostě)* – букв. *стоять где-л. как Святой Ян за деревней (на мосту)*. Разг., необобр., ирон. – ‘стоять,

не двигаясь, не участвуя в работе, которую выполняют другие; стоять растерянно, в недоумении, в оцепенении, не видя выхода из сложившейся ситуации'. Ф. Чермак, раскрывая метафорическое происхождение оборота, упоминает о многочисленных памятниках святым, прежде всего Иоанну Крестителю (Svatý Jan), стоящих на окраинах деревень [13: 338], что и будет отражено в комментарии (ср. рус. *застыть как памятник*, *стоять как памятник* в том же значении [12: 482]).

В целом же такие уникальные одноязычные фразеогнезда составили в нашем материале 18 %, на долю двуязычных гнёзд с различными типами частичных сходств УС пришлось 77 %, только 5 % гнёзд оказались сформированными из полных фразеологических эквивалентов, что говорит о высокой степени своеобразия УС двух языков, восходящих к общему библейскому источнику. Тем не менее практически идентичным является оценочное отношение к тем или иным персонажам Библии, отразившееся в образах УС двух языков. Более тесную связь образной структуры оборотов с текстом Библии можно отметить у чешских УС. Русские сравнительные фразеологизмы-библейзмы в большей степени связаны с традициями устного народного творчества.

Представленная модель сопоставительной лексикографической репрезентации устойчивых сравнений может быть использована и при описании других типов фразеологизмов. Её традиционное книжное воплощение удобно для сопоставительного словаря, разработанного на материале 2–4 языков в зависимости от формата книги. Контрастивное описание материала по данной модели позволяет делать выводы о специфике фразеологизмов применительно к сопоставляемым языкам. Для заключений об абсолютном идиозэтническом характере материала необходима многоязычная сопоставительная разработка фразеологизмов. Это, безусловно, потребует использования компьютерных лексикографических программ, создания объёмной сопоставительной фразеологической базы данных, что и предполагается в перспективе нашей работы осуществить на материале библейских устойчивых сравнений в славянских языках.

Примечания

БМС – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

МН – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.

SČF – Čermák F. Slovník české frazeologie a idiomatiky: Přírovnání. Praha: Academia, 1993. 492 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В.М. Из библейской мудрости. Грейфсвальд: Университет Грейфсвальд, 2015. 344 с.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
3. Вечные истины. Крылатые фразы, пословицы и поговорки библейского происхождения / сост. В.Г. Мельников. М.: Сибирская Благовонница, 2021. 332 с.
4. Кузнецова И.В. Библейские персонажи в украинских устойчивых сравнениях (на фоне инославянских и неславянских языков) // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VI: сборник статей. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2020. С. 141–146.
5. Кузнецова И.В. Иисус Христос в устойчивых сравнениях славян // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 232–240.
6. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2014. 208 с.
7. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. Т. 1. 334 с.; Т. 2. 308 с.
8. Лилич Г.А., Мокиенко В.М., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов. М.: АСТ; Астрель, 2010. 640 с.
9. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Концептуальная дихотомия «Бог» – «Дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 55–62. DOI: 10.17223/15617793/447/7
10. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. DOI: 10.17223/18572685/54/18
11. Мокиенко В.М. Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 215 с.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
13. Čermák F. Slovník české frazeologie a idiomatiky: Přirovnání. Praha: Academia, 1993. 492 p.
14. Walter H., Komorowska E., Krzanowska A. Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren. Szczecin; Greifswald: VOLUMINA, 2010. 343 S.
15. Walter H., Mokienko V.M. Deutsche-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald: E.M.A.-Universität, 2009. 199 S.

REFERENCES

1. Balakova, D., Walter, H. & Mokienko, V.M. (2015) *Iz bibleyskoy mudrosti* [From Biblical wisdom]. Greifswald: E.M.A.-Universität.
2. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (1998) *Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik* [Dictionary of Russian Phraseology. Historical and etymological reference]. St. Petersburg: Folio-Press.
3. Melnikov, V.G. (ed.) (2021) *Vechnye istiny. Krylatye frazy, poslovitsy i pogovorki bibleyskogo proiskhozhdeniya* [Eternal truths. Catch phrases, proverbs and sayings of biblical origin]. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa.
4. Kuznetsova, I.V. (2020) Bibleyskie personazhi v ukrainskikh ustoychivyykh sravneniyakh (na fone inoslavjanskikh i neslavjanskikh yazykov) [Biblical characters in Ukrainian stable comparisons (against the background of non-Slavic and non-Slavic languages)]. In: Ivanov, E.E. (ed.) *Vostochnoslavjanskije jazyki i literatury v evropejskom kontekste – VI* [East Slavic languages and literatures in the European context – VI]. Mogilev: Kuleshov State University. pp. 141–146.
5. Kuznetsova, I.V. (2015) Iisus Khristos v ustoychivyykh sravneniyakh slavyan [Jesus Christ in the Slavic stable comparisons]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*. 3. pp. 232–240.
6. Venzhinovich, N.F. et al. (2014) *Lepta bibleyskoy mudrosti: rusko-slavyanskij slovar' bibleyskikh vyrazhenij i aforizmov s sootvetstviyami v germanskikh, romanskikh, armyanskom i gruzinskom yazykakh: v 2 t.* [The Mite of Biblical Wisdom: Biblical sayings and aphorisms in Russian, English, Belarusian, German, Slovak and Ukrainian]. Vol. 1-2. Mogilev: Kuleshov State University.
7. Venzhinovich, N.F. et al. (2019) *Lepta bibleyskoy mudrosti: rusko-slavyanskij slovar' bibleyskikh vyrazhenij i aforizmov s sootvetstviyami v germanskikh, romanskikh, armyanskom i gruzinskom yazykakh: v 2 t.* [The Mite of Biblical Wisdom: Russian-Slavic Dictionary of Biblical Expressions and Aphorisms with Correspondences in Germanic, Romance, Armenian and Georgian Languages]. Mogilev: Kuleshov State University.
8. Lilich, G.A., Mokienko, V.M. & Trofimkina, O.I. (2010) *Tolkovyy slovar' bibleyskikh vyrazhenij i slov* [An Explanatory Dictionary of Biblical Expressions and Words]. Moscow: AST; Astrel.
9. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019) The Conceptual Dichotomy “God” – “Devil” in Russian Phraseology and Paroemiology (Against the Slavic Background). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 447. pp. 55–62 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/447/7
10. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Value constants of Rusyn paremiology (against the background of Ukrainian and Russian languages). *Rusin*. 4(54). pp. 303–317 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/18

11. Mokienko, V.M. (2007) *Davayte govorit' pravil'no! Slovar' bibleyskikh krylatykh vyrazheniy* [Let's speak correctly! Dictionary of Biblical Catch Phrases]. St. Petersburg: St Petersburg State University.

12. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh narodnykh sravneniy* [A Large Dictionary of Russian Folk Comparisons]. Moscow: OLMA Media Grupp.

13. Čermák, F. (1993) *Slovník české frazeologie a idiomatiky: Příkladní. Praha: Academia.*

14. Walter, H., Komorowska, E. & Krzanowska, A. (2010) *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren.* Szczecin; Greifswald: Volumina.

15. Walter, H. & Mokienko, V.M. (2009) *Deutsche-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren.* Greifswald: E.M.A.-Universität.

Никитина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Tatiana G. Nikitina – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: cambala2007@yandex.ru

УДК 811.161.1'38'42:27.23

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/6

Десакрализация библеизмов в современном дискурсе как фактор признанности или легкословия?*

О.В. Шкуран^{1,2}

¹ Луганский государственный педагогический университет
Россия, 291011, Луганская Народная Республика, г. Луганск,
ул. Оборонная, 2

² Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Макляя, 6
E-mail: oksana.shkuran@mail.ru

Авторское резюме

Актуальность исследования определяется тем, что языковая сакрализация является одной из фундаментальных составляющих духовного аспекта речемыслительной деятельности человека и одним из важнейших предметов филологии и языкознания с древности до наших дней. Порождение и распознавание сакрального и профанного смыслов языковых единиц, систематизация в языковом сознании увиденного и услышанного, случайных и закономерных явлений и связей в сакрализованной и десакрализованной действительности обуславливают дифференцированный подход к изучению явления языковой сакрализации, предполагающий выделение ментально-языковой триады «сакральный – профанный – десакральный», что позволяет наиболее объективно установить и описать феномен сакрального начала в языке и культуре русского народа. Языковая десакрализация библеизмов – это секуляризованная популяризация библейских фразеологических единиц в современном дискурсе с более низким ценностным регистром для актуализации того семантического сегмента, который необходим адресанту в коммуникации. Утрата библеизмом мелиоративно-коммуникативной функции и приобретение экспрессивно-де-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00252 «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

сакрального статуса, способного вызвать стилистический эффект, могут привести к релятивизации ценностно-смыслового пространства языка. Такое использование библеизмов ведёт к исчезновению национальных, культурных, религиозных традиций и к формированию квазиценностей в современном российском социуме при посредстве русского языка. Антиценностный характер функционирования библеизмов приводит к деградации духовного потенциала личности и ее культурно-языковой константы. Библеизм создаёт особую речевую среду, в рамках которой в понимание образцовости, нормативности средств языка включаются параметры «признанности» или «легкословия», стимулирующие переориентацию на материальные ценности и потребительские «квазисвятыни», способствующие деструктивизации сакральных ценностей языковой личности и разрушающие библейскую духовную культуру, создающие квазисакрализаторы в лексико-фразеологическом пространстве современного русского языка.

Ключевые слова: современный русский язык, медиатекст, библеизм, сакральный, профанный, десакральный, квазиценности

Desacralization of biblical expressions in modern discourse as a factor of recognition or levity?*

Oksana V. Shkuran^{1,2}

¹ Lugansk State Pedagogical University

2 Oboronnaya str., Lugansk People's Republic, 291011, Russia

² RUDN University

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

E-mail: oksana.shkuran@mail.ru

Abstract

Linguistic sacralization is a fundamental component of the spiritual aspect of human speech and thinking. It has been an important object of philology and linguistics from antiquity to the present. Generation and recognition of the sacred and profane meanings of linguistic units, systematization in the linguistic consciousness of what has

* The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00252 "The Biblical Heritage of the East Slavic Languages in Linguistic, Cultural, and Lexicographic Interpretation (Big Russian-Belarusian-Ukrainian-Rusyn Dictionary of Biblicalisms)".

been seen and heard, random and regular phenomena and connections in sacralized and desacralized reality determine a differentiated approach to the study of linguistic sacralization. Basing on the mental-linguistic triad “sacral – profane – desacral”, we can objectively establish and describe the phenomenon of the sacral principle in the language and culture of the Russian people. Linguistic desacralization of biblical expressions is a secularized popularization of biblical phraseological units in modern discourse with a lower value register to actualize the semantic segment the addressee needs in communication. When a biblical expression loses its ameliorative-communicative function and acquires an expressive-desacral status with a stylistic effect, the value-semantic space of the language becomes relative, which leads to the loss of national, cultural, and religious traditions and to the formation of quasi-values in modern Russian society through the Russian language. The anti-value functioning of biblical expressions brings about the degradation of the person’s spiritual potential and his/her cultural and linguistic constants. Bibleisms create a special speech environment, within which the exemplary and normative language implies the parameters of “recognition” or “levity”, stimulating a reorientation towards material values and consumer “quasi-shrines”, contributing to the destruction of the sacred values of a linguistic personality and destroying biblical spiritual culture, creating quasi-sacralizers in the lexis and phraseology of the modern Russian language.

Keywords: modern Russian language, media text, Bibleism, sacral, profane, desacral, quasi-values

Введение

Древнейшим и первоначальным способом распространения Божественного Откровения была репродукция устного слова. В первобытные и патриархальные времена не могло быть иначе, поскольку отсутствовала письменность, и чаще всего пророки передавали знания через живое слово как самое доступное вербальное средство о предназначении человеческой жизни. Священным Писанием или Библией мы называем книги, которые сохраняют и передают в Христианской Церкви знания об истине. Позже апостолами было записано Божественное Откровение, которое получило название Священное Предание.

Библия «как множественное, а не единственное число» включает в себе семьдесят семь Священных книг, написанных пророками и апостолами. Как пишет А.В. Ушков, «эти книги имеют высокое и преимущественно пред всеми другими книгами человеческого происхождения достоинство, и только они заслуживают честь именоваться Богодухновенными, т. е. их писания подтверждаются теми чудесами

и пророчествами, которые в удостоверении боговдохновенности своей проповеди совершали ветхозаветные пророки и новозаветные апостолы» [79: 215]. Пророчествами учёный называет предсказания о таких будущих событиях, которые не могут быть выведены человеческим разумом из настоящего состояния вещей и относятся как к явлениям видимого мира, так и к событиям человеческой жизни.

Библия излагает возвышенные истины о Боге и Его свойствах ясно и просто, превышая своей высотой и глубиной человеческий разум, одновременно доступным для понимания текстом взрослым и детям. Отличительной чертой Библии, в особенности Евангелия, является отображение в простых и безыскусных повествованиях евангелистов образа Христа, обладающего совершенствами, недостижимыми даже идеальным людям. Структура Библии отличается присутствием в её составе текстов, принадлежащих многим писателям, очень резко отличающихся друг от друга и по характеру, и по образованию, и отстоящими на тысячелетия по времени своей жизни. Она представляет собою одну книгу как по единству своего главного предмета, так и по единству духа, которым проникнута от начала до конца.

И ещё одним важным аргументом в защиту сакрального достояния человечества от секуляризации выступает могущественное воздействие Библии на человеческое восприятие в «Книге Иисуса Навина»: *Да не отходит сия книга закона от уст твоих; но поучайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять всё, что в ней написано: тогда ты будешь успешен в путях твоих и будешь поступать благоразумно* [1: 205].

Библию читают на 2 377 языках и наречиях мира. По данным Немецкого библейского общества, полностью текст издан на 422 языках, для незрячих на 84 языках напечатан шрифтом Брайля, для слепых созданы аудиоверсии. Самый большой тираж Библии – 6 млн экземпляров, ежедневно из-под печатного станка выходят 32 500 новых книг с библейским текстом.

К современному русинскому языку адаптирован церковнославянский текст Псалтыри (псалом 50), близкий по произношению и написанию к русскому языку. Этот ветхозаветный текст имеет большое значение в церковной жизни христианина, поэтому звучит на каждом богослужении и содержит глубокие духовные смыслы для верующего человека.

В дореволюционный период и довоенное время XX в. в русинском языке издавался ряд газет и журналов, который был посвящён библейской тематике («Церковная газета в пользу восточно-католической церкви», «Листок. Литературно-духовный журнал», «Душпастьрь», «Свет. Литературная газета, издаваемая обществом

Василия Великого», «Месяцеслов»). Этот факт определяет важность духовно-церковной жизни русинов как этноса, исповедующего христианство. Например, в газете «Душпастьрь» (март–апрель 1935 г.) в оглавлении размещено название статьи «Историческое значение Ветхого Завета», в которой напечатан отчёт об участии американского археолога Дункана в раскопках в Вавилонии с целью доказательства ветхозаветных исторических событий (Всемирный потоп, переселение Авраама в Палестину и др.) [67]. Русины, по мнению Г.С. Суляка, погружались в православие поэтапно: при контакте с античным миром (I–VIII вв.), во время миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия (II половина IX в.), правления князя Владимира Великого и Крещения Древнерусского государства [71: 269], что свидетельствует об осознанном выборе населения Карпато-Днестровских земель христианской веры. Как пишут В.М. Мокиенко, О.В. Ломакина, «для русин религиозные доминанты были также значимы, уже с ранних этапов становления их региональной языковой системы, которая, естественно, была неотъемлемой частью общеславянского языкового ареала, напр.: *Правду кажуть люди, як бог даст, так и буде; Най с Богом спочивать; Най вам Бог помагать; Ищи Божа рука на тя впаде – Бог тебе ще покарає – кара небесная на тебе впаде* и др.» [45: 55, 57].

Как видим, актуальность исследования библейских единиц и библейского текста в современной славистике необходима, поскольку языковая сакрализация является фундаментальной универсальной категорией человеческой деятельности и ключевым положением современного междисциплинарного исследования лингвистики. Как пишут Е.Е. Иванов, В.А. Маслова и В.М. Мокиенко, языковое и культурное наследие Библии является «сакральной основой формирования духовного кода культуры, его репрезентации в составе фразеологии, паремиологии, афористики, эптологии современного русского литературного языка» [31: 4]. Внимание и распознавание библейских языковых единиц, систематизация увиденного и услышанного, установление существенных и закономерных связей в отношении объективной действительности и познания влекут за собой целенаправленный подход от видового к родовому понятию, разделяют ментальные понятия, – триаду *сакральный – профанный – десакральный* – и раскрывают превосходство или недостаток сакрального начала в культуре и языке русского народа.

Цель исследования – проиллюстрировать ценностно-смысловое содержание библеизмов в тексте Библии и выявить оценочные сакральные и десакральные смыслы библейских фразеологических единиц в современном медиатексте.

В русском языке образная основа и ёмкий символизм, церковнославянские изречения и архаичный колорит, глубокий смысл и аллегория библейских устойчивых единиц создают для исследователей пространство для изучения метафоризации языка и описания текстовых реминисценций в современном дискурсе. Подход к исследованию таких единиц разнообразен. Ряд учёных-лингвистов занимаются изучением отдельных сакральных характеристик библейских текстов как типов религиозного дискурса: Н.Я. Данилевский [22]; В.Н. Телия [73]; Е.В. Родионова [66]; И.П. Назарова [57]; В.И. Карасик [32]; В.А. Мендельсон [51]; А.К. Гадомский [17]; Е.И. Боллигер [11]; О.Н. Касаткина [33]; Г.А. Толстова [75]; А.В. Григорьев [21]; Т.Г. Никитина [60]; М.В. Ковшова [35]; лексических единиц, содержащих сакральный лингвомаркёр: И.А. Королёва [38]; Т.Н. Бурмистрова [13]; Т.В. Кузьмина [41]; А.А. Охалина, С.М. Белякова [62]; О.В. Ломакина [45; 93]; О.В. Шуран, 2021 [85]; идиом с сакральной семантикой: Н.А. Воробьёва [16]; О.В. Гневэк [20]; сакральных образов на материале сравнительной идиоматики и их лингвокультурного описания: К.Д. Наумов [59]; О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко [45]; Х. Вальтер, Е.Е. Иванов, В.М. Мокиенко [14]; М.А. Бредис, Е.Е. Иванов [12]; Е.Е. Иванов [29]; библеизмов как имеющих в своем значении сакральные смыслы: В.М. Мокиенко [53]; С.Г. Шулежкова [87]; О.К. Мжельская [52]; Н.Г. Николаюк [61]; Д. Балакова [7]; Д. Балакова, В. Ковачёва, В.М. Мокиенко [8]; коллективная монография «Die slawische Phraseologie und die Bibel» [90]; Л.К. Байрамова [6]; сборник «Устойчивые сравнения в системе фразеологии» [77: 240–257]; О.В. Ломакина, А.С. Макарова [46]; О.В. Ломакина, О.В. Шуран [47]; М.О. Туркова-Зарайская [76]; Е.Е. Иванов, В.А. Маслова, В.М. Мокиенко [31]; интегративных исследований: С.Г. Шулежкова [86; 88]; И.В. Кузнецова [39; 40]; Н.И. Комкова, О.В. Ломакина [37] и др., способствуя расширению научного континуума.

В соответствии с целями работы нами были выбраны следующие методы: функционально-семантический метод, описательный метод синхронного лексикологического анализа материала, метод дефиниционного и сопоставительного анализа и др.

Библеизмы как объект дискуссии лингвистов

Библеизмы представляют собою значительный пласт в славянских языках. Обладая способностью функционировать наряду с другими языковыми единицами, они интерпретируются в современных креализованных медиатекстах и входят в особую группу в системе образных средств современного русского языка. Использование прямого цитирования, вкрапления отдельных элементов, словесных блоков

с различной коннотацией вызывают разночтения в формировании терминологического аппарата таких единиц. Проиллюстрируем несколько определений. Польский лингвист В. Хлебда рассматривает библеизм «скорее интуитивно, так как вопрос о границах библейской фразеологии и содержании корпуса библейских фразеологизмов остался открытым», границу учёный определяет, как «библейскость» и «фразеологичность» [82: 68–69; 94]. А. Коморницка называет их «библейскими аллюзиями», подразделяя на эпитеты, сравнения, метафоры, обороты пословичного характера, пословицы, слова, имеющие библейско-религиозную «ауру». По смысловому содержанию автор выделяет определения, возникшие от имени соответствующих лиц, произошедшие от эпитетов к вымышленным персонажам; обороты, соотносимые с событиями и ситуациями; слова и учения, непосредственно переданные Яхве и Христом; цитаты из рассказов Моисея, Евангелистов, Павла; обороты, не дословно воспроизводящие текст Библии, но непосредственно связанные с её содержанием [92: 41–52]. Л.П. Гашева характеризует библейские единицы, которые восходят к Ветхому и Новому Завету, типа *сотворение мира, свет Божий, умывать руки*, а также такие, «которые не являются дословным переводом тех словосочетаний, которые непосредственно представлены в тексте Библии, но так или иначе связаны с библейскими сюжетами, событиями, героями, притом эта связь может быть не только прямой, но и ассоциативной» [91: 58–59]. Ю.А. Гвоздарёв библеизмами называет закрепившиеся в русском языке выражения, состоящие из нескольких слов, регулярно воспроизводимые, детерминированные семантически и лексически библейскими текстами [18: 26]. К.Н. Дубровина библейские фразеологизмы называет устойчивыми, воспроизводимыми в речи, раздельнооформленными оборотами, которые, как правило, обладают экспрессивностью, эмоционально-оценочными характеристиками и имеют переносные значения (метафорические, символические, аллегорические, обобщённо-образные) [25: 4]. Некоторые учёные отождествляют понятия «библеизм» и «церковнославянизм». В.В. Колесов считает, что не все библеизмы проникли из церковнославянского в современный русский язык: он выявляет другой путь проникновения – через учительную литературу (т. е. церковные поучения и слова) [36].

В статье мы руководствуемся определением В.М. Мокиенко, который *библейской фразеологической единицей* (БФЕ) называет устойчивое сочетание слов, обладающее целостным значением и восходящее по своему происхождению к Библии. К числу БФЕ учёный не относит собственно библеизмы – отдельные слова, относящиеся к текстам Священного Писания, в т. ч. топонимы (*Вавилон, Назарет*

и др.), антропонимы (*Ной, Каин* и др.), которые имеют прецедентный характер и являются *крылатыми словами* [53: 25].

Причину активного проникновения библеизмов в современный язык Т.А. Бердникова, Н.А. Уарова объясняют тем, что «в православно-христианской России изучение Закона Божьего было обязательным во всех русскоязычных учебных заведениях. А русская интеллигенция была буквально “пропитана” библеизмами, широкое распространение которых в русском языке может быть подтверждено многочисленными примерами из художественных, публицистических и эпистолярных произведений» [9: 110].

Количественный состав БФЕ до настоящего времени окончательно не определен и зависит от понимания объёмов библейской фразеологии. Использование БФЕ значительно сократилось в годы советской власти, поэтому былая употребительность потеряла связь с библейскими сюжетами, образами и словоупотреблением в речи, литературе, публицистике. Причиной этого стало отсутствие библейских знаний, что привело к разночтению и пониманию таких единиц. По подсчетам А.В. Григорьева, в русском языке сохранилось свыше 200 фразеологизмов [21], С.Г. Шулежкова указывает на более чем 800 единиц (включая крылатые) [87], А.М. Бабкин и В.В. Шендецов – почти 140 иноязычных библеизмов [5]. Составители современных словарей фиксируют паремии, крылатые выражения, перифразы, все устойчивые единицы, восходящие к Библии, поэтому количественный состав представлен большим числом единиц («Толковый словарь библейских выражений и слов» В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкиной содержит около 2 000 библеизмов) [54]. Вместе с тем количество общеизвестных библеизмов относительно невелико, причём примерно одинаковое число функционально активных библеизмов фиксируется в разных языках. Так, по данным полилингвального словаря «Лепта библейской мудрости» (2019), в русском языке, как и в остальных славянских языках, наиболее известных библейских выражений насчитывается не более 130 единиц [43].

Это можно объяснить рядом причин: «...нестабильностью бытия, бесконечностью социальных, исторических, политических изменений, популяризацией “культуры низов”, интеграцией европейской толерантности и др., что на протяжении последних трех столетий способствовало созданию понятия «светская сакральность» и повлекло за собой отказ от христианских идеалов, стереотипов поведения, мировоззренческих комплексов [84: 52]. «Новая мораль» нескольких эпох определила облик современного мира.

Поднимая человека на высочайший уровень, как образ Божий, христианство поставило задачу глубокого совершенствования чело-

веческой природы для того, чтобы довести её до подобия Божьего. Об этом сказано в Евангелии: *Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный* [2: 18]. Евангелие дало возможность человеку русской культуры приобщиться к сфере сакрального, подняться над своей телесной природой и обрести собственную личность через единение с Богом. Знаменитый физиолог А.А. Ухтомский писал: Бог – это центральная идея, с которой носится человек в истории. Вся история – ряды человеческих попыток осуществить Бога [78].

БФЕ представляют целую событийную когнитивную прагмему-схему, которая хранит не только информацию-первоисточник, но и функционирование библейского образа в культуре. Их частотность употребления зависит от функциональной заданности текста, тематического и идейного сюжета и социальной направленности. «БФЕ чаще всего концентрируются в кульминационных местах текста, в особенности в заголовках, где требуется максимальная мобилизация всех эмоционально-экспрессивных средств. Библизмы в современном дискурсе являются своеобразным центром притяжения внимания адресата, смысловой доминантой» [47: 57]. Библейские устойчивые выражения, как и остальные фразеологические единицы, пословицы и крылатые выражения «выполняют все базовые и производные от них (частные) функции языка/речи, которые реализуются либо как облигаторные (коммуникативная, познавательная, номинативная и кумулятивная), либо как факультативные (все остальные)» [30: 182], что обеспечивает высочайшую степень системной (семантической) и функциональной значимости устойчивых библизмов в русском языке независимо от их частотности в речи.

Библейская правда об устойчивом выражении *бить себя в грудь*

В главном и существенном содержании всех четырех книг Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна излагается благая весть об учении, жизни, страданиях, смерти, воскресения и вознесения на небо Христа, который принёс для людей вечную жизнь и возможность спастись от греха. Притчевая форма общения Христа с людьми доступна и одновременно глубоко символична, что требует внимательного прочтения и использования каждого слова из Священного текста.

Библизм *бить себя в грудь* встречается в Ветхом и Новом Завете в значении 'сокрушаться, быть в горе, отчаянии'. Истоки этой традиции, как пишет К.Н. Дубровина, восходят к древним обычаям самоистязания по причине смерти вождей, царей, близких родственников. В «Книге пророка Исаии» пишется: *Содрогнитесь, беззаботные! Ужаснитесь, беспечные! Сбросьте одежды, обнажитесь и препояшьте*

чресла. Будут бить себя в грудь о прекрасных полях, о виноградной лозе плодovитой [1: 703]. В «Толковании на книгу пророка Исаии» А.П. Лопухин объясняет символический библейский текст: пророк сообщает о наступающем опустошении страны, которое духовно обновит народ и приведёт к благополучию [48: 239].

В Евангелие от Луки дважды употребляется библеизм *бить себя в грудь*. В притче о двух молящихся, внутренний монолог каждого из которых имел различное содержание, фарисей, довольный собой во всех смыслах, благодарил Бога за то, что *он не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодее, или как мытарь* [2: 265]. Второй молящийся, мытарь, сборщик податей и налогов с еврейского народа в пользу римских властей, стоя вдвали от алтаря и боясь поднять глаза на небо, ударял себя в грудь с осознанием собственной греховности и страстного призыва к милости Божьей молил: *Боже! Будь милостив ко мне грешнику* [2: 265]. Мытари, как свидетельствуют библейские тексты, злоупотребляли своими полномочиями, взимая с евреев больше положенного, а они, в свою очередь, отвечали им презрением и ненавистью. Талмуд повелевал иудея, сделавшегося сборщиком податей, отлучать от того религиозного общества, к которому он принадлежал [27: 322]. В притче евангелист Лука противопоставляет высокомерного фарисея и кающегося от собственного самоуничтожения мытаря.

Общеславянское слово *мытарь* сохранилось в белорусском, болгарском, украинском языках с нейтральной коннотацией в значении 'работник налоговой службы', соответственно, структура, собирающая налоги, носит название *Дзяржаўны мытны камітэт; Агенция Митници; Державна митна служба*.

В русском языке название подмосковного города Мытищи тоже связано с этим словом, потому что произошло от слова *мыто* 'торговая пошлина', отсюда *мытная изба*, которая стояла на перевозе реки Яуза и в которой взималась пошлина с торговых людей. Слово *мытарь* сформировало семантико-словообразовательное гнездо как с нейтральной, так и негативной коннотацией (*мытница, мытарница* 'место сбора пошлины'; *мытарствовать* 'плутовать, промышлять поборами'; *мытарить, мытариться* 'физически страдать'; *замытариться* 'захлопотаться, замучиться в хлопотах' и др.), с многообразием смысловых линий, актуальность которых определяет разновидность литературного или диалектного текста. В.С. Кучко подчёркивает, что «широте семантики «мытарных слов» способствовал и негативный смысловой заряд, присущий лексеме *мытарь* в библейской традиции, притягивающий самые разнообразные отрицательные характеристики явлений с тем, чтобы участвовать в их обозначении» [42: 37]. Как видим, сформировалось отдельное морфосемантическое поле слова

мытарь, в котором языковые единицы необходимо рассматривать во взаимодействии.

Второе упоминание библеизма *бить себя в грудь* в Евангелии от Луки связано с распятием самого Христа на Голгофе. Народ, присутствовавший на казни Богочеловека и услышавший о его безгрешности, сокрушается: *И весь народ, сшедшийся на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь* [2: 292]. Такой жест свидетельствует о том, что люди осознали свою вину перед Христом, увидев наступившее затмение солнца при полнолунии, когда прозвучали слова: *Отче! В руки твои предаю дух мой!* [2: 292].

Такие евангельские истины начинают терять значение в секуляризированной России, начиная с Петровской эпохи. Выразилось это прежде всего в том, что мироосмысление в жизни и культуре сводилось к уровню житейскому, бытовому отображению. Литературные процессы, по мнению М.М. Дунаева, противостояли православию и характеризовались отталкиванием от традиционной религии [26: 3]. Это способствовало секуляризации всех сфер общества и перехода с молитвенно-аскетичного на чувственный, эмоционально-эстетический опыт. Поэтому, следуя духовно-нравственным социальным изменениям, современный контекст расширяет семантику библеизма на основе чувственного опыта – и устойчивое выражение проходит процесс обмирщвления, а точнее десакрализации, и приобретения нового значения ‘клятвенно, страстно, с притворной искренностью уверять кого-то в чём-либо, убеждать в своей честности, доказывать свою правоту’ [25: 39].

Библеизмы в медиатекстах (на примере БФЕ *бить себя в грудь*)

Дискурсивный анализ библеизмов в медиатекстах иллюстрирует особенности современного понимания, репрезентирует уровень развития культуры и мировосприятия русского человека. Например, за последние несколько месяцев газетное и электронное издание «Известия» продемонстрировало широкий спектр использования библеизмов-аллюзий в заголовках: *Имеющий разум да осознаёт* [56] – библ. *Имеющий уши – да услышит, имеющий глаза – да увидит, имеющий разум – да осознает* [2: 46]; *Бревно в своём глазу* [63] – библ. *Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь... Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* [1: 22]; *Судный Трамп* [72] – библ. *день Божьего суда* [1: 539]; *100 дней Сунака* [83] – библ. *Сорок дней на Земле был потоп; и вода поднялась, и подняла ковчег, и он поднялся над землей. И вода поднялась и сильно увеличилась на*

земле <...> и все высокие горы, которые были под всеми небесами, были покрыты [1: 10]; *Запретная вера* [23] – библ. *Запретный плод* [1: 7]; *Зерно познания* [50] – библ. *Древо познания добра и зла* [1: 7] и др. Семантическое взаимодействие исконно сакрального смысла с языковой шуткой стало ключом к вскрытию ментального национально-специфического образования, иллюстрирующего нравственные ценности, накопление человеческого опыта в прошлом и настоящем.

В этом же издании напечатана статья под названием «Если рейтинг ниже плинтуса, незачем бить себя пяткой в грудь» [64], определяющая особую функцию БФЕ в понимании текста. Как пишет А.А. Лютая, «основной смысл заголовочной конструкции переходит в общий смысл текста газетной публикации... Заголовок выражает основной замысел, идею текста и всегда находится в сильной позиции по отношению к тексту» [49: 3]. Приём языковой игры при преднамеренном смешивании библеизма *бить себя в грудь* с современной идиомой, перешедшей из жаргонной лексики *ниже плинтуса* [55: 505], повышает градус экспрессии, а сознательное отступление от утвердительной формы к отрицательной *незачем бить себя пяткой* создаёт остроумное высказывание. Такой приём языковой шутки демонстрирует комический сценарий – человек не способен ударить себя пяткой в грудь, поэтому такой аллогичный смысловой нюанс приводит к двойной языковой десакрализации. Слово *пятка* достаточно продуктивно используется во фразеологизмах русского языка с различными дефинициями, напр.: *стоптать под пятку* ‘доказать своё превосходство над кем-либо’; *из-под пяток вырезать* ‘украсть, достать где угодно, любым путём’; *раненный в пятку* ‘о глупом, несообразительном человеке’; *наступать на пятку* ‘обидеть, задеть кого-то’ и др. [55: 550]. К молодёжному жаргону относится идиома *стучать пяткой в грудь* ‘хвастаться, хвалиться’, поэтому сюжетный заголовок иллюстрирует повышенную экспрессию.

Под языковой сакрализацией мы понимаем универсальную лингвокогнитивную категорию, определяющую ценностно-смысловое миропонимание в этическом, эстетическом, правовом, политическом смыслах, которая вербализует и формирует в сознании дискурсивной личности лингвоментальные ячейки трёх уровней – сакральную, профанную и десакральную – в системе знаний и представлений человека о мире. Между уровнями могут быть как чёткие, так и размытые границы, о чём свидетельствует предыдущий пример со сменой смысловой нагрузки – от библейского к житейскому. На наш взгляд, чёткая граница определяется с теми языковыми единицами, которые не меняют свою структурно-смысловую организацию, например слова, входящие в церковную лексику (*алтарь, амвон, Псалтырь, панихида* и др.).

На основе нескольких признаков: наличия в их смысловой структуре коннотативных эмоционально-оценочных сем, иллюстрирующих сакральную, профанную или десакральную семантику; аккумулятивности, сохраняющей в своей структуре культурно-историческое наследие; кодифицированности (упорядоченности) на материале церковнославянского языка в «семиотическом ландшафте» страны; рефлексивности, стимулирующей к размышлениям над аксиологическими, лексическими, смысловыми, структурными особенностями и др. [84: 141].

В соответствии с различными сферами человеческого знания, спецификой существенных признаков сакрализации и особенностей лексической и лингвокультурологической интерпретации можно выделить три типа языковой сакрализации: религиозно-мифологическую, культурно-историческую, философско-культурную. Такие типы выделяются весьма условно, поскольку на них оказывают влияние объективные и субъективные факторы, способствующие выявлению лучших или худших образцов сакрализации, характерных для высокого или бытового видения окружающей действительности. Религиозно-мифологическая языковая сакрализация как высшая ценность является ориентиром для всего спектра смысложизненных проблем и становится основой духовных и национальных традиций русскоговорящей дискурсивной личности.

Библеизмы, являясь языковыми единицами с истинным сакральным смыслом, используемые в медиатекстах, приобретают десакральную сущность и утрачивают религиозное содержание микротекста. Антиценностный (десакральная) уровень приводит к истощению культурологического начала. Е.Е. Иванов пишет, что «библейские цитаты всё чаще подвергаются глубоким семантическим преобразованиям, становятся “антибиблеизмами”, отражая общую тенденцию функциональной динамики крылатых выражений в современной русской речи, когда «пародийные и шуточные трансформации крылатых слов и цитат как отдельных текстов стали в последнее время массовым явлением и породили новый тип малых текстовых форм – антицитаты» [28: 912].

Как видим, медиатексты отражают общую тенденцию, ведущую к понижению ценностного регистра высоких понятий при переходе их из сакральной сферы употребления в коммуникативную светскую среду. Стремление преодолеть границы привычных значений и извлечь из них дополнительные коннотации порождают либо метафорические переосмысления со знаком «качества», либо являются продуктами разового употребления. Краткость, ёмкость, ироничный тон в медиатекстах стимулируют создание окказиональных признаков

у БФЕ. Из языкового сознания вытесняются религиозные ценности и выступают репрезентантом новой идеологии.

Приведем пример. На российском сайте sport.ru размещено интервью с призёром Пекинской Олимпиады, лучшим штангистом России Д. Клоковым под названием «Бить себя в грудь, говорить, что патриот и при этом носить adidas – это глупо» [34]. Такой заголовок является самостоятельным высказыванием, демонстрирующим селективное восприятие текста, когда все его части понимаются как автосемантические. Для такой статьи необходимо было закрепиться в медиапространстве и завладеть вниманием читателей. Как пишет З.Д. Блисковский: «...заголовок – это первое слово автора в его заочной беседе с читателями» [10: 10]. Вводя в контекст библеизм *бить себя в грудь* со значением ‘выставлять себя напоказ, дать себя заметить’, внимание фокусируется на нарастающей дискуссионности нравственной проблемы патриотизма среди спортсменов. Внимание сосредоточивается на прагматической и когнитивной нагрузке в стержневых словах *nampuom* и *adidas*, что отражает апелляцию автора текста к определённой читательской аудитории (людям, интересы которых сконцентрированы на идее потребления).

Слово *adidas* называет западногерманского производителя спортивной одежды, обуви, аксессуаров, выпускающего товар с 1949 г. Основателем всемирно известного производства был потомственный изготовитель обуви А. Даслер, создавший спортивную атрибутику высокого качества с применением новейших технологий (спортивные бутсы, сумки, экипировку и др.). В СССР продукция «Адидас» была недоступна по идеологическим причинам, хотя приобреталась для избранных спортсменов с послевоенных времён. Получить заветные шиповки или бутсы могли только атлеты международного уровня. Широкую популярность спортивная одежда и обувь приобрели в России с середины 1990-х гг. и ассоциировались с комфортным европейским образом жизни, поэтому поставленный на поток выпуск поддельных спортивных костюмов, обуви спровоцировал появление в молодёжном жаргоне слова *адидасы* в значении ‘кроссовки фирмы «Адидас»’, идиомы *адидасы отбросить* с дефиницией ‘умереть, скончаться’ [55: 13]. Возможно, появление такой идиомы связано с разгулом преступного мира в 1990-х гг. и популяризацией одежды с тремя белыми полосками – фирменным знаком корпорации – среди хулиганов и уголовников, которые были подвержены смертельным рискам при решении финансовых вопросов. Автор публикуемого интервью ориентируется на социальный заказ: давление материального над духовным, установку на покупку всего отечественного, на экологический образ жизни. Экспрессивный синтаксис усиливает

оценочность смыслового фрагмента целого высказывания, а наличие библеизма *бить себя в грудь* побуждает перейти к полноценному знакомству с текстом.

Но чаще всего библеизм употребляется в первоначальном значении в стилистически сниженных текстах, присутствующих в современной публицистической сфере, например: – *Нет, я плакать должен! – огрызнулся Стас. – Рыдать и **бить себя в грудь!** Был, типа, значит, в непотребном к соображению состоянии, потому как по головке грохнули!* [44]; *Что уж тут **бить себя в грудь** да произносить высокие слова!* [24]; *В свою защиту обвиняемым пришлось **бить себя в грудь** и клясться в любви к евреям* [3].

Интересным, на наш взгляд, является наблюдение зоологов-приматологов, обосновавших жест гориллы, бьющей себя в грудь. После выхода на советский экран американского фильма «Кинг-Конг» (1986) главный персонаж, гигантская горилла, придуманная сценаристом, режиссёром М. Купером, стала популярной в книгах, комиксах, компьютерных играх и т. д. Жест Конга, бьющего себя в грудь на протяжении всего сериала, демонстрирует сопернику физическое и моральное превосходство. В современной художественной литературе используется такой образ: *Чудовище сделало несколько шагов вперёд, остановилось, издало свой ужасный вой, потом приблизилось ещё немного, снова остановилось и начало яростно бить себя в грудь; И Малой, высунувшись по пояс из машины и глядя куда-то в небо, стал бить себя в грудь руками, выкрикивая...* [19]. Читателю представлено устойчивое выражение в значении 'ощущать себя самодостаточным, свободным', описывающим поведение не только обезьяны, но и человека.

Семантика библеизма *бить себя в грудь* дополняется за счёт использования глаголов несовершенного вида, которые представлены в текстах «Национального корпуса русского языка»: *божиться, говорить, вопить, восклицать, выть, выступить, гаерствовать, доказывать, кашлять, каяться, клясться, кривляться, кричать, изливаться, плакать, причитать, пускать слюну, осуждать, ораторствовать, призывать, сморкаться, распинаться, рыдать, скакать, скрежетать, стонать, таращить глаза, твердить, требовать, трястись, тыкать, убеждать, уверять, утверждать, хвастаться, ходить, чихать*, что создает у читателя ощущение включённости в описываемое событие, сопричастности к происходящим действиям. Часть из них могут образовывать синонимичные ряды – *плакать, выть, рыдать, стонать* и др., *говорить, восклицать, вопить, выступить* и др., *гаерствовать, потешать, кривляться* и др., создающие актуальный коммуникативный статус [58].

Библеизм *бить себя в грудь и клясться* иллюстрирует акт раскаяния с вербализацией клятвы. В русской культуре к клятве сложилось неоднозначное отношение. Лексема *клятва* представлена дериватами *проклятие, заклятие, заклинание* [74: 238–239]. Они близки по значению лексеме *клятва*, поэтому остановимся на оценочных духовно-нравственных характеристиках этих понятий. Слово *клятва* представлено в современных словарях в значении ‘торжественное уверение в чем-либо, подкреплённое упоминанием чего-либо священного для того, кто уверяет, обещает’ и используется в названиях Клятвы Гиппократова, Клятвы учителя, Клятвы пионера и т. д. [70: 447–448]. Слово *клятва* имеет старославянское происхождение *клтва* [65: 254], созвучно с болгарским *клетва*, сербохорватским *клетва* в значении «проклятие», с древнечешским *klatva, kletva* в значении «проклятие, отлучение от церкви», польским *klatwa* от «клян, клясть» [80: 32].

В «ПЦСС» протоирея Григория Дьяченко лексема *клятва* объясняется исключительно с негативной коннотацией: 1) ‘заклятое, проклятое’; 2) ‘проклятие’; 3) ‘клятва, клятвенное обещание’; ‘клятва церковная – проклятие, отлучение от церкви, или во все из числа христиан исключение’ [27: 254].

В «СД» Н.И. Толстого в словарной статье к слову *клятва* приведён пример абсолютного синонима *присяга*. Этот правовой обычай фиксируется письменными источниками, начиная с IX в. Ритуал произнесения клятвы сопровождался рядом действий при свидетелях. Клятвенные формулы, по мнению этнолингвиста, разделялись на типы в зависимости от смыслового компонента. Клятвенные формулы похожи на языческие ритуальные действия до принятия христианства на Руси, например: в договоре Руси с греками 944 г. говорилось о том, что некрещёные русичи клялись щитом и мечом, даже золотом, с произнесением имён славянских богов Перуна, Волоса. Болгары, например, как упоминается в послании папы Николая I болгарскому царю Борису, клялись перед мечом, ритуал сопровождался целованием топора. Несколько других разновидностей клятвы предполагали использование и сил природы – солнца, грома (даже сейчас бытует фразеологизм *разрази меня гром*), града и др. [69: 513–514].

В книге Е.В. Аничкова «Язычество и Древняя Русь» описывается ритуал клятвы при решении земельных споров: *Случается, когда хозяева двух смежных жатв, забыв граничную полосу, или просто с целью захвата чужого сенокоса спорят о пределе. Для спора выбирали в судьи Мать-Сырую Землю. Один из них выхватывал пригоршню земли с дерниной, клал на голову и шёл по пределу – это была уже его земля* [4]. В XVI в. хождение с дёрном на голове заменили иконным хождением. Но суть ритуала не поменялась [15: 396–397].

С принятием христианства в русском религиозном сознании образ Христа стал отождествляться с местом его казни, ставшим символом торжества над смертью. В 1855 г. англичанин Дж. Флетчер писал: «Они клянутся крестом и целуют подножие его, как бы считая его Богом, имя которого и должно быть употребляемо при этом судебном доказательстве» [81: 30].

Целование икон также сопровождалось произнесением клятвы: *Иже иконы Господня и Богородичны и всех святых со страхом и любовью не целует, да будет проклят*. Пословица гласила: *Наперёд икону целуй, там отца и мать, и хлеб-соль*. Так происходило освящение реальности – от божественного к человеческому, и грани между сакральным и бытовым не наблюдалось.

В современных медиатекстах библеизм *бить себя в грудь* несёт информацию о прошлом, но соединяет её с настоящим, усиливая глубину скорби и печали и соединяясь в смысловом отношении с другими библеизмами: *Отказаться было нельзя, однако принародно бить себя в грудь, каяться и посыпать голову пеплом, как поступали многие, тоже не следовало* [89].

БФЕ *посыпать голову пеплом* восходит к древнему обычаю посыпать голову пеплом, пылью, землёй в знак выражения горя, отчаяния, скорби, в котором пепел символизирует тленность, смертность человека. Такой жест выполняет человек только при невыносимости страданий, желая слиться с землёй, обратиться в пыль, прах, умереть. В «Книге Иова» описаны ритуальные действия, сопровождающиеся разрыванием одежды: *И подняв глаза свои издали, они не узнали его; и возвысили голос свой и зарыдали; и разодрал каждый верхнюю одежду свою, и бросали пыль над головами своими к небу* [1: 513]. Так друзья Иовы показывали свою глубокую скорбь из-за смертельной болезни друга. Подобные действия описываются в нескольких книгах Ветхого Завета – Вторая Книга Царств, Плач Иеремии, Книга пророка Иезекииля, Книга Есфири и др.

В славянской традиции пепел очага выступал символом дома и его обитателей. Когда в дом входила невестка или служанка, уходил в армию сын, то у чехов, поляков ноги посыпали пеплом. У словаков ритуал посыпания лап совершали с купленными домашними животными – птицей, собакой, кошкой, чтобы держались при доме. У кашубов домовый назывался духом, пребывающим в пепле под очагом. У хорватов посыпали пеплом посевное зерно и др. В похоронной обрядности также сохранился этот ритуал: сербы посыпали могилы пеплом сожжённого пучка соломы, украинцы – пеплом сожжённой бумаги в храме, русские – последний путь умершего [69: 666–667]. Как видим, славяне считали пепел обрядовым оберегом в целях за-

щиты от злых сил, болезней, природных стихий, с целью отведения смерти от дома.

При создании языковой единицы с новым значением человек всегда использует уже имеющиеся в языке слова, выражения. Такими являются БФЕ. Как подчёркивает Б.А. Серебренников, «каждое новое понятие оказывается в той или иной мере связанным с каким-то другим. Создание слов на базе лексического материала собственного языка уже с самого начала предполагает какую-то связь вновь создаваемого слова с каким-то другим, уже существующим в данном языке словом» [68: 198].

Заключение

Священное Писание представляет большое поле научной деятельности для ученых различных наук. Апелляция к такому виду библейского дискурса доказывает сакральный и дидактический смысл Библии, которая имеет большое значение для миропонимания и мировоззрения русского человека. При наличии прямого цитирования православного контента аксиологический аспект сохраняется и демонстрирует назидательный, исконно сакральный смысл. Но чаще всего в секуляризованных медиатекстах, выполняющих маркетинговую роль по привлечению внимания читателей, происходит структурно-семантическая трансформация первоисточника в виде аллюзий, экспликации, языковой игры и др., что создаёт определённый прагматический эффект, выражает негативные эмоции, переживания, отношение. В отличие от религиозных изданий, светские медиатексты выполняют функцию языковой игры, что стимулирует создание приобретённого десакрального смысла. Чаще всего языковая десакрализация реализуется через расширение состава, перевода утвердительной формы в отрицательную, замену одного компонента другим и др.

В качестве вывода можно отметить, что БФЕ в современном медиатексте создают особую речевую среду, в которой в понятие образцовости нормативного языкового средства включается значение «признанности» или «легкословия», стимулирующее переориентацию на материальные ценности и потребительские «святыни», способствующее деструктивизации высших ценностей языковой личности и разрушающее библейскую духовную культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2010. 1346 с.

2. Святое Евангелие. М.: Сибирская Благовозвонница, 2019. 383 с.
3. *Андреевский Г.В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. 2008. URL: https://bookscafe.net/read/andreevskiy_georgiy-povsednevnyaya_zhizn_moskvy_v_stalinskuyu_epohu_1920_1930_gody-237320.html#p1 (дата обращения: 15.05.2023).
4. Аничков Е.В. *Язычество и древняя Русь*. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1914. 426 с.
5. *Бабкин А.М., Шендецов В.В.* Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: в 3 т. 2-е изд., испр. СПб.: КВОТАМ, 1994. Т. 1–3.
6. *Байрамова Л.К.* Пословицы в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка: словаре ценностей и антиценностей // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки, 2014. № 77. С. 10–12.
7. *Балакова Д.* Фразеология в речевом узусе (межгенерационный взгляд на языковое поведение носителей словацкого языка во фразеологическом аспекте // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах: материалы Международной научно-практической конференции. Кострома: Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова, 2016. С. 43–46.
8. *Балакова Д., Ковачёва В., Мокиенко В.М.* Наследие Библии во фразеологии / науч. ред. Х. Вальтер. Greifswald: E.M.A.Universitat, 2013. 308 с.
9. *Бердникова Т.А., Уарова Н.А.* Функционирование библеизмов в современном русском языке // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. Якутск: Якутский край, 2015. Вып. 2. С. 109–119.
10. *Блисковский З.Д.* Муки заголовка. М.: Книга, 1981. 112 с.
11. *Боллигер Е.И.* Параллелизм в сакральных текстах // Богинские чтения: материал VIII Тверской герменевтической конференции / отв. ред. Н.Л. Галеева. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. С. 17–19.
12. *Бредис М.А., Иванов Е.Е.* Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. DOI: 10.17223/22274200/26/1
13. *Бурмистрова Т.Н.* Сакральная фитонимия как отражение стереотипов национального сознания // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2007. № 3. С. 62–65.
14. *Вальтер Х., Иванов Е.Е., Мокиенко В.М.* Национально-культурная маркированность библейских выражений и афоризмов русского языка // Но мы сохраним тебя, русский язык!: коллективная монография, посвящённая 90-летию акад. В.Г. Костомарова / отв. ред. В.И. Карасик. М.: Флинта, 2020. С. 134–160.
15. *Войтович В.М.* Українська міфологія. Київ: Либідь, 2002. 664 с.
16. *Воробьёва Н.А.* Сакральная фразеология и её представление в современном русском сознании // Вестник ЧГПУ. 2007. Вып. 1. С. 191–201.

17. *Гадомский А.К.* Проблема взаимодействия языка и религии // Культура народов Причерноморья. 2004. № 49, т. 1. С. 164–166.

18. *Гвоздарёв Ю.А.* Библиеизмы в русской фразеологии (к истории освоения) // Эволюция лексико-фразеологического и грамматического строя русского языка. Магнитогорск, 1994. С. 26–34.

19. *Гиголашвили М.* Чёртовое колесо (2007) // Национальный корпус русского языка. URL: https://bookscafe.net/read/gigolashvili_mihail-chertovo_koleso-177785.html#p1 (дата обращения: 15.05.2023).

20. *Гневэк О.В.* Изменение семантики лексемы Бог (по материалам современных фразеологических словарей, а также собраний русских пословиц и антипословиц) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 56–61.

21. *Григорьев А.В.* Русская библейская фразеология в контексте культуры. М.: Индрик, 2006. 360 с.

22. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / сост., послесл. и комм. С.А. Вайгачёва. М.: КНИГА, 1991. 574 с.

23. *Добров А.* Запретная вера // Новости. Статьи. Мнения. URL: <https://iz.ru/1432596/andrei-dobrov/zapretnaia-vera> (дата обращения: 15.02.2023).

24. *Домбровский Ю.О.* Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943–1958) // Национальный корпус русского языка. URL: uscorpora.ru/results (дата обращения: 15.02.2023).

25. *Дубровина К.Н.* Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010. 808 с.

26. *Дунаев В.В.* Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. 1056 с.

27. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений). М.: Типография «Вильде», 1899. 1158 с.

28. *Иванов Е.Е.* Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 4. С. 898–924. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924

29. *Иванов Е.Е.* Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243–258. DOI: 10.25178/nit.2023.1.14

30. *Иванов Е.Е.* Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20, № 2. С. 167–185. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185

31. *Иванов Е.Е., Маслова В.А., Мокиенко В.М.* Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. М.: Изд-во РУДН, 2022. 406 с.

32. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166.

33. *Касаткина О.Н.* Соотношение глубинного и поверхностного уровней структуры в текстах Евангелий Нового Завета: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 142 с.

34. *Клоков Д.* Бить себя в грудь, говорить, что патриот и при этом носить adidas – это глупо. URL: sports.ru/tribuna/blogs/vitalysuvorov/733330.html (дата обращения: 15.05.2023).

35. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. 2-е изд. М.: УРСС, 2013. 456 с.

36. *Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.

37. *Комкова Н.И., Ломакина О.В.* Функционирование фразеологических библеизмов в художественной прозе Б.В. Шергина // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: труды и материалы Международной конференции: в 2 т./ под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Э.А. Исламовой. М., 2019. С. 143–147.

38. *Королёва И.А.* Изучение сакрально-богослужебной лексики в молодёжной аудитории // Вестник СНО 15. Волгоград: Перемена, 2002. С. 126–134.

39. *Кузнецова И.В.* Библиейская фразеология и языковая игра // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 212–219.

40. *Кузнецова И.В.* Иисус Христос в устойчивых сравнениях славян // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 232–240.

41. *Кузьмина Т.В.* Сакральное значение слова ангел // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы IX Международной конференции. Владимир, 22–24 сентября 2011. Владимир, 2011. С. 254–259.

42. *Кучко В.С.* Вокруг русского мытаря: о развитии семантики слова и его системных связях в различных формах существования языка // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». 2016. Вып. 4 (36). С. 31–39.

43. *Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера.* Могилёв: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. Т. 1. 334 с.; Т. 2. 308 с.

44. *Леонов Н., Макеев А.* Эхо дефолта (2000–2004). URL: <https://kniga-online.com/books/detektiv-i-trillery/detektiv/154654-nikolai-leonov-ehodefolta.html> (дата обращения: 15.02.2023).

45. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Концептуальная дихотомия «Бог» – «дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // Вестник Томского государственного университета, 2019. № 447. С. 55–62. DOI: 10.17223/15617793/447/7

46. *Ломакина О.В., Макарова А.С.* Библиейские выражения в роли заголовков православных медиатекстов: источники, структура, тематическая доминанта

// Русский язык в поликультурном мире: в 2 т. Симферополь: Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, 2020. С. 231–237.

47. *Ломакина О.В., Шуран О.В.* Способы экспликации коммуникативного намерения фразеологизма-библейзма «запретный плод» (диахронический срез) // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2 (50). С. 65–76. DOI: 10.35785 / 2072-9464-2020-50-2-65-76

48. *Лопухин А.П.* Библейская история. Толковая Библия. Ветхий Завет и Новый Завет. М.: Эксмо, 2016. 640 с.

49. *Лютая А.А.* Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. Волгоград, 2008. 19 с.

50. *Мажуга А.* Зерно познания // Новости. Статьи. Мнения. URL: <https://iz.ru/1466557/aleksandr-mazhuga/zerno-poznaniia> (дата обращения: 15.02.2023).

51. *Мендельсон В.А.* Фразеологические единицы библейского происхождения в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 351 с.

52. *Мжельская О.К.* Семантическая специализация английских библейзмов, не имеющих аналогов в русском языке // Психопедагогика в правоохранительных органах. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2008. № 4 (35). С. 65–67.

53. *Мокиенко В.М.* Параметры славянской паремииографии // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 31–34.

54. *Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И.* Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2 000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2010. 639 с.

55. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских поговорок / под общ. ред В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа групп, 2007. 784 с.

56. *Москалькова Т.* Имеющий разум да осознает // Новости. Статьи. Мнения. URL: <https://iz.ru/1438085/tatiana-moskalkova/imeishchii-razum-da-osoznaet> (дата обращения: 15.05.2023).

57. *Назарова И.П.* Функционирование библейзмов в русском и немецком языках и лингвопрагматические особенности вариантов перевода: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 180 с.

58. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.02.2023).

59. *Наумов К.Д.* Сакральные представления как источник русской и польской идиоматики // Язык и ментальность: сб. научных статей. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 293–298.

60. *Никитина Т.Г.* Русская фразеология в лингвокультурологическом аспекте. Учебное пособие для студентов филологических и педагогических специальностей. Псков: Логос, 2010. 140 с.

61. *Николаюк Н.Г.* Библейское слово в нашей речи: словарь-справочник. СПб.: Библиополис, 2012. 380 с.

62. *Охалина А.А., Белякова С.М.* Сакральное и профанное время в романе М. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Тюменского государственного университета. Филология. 2012. № 1. С. 170–176.

63. *Пименова Е.* Бревно в своём глазу // Новости. Статьи. Мнения. URL: <https://iz.ru/1434397/evgeniia-pimenova/bревно-v-svoem-glazu> (дата обращения: 15.02.2023).

64. *Поворазнюк С.* Если рейтинг ниже плинтуса, незачем бить себя пяткой в грудь // Известия. Новости. Статьи. Мнения. URL: <https://iz.ru/news/571717> (дата обращения: 15.05.2023).

65. Полный церковнославянский словарь: (со внесением в него важнейших древнерус. слов и выражений): [ок. 30 000 слов]: пособие / сост. свящ. Григорий Дьяченко (ПЦСС). М.: Отчий дом, 2004. 1120 с.

66. *Родионова Е.В.* Интертекстуальность // Культурология. XX век: словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с.

67. Русинська бібліотека. Інститут історії і філології в г. Ужгородь. URL: rusyns-library.org/category/dushpastyr-oficialnyy-organ-eparkhi (дата обращения: 16.05.2023).

68. *Серебренникова Е.Ф.* Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа // Этносемиотрия ценностных смыслов / под ред. Е.Ф. Серебренникова. Иркутск: Издательство Иркутского государственного лингвистического университета, 2008. С. 8–62.

69. Славянские древности (СД): Этнологический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 2. 702 с.

70. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 19887. Т. 3. 752 с.

71. *Суляк С.Г.* Начало христианизации Карпато-Днестровской Руси // Русин. 2015. № 4 (42). С. 267–307. DOI: 10.17223/18572685/42/19

72. *Суховерхов К.* Судный Трамп // Новости. Статьи. Мнения. URL: <https://iz.ru/1493880/konstantin-sukhoverkhov/sudnyi-tramp> (дата обращения: 15.02.2023).

73. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки славянской культуры», 1996. 289 с.

74. *Тихонов А.Н.* Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. 639 с.

75. *Толстова Г.А.* Культура языковой личности: Религиозная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой // Русский язык и культура речи: сборник материалов семинара-конференции. Красноярск, 2006. С. 246–256.

76. *Туркова-Зарайская М.О.* Библиизмы в фокусе исследования современных лингвистов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2022. № 47. С. 110–115.

77. Устойчивые сравнения в системе фразеологии / ред. В.М. Мокиенко. Санкт-Петербург: СПбГУ: ЛЕМА; Greifswald: E.M.A. Universität, 2016. 278 с.
78. Ухтомский А.А. Интуиция совести. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.
79. Ушков А.В. Язык славян. Начала познания вещей Божественных и человеческих. М.: Благодарение, 2013. 1348 с.
80. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 4-е изд., стер. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 3. 704 с.
81. Флетчер Д. О государстве русском. СПб.: АО типогр.дела в СПб., 1911. 184 с.
82. Хлебда В. О чем думает русский индюк, или Об эквивалентах пословиц в двуязычном словаре // Przegląd Rusycystyczny. 2008. № 4 (124). S. 90–104.
83. Шейн С. Сто дней Сунака // Новости. Статьи. Мнения. URL: <https://iz.ru/1463993/sergei-shein/100-dnei-sunaka> (дата обращения: 15.02.2023).
84. Шкуран О.В. Методика фреймового сценария языковой единицы с сакральной семантикой // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021а. Т. 40, № 1. С. 139–148. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-1-139-148
85. Шкуран О.В. Сакрализация языковой единицы кумир на материале медиатекстов // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021б. Т. 43, № 7. С. 48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.679
86. Шулежкова С.Г. Фразеология в контексте смежных наук (от библеизмов к неологизмам) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. Т. 4, № 4. С. 62–67.
87. Шулежкова С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным (очерки о судьбах библейских крылатых выражений). М.: Флинта: Наука, 2013. 260 с.
88. Шулежкова С.Г. Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения... М.: Авалонь: Азбука классика, 2008. 238 с.
89. Юзефович Л. Казароза (2002). URL: <https://kniga-online.com/books/detektiv-i-trillery/detektiv/149774-leonid-yuzefovich-kazaroz.html> (дата обращения: 15.02.2023).
90. Die slawische Phraseologie und die Bibel = Славянская фразеология и Библия = Slovanská frazeológia a Biblia / науч. ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. Greifswald: E.M.A. Universität, 2013. 205 S.
91. Gasheva L.P. Семантические преобразования библейских фразеологизмов в системе современного русского языка // Frazeologia a religia. Tezy referatow midzynar. sympoz. naukow., Opole, 6–7 wrzesnia 1996 / red. M. Lewicki, W. Chlebda. Opole, 1996. S. 58–59.
92. Kotornicka A.M. Poetyka przypowieści ewangelicznych. Łódzkie studia. Teologiczne 3, 1994. S. 41–52.
93. Lomakina O.V. Concepts of God and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. 2021. Vol. 17, № 2. P. 125–135.

94. *Chlebda W.* Библия в языке – язык в Библии // *Problemy frazeologii europejskiej*. II. Warszawa, 1997. P. 68–69.

REFERENCES

1. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments], (2010). Moscow: Rossiyskoe bibleyskoe obshchestvo.

2. *Svyatoye Evangelie* [The Holy Gospel], (2019). Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa.

3. Andreevsky, G.V. (2008) *Povsednevnyaya zhizn' Moskvy v stalinskuyu epokhu. 1920–1930-e gody* [Everyday life of Moscow in the Stalin era. 1920–1930]. [Online] Available from: [https:// bookscafe.net/read/andreevskiy_georgiy-povsednevnyaya_zhizn_moskvy_v_stalinskuyu_epokhu_1920_1930_gody-237320.html#p1](https://bookscafe.net/read/andreevskiy_georgiy-povsednevnyaya_zhizn_moskvy_v_stalinskuyu_epokhu_1920_1930_gody-237320.html#p1) (Accessed: 15th May 2023).

4. Anichkov, E.V. (1914) *Yazychestvo i drevnyaya Rus'* [Paganism and Old Rus]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

5. Babkin, A.M. & Shendetsov, V.V. (1994) *Slovar' inoyazychnykh vyrazheniy i slov, upotrebyayushchikhsya v russkom yazyke bez perevoda* [Dictionary of foreign language expressions and words used in Russian without translation]. 2nd ed. St. Petersburg: KVOTAM.

6. Bayramova, L.K. (2014) Poslovitsy v “Aksiologicheskom frazeologicheskom slovare russkogo yazyka”: slovare tsennostey i antitsennostey [Proverbs in the “Axiological Phraseological Dictionary of the Russian Language: Dictionary of values and anti-values]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologicheskie nauki*. 77. pp. 10–12.

7. Balakova, D. (2016) Frazeologiya v rechevom uzuse (mezhgeneratsionnyy vzglyad na yazykovoje povedenie nositeley slovatskogo yazyka vo frazeologicheskom aspekte [Phraseology in speech usage (an intergenerational view of the linguistic behavior of Slovak speakers in phraseological aspect)]. *Frazeologizm i slovo v khudozhestvennom, publitsisticheskom i narodno-razgovornom diskursakh* [Phraseology and the Word in Artistic, Journalistic and Folk-Colloquial Discourses]. Proc. of the Conference. Kostroma: Nekrasov Kostroma State University. pp. 43–46.

8. Balakova, D., Kovacheva, V. & Mokienko, V.M. (2015) *Nasledie Biblii vo frazeologii* [The Biblical Heritage in Phraseology]. Greifswald: E.M.A. Universitat.

9. Berdnikova, T.A. & Uarova, N.A. (2015) Funktsionirovanie bibleizmov v sovremenom russkom yazyke [Functioning of biblical expressions in modern Russian]. *Sbornik trudov Yakutskoy dukhovnoy seminarii*. 2. pp.109–119.

10. Bliskovsky, Z.D. (1981) *Muki zagolovka* [The agony of a headline]. Moscow: Kniga.

11. Bolliger, E.I. (2003) Parallelizm v sakral'nykh tekstakh [Parallelism in sacred texts]. *Boginskie chteniya* [The Boginsky Readings]. Proc. of the 8th Tver Hermeneutic Conference. Tver: Tver State University. pp. 17–19.

12. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 26. pp. 5–29 (in Russian). DOI: 10.17223/22274200/26/1

13. Burmistrova, T.N. (2007). Sakral'naya fitonimiya kak otrazhenie stereotipov natsional'nogo soznaniya [Sacred phytonymy as a reflection of stereotypes of national consciousness]. *Vestnik MGOU. Seriya "Russkaya filologiya"*. 3. pp. 62–65.

14. Walter, H., Ivanov, E.E. & Mokienko, V.M. (2020) Natsional'no-kul'turnaya markirovannost' bibleyskikh vyrazheniy i aforizmov russkogo yazyka [National-cultural marking of biblical expressions and aphorisms of the Russian language]. In: Karasik, V.I. (ed.) *No my sokhranim tebya, russkiy yazyk!* [But we will save you, the Russian language!]. Moscow: Flinta. pp. 134–160.

15. Voytovich, V.M. (2004) *Ukrains'ka mifologiya*. Kyiv: Libid'.

16. Vorobieva, N.A. (2007) Sakral'naya frazeologiya i ee predstavlenie v sovremennom russkom soznanii [Sacral phraseology and its representation in the modern Russian consciousness]. *Vestnik ChGPU*. 1. pp.191–201.

17. Gadomsky, A.K. (2004) Problema vzaimodeystviya yazyka i religii [The problem of the interaction of language and religion]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 49.1. pp. 164–166.

18. Gvozdeyev, Yu.A. (1994) Bibleizmy v russkoy frazeologii (k istorii osvoeniya) [Bibleisms in Russian phraseology (towards the history of mastering)]. In: *Evolutsiya leksiko-frazeologicheskogo i grammaticheskogo stroya russkogo yazyka* [Evolution of the lexico-phraseological and grammatical structure of the Russian language]. Magnitogorsk: [s.n.]. pp. 26–34.

19. Gigolashvili, M. (2007) *Chertovo koleso* [Ferris Wheel]. National Corpus of the Russian Language. [Online] Available from: https://booksafe.net/read/gigolashvili_mihail-chertovo_koleso-177785.html#p1 (Accessed: 15th May 2023).

20. Gnevek, O.V. (2009) Izmenenie semantiki leksemy Bog (po materialam sovremennykh frazeologicheskikh slovarey, a takzhe sobraniy russkikh poslovits i antiposlovits) [Changing the semantics of the lexeme God (based on the materials of modern phraseological dictionaries, as well as collections of Russian proverbs and anti-proverbs)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of History, Philology, Culture*. 2(24). pp. 56–61.

21. Grigoriev, A.V. (2006) *Russkaya bibleyskaya frazeologiya v kontekste kul'tury* [Russian Biblical Phraseology in the Context of Culture]. Moscow: Indrik.

22. Danilevsky, N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: KNIGA.

23. Dobrov, A. (2022) *Zapretnaya vera* [Forbidden faith]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1432596/andrei-dobrov/zapretnaia-vera> (Accessed: 15th May 2023).

24. Dombrovsky, Yu.O. (n.d.) *Obez'yana prikhodit za svoim cherepom, chast' 1 (1943–1958)* [The monkey comes for its skull, Part 1 (1943–1958)]. National Corpus of the Russian Language. [Online] Available from: uscorpora.ru/results (Accessed: 15th May 2023).

25. Dubrovina, K.N. (2010) *Entsiklopedicheskiy slovar' bibleyskikh frazeologizmov* [Encyclopedic Dictionary of Biblical Phraseological Units]. Moscow: Flinta: Nauka.

26. Dunaev, V.V. (2003) *Vera v gornile somneniy: Pravoslavie i russkaya literatura v XVII–XX vv.* [Faith in the Crucible of Doubt: Orthodoxy and Russian Literature in the 17th – 20th Centuries]. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church.

27. Dyachenko, G. (1899) *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar' (so vneseniem v nego vazhneyshikh drevnerusskikh slov i vyrazheniy)* [The Complete Church Slavonic Dictionary (with the introduction of important Old Russian words and expressions)]. Moscow: Vil'de.

28. Ivanov, E.E. (2022a) Aphorism in the circle of small text forms in oral, written and electronic discourses. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 13(4). pp. 898–924 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924

29. Ivanov, E.E. (2023) Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English paremiological dictionary. *Novye issledovaniya Tuva – The New Research of Tuva*. 1. pp. 243–258 (in Russian). DOI: 10.25178/nit.2023.1.14

30. Ivanov, E.E. (2022b) Funktsii aforisticheskikh edinits v russkom yazyke [Functions of aphoristic units in the Russian language]. *Rusistika*. 20(2). pp. 167–185.

31. Ivanov, E.E., Maslova, V.A. & Mokienko, V.M. (2022) *Nasledie Biblii vyazykakh i kul'turakh narodov Rossii i Belarusi* [The heritage of the Bible in the languages and cultures of the peoples of Russia and Belarus]. Moscow: RUDN.

32. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.

33. Kasatkina, O.N. (2005) *Sootnoshenie glubinnogo i poverkhnostnogo urovney struktury v tekstakh Evangelii Novogo Zaveta* [The ratio of deep and surface levels of structure in the texts of the Gospels of the New Testament]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.

34. Klokov, D. (2015) *Bit' sebya v grud', govorit', chto patriot i pri etom nosit' adidas – eto glupo* [Beating his chest, saying that he is a patriot and at the same time wearing Adidas is stupid]. [Online] Available from: sports.ru/tribuna/blogs/vitalysuvorov/733330.html (Accessed: 15th May 2023).

35. Kovshova, M.L. (2013) *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii. Kody kul'tury* [Linguoculturological Method in Phraseology. Culture Codes]. 2nd ed. Moscow: URSS.

36. Kolesov, V.V. (1989) *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad: Leningrad State University.
37. Komkova, N.I. & Lomakina, O.V. (2019) Funktsionirovanie frazeologicheskikh bibleizmov v khudozhestvennoy proze B.V. Shergina [Functioning of phraseological Bibleisms in Boris V. Shergin's fiction prose]. In: Galiullin, K.R., Gorobets, E.A. & Islamova, E.A. (eds) *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika* [I.A. Baudouin de Courtenay and Moscow: [s.n.]. pp. 143–147.
38. Koroleva, I.A. (2002) Izuchenie sakral'no-bogosluzhebnoy leksiki v molodezhnoy auditorii [The study of sacred and liturgical vocabulary in the youth audience]. *Vestnik SNO*. 15. pp. 126–134.
39. Kuznetsova, I.V. (2013) Bibleyskaya frazeologiya i yazykovaya igra [Biblical phraseology and language game]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2. pp. 212–219.
40. Kuznetsova, I.V. (2015) Iisus Khristos v ustoychivyykh sravneniyakh slavyan [Jesus Christ in stable comparisons of Slavs]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 3. pp. 232–240.
41. Kuzmina, T.V. (2011) Sakral'noe znachenie slova "angel" [The sacral meaning of the word "angel"]. *Yazykovye kategorii i edinitiy: sintagmaticheskiy aspekt* [Language Categories and Units: A Syntagmatic Aspect]. Proc. of the 9th Conference. Vladimir. pp. 254–259.
42. Kuchko, V.S. (2016) Vokrug russkogo mytarya: o razvitiy semantiki slova i ego sistemnykh svyazyakh v razlichnykh formakh sushchestvovaniya yazyka [Around the Russian publican: On the development of the semantics of the word and its systemic connections in various forms of language existence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya"*. 4(36). pp. 31–39.
43. Ivanov, E.E., Mokienko, V.M., Balakova, D. & Walter, H. (eds) (2019) *Lepta bibleyskoy mudrosti: russko-slavyanskiy slovar' bibleyskikh vyrazheniy i aforizmov s sootvetstviyami v germanskikh, romanskikh, armyanskom i gruzinskom yazykakh* [A Mite of Biblical Wisdom: A Russian-Slavonic Dictionary of Biblical Expressions and Aphorisms with Correspondences in Germanic, Romance, Armenian and Georgian]. Mogilev, Moscow: Mogilev State University.
44. Leonov, N. & Makeev, A. (n.d.) *Ekho defolta (2000–2004)* [The Echo of Default (2000–2004)]. [Online] Available from: <https://kniga-online.com/books/detektivy-i-trillery/detektiv/154654-nikolai-leonov-eho-defolta.html> (Accessed: 15th May 2023).
45. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019) The Conceptual Dichotomy "God" – "Devil" in Russian Phraseology and Paroemiology (Against the Slavic Background). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 447. pp. 55–62 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/447/7
46. Lomakina, O.V. & Makarova, A.S. (2020) Bibleyskie vyrazheniya v roli zagolovkov pravoslavnykh mediatekstv: istochniki, struktura, tematicheskaya dominanta [Biblical expressions as titles of Orthodox media texts: Sources,

structure, thematic dominant]. In: Titarenko, E.Ya. (ed.) *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian Language in the Multicultural World]. Simferopol: [s.n.]. pp. 231–237.

47. Lomakina, O.V. & Shkuran, O.V. (2020) Sposoby eksplikatsii kommunikativnogo namereniya frazeologizma-bibleizma “zapretnyy plod” (diakhronicheskiy srez) [Ways of explication of the communicative intention of phraseology-bibleism “forbidden fruit” (a diachronic slice)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(50). pp. 65–76. DOI: 10.35785 / 2072-9464-2020-50-2-65-76

48. Lopukhin, A.P. (2016) *Bibleyskaya istoriya. Tolkovaya Bibliya. Vetkhyy Zavet i Novyy Zavet* [Biblical History. An Explanatory Bible. The Old Testament and the New Testament]. Moscow: Eksmo.

49. Lyutaya, A.A. (2008) *Sovremennyy gazetnyy zagolovok: struktura, semantika, pragmatika* [Modern newspaper headline: structure, semantics, pragmatics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.

50. Mazhuga, A. (2023) *Zerno poznaniya* [Grain of knowledge]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1466557/aleksandr-mazhuga/zerno-poznaniya> (Accessed: 15th May 2023).

51. Mendelson, V.A. (2002) *Frazeologicheskie edinitsy bibleyskogo proiskhozhdeniya v angliyskom i russkom yazykakh* [Phraseological units of biblical origin in English and Russian]. Philology Cand. Diss. Kazan.

52. Mzhelskaya, O.K. (2008) Semanticheskaya spetsializatsiya angliyskikh bibleizmov, ne imeyushchikh analogov v russkom yazyke [Semantic specialization of English biblical texts that have no analogues in the Russian language]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. 4(35). pp. 65–67.

53. Mokienko, V.M. (2014) Parametry slavyanskoy paremiografii [Parameters of Slavic paremiography]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*. 77. pp. 31–34.

54. Mokienko, V.M., Lilich, G.A. & Trofimkina, O.I. (2010) *Tolkovyy slovar' bibleyskikh vyrazheniy i slov* [Explanatory Dictionary of Biblical Expressions and Words]. Moscow: AST: Astrel.

55. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2007) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [A Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow: OLMA Media grupp.

56. Moskalkova, T. (2022) *Imeyushchiy razum da osoznaet* [He that hath mind, let him realize]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1438085/tatiana-moskalkova/imeyushchii-razum-da-osoznaet> (Accessed: 15th May 2023).

57. Nazarova, I.P. (2001) *Funktsionirovanie bibleizmov v russkom i nemetskom yazykakh i lingvopragmaticheskie osobennosti variantov perevoda* [Functioning of Biblical texts in Russian and German and linguistic and pragmatic features of translation options]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.

58. *The National Corpus of the Russian Language*. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru>

59. Naumov, K.D. (2010) Sakral'nye predstavleniya kak istochnik russkoy i pol'skoy idiomatiki [Sacred representations as a source of Russian and Polish idiomatics]. In: Pimenova, M.V. (ed.) *Yazyk i mental'nost'* [Language and Mentality]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 293–298.

60. Nikitina, T.G. (2010) *Russkaya frazeologiya v lingvokul'turologicheskom aspekte* [Russian phraseology in the linguoculturological aspect]. Pskov: Logos.

61. Nikolayuk, N.G. (2012) *Bibleyskoe slovo v nashey rechi* [The Biblical Word in Our Speech]. St. Petersburg: Bibliopolis.

62. Okhalina, A.A. & Belyakova, S.M. (2012) Sakral'noe i profannoe vremya v romane M. Sholokhova "Tikhiy Don" [Sacred and profane time in Mikhail Sholokhov's "And Quiet Flows the Don"]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Vestnik TSU. Philology*. 1. pp. 170–176 (in Russian).

63. Pimenova, E. (2022) *Brevno v svoem glazu* [The beam in one's own eye]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1434397/evgeniia-pimenova/brevno-v-svoem-glazu> (Accessed: 15th May 2023)

64. Povoraznyuk, S. (2014) *Esli reyting nizhe plintusa, nezachem bit' sebya pyatkoy v grud'* [If the rating is below the baseboard, there is no need to thump one's chest with the heel]. [Online] Available from: <https://iz.ru/news/571717> (Accessed: 15th May 2023).

65. Dyachenko, G. (2004) *Polnyy tserkovnoslavyanskiy slovar': (so vneseniem v nego vazhneyshikh drevnerus. slov i vyrazheniy)* [Complete Church Slavonic Dictionary: (with the most important Old Russian words and expressions)]. Moscow: Otchiy dom.

66. Rodionova, E.V. (1997) Intertekstual'nost' [Intertextuality]. In: *Kul'turologiya. XX vek* [Culturology. The 20th Century]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

67. Anon. (n.d.) *Rusins'ka biblioteka. Institut istorii i filologii v g. Uzhgorod* [Rusin Library. Institute of History and Philology in Uzhhorod]. [Online] Available from: rusyns-library.org/category/dushpastyr-oficialnyy-organ-eparkhi (Accessed: 16th May 2023).

68. Serebrennikova, E.F. (2008) Etnosemiometriya kak sposob lingvisticheskogo aksiologicheskogo analiza [Ethnosemiometry as a method of linguistic axiological analysis]. In: Serebrennikova, E.F. (ed.) *Etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Ethnosemiometry of Value Meanings]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University. pp. 8–62.

69. Tolstoy, N.I. (1995–2012) *Slavyanskije drevnosti: Etnologicheskij slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnological Dictionary: in 5 vols]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

70. Evgenieva, A.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.

71. Sulyak, S.G. (2015) The beginning of the Christianization of Carpatho-Dnister Rus. *Rusin*. 4(42). pp. 267–307 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/1963.

72. Sukhoverkhov, K. (2023) *Sudnyy Tramp* [Judgment Trump]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1493880/konstantin-sukhoverkhov/sudnyi-tramp> (Accessed: 15th May 2023)

73. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

74. Tikhonov, A.N. (2014) *Novyy slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka dlya vsekh, kto khochet byt' gramotnym* [A new word-formation dictionary of the Russian language for everyone who wants to be literate]. Moscow: AST.

75. Tolstova, G.A. (2006) Kul'tura yazykovoy lichnosti: Religioznaya leksika v pis'mennoy rechi Agaŕ'i Lykovooy [The culture of linguistic personality: Religious vocabulary in written speech by Agaŕ'ya Lykova]. In: Lapteva, M.A., Rekhlova, O.A. & Rumyantsev, M.V. (eds) *Russkiy yazyk i kul'tura rechi* [Russian Language and Culture of Speech]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Technical University. pp. 246–256.

76. Turkova-Zarayskaya, M.O. (2022) Bibleizmy v fokuse issledovaniya sovremennykh lingvistov [Biblical expressions in the focus of modern linguists' research]. *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*. 47. pp. 110–115.

77. Mokienko, V.M. (2016) *Ustoychivyye sravneniya v sisteme frazeologii* [Stable comparisons in the system of phraseology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Lema; Greifswald: E.M.A. Universität.

78. Ukhomsky, A.A. (1996) *Intuitsiya sovesti* [Intuition of Conscience]. St. Petersburg: Peterburgskiy pisatel'.

79. Ushkov, A.V. (2013) *Yazyk slavyan. Nachala poznaniya veshchey Bozhestvennykh i chelovecheskikh* [The language of the Slavs. The early knowledge of divine and human things]. Moscow: Blagodarenie.

80. Fasmer, M. (1996) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. 4th ed. Moscow: TERRA.

81. Fletcher, D. (1911) *O gosudarstve russkom* [About the Russian State]. St. Petersburg: AO tipogr. dela v SPb.

82. Khlebda, V. (2008) O tym, co myśli Rosyjska Turcja, czyli o odpowiednikach przystów w dwujęzycznym słowniku. *Przegląd Rusycystyczny*. 4(124). pp. 90–104.

83. Shein, S. (2023) *Sto dney Sunaka* [Sunak's hundred days]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1463993/sergei-shein/100-dnei-sunaka> (Accessed: 15th May 2023).

84. Shkuran, O.V. (2021a) Metodika freymovogo stseneriya yazykovoy edinitsy s sakral'noy semantikoy [Methodology of the frame scenario of a language unit with sacred semantics]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*. 40(1). pp. 139–148 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-1-139-148

85. Shkuran, O.V. (2021b) Sakralizatsiya yazykovoy edinitsy "kumir" na materiale mediatekstv [Sacralization of the language unit "idol" on the material

of media texts]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 43(7). pp. 48–54 (in Russian). DOI: 10.15393/uchz.art.2021.679

86. Shulezhkova, S.G. (2020) Frazeologiya v kontekste smezhnykh nauk (ot bibleizmov k neologizamam) [Phraseology in the context of related sciences (from Biblical to neologisms)]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. 4(4). pp. 62–67.

87. Shulezhkova, S.G. (2013) *Ot zemli obetovannoy k nebesam obetovannym (ocherki o sud'bakh bibleyskikh krylatykh vyrazheniy)* [From the promised land to the promised heaven (essays on the fate of Biblical winged phrases)]. Moscow: FLINT: Nauka.

88. Shulezhkova, S.G. (2008) *Staroslavjanskiy yazyk, drevnerusskiy yazyk i istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: opyt sopostavitel'nogo izucheniya* [Old Slavonic language, Old Russian language and historical grammar of the Russian language: the experience of comparative study]. Moscow: Avalon: Azbuka klassika.

89. Yuzefovich, L. (2002) *Kazarosa*. [Online] Available from: <https://kniga-online.com/books/detektivy-i-trillery/detektiv/149774-leonid-yuzefovich-kazarosa.html> (Accessed: 15th May 2023).

90. Walter, H. & Mokienko, V.M. (2013) *Die slawische Phraseologie und die Bibel = słowiańska frazeologia i Biblia = Slovanská frazeologia a Biblia*. Greifswald: E. M. A. Universität.

91. Gasheva, L.P. (1996) Semanticheskie preobrazovaniya bibleyskikh frazeologizmov v sisteme sovremennogo russkogo yazyka [Semantic transformations of Biblical phraseological units in the system of modern Russian language]. In: *Frazeologia a religia*. Proc. of the Conference. Opole. pp. 58–59.

92. Komornicka, A.M. (1994) Poetyka przypowieści ewangelicznych. *Łódzkie studia. Teologiczne*. 3. pp. 41–52.

93. Lomakina, O.V. (2021) Concepts of God and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of the theory of Culture and language transfer. *European Journal of Science and Theology*. 17(2). pp. 125–135.

94. Chlebda, W. (1997) Bibliya v yazyke – yazyk v Biblii [Bible in Language – language in the Bible]. *Problemy frazeologii europejskiej*. 2. pp. 68–69.

Шуран Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Института филологии и социальных коммуникаций Луганского государственного педагогического университета; старший преподаватель кафедры иностранных языков Медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Россия).

Oksana V. Shkuran – Lugansk State Pedagogical University; RUDN University (Russia).

E-mail: oksana.shkuran@mail.ru

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/7

Русинский Бог в пословицах и поговорках*

В.М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: mokienko40@mail.ru

Авторское резюме

Национальная специфичность, яркая образность, активное взаимодействие русинской паремиологии с другими славянскими (как восточнославянскими, так и западнославянскими) языками придает ее исследованию особую научную значимость. Погружение в историю и этимологию русинских паремий позволяет раскрыть в них ареальные напластования разных эпох и в то же время убедиться в устойчивости отдельных языковых элементов, сохранивших собственно русинские особенности. Предлагается лингвокультурологический анализ русинских пословиц и поговорок с сакральным компонентом Бог, которые в разных словарях активно представлены и отличаются семантическим разнообразием – напр., пословицы *Бог не йде палицьов бити, Бог перший, а сусід другий, Боже, кідь'ись ми дав зубы, та дай у хліба, Дав Бог Юря, не замерзне куря, Не свічка стане сперед Богом, а стане душа* и поговорки *Гадав имити Бога за пазуху, а имив чорта за хвіст, Най вам Бог сохташ подержить, Ни Богу на хвалу, ни людьом на радість*. Особое внимание уделено происхождению и межславянскому сопоставлению пословице *Дав Бог Юря, не замерзне куря* и поговоркам *Най вам Бог сохташ подержить, Най Бог заварує, Бога за ноги схопити и жити, ги у Бога за пазухов*. В некоторых из них сохраняются дохристианские представления о божестве, в других – собственно христианское отношение к Всевышнему и паремиологическая картина календарных циклов, закрепленных традицией. В исследуемом материале представлены три типа русинских паремий, выделяющихся по структурно-семантическим показателям. Так, пословица *Дав Бог Юря, не замерзне куря* константирует конкретный календар-

* Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

ный период – день святого Юрия, когда весеннее тепло позволяет птице укрыться в молодой поросли ржи. Шутливая поговорка *Бога за ноги схопити* и ее синонимы характеризуют, с одной стороны, чью-л. зажиточную и успешную жизнь, а с другой – чванливую похвалбу своим благосостоянием и успехами. Устойчивое сравнение *жити, ги у Бога за пазухѳв*, обозначающее обеспеченную и безопасную жизнь, представлено рядом лексических вариантов в украинском, белорусском, русском и польском языках. Предлагаемый анализ показывает, что русинские паремии дают импульс для межславянских паремиологических сопоставлений и историко-этимологических интерпретаций.

Ключевые слова: русинский язык, сакральный компонент *Бог*, паремиология, фразеология, пословица, поговорка, сопоставительная паремиология

The Rusin *Bog* in proverbs and sayings*

Valerii M. Mokienko

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: mokienko40@mail.ru

Abstract

Rusin paremiology with its national specificity, vivid imagery, and active interaction with other Slavic (both East and West) languages is a very important object of research. The history and etymology of Rusin proverbs shows areal strata of different eras as well as stable linguistic elements that have retained their Rusin origin. The article offers a linguoculturological analysis of Rusin proverbs and sayings with a sacral component 'Bog' [God], found in abundance in different dictionaries. Such proverbs and sayings vary semantically – for example, the proverbs '*Bog ne yde palits'ųv biti*', '*Bog pershyy, a susid drugiy*', '*Bozhe, kid''is' mi dav zuby, ta day i khliba*', '*Dav Bog Yurya, ne zamerzne kurya*', '*Ne svichka stane spered Bogom, a stane dusha*' and sayings '*Gdav imiti Boga za pazukhu, a imiv chorta za khvist*', '*Nay vam Bog sokhtash poderzhit*'; '*Ni Bogu na khvalu, ni lyud'om na radist*'. Particular attention is paid to the origin and inter-Slavic comparison of the proverb '*Dav Bog Yurya, ne zamerzne kurya*' and sayings '*Nay vam Bog sokhtash poderzhit*', '*Nay Bog zavarue*', '*Boga za*

* The study is supported by the Russian Science Foundation (Project No. 23-18-00252, implemented at St. Petersburg State University) "The Biblical Heritage of the East Slavic Languages in Linguistic, Cultural, and Lexicographic Interpretation (The Big Russian-Belarusian-Ukrainian-Rusin Biblical Dictionary)."

nogi skhopiti' and *'zhiti, gi u Boga za pazukhōv*': Some of them retain pre-Christian ideas of Deity, while others – the proper Christian attitude towards the Almighty and the traditional paremiological calendar cycles. The Rusin paremias discussed in the article are structurally and semantically divided into three types. So, the proverb *'Dav Bog Yurya, ne zamerzne kurya*' signals a specific calendar period – George's Day in Spring, when the spring warmth allows the bird to hide in the young growth of rye. The playful proverb *'Boga za nogi skhopiti*' and its synonyms characterize, on the one hand, someone's prosperous and successful life, while on the other hand, a swaggering boast of their well-being and success. The stable comparison *'zhiti, gi u Boga za pazukhōv*', denoting a prosperous and safe life, is represented by a number of lexical variants in Ukrainian, Belarusian, Russian, and Polish. The analysis shows that Rusin proverbs give impetus to inter-Slavic paremiological comparisons and historical and etymological interpretations.

Keywords: Rusin language, sacral component *Bog*, paremiology, phraseology, proverb, saying, comparative paremiology

Введение

Русинская проблематика на славистических конференциях в Томском университете давно стала доброй традицией. И это закономерно, ибо сквозь призму русинского языка, как показали современные исследования, ярко просвечивают национальные и универсальные особенности едва ли не всей Славии во всей их хронологической и пространственной масштабности – от праславянского до локально очерченного собственно русинского.

Особо пристальное внимание, стимулируемое перспективой воссоздания русинской языковой картины мира на общеславянском фоне, уделяется славистами в последнее десятилетие русинской паремиологии. Пословицы и поговорки русинского языка уже получили не только многоаспектную интерпретацию, но и монографическое описание. Национальная специфичность, яркая образность, активное взаимодействие с другими славянскими (как восточнославянскими, так и западнославянскими) языками придает этой проблематике особую научную значимость. Погружение в историю и этимологию русинских паремий позволяет раскрыть в них ареальные напластования разных эпох и в то же время убедиться в устойчивости отдельных языковых элементов, сохранивших собственно русинские особенности. Анализ русинской паремиологии, как показывает опыт, предполагает широкое межъязыковое сопоставление и выработку методики дифференциального подхода к каждой конкретной паремии.

В ряду многочисленных и многообразных пословиц и поговорок особое место, пожалуй, занимает сакральная паремиология, запечатлевшая древнюю и новейшую мифологию русинского народа. Мы с О.В. Ломакиной уже посвятили ей специальный очерк [18]. Целью этой публикации было показать, как «работает» в русинской паремиологии древнейшая дихотомия «Бог» – «Дьявол». Понятно, что сама экспрессивность и негативная оценочность последней мифологемы побудили нас более детально охарактеризовать русинскую паремиологическую «чертовщину», чем неисчерпаемую в своей сакральной глубине семантику и коннотативность мифологемы *Бог*. Вот почему в этой статье мы вновь возвращаемся к ее паремиологической интерпретации на русинском материале, опуская те паремии, которые были уже охарактеризованы и в упомянутой статье, и в монографии, посвященной русинской фразеологии [19].

Изложение основного материала исследования

Анализ активного паремиологического гнезда с компонентом *Бог*, естественно, предполагает погружение в этимологию и мифологическую интерпретацию этого сакрального наименования. Эта мифологема в славянском мире, как подчеркивает Н.И. Толстой в энциклопедии «Славянские древности», аккумулирует в себе самые разные представления о Творце мироздания – как христианские, так и реликтово языческие [35: 202 – 203]. Комплексную лингвокультурологическую характеристику концепта *Бог* предлагает в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесов и его соавторы: «Бог – верховное существо, стоящее над миром, творец и предвечный вседержитель всего живого и в нем пребывающий лик бесконечной совести. Отмечен чертами безначальности и бесконечности, отсутствием границ и пределов; высшее триединство в Троице; абсолютно свободная личность, бесконечная сила (самопричина всего), совершенный разум и безграничная любовь. Последовательность развития смысла: дающий (жизнь), наделяющий духовными и душевными сокровищами, вселяющий веру, пробуждающий надежду, рождающий любовь к ближнему, которая проявляется в сострадании, милосердии, в стремлении следовать нравственным заповедям. В нем все начала и концы (“всё от Бога”), все совершается с его ведома и по его воле (“не по нашему хотенью, по Божьему изволенью”); он всемогущ (“все под Богом ходим”), может помиловать, спасти, простить погрешение; к нему обращены мольбы (“избави Бог!”) и благодарности (“слава Богу!”, “спаси Бог!”)» [16: 53 – 54].

В упомянутой выше публикации [18] на конкретных примерах было показано, что русинская паремиология с компонентом *Бог* отразила

все основные доминанты этой мифологемы, характерные как для славянских, так и других индоевропейских языков: 1) Бог – наделяющий, оделяющий, дающий; 2) Бог – милосердный и справедливый; 3) Бог – опора, поддержка в трудностях (но обычно тем, кто и сам действует); 4) Бог – спаситель, помощник; 5) Бог – карающий, наказующий; 6) Бог – всеведающий, всезнающий. Такие представления восходят к индоевропейской древности. «Ця назва, – пишет о слове *Бог* митрополит Илларион в своем этимологическом словаре, – в нас дуже давняя, постала задовго до запровадження в нас Християнства. Назва ця прийшла до нас з південного Сходу, пор. санскритьке *baghas* – щастя, достаток, заможний, владика, староперське *Bagh* означає Бога» [12, 1: 160]. Такого рода симбиоз характерен и для русинской паремииологии с этим мифологическим компонентом. Здесь встречаются пословицы и поговорки, явно навеянные христианским воззрением, глубоко укоренившимся в жизни и быту русинов, и паремии, сохранившие дохристианские верования. К числу первых, например, можно отнести пословицы, зафиксированные словарём Д. Попа [26]: *Бог тройцю любить, Богови божое, а кесарю кесарьово (Кесарю кесарьово, а Богу божое), Дасть Бог динь, дасть и пожиток начинь, Што Бог дасть, тото не напасть* и поговорки *Гріх уд Бога (буде), Ищи Божа рука на тя впаде, Кого нашто Бог дав, Най Бог заварує, Най вам Бог помыгать, Хвала Богу* и под. Ср. также бойковские паремии, зафиксированные М.И. Онишкевичем, – *Під милий Біг (Бік) просити; дасть Біг нема 'нажаль, нема' [25, 1: 62]* или лемковские *Бог за плечима стоїть кому 'кто-л. обеспеченно живет', Бог не жегнать кого 'о несчастливом человеке', узяв би ай з Бога ризы 'о неисправимом воре', як бог приказав 'жить дружно'. Бог стратив міру 'об очень высоком человеке', Бога в серці не має 'о бесстыдном человеке', Богу духа дати 'умереть', Богу день вкрасти 'бездельничать, ничего не делать', забытий Богом 'очень бедный', піти Богу на офіру 'бесследно исчезнуть', як Бог приказав 'жить дружно' [6: 21–22].* Разумеется, некоторые из таких паремий представляют собой не прямые прецедентные тексты из Библии, а их варианты, требующие специальной лингвистической расшифровки.

Такой расшифровки заслуживают не только явные библеизмы, т. е. интертекстемы, прямо восходящие к Священному писанию, но и русинские паремии, отражающие либо дохристианские представления-мифологемы, либо заимствования (resp. кальки) из других языков. Таковы пословицы, зафиксированные в словаре Д. Попа [26]: *Бог не йде палицьов бити, Бог перший, а сусід другий (Перший – Бог а другий – сусід), Боже, кідь'ись ми дав зубы, та дай и хліба, Дав Бог Юря, не замерзне куря, Не свічка стане сперед Богом, а стане душа и поговорки *Гадав имити Бога за пазуху, а имив чорта за хвіст (Думов,**

ош имив Бога за пазуху, а вѹн имив чорта за хвѣст), *Най вам Бог сох-таш подержить, Ни Богу на хвалу, ни людѣом на радѣсть* и под. Ср. также поговорку *бог земний ‘чаклун; ворожит’* [25, 1: 62], пословицу *На кого Бог, на того и люде* – ‘Кто нарушает Божьи заповеди, тот и у людей не в почѣте’, зафиксированную словарѣм И. Керча [14, 1: 87] или лемковские поговорки *другого бога взывать ‘о чужом, постороннем человеке’, жыти своѣм богом ‘жить независимо’, за старого бога ‘о чем-л. произошедшем очень давно’, своѣм богом нѣти ‘пойти по своим делам’* [6: 21–22].

Граница между христианским и дохристианским осмыслением слова *Бог*, входящего в состав русинской паремиологии, далеко не однозначна. Так, лемковские устойчивые сравнения *махнати руками як бог над Чабинами* или *махнути руков як бог на Татры* ‘перестать обращать внимание на кого-, что-л.’ предполагают как будто языческую семантику этого слова, но их варианты – *махнути руков як Исус на Стрпковы* и *махати руков як Христос на Карпати* [6: 116] возвращают их в лоно христианской веры.

Для понимания некоторых из русинських паремий, зафиксированных в словаре Д. Попа, необходимо толкование отдельных чисто русинских слов – компонентов паремии. Такова, например, пословица *Най вам Бог сохташ подержить*, где *сохташ* – ‘привычка, обычай, обыкновение, повадка’ [14, 2: 362] или *Най Бог заварує*, где *заваровати* значит ‘предостеречь, предохранить, убересть, спасти, убересть от беды’ [14, 1: 284] – ср. *Боже заваруй ‘не приведи Господь!’* [14, 1: 284]. Каждый такой случай требует специального этимологического разыскания. Так, слово *сохташ* уже по своему звучанию наводит на мысль, что это – видоизмененное заимствование из венгерского, где целый ряд лексем фонетически и семантически такой интерпретации соответствует. Оно в русинском языке имеет и варианты *сохта, сохтач* – ‘привычка’ [20: 15]. Ср. венг. *szokni* ‘привыкать, иметь привычки’, ‘иметь обычай, иметь обыкновение’, *szoktatni* ‘приучать к чему-л.’ [12, 5: 363]. Мадыаризмы в русинском языке – закономерное явление, отражающее длительное соседство восточнославянского и венгерского народов. Ср. также *Пан Бѣг усьому токма*, к которому И. Франко предложил такой комментарий: «*Токма* – мадыарске *tokma* – згода, тут у ширшѣм значенню: *вирѣвнанє рѣжницѣ, поєднанє суперечностей*» [38, 1: 133–134].

Глагол же *заваровати*, не зафиксированный в украинских словарях, скорее всего, заимствование из словацкого *varovať* ‘стеречь, охранять, оберегать, сохранять’. Ср. также пол. *warować* в том же значении [41: 678]. В Галицкой Руси этот глагол чаще употребляется в фонетическом варианте *варувати* ‘беречься, остерегаться’ и именно в нем входит в состав некоторых пословиц и поговорок: *Варуй сѣ як огню! Варуй сѣ*

як *стеклога пса!* 'бережися!'; *Варуй ся мене, абим з тобов до біди не прийшов* 'Утікай, бо як зловлю, то дуже побю, скалічу буду мати за се біду'; *Хто ся не варує, той потім банує* 'Хто не берігся, потім жалує своєї шкоди'; *Як ті мати від огню варувала, так ти си варуй моїх рук*. Коментирую их, И. Франко [38, 1: 205] замечает: «Бережися, від нім. *sich wahren*» и дает ссылку на сборник словацких пословиц Зату-рецького [44, VIII: 782]. Так в двух локально ограниченных паремиях нашли объективное отражение следы межъязыковых и экстралингвистических контактов русинского народа.

Образ же некоторых из вышеприведенных пословиц и поговорок с компонентом *Бог*, при всей прозрачности компонентного состава, остаётся не совсем понятным и лишь обращение к мифологии и сопоставлению с другими языками помогает его прояснить. Такова, например, пословица *Дав Бог Юря, не замерзне куря*. Все её компоненты как будто понятны. Непонятна, тем не менее, даже для носителя русинского языка, связь замерзшей курицы с именем *Юря-Юрия*, которого почему-то *дав Бог*. Видимо, именно поэтому Д. Поп в качестве эквивалентов приводит отсутствующие в восточнославянских паремиологических источниках и, возможно, сконструированные им самим пословицы рус. *Юрьев день-цыплятам радость* – укр. *Юрійв день – курчаткам радість* [26: 93].

Естественно, что в поисках исходного смысла мы в первую очередь обратим внимание именно на имя *Юря*, справедливо предполагая, что за ним кроется ипостась восточнославянского святого Юрия, которому предшествовал культ соответствующего языческого божества. Этот святой, как известно, играл важную роль в календарном цикле русин, украинцев, белорусов и русских. Вот как это объясняет в специальном комментарии составитель монументального четырехтомника украинской паремиологии М.М. Пазяк: «Люди давно помітили, що якесь природне явище в одну пору року спричинює аналогічне явище або має вплив на нього в іншу пору того ж року. Так, коли весною йдуть рясні дощі, то влітку збирають високий урожай, рясно цвітуть дерева і квіти – буде багатий медозбір та ін. Ці явища поступово прив'язувалися до дня, що запам'ятовувався, здебільшого якогось свята. Поступово утворювався народний хліборобський календар. Вислови в ньому займають проміжне місце між прислів'ями й прикметами, утворюючи ще один різновид паремійної творчості». – И далее: «Найбільше прикмет народного календаря пов'язано з весною: "На Явдохи (1 березня) – води по боки", "На теплого Олекси (17 березня) щука-риба лід хвостом розбиває". *День Юрія (23 квітня)* був пов'язаний з давньоруським божеством Ярилом – богом Сонця, покровителем весіль, весни й родючості. На його честь проводилися гульбища,

хороводи. Ярила замінив християнський *Юрій (Георгій)*, на якого перенесено риси поганського божества. Але народні ігри й розваги на честь Юрія мали насамперед реальну основу: люди раділи, що після довгої зими наставала весна, тепло: у прислів'ях підкреслюється, що "З Юрія хороводи, а з Дмитрія (в листопаді) вечорниці". Паремії цього циклу відбивають настання весни в природі: "*На Юрія ворона в житі сховається*", "*На Юрія роса – не треба коням вівса*" [27, 1: 391].

В славянської міфології вост-слав. *Юрій* (или *Егорій*) зв'язан с культом св. Георгія, Георгія Победоносця – одного из самих чтимых святих, покровителя Москви и Русского государства [35, 1: 496–498]. И *Юрьев (Егорьев) день* – день памяти св. Георгія, отмечался именно 23 апреля [1; 7: 608–609; 31: 396], о чѣм сообщает и М.М. Пазяк.

Любопытно, а скорее даже показательно, что в белорусских поверьях находим пословицу-примету, аналогичную русинской: *Калі прыйдзе Юры, не ўгледаш у жыце куры* [9, 1: 99]. У. Васілевіч приводит ее, описывая соответствующий весенний обряд: «На Юр'я сяляне выходзілі з песнямі і ахвернымі стравамі аглядаць свае зарунелыя палеткі» [4: 573] – букв. «На Юр'я крестьяне выходили с песнями и жертвенными блюдами, чтобы осмотреть свои начинающие зеленеть поля». Близкие пословицы находим и в украинской паремиологии: *На Юр'я сховається в жито кура; На Юрка сховається в житі курка; На Юр'я ворона в житі сховається* [27, 1: 391]. В сборнике И. Франко также находим эту пословицу-примету: *На Юре схавай сі в житі куре*. Составитель предлагает к ней лапидарный и точный комментарий, объясняющий, почему курица именно в это время может спрятаться во ржи: «В ту пору озиме збіже вже значно підросло» [38, 3: 355]. Логика их ясна: в зеленеющей весной ржи курица (или ворона) может так спрятаться, что увидеть ее нельзя. И. Франко при этом расширяет ареал этой пословицы, давая ссылки на польские, нижнелужицкие и немецкие паремиологические собрания. Действительно, в польском малом фольклоре с 1860 и 1882 г. зафиксированы пословицы о вороне и курице, аналогичные украинским и белорусским: *Kiedy Jerzy skryje wronę w życie, będzie zboża obficie; Na świętego Jura schowa się w życie kura* [42, 1: 845]. Оригинален и более поздний вариант этой пословицы (1903 г.), в которой ворону и курицу во ржи заменяет... жаворонок: *W dzień świętego Jerzego ruń żyznia tak wysoka, że się w niej schowa skowronek* (там же). Как видим, и здесь способность птицы укрыться во ржи объясняется весенними всходами зерновой озими. Немецкая же параллель при этом относится и к другому святому, и к другому календарному периоду – 24 апреля: *Am Albertstage versteckt ihre Socken die Krähe im Roggen* (букв. В день св. Альберта ворона прячет свои носки (т. е. когти. – В.М.) во ржи [43, 1: 43].

Можно продолжить подобные паремиологические аналогии. Так, по близкой структурно-семантической модели образованы архангельские поговорки и пословицы, связанные с Ильиным днем – днем памяти пророка Ильи, отмечаемый 2 августа (20 июля): *В Ильинов день белого коня в поле не видно; В Ильинов день серого коня за огородой не видно* [23: 351]; помор. *В Ильин день серого коня из-за огороды не видать; В Ильин день сивого коня из-за куста не видать* [21: 14]; *Об Илина да сива коня из-за огорода не видать* [2, 23: 350]; *Ильцинь пошел – сива коня под кустом не видно; Ильцинь-день бывает – сивого коня не видать; После Ильци-дни сивого коня не видать за огородой* [2, 23: 23, 358]. Ср. также *В Ильинску ночь сива коня не за кажным кустом сонце опеке* [2, 23: 353], где *Ильинска ночь* – ночь после праздника Пророка Илии.

Конечно, белорусская, украинская и польская пословицы о невидимой в зеленеющей ржи курице не аналогичны русинской *Дав Бог Юр'я, не замерзне куря*. Но они все-таки помогают прояснить ее смысл. На Юрьев день начинается настоящая весна, всё зеленеет и морозы уже не страшны. Правда, в виде исключения они могут нагрнуть, о чём предупреждают, в свою очередь, белорусские пословицы: *Калі на Юр'я мароз, дык сей на балоце авёс; Сказаў святы Юр'я: "Я жыты ўраджу", а святы Мікола: "Як я пагляджу"* [9, 1: 99].

Русинская пословица, как видим, открывает перед славистами широкую и красочную палитру пословиц-примет, связанных с Юрьевым днём. Вот лишь несколько украинских: *Коли до Юрія закує зозуля на голє дерево, то буде голодне літо, а як на лист, то буде поліття; Коли до Юрія закує зозуля на голє дерево, то буде голодне літо, а як на листя, то буде урожай; Коли на Юрія дощ і грім, буде радість людям всім; На святого Юра висхне баюра; На Юрія мороз – уродиться овес; На Юрія роса – не треба коням вівса; Юрій з теплом, а Никола з кормом; Як на Юрія стала буря, буде мокре літо; Як піде дощ на Юр'я, то буде хліб і в дурня* [27, 1: 391] и мн. др. Ср. также русские *И хотелось бы курам воли, да мороза боятся* [33: 98]; твер. *На Егория мороз – под кустом овёс* [36: 16]; *На Егорья мороз, будет просо и овёс* [10, 1: 514].

Любопытна и контаминация таких пословиц с известной исторической поговоркой *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*, шутивно-иронически характеризующей неожиданно не сбывшиеся надежды, внезапные перемены к худшему; резкое ограничение свободы действий и т. п. Её, как известно, связывают с отменой права перехода крестьян от одного помещика к другому раз в году после окончания сельскохозяйственных работ в день святого Георгия (*Юрия*), т. е. уже осеннего (26 ноября по старому стилю), а не весеннего св. Юрия [5: 38–39]. Ср. укр. *На Юра, як рак свисне* [24: 106; 27, 1: 234; 37, 2: 355]; *На Юрія о цій порі, як рак*

свисне на оборі [24: 106; 27, 1: 234]. Так в жанр паремий-календарных примет вторгается фольклорная «формула невозможного» [22], вечная загадка для этимологов славянской (и не только) фразеологии.

Во фразеологический словарь Д. Попа вошли как русинские поговорки (resp. фразеологизмы), так и пословицы с компонентом *Бог*. Общее их число при этом – 55 языковых единиц. Любопытно количественное совпадение с фиксацией таких оборотов во фразеологическом словаре подольских и смежных с ними говоров Н. Д. Коваленко [15: 38–41]. Здесь зафиксировано и снабжено толкованиями 53 фразеологизма (правда, фразеологизмов в узком смысле этого термина, без пословиц). Ареальная зона последнего словаря смыкается с ареалом русинского языка, включая и часть буковинских говоров. Вот почему часть устойчивых словосочетаний с компонентом *Бог* в обоих словарях совпадает.

Такова универсальная для многих языков пара фразеологизмов *Бог його знає* ‘неизвестно’ [15: 38] – *А Бог го знає*, которую Д. Поп сопровождает полными украинскими и русскими эквивалентами – *Бог його знає* – *Бог его знает* [26: 98] или *Дай Боже пам’яті кому* ‘говорят, когда надо что-л. вспомнить’ [15: 39] – *Дай, Боже, пам’яті* – *дай Бог пам’яті* – *дай Бог пам’ять* [26: 112]. В первом выражении запечатлена всеведущность Всевысшего. Это свойство нашло отражение и в русинской пословице *Видить Бог з неба, што кому треба*, к которому Д. Поп предлагает украинское и русское соответствие *у Бога всевидюче око* – *у Бога всевидящее око* [26: 102]. По форме эта пословица – чисто русинская, что обуславливается как её оригинальной структурой, так и рифмованной парой *з неба* – *треба*. Не случайно ни в восточнославянских, ни в словацком или чешском языках она не зафиксирована. В то же время универсальная идея о всезнании Господа, конечно же, отражена во многих славянских и неславянских языках, ибо эта идея неоднократно воспроизводится в Библии. Не случайно в древнечешском языке пословица *Bóh všě vidí; (Bóh) všě shola vidí* фиксируется уже в 1376 г., а затем повторяется в разных вариантах, напр.: *Pána Boha nad sebou, kterýž všěcko ví a vidí* (1520). В. Флайшганс возводит её к латинскому источнику: *omnia videt oculus illius (Altissimi)* (Eccli. XXIII, 27); *Est profecto Deus, qui quae nos gerimus, auditque et videt* и сравнивает с фр. *Dieu voit tout*, нем. *Gott sieht und rächt alles* и пол. *Bóg wszystko widzi i słyzy* [39, 1: 27].

Всеведение и разум дает Всевышний – ср. *Врозумив Бог кого* ‘кто-л. поумнел’ [15: 39]. А если в этом он кому-то отказывает, то такой человек либо глуп, либо умалишенный: *Бог розуму пожалував кому, Дав Бог красу, та не дав розуму* ‘о глупом человеке’, *Розум Бог відібрав (забрав)* ‘о сумасшедшем’ [15: 38–39, 41].

Показательна и в целом понятна количественная диспропорция соотношения некоторых синонимических рядов. Так, для характеристики рождения ребёнка словарь Н.Д. Коваленко включает лишь один фразеологизм, – *послав Бог кого*, а синонимический ряд с общим значением ‘умереть’ насчитывает 20 фразеологических единиц [15: 38–41]: *Богові дух віддати, відати Богові душу, отдати (подати) Богу (Богові) душу, з Богом відійти, з Богом зустрітись, з Богом спочити, забрав Бог кого, Бог прийняв душу чю, Бог спрятав кого, піти до Бога, піти до Бога віці пасти, піти (відійти) до бози, піти до Бога на зустріч, піти до Бога служити, прийти до Бога, постати перед Богом, піти с Богом, спочити в бозі*. Ср. также *відати Богові душу, а землі тіло ‘похоронить’*. В словаре же Д. Попа укр. *віддав Богу душу* и рус. *отдал Богу душу* приводится оригинальный русинский эквивалент *пӯшѡв на небо хлїб глядати* [26: 199]. Приведенные выражения – табуизированная характеристика смерти: Бог вдыхает душу в человека и может принять её у покидающего этот свет. Они являются фразеологическим воплощением слов из заупокойной молитвы, обращенной к Господу: «Прими душу раба Твоего» [8: 328].

Ряд синонимов характеризует обращение в христианство, крещение: *прийняти Бога* ‘начать веровать’, *прийняти Бога в душу, прийняти Бога до душі, прийняти Бога в (ї) серце, звернутися до Бога* ‘креститься’ [15: 40–41]. И, как следствие этого, верующий христианин должен соблюдать определённый кодекс поведения, что запечатлено в целом ряде фразеологизмов с общим значением ‘придерживаться норм общественного поведения’: *вірити в Бога, жити з Богом, мати Бога в душі, мати Бога в животі, мати Бога в житті, мати Бога в пузі, мати Бога в серці; як Бог приказав* ‘обязательно’ или *Боже борони* ‘для обозначения запрета что-л. делать’. Их антоним – *гнівати Бога* ‘не придерживать норм общественного поведения’. Ср. также *подати на Бога, дати (подати) на Боже, змілувався Бог над раком* ‘проявить милосердие’ [15: 38–41].

Последнюю поговорку находим и в собрании И. Франко, где она зафиксирована в трех селах разных уездов: *Змілувався Бог на рака, дав му з заду очі; Змілувався Бог на рака, Змілувався Бог на рака – очі там, де с-ка; Змілувався Бог над раком та дав очі в г-ці*. И. Франко, как видим, не решается полностью воспроизвести народные вульгаризмы для обозначения задней части тела, но при этом предлагает достаточно развернутый комментарий этой старой восточнославянской шутки: «Насміх, коли хтось другому з ласки дає такий дарунок, із якого обдарюваному нема пожитку або з яким він не знає, що почати. Приказка основана на погляді, що у рака голова там, куди він пливе, себто в хвості» [38, 1: 125].

Численно небольшая, но образно яркая синонимическая группа характеризует, с одной стороны, чью-л. зажиточную и успешную жизнь: *Бога за ноги впімати, Бога за ноги зловити* 'иметь успех, жить зажиточно', с другой – чванливую похвальбу своим благосостоянием и успехами: *Бога за ноги схопити* 'хвалиться, чваниться своими успехами' [15: 38]. И. Франко записал вариант этого оборота в селе Нагуевичи Дрогобычского уезда – *здає му сі, що Бога за ноги вхопив*, предложив следующее ему толкование: «Про гордого чоловіка, якому все ведеться і який задля того не хоче розуміти нещасливих, думаючи, що воно все так мусить бити». При этом он сопоставляет выражение с хорватским *еда си ухитио Бога за браду?* и замечает: «близше до нашого жидівського *Er hat unserm Harjet bei de Füßs*» [38, 1: 125]. Этот комментарий дает импульс к более широкому межязыковому сопоставлению.

Действительно, аналогичные поговорки находим и в разных диалектах украинского языка: *думає, що Бога за ноги зловив; думає, що вже Бога за бороду впіймав* [27, 2: 306]; *Бога піймав за ноги* [27, 2: 175]; *гадає, що вже Бога за ноги вхопив* [27, 3: 295]; *впіймав Бога за бороду* [27, 3: 296]; *спіймав Бога за бороду* [27, 4: 307]; *Бога за бороду брати* [27, 4: 307]; *Не піймав Бога за бороду, не знаєш, що тобі буде* [27, 3: 297]; *Дунав спіймати Бога за бороду, а спіймав чорта за хвіст* [27, 3: 296].

Характерно, что последняя поговорка зафиксирована именно в угородском сборнике закарпатских пословиц [13: 24], а в русинском фразеологическом словаре Д. Попа дважды отражена в вариантах *думов, ош имив Бога за пазуху, а вўн имив чорта за хвіст; гадав имити Бога за пазуху, а имив чорта за хвўст* [26: 120]. При этом составитель приводит украинские и русские параллели, отсутствующие во всех известных нам источниках: укр. *думав взяти Бога за ноги, а взяв дідька за хвіст; думав, що піймав Бога за пазуху, а він зловив чорта за хвіст* – рус. *думал взять Бога за ноги, а взял черта за хвост; думал, что поймал Бога за пазуху, а он поймал черта за хвост*. В русском малом фольклоре есть лишь паремии с близкой образностью: *помор. Бога за бороду не возьмєшь и на него в суд не подаєшь* [21: 25]; *У кого язык подлинней, совесть покороचे, тот и взял Бога за бороду; Черт дєргаєт Бога за бороду, а сам креститєся* [32: 334, 406].

Более активна употребительность разных вариантов этой поговорки и пословицы в польском языке, зафиксированных с 1825 г. [42, 1: 181–182]: *Myślał, że uchwycił Boga za nogi, a tu diabła za rogi; Chciał złapać Pana Boga za nogi, a złapał diabła za rogi; Złapał diabła za rogi, a myślał, że Pana Boga za nogi; Myślał, że złapał Pana Boga za nogi, a on złapał diebła za rogi; Pewny byłem, że chwyciłem Pana Boga za nogi, a ja*

diabła za nogi; Pana Boga za nózci, a diobła za rózci и др.; *Pana Boga (Pana Jezusa) za nogi chwycił* (1846); *Rad, jakby Pana Jezusa za nogi uchwycił; Rad mu, jakby Pana Jezusa za nogi schwytał; Ucieszył się, jakby Pana Boga za nogi złapał; Myślisz, że Pana Boga za nogi złapałeś?; Myślicie, że Pana Boga za nogi chwytacie; Myślał, że Pana Boga trzyma za nogi; Wierę, ten człowiek Pana Boga chwycił za nogi; Jakby Pana Boga za nogi uchwycił* и др.

Близки по ареальной масштабности параллели к русинским компаративным оборотам со значением 'жить счастливо, зажиточно': *жити як в Бога за дверима (дверми); жити як в Бога за пазухою (пазухов, пазухом); жити як в Бога за плечима; сидіти як в Бога за дверима* [15: 40–41]. Семантически они связаны с фразеологизмами *ходитьи из Богом* 'надеяться на защиту'; *покластись на Бога* 'надеяться на лучшее'; *сподіватися на Бога* 'верить в помощь высших сил'; *мати в Бога велике щастя* 'посчастливилось' [15: 40–41]. Русинский языковой статус таких сравнений констатируется и словарем Д. Попа, где выражение *жити, ги у Бога за пазухѡв* сопровождается русским и украинским соответствием *Жить, как у Христа за пазухой* и *жити, яу у Бога за дверима* [26, 28]. Ср. также иронические поговорки *Гадав имити Бога за пазуху, а имив чорта за хвѡст* и *Думов, ош имив Бога за пазуху, а вѡн имив чорта за хвѡст* [26: 104, 120] с тем же образом. Приводимое же выше лемковское *Бог за плечима стоїть кому* 'кто-л. обеспеченно живет' [6: 21–22] подтверждает наличие трехвариантной структуры этого сравнения в русинском языковом пространстве.

В украинском языке оно развивает активную варьируемость: *живе, як у батька за пазухою; живе, як у Бога іа дверима; живе, як у Бога за пазухою; живемо, як у Бога за дверима; прожив, як у Бога за пазухою; добре йому, як у Бога за дверима* [27, 4: 94]; *сидить на печі, як у Бога за дверима* [27, 4: 201]; *сидить, як у Бога за дверима; сидить, як убогий за дверима* [27, 4: 203; 37, 1: 90]; *хороше, мов у Бога за пазухою* [27, 4: 215]; *у батька, як у Бога за дверима; дожила б, може, до старості, як у Бога за дверима; живе Федір у дворі, як у Бога за пазухою; живуть так, як у Бога за дверима; житимете, як у Бога за дверима; заживете тоді, як у Бога за дверима; осінь і зиму висиділа в хаті, як у Бога за дверима; ріс, як у Бога за дверима* [27, 4: 433]. Ср. также *як у Бога за кроснами, як у Бога за надрами, як у Бога під покришкою*.

В белорусском языке известны варианты *жиць (расці, адпачываць и др.) як (што) у Бога (у Хрыста) за пазухай* 'очень хорошо, привольно и беспхлопотно'; *быць (унахадзіцца, сядзесь и др.) як (што) у Бога (у Хрыста) за пазухай* 'спокойно и в полной безопасности'; *як у Бога за плячамі* 'спокойно и в полной безопасности'; *як у Бога за дзвярыма* 'то же' [17, 1: 109].

В русских народных говорах (псковских и селигерских) наиболее широко представлен вариант (*жить*) *как у Бога за дверьми* (за

дверями, за дверью, та дверям), характеризующий благополучную, обеспеченную и безмятежную, привольную жизнь [30, 5: 108; 34: 87] или жизнь в полной безопасности, защищённости [23: 55; 30, 1: 49]. Энантисемичны при этом *брян*. 'о плохой, бедной, нищенской жизни' [29, 1: 62] и ленингр. *прожить как у Бога за дверями* 'о чьей-л. плохой, бедной, необеспеченной жизни' [3: 49]. Оборот же *жить (находиться, быть) [где] как у Бога за пазухой* в двух первых значениях известен в разговорной речи и новгородских говорах. Ср. также пск. *жить как у Бога за рамкой* с той же позитивной семантикой [34: 87].

Весьма активно это сравнение и в польском языке. Самую раннюю (1819) фиксацию при этом здесь имеет вариант с компонентом «печь» – *jak u Pana Boga za piecem: siedzi jak u Pana Boga za piecem. Żył (żyje, było, być) jak u Pana Boga za piecem; jak u Pana Boga za piecem; u Pana Boga za piecem lepiej; może się mieć u was jak u Pana Boga za piecem; mocie tu jak u Pana Boga za piecem; ciepło jak u Pana Boga za piecem; bezpieczny jak u Pana Boga za piecem* [42, 1: 165, 319]. Ср. также *chwalić Boga za piecem; siedzieć i chwalić Pana Boga za piecem; siedzieli cicho w domu i za piecem Boga chwalili* [42, 1: 155]. Более поздние варианты – с компонентом «двери» (1840) и с компонентами «пазуха» и «плечи» (1841): *żyje jak u Pana Boga za drzwiami; siedzi jak u Boga za drzwiami; było mu dobrze jak u Boga za drzwiami; być jak u Pana Boga za drzwiami; bezpieczna jak u Pana Boga za drzwiami u jak u Pana Boga za pazuchą (za plecami); było bezpiecznie jak u Pana Boga za plecami; Bezpieczny jak u Pana Boga za pazuchą* [42, 1: 165]. Ср. также лит. *gyvena kaip dievo užantų* и латыш. *dzīvo kā dieva azotē* с тем же значением и образностью [40: 191].

Заключение

Как видим, русинские паремии дают импульс для межславянских паремиологических сопоставлений и историко-этимологических интерпретаций. Причём, как мы старались показать, такие интерпретации возможны для трёх основных структурно-семантических типов русинской паремиологии – пословиц, поговорок и устойчивых народных сравнений. Лишь регламент этой статьи не позволяет предложить их и для других вышеназванных русинских паремий с компонентом *Бог*. Невозможно также исчерпать словообразовательные потенции этого сакрального наименования. Ведь даже в одном-единственном селе Сокирница Хустського района в Закарпатье Иван Сабадош [28: 27–28] записал такой ряд «божественных» производных: *Богдай* – Бодай; *Богдай-де* – Будь-де; *Богдай-ко* – Будь-хто; *Богдай-коли* – Будь-коли; *Богдай-котрий* – Будь-який; *Богдай-куды* – звідки-небудь;

Богдай-що – Будь-що; *Богдай-як* – Будь-як; *Богдай-який* – Будь-якой; *Богдапрости* – За простибіг, даром; *Богобуйный*– Богобоязливый; *Богованє* – Клятьба, проклинання; магтюкання; *Боговати* – клясти кого или що-небудь; матюкати; *Богонько*. ласк. Бог и т.п. Некоторые из них становятся семантическим центром поговорок. Так, последнее слово образует фразеологизированную формулу проклятия: *Най го Богонько пубїє!*

Более того: ведь наше главное сакральное слово, обозначающее Творца мироздания, может нередко заменяться наименованиями-сущностными характеристиками, подобными украинским и русским: *Вічний, Вседобрий, Всезнаючий, Всемогучий, Всюдусущий, Незмінний, Всеблаженний, Безгрішний* и т. п. Или: *Господь, Творець світу, Отець наш* и т. п. [11: 160]. В русинском языке этот ряд синонимов тоже достаточно репрезентативен: *Всеблагый, Всевышний, Вседержитель, Всемогучый* [14, 1: 146–147], *Всесильный* [14, 1: 148]. И каждый из этих синонимов потенциально может стать семантической основой пословиц и поговорок. Таковы, например, русинские пословицы *Всякое дыханіє да славить Господа* или *Не усе „Господи, помилуй”*, зафиксированные словарем Д. Попа [26: 94, 169]. Они тоже могут стать перспективой будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агапкина Т.А.* Юрьев день // Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995. С. 396.
2. Архангельский областной словарь. Вып. 1–22 / под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. М.: Изд-во МГУ; Наука, 1980–1922. (издание продолжается).
3. *Бахтин В.С.* Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области: сборник / [запись, сост., обработка и прим. В.С. Бахтина]. Л.: Лениздат, 1982. 528 с.
4. Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. 2-е выданне, дапоўненае. Мінск: Беларусь, 2006. 599 с.
5. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. 5-е изд., стер. М.: АСТ-Пресс, 2023. 448 с.
6. *Вархол Н., Івченко А.* Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. С предисл. В.М. Мокиенко. Bratislava-Prjašiv: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1990. 159 с.
7. *Войтович Валерій.* Українська міфологія. Київ: Либідь, 2002. 664 с.
8. *Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Современные крылатые слова и выражения. М.: Рольф, Априс Пресс, 2000. 514 с.

9. *Грынблат М.Я.* Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах. Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, ўступны артыкул і каментарыі М.Я. Грынבלата. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Т. 1. 560 с.; Т. 2. 616 с.

10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка. 3-е изд. Т. 1–4. М., 1955. (Д.).

11. *Митрополит Іларіон (проф. І. Огієнко).* Етимологічно-семантичний словник української мови: у 4 т./ за редакцією Юрія Мулика-Луцика. Вінніпег: Накладом товариства «Волинь». Т. 1. 1979. 364 с.; Т. 2. 1982. 400 с.; Т. 3. 1988. 416 с.; Т. 4. 1995. 558 с. (ЕССУМ).

12. Етимологічний словник української мови: у 7 т. / гол. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка. Т. 1: А–Г. 1982. 631 с.; Т. 2: Д – Копці. 1985. 570 с.; Т. 3: Кора–М. 1989. 549 с.; Т. 4: Н–П. 2003. 656 с.; Т. 5: Р–Т. 2006. 407 с.; Т. 6: У–Я. 2012. 567 с.; Т. 7 (в роботі).

13. *Закарпатські українські прислів'я та приказки / зап. та впоряд. В. Іваньо.* Ужгород, 1959. 155 с.

14. *Керча І.* Русинсько-російський словник: у 2 т. Понад 58 000 слів. Русинсько-русский словарь: в 2 томах. Свыше 58 000 слов. Угород: ПолиПринт, 2007. Т. 1 (А–Н). 608 с.; Т. 2 (О–Я). 608 с.

15. *Коваленко Н.Д.* Фразеологічний словник подільських і суміжних говірок. Кам'янець-Подільський: ТОВ «Рута», 2019. 412 с.

16. *Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1: А–О. 592 с.; Т. 2: П. 592 с.

17. *Лепешай І.Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1993. Т. 1 (А–Л). 590 с.; Т. 2 (М–Я). 607 с.

18. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 2. С. 256–273.

19. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Очерки русинской фразеологии. М.: РУДН, 2021. 97 с.

20. *Мадрига І.* Русинско-украинский толковый словарь. URL: <https://proza.ru/2009/09/06/885> (дата обращения: 10.03.2023).

21. *Меркурьев И.С.* Пословицы и поговорки Поморья. СПб., 1997. 154 с.

22. *Мокиенко В.М.* Аксиологическая амплитуда паремий «формулы невозможного» // Язык vs. социум: XXI век / гл. ред. Н.В. Юдина. Москва; Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. С. 206–217.

23. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / под общ. ред. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.

24. *Номис М.* Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О.В. Марковича і других / спорудив М. Номис. 3-е вид. СПб., 1864; Київ: Либідь, 1993. 766 с.

25. *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок. Київ: Наукова думка, 1984. Ч. 1. 495 с.; Ч. 2. 515 с.

26. Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород, 2011. 241 с.
27. Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. К.: Наукова думка. Т. 1: Природа. Господарська діяльність людини. 1989. 479 с.; Т. 2: Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. 524 с.; Т. 3: Взаємини між людьми. 1991. 440 с.; Т. 4: Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. 2001. 392 с.
28. Иван Сабадош: Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008. 480 с.
29. Словарь брянских говоров. Вып. 1–5. Л., 1976–1988.
30. Селигер: Материалы по русской диалектологии: чловарь / сост. С.Н. Варина, Н.В. Богданова, З.А. Петрова; под ред. А.С. Герда. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. Вып. 1: А–Г. 2003. 218 с.; Вып. 2: Д–И. 2004. 188 с.; Вып. 3: К–М. 2007. 332 с.; Вып. 4: Н–П. 2010. 520 с.; Вып. 5: П. 2013. 232 с.; Вып. 6: Р. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2014. 127 с.; Вып. 7: С–У. 2017. 392 с.; Вып. 8: Ф–Я. СПб.: Нестор-История, 2020. 215 с.
31. Славянская мифология: энциклопедический словарь / науч. ред.: В.Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.
32. Соколова М.И. Народная мудрость. Пословицы и поговорки. Новосибирск: Офсет, 2009. 622 с.
33. Спириин А.С. Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов н/Д, 1985. 208 с.
34. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; науч. ред. Л.А. Ивашко. 13 000 единиц. СПб.: Норинт, 2001. 176 с.
35. Толстой Н.И. Словарная статья БОГ // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 202–203.
36. Тверские пословицы и поговорки / сост. Л.В. Брадис, В.Г. Шомина. Тверь: Тверской областной гос. Дом народного творчества, 1993. 60 с.
37. Галицько-руські приповідки: в 3 т., 6 вип. / зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Іван Франко // Етнографічний збірник. Львів, 1901. Т. 10; 1905. Т. 16; 1907. Т. 23; 1908. Т. 24; 1909. Т. 27; 1910. Т. 28.
38. Галицько-руські приповідки: у 3 т. / зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Іван Франко. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006. (Первое издание: 1901–1909 гг.).
39. Flajšhans V. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Přísloví staročeská. Díl I (A–N), díl II (O–Ru). Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1911–1913; 2–é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova. Editors Valerij Mokienko, Ludmila Stěpanova. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.

40. *Grigas K.* Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius: Leydykla «Vaga», 1987. 662 p.

41. *Machek Václav.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1971. 866 s.

42. Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich / pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1–4. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1969–1978. (NKP).

43. *Wander Karl Friedrich Wilhelm.* Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde. Leipzig, 1867–1889. Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987. p.

44. *Zátarecký Adolf Peter.* Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava: Tatran, 1975. 760 s.

REFERENCES

1. Agapkina, T.A. (1995) Yuriev den' [George's Day in Spring]. In: Petrukhin, V.Ya., Agapkina, T.A., Vinogradova, L.N. & Tolstaya, S.M. (eds) *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic Mythology]. Moscow: Ellis Lak. p. 396.

2. Getsova, O.G. & Nefedova, E.A. (eds) (n.d.) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow: Moscow State University; Nauka.

3. Bakhtin, V.S. (1982) *Skazki, pesni, chastushki, prislov'ya Leningradskoy oblasti* [Fairy tales, songs, ditties, proverbs of the Leningrad Region]. Leningrad: Lenizdat.

4. Valodzina, T.V. & Sanko, S.I. (eds) (2006) *Belaruskaya mifalogiya. Entsyklopedychny sloŭnik* [Belarusian Mythology. Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Minsk: Belarus'.

5. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2023) *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Phraseological Synonyms of the Russian Language]. 5th ed. Moscow: Ast-Press.

6. Varkhol, N. & Ivchenko, A. (2002) *Frazeologichniy slovník lemків'skikh govirok Skhidnoi Slovacchini* [Phraseological Dictionary of the Lemko Dialects of Western Slovakia]. Bratislava; Prjašiv: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.

7. Voytovich, V. (2002) *Ukrain's'ka mifologiya* [Ukrainian mythology]. Kyiv: Libid'.

8. Grushko, E.A. & Medvedev, Yu.M. (2000) *Sovremennyye krylatyye slova i vyrazheniya* [Modern Winged Words and Expressions]. Moscow: Rol'f, Apris Press.

9. Grynblat, M.Ya. (1976) *Prykazki i prymauki ū dzvyukh knigakh* [Proverbs and sayings in two books]. Minsk: Navuka í tekhnika.

10. Dał, V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Russian Language]. 3rd ed. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

11. Metropolitan Hilarion (Ogienko, I.) (1979–1995) *Etimologichno-semantichny slovník ukrain's'koj movi* [Etymological-Semantic Dictionary of the Ukrainian Language]. Winnipeg: Volin'.

12. Melnichuk, O.S. (ed.) (1982–2012) *Etimologichniy slovník ukráíns'koï movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.
13. Ívanio, V. (ed.) (1959) *Zakarpats'ki ukráíns'ki prislív'ya ta prikazki* [Transcarpathian Ukrainian proverbs and sayings]. Uzhhorod: [s.n.].
14. Kercha, I. (2007) *Rusin'sko-rosiys'kiy slovník* [Rusin-Russian Dictionary]. Uzhhorod: PoliPrint.
15. Kovalenko, N.D. (2019) *Frazeologichniy slovník podil'skikh i sumizhnikh govirok* [Phraseological Dictionary of Podil and Related Dialects]. Kamianets-Podilskiy: Ruta.
16. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. St. Petersburg: Zlatoust.
17. Lepeshaŭ, Í.Ya. (1993) *Frazealogichny sloŭnik belaruskay movy* [Phraseological Dictionary of the Belarusian Language]. Minsk: Belaruskaya Entsyklapedyya.
18. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019) Krylatika v sovremennom kul'turnom kontekste [Winged words in the modern cultural context]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka, semiotika, semantika*. 10(2). pp. 256–273.
19. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2021) *Ocherki rusinskoj frazeologii* [Essays of Rusin Phraseology]. Moscow: RUDN.
20. Madriga, Í. (2009) *Rusinsko-ukrainskiy tolkovyy slovarik* [Rusin-Ukrainian Explanatory Dictionary]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2009/09/06/885>
21. Merkur'yev, I.S. (1997) *Poslovitsy i pogovorki Pomor'ya* [Proverbs and sayings of Pomorie]. St. Petersburg: RIO IPT.
22. Mokienko, V.M. (2020) Aksiologicheskaya amplituda paremiy “formuly nevozmozhnogo” [The axiological amplitude of the paremiy ‘formula of the impossible’]. In: Yudina, N.V. (ed.) *Yazyk vs sotsium: XXI vek* [Language vs Society: The 21st Century]. Moscow; Vladimir: RANEPa. pp. 206–217.
23. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh sravneniy* [A Big Dictionary of Russian Comparisons]. Moscow: OLMA Media Grupp.
24. Nomis, M. (ed.) (1864) *Ukráíns'ki prikazki, prislív'ya í take ínshe* [Ukrainian Sayings, Proverbs and the Like]. 3rd ed. St. Petersburg: [s.n.].
25. Onishkevich, M.Y. (1984) *Slovník boykívs'kikh govírok* [Dictionary of the Boykos Dialects]. Kyiv: Naukova dumka.
26. Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari* [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Rusin-Ukrainian Phraseological Dictionaries.]. Uzhhorod: [s.n.].
27. Pazyak, M.M. (ed.) (1989–2001) *Prislív'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Kyiv: Naukova dumka.
28. Sabadosh, I. (2008) *Slovník zakarpats'koï govírki sela Sokirnitsya Khusts'kogo rayonu*. [Dictionary of Transcarpathian dialect of the village of Sokyrynitsya, Khust district.]. Uzhhorod: Lira.
29. Arkadieva, T.G. et al. (1976–1988) *Slovar' bryanskikh govorov* [Dictionary of Bryansk dialects]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute.

30. Gerd, A.S. (ed.) (2003–2017) *Seliger: Materialy po russkoy dialektologii* [Seliger: Materials on Russian Dialectology]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
31. Petrukhin, V.Ya., Agapkina, T.A., Vinogradova, L.N. & Tolstaya, S.M. (eds) (1995) *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic Mythology]. Moscow: Ellis Lak.
32. Sokolova, M.I. (2009) *Narodnaya mudrost'. Poslovitsy i pogovorki* [Folk Wisdom. Proverbs and Sayings]. Novosibirsk: Ofset.
33. Spirin, A.S. (1985) *Russkie poslovitsy. Sbornik russkikh narodnykh poslovits i pogovorok, prislovits, molvushkek, prigovorok, priskazok, krylatykh vyrazheniy literaturnogo proiskhozhdeniya* [Russian Proverbs. Collection of Russian Folk Proverbs and Sayings, Proverbs, Molvushkas, Sentences, Sayings, Popular Expressions of Literary Origin]. Rostov-on-Don: [s.n.].
34. Ivashko, L.A. (ed.) (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Pskov proverbs and sayings.]. St. Petersburg: Norint.
35. Tolstoy, N.I. (1995) Slovarnaya stat'ya 'BOG' [Dictionary entry 'GOD']. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 202–203.
36. Bradis, L.V. & Shomina, V.G. (eds) (1993) *Tverskie poslovitsy i pogovorki* [Tver Proverbs and Sayings]. Tver: Tver Regional State House of Folk Art.
37. Franko, I. (ed.) (1901–1910) *Galits'ko-rus'ki pripovidki* [Galician-Russian fairy tales]. Lviv: Shevchenko Scientific Society.
38. Franko, I. (ed.) (2006) *Galits'ko-rus'ki pripovidki* [Galician-Russian fairy tales]. Lviv: LNU.
39. Flajšhans, V. (1911–1913) *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění.
40. Grigas, K. (1987) *Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis*. Vilnius: Vaga.
41. Machek, V. (1971) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha: [s.n.].
42. Krzyżanowsky, Ju. (1969–1978) *Nowa księga przysłów i wyrażení przysłowiowych polskich*. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy.
43. Wander, K.F.W. (1867–1889) *Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk*. Leipzig: [s.n.].
44. Zátorecký, A.P. (1975) *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia*. Bratislava: Tatran.

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Valerii M. Mokienko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru

УДК 811.163.1+81

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/8

Реконструкция механизма чтения слов с титлами с использованием церковнославянских письменных памятников

А.П. Тюрин¹, К.И. Дизендорф²

^{1,2} Ижевский государственный технический университет
имени М.Т. Калашникова

Россия, 426069, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7

¹ E-mail: asd1978@mail.ru

² E-mail: dki@istu.ru

Авторское резюме

В православном богослужении использование церковнославянского языка издревле связано с чтением, и вот уже в течение многих столетий он является основой религиозных и культурных связей разных славянских народов. Объектом исследования выступают церковнославянские слова, написанные сокращенно. Одно из отличий в способах написания слов в церковнославянском языке по сравнению с русским литературным является употребление специальных знаков, называемых титлами. Известны простое титло и титла буквенные. Эти знаки, как правило, встречаются в текстах Богослужебных книг при написании слов, имеющих сакральное значение – бѣ҃ѣ (Боже), дх҃ъ (Дух), ап҃лъ (апостол) и других, начиная с конца IX в. В русском литературном языке способ сокращения слов с помощью титла в верхней позиции не получил распространения, но чаще используются аббревиатуры. Однако в контексте современных тенденций использования сокращений в языках представляет интерес сопоставление моделей прочтения сокращенных слов в речевом потоке. Исследуются особенности восприятия слов *в режиме чтения вслух*, написанных под титлами в церковнославянских текстах и тех же слов в аналогичных текстах, написанных в русской транслитерации без сокращений. Всего проанализировано 2 040 сокращенных слов, прочитанных в потоке общеизвестных молитвенных текстов 20 участниками. В сравнительном эксперименте на основе статистической обработки парных данных в двух группах обнаруживаются значимые различия в чтении слов под титлами по сравнению с их полным написанием в текстах русской транслитерации. На основе выявленных особенностей делается вывод, что и в преж-

ние века существования слов с титлами механизм их чтения идентичен при условии опытности читателей.

Ключевые слова: слова с титлами, сокращения в тексте, церковнославянский язык, русский язык, чтение, слежение за зрачком

Reconstruction of the mechanism for reading words with titlos using Church Slavonic texts

Alexander P. Tyurin¹, Konstantin I. Dizendorf²

^{1,2} Kalashnikov Izhevsk State Technical University

7 Studencheskaya str., Izhevsk, 426069, Russia

¹ E-mail: asd1978@mail.ru

² E-mail: dki@istu.ru

Author's summary

Church Slavonic has been the basis of religious and cultural ties between different Slavic peoples for many centuries, since Orthodox worship requires reading in it. The article focuses on Church Slavonic words written in the contracted form. One of the differences in writing styles between Church Slavonic and Russian literary language is the use of special characters known as titlos: a “simple” titlo and “letter” titlos. These characters have been used in church service books for the words with sacral meaning – Teacher, Wisdom, Heart, etc. from the late 9th century. The Russian literary language does not employ contracted words with diacritical marks; instead, abbreviations or acronyms are found more frequently. However, modern trends of using contractions in languages make it interesting to compare the models of reading ancient contracted words in the speech flow. In this research, the eye-tracking method is used to study the perception of words under titlos in Church Slavonic texts and the same words in similar texts in transliterated into Russian without contractions while reading aloud. In total, 2,040 contracted words read in a stream of well-known prayer texts by 20 participants have been analyzed. The statistical processing of paired data in two groups has revealed significant differences in reading words under titlos in comparison with their full written forms in Russian transliteration. Based on the identified features, the authors conclude that the mechanism for reading words with titlos is identical with that of reading full words, subject to the reader's experience.

Keywords: words with titlos, contractions in texts, Church Slavonic, Russian, reading, eye-tracking

Введение

Исследования, начатые еще в начале прошлого века, а затем предложенные в 1970-хх гг. [11; 16], показали, что процесс чтения сопровождается последовательностью саккадических движений зрачков по тексту и пауз (фиксаций) в том или ином месте слова. Длительность саккад составляет несколько десятков миллисекунд, а длительность фиксаций – от нескольких десятков до нескольких сотен миллисекунд. Значения этих характеристик зависят от системы письма – от 8 букв (для английского языка) до 2–3 знаков (для китайского языка) [16: 9]. Для большинства систем письменностей характерно, что при чтении поле зрения читателя преимущественно направлено вперед, охватывает несколько символов позади, а для лучшего усвоения прочитанного глаза совершают регрессионные движения. В связи с этим выделяют фиксации первого и второго проходов. Соотношения между различными параметрами, наработанные в технологиях высокоскоростной записи движений зрачков глаз (называемых айтрекингом или окулографией) на протяжении десятилетий, представляют интерес для изучения чтения вслух и про себя, детей и взрослых и могут быть использованы для реконструкции процесса чтения древних языков.

Ключевые особенности восприятия текста на русском литературном языке при чтении про себя изучены российскими учеными [16]. Изучение механизмов чтения текстов на церковнославянском, в частности слов с титлами, появившихся на заре формирования языка, до настоящего времени не проводилось. Это может быть связано в какой-то степени с недостатком добровольцев, владеющих надежным навыком чтения по-церковнославянски, и аспектами организационного плана. Однако письменный церковнославянский язык очень интересен с точки зрения исследования механизмов его чтения, традиционного для многих поколений.

Чтение сокращенных слов

Несмотря на многовековое существование слов с титлами в церковнославянском языке, тем не менее, аббревиатуры и разного рода сокращения являются типичным феноменом XXI в. Сокращенные слова – тенденция современной письменной коммуникации [7; 15; 22], в том числе обусловленная быстрым темпом жизни, информационной перегрузкой. Их существование приводит к вопросу о том, как они распознаются: обрабатываются ли они как слова или как изображения? Играют ли ключевую роль в них частотность или спе-

цифические языковые правила, которые определяют формирование слова? Например, в исследовании [12] 24 студента читали предложения на родном языке (английском), в то время как записывались движения их глаз. Предложения содержали одно сокращенное слово, например, «There were people/ppl in the room» (В комнате были люди) и «There flew people/ppl in the room» (В комнате летали люди). Исследование показало, что сокращенные слова обрабатывались медленнее. То есть наблюдались более длительные длительности первых фиксаций, пропуски и регрессии по сравнению с показателями, характерными для чтения полностью написанных слов. Эти результаты позволили заключить, что сокращенные слова изначально труднее распознать, но после того, как они успешно распознаны, сокращенные слова интегрируются в предложение так же легко, как и слова, написанные полностью.

В своем исследовании Perea с коллегами [18] изучали движение глаз во время чтения предложений, содержащих сокращенные слова, и предложений с полностью написанными словами. Использовались экспериментальные и контрольные предложения с сокращениями в орфографических и фонологических условиях соответственно. Например, предложение для первого условия (по-испански) – *irmos l cnciert n m mto / lremos al concierto en mi moto* [мы поедем на концерт на моем мотоцикле]; пример предложения для фонологического условия – *akab l kldo d 1 vz / acaba el caldo de una vez* [доедай суп сразу]. Результаты также показали, что чтение предложений с сокращенными словами характеризовалось более длительным временем чтения и более частыми фиксациями по сравнению с чтением предложений с нормальным написанием.

Церковнославянский язык

В церковнославянском языке использование сокращенных слов имеет долгую историю, которая восходит ко времени появления славянской азбуки в конце IX в. Примеры сокращенных слов из разных языков приведены в табл. 1.

Примеры сокращенных слов из церковнославянского языка имеют существенное отличие – сверху слова отображается своеобразная «подсказка» (знак титла), которая указывает на однозначно пропущенные согласные, гласные или их совокупности. Титло является составной частью церковнославянской орфографии. Ни в текстах Библии синодального перевода, ни в современных церковных текстах, написанных транслитом по-русски, слова с титлами не изобретены. Особенности происхождения слов с титлами, классификацию на примере древнерусских письменных источников обсуждаются в трудах Е.Э. Гранстрем [3], О.Н. Седовой [6], Б.А. Успенского [9], Т.П. Балюк [1].

Примеры сокращенных слов в языках

Английский [12]	Испанский [18]	Церковнославянский [4]
rgds – regards	toy bstnt fliz – estoy bastante feliz (I'm very happy)	оѣчѣль (транслит с ударением: учитель)
dinr – dinner	l tx sta n l pta – el taxi está en la puerta (the taxi is at the door)	сѣтой (транслит с ударением: святой)
yr – year	tng mieo a prdr – tengo miedo a perderte (I'm afraid of losing you)	млѣть (транслит с ударением: милость)
sry – sorry	spr q t hmor mjore – espero que tu humor mejore (I hope your mood will improve)	чѣлькѣя (транслит с ударением: человек)

Слова под титлами относятся к категории священных слов – «*Nomina Sacra*». Например, Н.П. Саблина [5: 103] подчеркивает, что титло «над буквой является тем же самым, что нимб над головой на иконе: показывает Божественную святость и тайну». Сокращения «священных» слов «возникли под влиянием древнееврейской тетраграммы, означающей имя бога. Священное имя должно быть скрытым от взора непосвященных» [3: 2]. В статье А.Г. Кравецкого [4] обстоятельно даны материалы дискуссии об употреблении прописных букв и знаков титла в книгах церковной печати (1876–1892 гг.), которые привели к принятию Синодом в 1887–1888 гг. определения, утверждающего орфографическую норму Московской синодальной типографии в качестве единственно возможной.

В книге под авторством Ф. Караги [8] представлено порядка 200 слов, которые пишутся под знаком титла. Слова под титлами используются в Богослужебных книгах, молитвословах и подобной литературе на церковнославянском языке. Можно сказать, что все слова под титлом обладают высокой встречаемостью в классических церковнославянских молитвословах. В выбранных для эксперимента текстах количество слов под титлами составляет 23,5 % от общего количества слов в них. Нормы их написания практически одинаковы для разных издателей, но чтение этих слов требует определенного навыка, формирование которого достигается либо практикой в чтении или заучиванием. Поэтому многие предпочитают использовать «переведенные» тексты, написанные с использованием русской транслитерации, так как это обеспечивает удобство и легкость чтения. Можно предположить, что благодаря высокой частотности слов под титлом и развитым навыкам тех, кто читает их каждый день, такие слова будут

обрабатываться быстрее в случае их сокращенного написания, чем полного (т. е. в русском транслите). Анализ влияния частотности слова на скорость его когнитивной обработки представлены в трудах [13; 19; 23], а применительно к исследованиям чтения сокращенных слов, используемых в SMS (служба коротких сообщений), обсуждаются в [12; 18]. Другой важной особенностью чтения церковнославянских текстов, в том числе транслитерированных вариантов, является то, что они чаще всего читаются вслух или вполголоса, а не про себя.

Экспериментальное исследование

Основная цель, поставленная в эксперименте, – получить ответ о различии количественных показателей, принятых в айтрекинге, применительно к чтению одинаковых текстов в церковнославянской графике и текстов, написанных русской транслитерацией. Важно показать, отличается ли восприятие этих текстов с точки зрения окулографических показателей при чтении в оригинальной орфографии (в церковнославянской графике) от чтения в русской транслитерации. Такое отличие может быть вызвано, например, присутствием сокращенного слова и надстрочного знака над ним в церковнославянском тексте. На церковнославянском языке, как правило, написаны книги Священного писания и Богослужбные книги, используемые, например, в богослужениях византийского обряда, а также молитвословы и акафисты. Русский язык в транслитерации с ударениями используется, как правило, только в молитвословах и акафистах.

В данном исследовании слова с титлами, написанные на церковнославянском языке, и их эквиваленты в русской транслитерации являются целевыми (ключевыми) словами, т. е. словами, на которых была сосредоточена обработка. Были подготовлены три пары разных известных текстов, которые являются не только выдающимися церковнославянскими письменными памятниками, но и живыми текстами, написанными в стиле молитв. Первый текст в каждой из пар набран церковнославянским шрифтом, второй – русскими буквами с ударением. Краткий отрывок из текстов в сравнении показан в табл. 2. Анализировались следующие метрики: 1) локальные показатели (только по целевым словам) – длительность первой фиксации, продолжительность взгляда (время чтения первого прохода как сумма всех фиксаций на целевом слове до выхода из него) и среднее количество фиксаций; 2) глобальные показатели, характерные для всего текста – общая продолжительность фиксаций, средняя продолжительность фиксации и общее время чтения. Глобальные показатели характеризуют общую трудность чтения текста, а локальные – трудность чтения

сокращенных слов.

Основные вопросы, рассматриваемые в данном исследовании: 1) значимо ли влияние церковнославянской графики на исследуемые глобальные показатели в сравнении со значениями таковых при чтении текстов в русской транслитерации с ударениями и 2) отличается ли чтение слов с титлами в церковнославянских текстах от чтения их в полном варианте написания русской транслитерацией? Мы прогнозируем, что церковнославянские тексты будут читаться с одинаковой скоростью по сравнению с русскими аналогами, поскольку навыки участников предполагаются равными. Что касается целевых слов, то мы предполагаем, что они будут читаться быстрее (показывать меньшую затрудненность чтения) в церковнославянских текстах по сравнению с русскими аналогами. Причина может заключаться в том, что они занимают меньше места в строке по сравнению с полным написанием. Среди источников, посвященных влиянию длины слова на скорость его когнитивной обработки, можно выделить исследования по чтению на английском языке Н. Joseph и соавт. [14] (на группах детей и взрослых), на немецком языке S. Gerth и соавт. [13] (на группах быстро и медленно читающих детей), по чтению на арабском языке K.V. Paterson и соавт. [17] (на группе студентов). Все они показывают, что для более длинных слов читатели затрачивают большее время на обработку. В исследовании S.P. Tiffin-Richards и соавт. [19] установлено, что длинные слова фиксировались дольше и чаще, чем короткие слова, причём этот эффект у детей выражен сильнее. Отметим, однако, что в упомянутых исследованиях авторы устанавливали зависимости окулографических параметров от частоты слов при чтении текста на одном языке участниками с разными навыками чтения, а не в сравнительном эксперименте в группах участников, хорошо читающих на разных языках.

Таблица 2

Примеры экспериментальных текстов с выделенными целевыми словами

Текст на церковнославянском с сокращенными целевыми словами
<p>Тѡй вѣ крѣтитѣ дѣхомъ свѣтымъ и огнемъ. И вниде во иерусалимъ ииѡсѣ и вѣ церковь. Блаженни чистии срѣцемъ: яко тии бога узрѣатѣ.</p>
Текст в русской транслитерации с теми же словами, написанными полностью
<p>Тѡй вѣ креститѣ Дѣхомъ Святѣмъ и огнемъ. И вниде во Иерусалимъ Ииѡсѣ и в церковь. Блаженни чистии срѣдцемъ: яко тиѣ Бѡга узрѣатѣ.</p>

Методы

Участники. Общее количество респондентов составило 42 человека. 20 участников (1-я группа: 8 мужчин и 12 женщин) читали тексты, набранные по-церковнославянски, 22 участника (2-я группа: 5 мужчин и 17 женщин) читали те же тексты, набранные в русской транслитерации. Эти группы были неравноценны по знанию церковнославянского языка. Первую группу составляли участники, хорошо читающие по-церковнославянски, а вторую – участники, хорошо читающие тексты в русской транслитерации. Главным требованием к участникам было умение читать на том или ином языке. Другими словами, участник должен был иметь развитые навыки чтения на церковнославянском языке или в русской транслитерации. Все участники были носителями русского языка и сообщили, что хорошо владеют выбранным ими языком для чтения. Часть участников соответствовала этому требованию в силу своей сферы деятельности, в том числе певчие и алтарники; для них чтение на церковнославянском языке не представляло серьезной проблемы. Другая часть участников имела уверенные навыки чтения в силу личных предпочтений, в связи с ежедневным чтением текстов на церковнославянском в личном домашнем правиле. Навыки чтения каждого участника определялись на основе интервью на этапе отбора.

Участие было добровольным и безопасным для здоровья, о чем было предупреждено заранее и обеспечивалось в том числе сертифицированным прибором (модель Tobii Pro X2-60 Compact Eye Tracker). Во всех случаях каждый из участников *был знаком с текстами*; однако ни один из них не был предупрежден о содержании текстов или целях исследования.

Материалы и процедура. Материалы представляли собой следующие тексты. Первый текст – молитва 3-я из правила ко Св. Причащению прп. Симеона Метафраста; второй текст – стихи из Евангелий в виде набора 18 предложений, каждое из которых размещалось на целой строке, всего 18 строк; третий текст – 102-й Псалом, читаемый на каждом всенощном бдении в последовании Шестопсалмия.

Критерии для отбора текстов были следующие: 1) частое звучание на Богослужениях, встречаемость в молитвословах, и, следовательно, знакомость при чтении для участников; 2) высокая встречаемость слов, которые на церковнославянском языке пишутся под знаком титла.

В общей сложности в первом тексте слов под титлами насчитывалось 29 (21,6 % от общего количества слов), во втором тексте – 50 (35,2 %), в третьем – 23 слова (31,6 %).

Длина целевых слов в варианте русской транслитерации составила от 3 до 13 знаков, некоторые из слов повторялись. Характеристики

целевых слов в текстах представлены в табл. 3. Одно и то же слово может находиться в различных местах страницы (см. табл. 2) и в различных комбинациях окружающих их слов. Однако данный аспект в исследовании не учитывался.

Таблица 3

**Характеристики сокращенных слов в церковнославянских текстах
и в текстах русской транслитерации**

Язык текста	Количество слов/уникальные значения без повторов	Длина слова, знаки
1-й текст		
Церковнославянский	29/27	3–13
Русский транслит	29/27	4–13
2-й текст		
Церковнославянский	50/45	3–10
Русский транслит	50/45	3–11
3-й текст		
Церковнославянский	23/16	3–11
Русский транслит	23/16	6–13

Каждый из текстов размещался на мониторе компьютера в виде полной страницы с выравниванием посередине. Для церковнославянского текста использовался шрифт Irmologion Ucs, для текста с русской транслитерацией – шрифт Times New Roman, с ударениями. Высота строчных букв для текстов составила в среднем 3,8 мм при расположении участника на расстоянии 55 см от монитора. В обоих видах текстов использовались как строчные, так и заглавные буквы. Межстрочное расстояние было взято за единицу, цвет шрифта выбран черным, а цвет фона – белым.

Тексты были представлены каждому участнику только непосредственно перед началом эксперимента. Исследование проходило в течение 6 дней в соответствии с предварительно составленным расписанием и распределением порядка участия. Вся процедура для каждого из участников занимала порядка 30 минут. Характеристики трекера: модель Tobii Pro X2-60 Compact Eye Tracker, частота регистрации данных 60 Гц.

Чтение текстов происходило вслух в обычном темпе. Некоторые из участников в повседневности читают церковнославянские тексты или тексты в русской транскрипции в режиме псалмодии (нараспев), следовательно, такой режим был выбран ими произвольно. Последовательность действия участников представлена в виде блок-схемы на рис. 1. Распределение режимов чтения в каждой группе представлено на рис. 2.

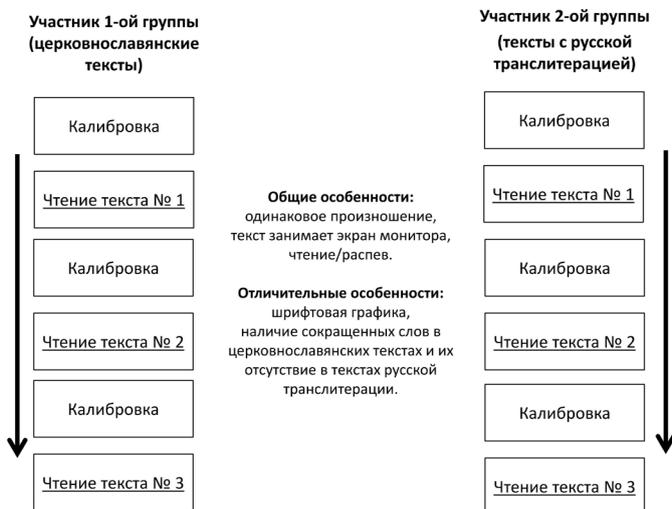

Рис. 1. Последовательность этапов эксперимента для участников соответствующей группы

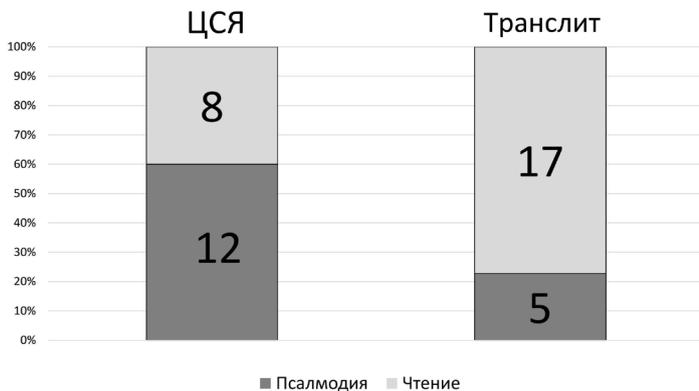

Рис. 2. Распределение режимов чтения в группах: ЦСЯ – группа церковнославянского языка; Транслит – группа русской транслитерации

Статистический анализ

Обработка результатов осуществлялась в MS Excel с помощью статистической надстройки «Пакет анализа». Вербальный алгоритм в виде блок-схемы представлен на рис. 3. Для анализа были введены два типа показателей: глобальные и локальные (по аналогии с исследованиями [12; 18]), которые определили два этапа статистической

обработки соответственно. Проверка выборок как глобальных, так и локальных показателей на соответствие нормальному закону распределения выполнялась по критерию Колмогорова [2].

В качестве глобальных показателей для сравнительного анализа выступили: Total FD (Total Fixation Duration (определения соответствуют принятым в программном обеспечении для айтрекера Tobii_Pro_Studio_3.4.8.1348)) – общая длительность фиксаций, включая регрессионные, без учета перемещений (саккад) между фиксациями, с; Average FD (Average Fixation Duration) – средняя длительность фиксации (в целом при чтении текста), с; F Count (Fixations Count) – общее количество фиксаций на тексте, ед.; Total Time – общее время чтения текста от его появления на экране до нажатия клавиши «Space», с.

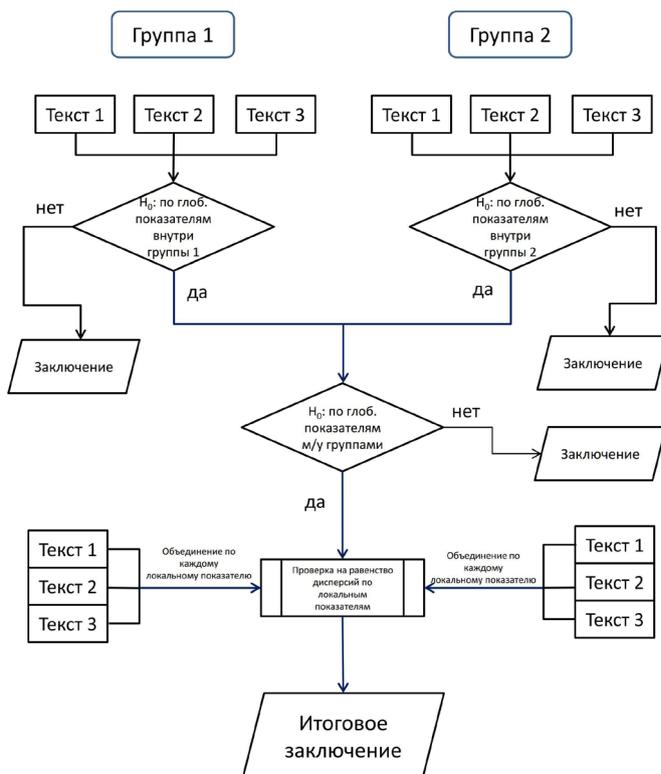

Рис. 3. Вербальный алгоритм этапов статистической обработки результатов

На первом этапе (см. рис. 3) определялась статистическая значимость выборок глобальных показателей для двух групп участников. На втором этапе статистически нужно было определить, имеется ли значимое отличие по локальным характеристикам чтения текстов (ключевых слов), полученных в результате наблюдений. Если средний результат наблюдаемого показателя в группе чтецов по-церковнославянски отличается от среднего результата того же показателя в другой группе, то является ли такое отличие значимым? Нулевая гипотеза применительно к соответствующим глобальным показателям в группах заключалась в *незначимости* различий между их дисперсиями, доказываемой методом дисперсионного анализа, т. е. тексты читаются одинаково. Альтернативная ей гипотеза – различие между дисперсиями значимо. Применительно к локальным показателям нулевая гипотеза заключалась в незначимости парных средних значений каждого из локальных показателей выборок. Проверка нулевой гипотезы выполнялась при уровне значимости $p = 0,05$. Если вычисленное значение статистических критериев принадлежит критической области, то нулевая гипотеза отвергается. Соответственно, если глобальный показатель «Общее время чтения» при чтении текстов в разных вариантах написания статистически не различим, а в других (глобальных или локальных) есть отличия, то это означает, что они определяются как способом чтения текстов, так и шрифтовой графикой. Во-вторых, важно было выяснить, отличается ли статистически процесс распознавания сокращенного слова по какому-либо локальному показателю от его прочтения в русской транслитерации, в случае которой оно не нуждается в распознавании. Ожидалось, что благодаря высокой повторяемости и профессионализму читателей сокращенные слова (с титлом) будут распознаваться быстрее.

В случае данного исследования изучался один фактор с двумя уровнями – процесс чтения текста на церковнославянском и русском языках. Статистическое подтверждение гипотез заключалось в том, чтобы подтвердить гипотезу H_0 или ее отвергнуть применительно к каждому показателю – локальному или глобальному.

Пояснение для локальных показателей представлено на рис. 4. Как из него следует, общее количество фиксаций для слова **бжѣтъвннлгѡ** (для церковнославянского текста) равно трём, для Божественнаго (русский текст) – четырём. Оценивался также третий локальный показатель – среднее количество фиксаций на ключевом слове, N . Соотношение между выборками глобальных и локальных показателей представлено на рис. 5.

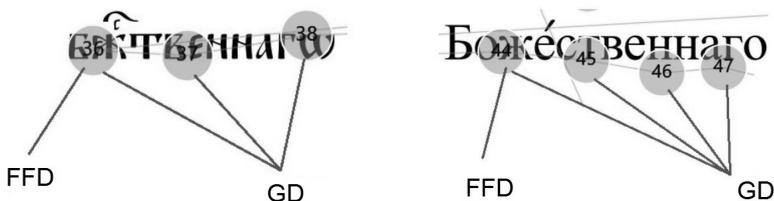

Рис. 4. К пояснению локальных показателей: FFD – длительность первой фиксации (First Fixation Duration), мс; GD (Gaze Duration) – суммарная длительность фиксаций на слове, мс

Глобальные показатели

Общая длительность фиксаций – Total FD

Средняя длительность фиксации – Average FD

Общее количество фиксаций – F Count

Общее время чтения – Total Time

Локальные показатели

Длительность первой фиксации на целевом слове – First Fixation Duration

Длительность фиксаций на целевом слове – Gaze Duration

Среднее количество фиксаций на целевом слове – Number of Fixations

Рис. 5. Глобальные и локальные показатели

Для сравнения глобальных характеристик чтения текстов использовался метод однофакторного дисперсионного анализа на основе критерия Фишера с целью определения различия дисперсий. После этого анализ локальных характеристик выполнялся применительно к трем парам их значений с помощью парного двухвыборочного t-теста для средних для проверки гипотезы об их различии.

Не на каждом из ключевых слов участник фиксировался, некоторые слова, особенно трехбуквенные, пропускались, другие слова читались с регрессией. Однако при обработке результатов выбирались только те ключевые слова, на которых участник точно зафиксировался в начале и по всей длине слова, а регрессии отсутствовали, т. е. во внимание принимались только фиксации первого прохода. Количество таких фиксаций варьировалось от 1 до 5 в зависимости от длины слова. Объем слов в выборках для анализа, на которых участники

точно зафиксировались, представлен в табл. 4. Для сравнительного парного анализа локальных показателей учитывались только те слова, на которых зафиксировались как минимум 10 участников из каждой группы.

Остальные ключевые слова не учитывались, так как на них участник либо не фиксировался, либо первая фиксация находилась между словами, либо фиксации для них не были четко идентифицированы. Также не учитывалось положение и окружение этих слов.

Таблица 4

Объем слов в текстах для анализа

Язык текста	Количество целевых слов, учтенных с первой фиксацией (First Fixation Duration)		Количество целевых слов, учтенных для анализа времени фиксаций первого прохода (Gaze Duration)		Всего целевых слов в текстах с учетом всех участников
	ед.	%	ед.	%	
Церковнославянский	1 281	62,8	1 273	62,4	2 040
Русская транслитерация	1 573	70,1	1 545	68,9	2 244

После этапа сортировки с целью выявления совпадающих пар таких слов в каждой из групп оказалось по 85, т. е. анализу по локальным характеристикам было подвергнуто 85 пар слов, т. е., например: престол и прѣтолъ, ученики и ѹчѣнѣки, священныя и ѹчѣнѣнныя и остальные.

Результаты

Результаты по глобальным и локальным показателям

Применительно к глобальным показателям статистическая проверка гипотезы об однородности двух дисперсий проводилась по критерию Фишера при уровне значимости $p = 0,05$. Важно, что каждый участник читал три текста на выбранном им *одном* языке. Частотный анализ общей пары (3 и 3) текстов по глобальному показателю «Total Time» представлен на рис. 6. Для каждого текста на каждом языке выбросы не обнаружены, т. е. темп чтения текстов был примерно одинаковым. Все показатели Total Time по всем трем текстам на всех языках были объединены в общую группу, в которой также была

проведена проверка гипотезы на однородность. Результат проверки – положительный. Результаты этого этапа анализа представлены в табл. 5.

Из табл. 5 следует, что эмпирическое значение F-критерия для всех глобальных показателей двух групп текстов меньше критического значения, поэтому при уровне значимости $p = 0,05$ дисперсии одинаковы и различий между ними не наблюдается. Следовательно, убедившись в равенстве дисперсий, можно сказать, что шрифтовая графика церковнославянского языка в сравнении с русской транслитерацией в режиме чтения вслух не влияет на исследованные глобальные показатели. По-простому, механизм чтения по темпу чтения вслух для опытных читателей для двух исследованных языков, не отличается.

Таблица 5

Результаты оценок по глобальным показателям

Показатель	Среднее значение		Сравнение между $F_{\text{эмп}}$ и $F_{\text{крит}}$
	Тексты на ЦСЯ	Тексты в транслите	
Total FD, с	64,103 (1,412)	67,286 (1,049)	$F_{\text{эмп}} = 0,003 < 3,15$
Average FD, с	0,288 (0,0057)	0,275 (0,0042)	$F_{\text{эмп}} = 0,124 < 3,15$
F Count, ед.	224,233	246,652	$F_{\text{эмп}} = 0,192 < 3,15$
Total time, с	77,074 (1,239)	78,014 (1,117)	$F_{\text{эмп}} = 0,027 < 3,15$

Примечание. Здесь и в табл. 6 в скобках указана стандартная ошибка, SE (Standard

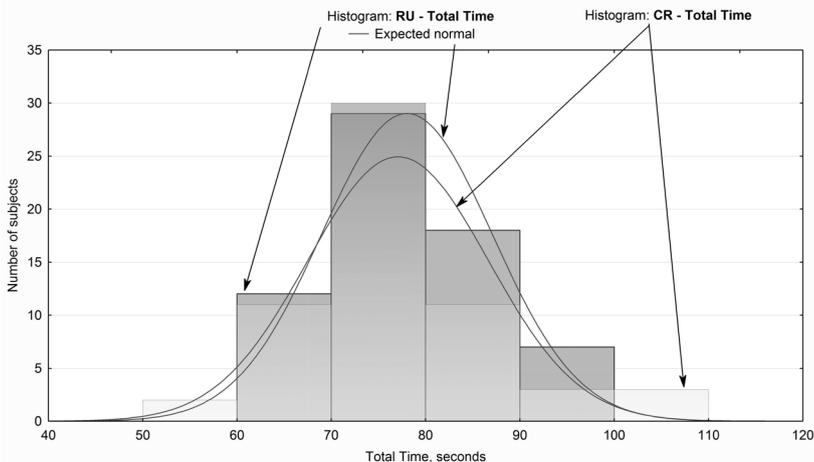

Рис. 6. Частотный анализ общей пары (3 и 3) текстов (для русского (RU) и ЦС (CR) текстов) по глобальному показателю «Total Time»

Error).

Характеристики распределения локальных показателей в парном

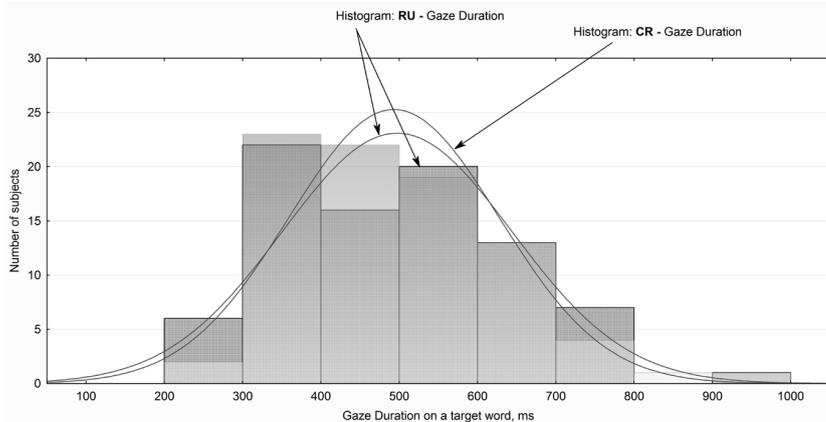

Рис. 7. Парная диаграмма частотных распределений локального показателя «Длительность фиксации на слове» (Gaze Duration)

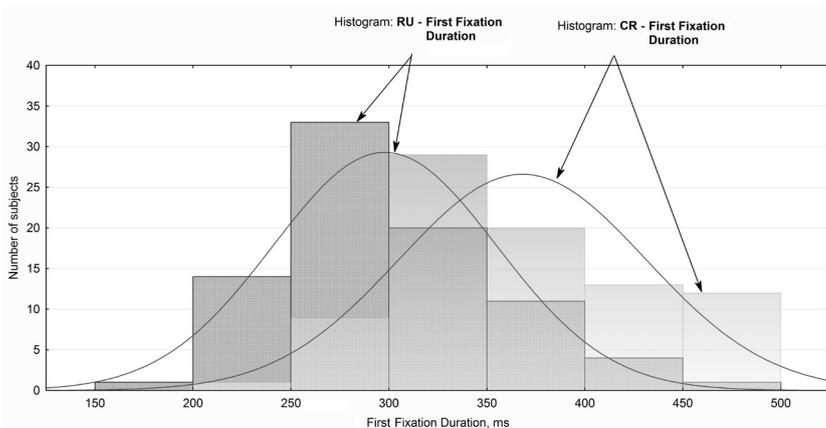

Рис. 8. Парная диаграмма частотных распределений локального показателя «Длительность первой фиксации» (FFD)

сравнении представлены на рис. 7 и 8 в виде частотных диаграмм.

Результаты анализа для локальных характеристик методом «парный двухвыборочный t-тест для средних» для проверки гипотезы о различии между средними (математическим ожиданиями) двух нормальных распределений на основе парных выборочных данных представлены в табл. 6.

Следуя данным табл. 6, можно сделать вывод, что нулевая гипотеза отвергается для таких локальных показателей, как «длительность первой фиксации» (FFD) и «среднее количество фиксации на ключевом

слове» (N). Различия между выборками являются статистически значимыми. Для локального показателя «длительность фиксации первого прохода» для ключевых слов (GD) нулевая гипотеза принимается. Различия между выборками статистически не значимы.

Таблица 6

Результаты оценок по локальным показателям

Показатель	Среднее значение		Двусторонний критерий Стьюдента
	Тексты на ЦСЯ	Тексты в транслите	
GD, мс	493,3 (7,19)	497,2 (6,30)	$ -0,52 < 1,99$
FFD, мс	370,5 (14,55)	299,2 (15,93)	$9,8 > 1,99$
N, ед.	1,46	1,86	$ -12,1 > 1,99$

Обсуждение результатов

До проведения эксперимента предполагалось, что в связи с высокой частотностью, профессионализмом чтецов (участников), слова с титлами будут читаться быстрее, чем в параллельной группе. В том числе такой прогноз предполагался в связи с более коротким написанием целевых слов. Однако анализ продемонстрировал следующее. Прежде всего, выяснилось, что церковнославянские тексты читались преимущественно нараспев – порядка 60 % участников церковнославянской группы. В группе чтения транслитерированных текстов доля таких участников составила только 22,7 % от общего числа участников.

В экспериментах средняя длительность фиксации получилась достаточно длительной: 288 мс для текстов на церковнославянском языке и 275 мс – для текстов в русской транслитерации. Это справедливо, так как обычно чтение про себя связано с более короткой средней длительностью фиксации (порядка 220–250 мс [16: 8]) в сравнении с чтением вслух [10: 4; 21: 2].

Обращая внимание также на отсутствие статистической значимости в различии дисперсий (статистически они неразличимы, значит можно утверждать, что равны) в выборках глобальных показателей (общая и средняя продолжительность фиксации, общее число фиксаций и общее время чтения), можно выделить следующие причины:

1) произношение слов в русской транслитерации также осуществляется на церковнославянский манер;

2) в текстах имеются ударения в обоих случаях;

3) количество слов в обоих случаях на странице текста одинаковое – *тексты идентичны*.

Эти факты, вероятно, и являются причиной полученного результата

в анализе глобальных показателей. Другими словами, использование сокращений в текстах не привело к увеличению усилий на чтение. Так как читатели в обоих случаях были опытными, то, следовательно, среднее время прочтения одной страницы текста знакомого типа статистически одинаково для использованных вариантов языка.

Выявлена статистическая значимость в двух из трех локальных показателей – длительность первой фиксации и количество фиксаций. Для более тщательного анализа по локальным характеристикам одним из приемов является деление всех целевых слов на три группы по длине написания, например: 3–6 букв, 7–8 букв, 9–13 букв. Длина слова сказывается и на вероятности его пропуска и распределение фиксаций на нем и месте «посадки» первой фиксации. Конечно, можно читать с такой скоростью, что распознавание отдельных слов во время беглого чтения будет включать не более одной фиксации. Однако пробный анализ показал, что при вышеуказанном делении увеличивается отклонение «нормальности» выборок, появляются выбросы, которые затрудняют проведения анализа. То есть объем выборок должен быть бóльшим. На этот момент ученые обращают внимание. Так, в работе [12: 11] авторы объясняли величину расхождения в локальных характеристиках на ключевых словах по сравнению с исследованием в [18] разной длиной слова. Так, средняя длина слова в исследовании J.Y. Ganushchak и соавт. [12] составила 3,2 символа на английском языке. В исследовании [18] – 4,4 символа на испанском языке. В обоих упомянутых исследованиях чтение ключевых sms-слов было дольше по сравнению с обычными словами. В данном исследовании средняя длина слова на церковнославянском языке (без учета повторов, буква с титлом принимается за один знак) составила 5,4 символа, в тексте с русской транслитерацией – 7,3 символа.

Учитывая полученную статистическую разницу по таким локальным показателям, как длительность первой фиксации и количество фиксаций, мы предполагаем, что почти одинаковая длительность чтения слова (Gaze Duration) целевого слова компенсируется более длительной первой фиксацией и меньшим количеством фиксаций на слово в церковнославянском языке. Этот компенсаторный эффект обусловлен наличием знака титла, расположенного в верхнем регистре слова. Таким образом, знак сокращения влияет на обработку слова.

Заключение

Чтение церковнославянских текстов, начиная с момента создания азбуки, всегда сопровождается чтением слов с титлами. Результаты исследования, подтвержденные статистически, позволяют предпо-

ложить, что механизмы чтения сокращенных слов как теперь, так и в прежние века появления церковнославянских богослужебных текстов, были аналогичными. Да, шрифтовая графика имела свои отличия, но с учетом опытности чтецов статистическая значимость/незначимость в предложенных локальных и глобальных показателях сохраняется. В работе исследованы показатели движения глаз в потоке чтения всего текста, а не чтения отдельных предложений.

Полученные результаты, связанные с более длительным временем «распознавания» слов под титлами в первой фиксации по сравнению с их написанием русской транслитерацией, можно объяснить тем, что читатель какое-то время «вспоминает» слово, извлекая его из глубин памяти. Аналогичное явление можно наблюдать при чтении цифири, т. е. чисел, записанных буквами.

Можно услышать мнение, что шрифтовая графика церковнославянского напоминает чтение «иероглифов». Однако сформированный до определенной степени навык его чтения подключает механизмы обработки, которые ему присущи и не наблюдаются в текстах без слов с титлами. На Руси в богослужебной практике издревле читали церковнославянские тексты. Данное исследование позволяет утверждать, что слова с титлами, которых в современных текстах на церковнославянском языке достаточно, формируют специфическую модель обработки/чтения слов. Режим чтения вслух, особенно в режиме псалмодии, также способствует меньшим регрессиям. Существование в церковнославянском тексте слов с титлом ставит перед человеком творческую задачу его восприятия, требует взаимного участия и наглядного, и смыслового компонентов мышления, развивает смекалку и смысловую догадку.

Благодарности

Авторы благодарят Лесю Ганущак (Lesya Y. Ganushchak) – ассоциированного профессора Школы социальных и поведенческих наук Роттердамского университета Эразма (Роттердам, Нидерланды) за ценные рекомендации относительно структурирования результатов исследования; коллектив ООО «ДЖИЭЙ АЙ ТРЕКИНГ» (г. Москва) за предоставленное оборудование и техническую помощь при проведении исследований, а также рецензентов.

ЛІТЭРАТУРА

1. *Балюк Т.П.* Сокращение слов в восточнославянских кириллических рукописях XI в. // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя

гуманитарных наук. 2016. № 3. С. 67–73.

2. *Бондарчук С.С., Бондарчук И.С.* Статобработка экспериментальных данных в MS Excel: учеб. пособие. Томск: Изд-во ТГУ, 2018. 433 с.

3. *Гранстрем Е.Э.* Сокращения древнейших славяно-русских рукописей. Академия наук СССР // Труды отдела древнерусской литературы института русской литературы / отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1954. № 10. С. 427–434.

4. *Кравецкий А.Г.* Материалы дискуссии об употреблении прописных букв в книгах церковной печати (1876–1892) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 5. С. 149–186.

5. *Саблина Н.П.* Буквица славянская. Поэтическая история азбуки с азами церковнославянской грамоты. М.: Фонд сохранения духовно-нравственной культуры «Покров», 2014.

6. *Седова О.Н.* Сокращённо написанные слова в древнерусском уставном письме конца XIII в. (на материале новгородского Евангелия 1270 г.) // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 77–88.

7. *Скатеренко А.Е.* Сокращения слов как тенденция современного общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. Т. 11, № 4. С. 786–788.

8. *Карага Ф.* Словарь церковнославянских слов под титлами: 200 наиболее часто встречающихся сокращений. Мостар, 2016. 15 с.

9. *Успенский Б.А.* О происхождении глаголицы // *Вопросы языкознания*. 2005. № 1. С. 63–77.

10. *Ashby J., Yang J., Evans K.H.C., Rayner K.* Eye movements and the perceptual span in silent and oral reading // *Attention, Perception, & Psychophysics*. 2012. Vol. 74, is. 4. P. 634–640. DOI: 10.3758/s13414-012-0277-0

11. *Clifton C., Ferreira F., Henderson J.M., Inhoff A.W., Liversedge S.P., Reichle E.D., Schotter E.R.* Eye movements in reading and information processing: Keith Rayner's 40 year legacy // *Journal of Memory and Language*. 2016. Vol. 86. P. 1–19. DOI: 10.1016/j.jml.2015.07.004

12. *Ganushchak L.Y., Krott A., Frisson S., Meyer A.S.* Processing words and Short Message Service shortcuts in sentential contexts: An eye movement study // *Applied Psycholinguistics*. 2013. Vol. 34, is. 1. P. 163–179. DOI: 10.1017/S0142716411000658

13. *Gerth S., Festman J.* Reading Development, Word Length and Frequency Effects: An Eye-Tracking Study with Slow and Fast Readers // *Front. Commun*. 2021. № 6. P. 743113. DOI: 10.3389/fcomm.2021.743113

14. *Joseph H.S.S.L., Liversedge S.P., Blythe H.I., White S.J., Rayner K.* Word length and landing position effects during reading in children and adults // *Vision Research*. 2009. Vol. 49, is. 16. P. 2078–2086. DOI: 10.1016/j.visres.2009.05.015

15. *Evans M.* GCSE English exams to include questions on text messaging //

The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/education/secondaryeducation/6574393/GCSE-English-exams-to-include-questions-on-text-messaging.html> (дата обращения: 23.12.2022).

16. Laurinavichyute A.K., Sekerina I.A., Alexeeva S., Bagdasaryan K., Kliegl R. Russian Sentence Corpus: Benchmark measures of eye movements in reading in Russian // *Behavior Research Methods*. 2019. Vol. 51, is. 3. P. 1161–1178. DOI: 10.3758/s13428-018-1051-6

17. Paterson K.B., Almagbruk A.A.A., McGowan V.A. et al. Effects of word length on eye movement control: The evidence from Arabic // *Psychon Bull Rev*. 2015. № 22. P. 1443–1450. DOI: 10.3758/s13423-015-0809-4

18. Perea M., Acha J., Carreiras M. Short article: Eye movements when reading text messaging (txt msgng) // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2009. Vol. 62, is. 8. P. 1560–1567. DOI: 10.1080/17470210902783653

19. Tiffin-Richards S.P., Schroeder S. Word length and frequency effects on children's eye movements during silent reading // *Vision Research*. 2015. Vol. 113, Part A. P. 33–43. DOI: 10.1016/j.visres.2015.05.008

20. Rayner K. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research // *Psychological Bulletin*. 1998. Vol. 124, is. 3. P. 372–422. DOI: 10.1037/0033-2909.124.3.372

21. Rayner K. The 35th Sir Frederick Bartlett Lecture: Eye movements and attention in reading, scene perception, and visual search // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2009. Vol. 62, is. 8. P. 1457–1506. DOI: 10.1080/17470210902816461

22. Thurlow C., Bell K. Against Technologization: Young Peoples New Media Discourse as Creative Cultural Practice // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2009. Vol. 14, is. 4. P. 1038–1049. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2009.01480.x

23. White S.J. Eye movement control during reading: Effects of word frequency and orthographic familiarity // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2008. № 34. P. 205–223. DOI: 10.1037/0096-1523.34.1.205

REFERENCES

1. Baliuk, T.P. (2016) Sokrashchenie slov v vostochnoslavjanskikh kirillicheskich rukopisyakh XI v. [Contracted words in East Slavic Cyrillic manuscripts of the 11th century]. *Vestsi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk*. 3. pp. 67–73.

2. Bondarchuk, S.S. & Bondarchuk, I.S. (2018) *Statobrabotka eksperimental'nykh dannyykh v MS Excel* [Statistical processing of experimental data in MS Excel]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

3. Granstrem, E.E. (1954) Sokrashcheniya drevneyshikh slavyano-russkikh rukopisey [Abbreviations of the oldest Slavic-Russian manuscripts]. In: Adrianova-

Peretts, V.P. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury instituta russkoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature]. Vol. 10. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. pp. 427–434.

4. Kravetskiy, A.G. (2015) *Materialy diskussii ob upotreblenii propisnykh buk v knigakh tserkovnoy pechati (1876–1892)*. [Discussion on the use of capital letters in church press books (1876–1892)]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 5. pp. 149–186.

5. Sablina, N.P. (2014) *Bukvitsa slavyanskaya. Poeticheskaya istoriya azbuki s azami tserkovnoslavyanskoy gramoty* [Slavic initial letter. The poetic story of the alphabet with the basics of Church Slavonic literacy]. Moscow: Foundation for the Preservation of Spiritual and Moral Culture “Pokrov.”

6. Sedova, O.N. (1974) *Sokrashchenno napisannye slova v drevnerusskom ustavnom pis'me kontsa XIII v. (na materiale novgorodskogo Evangeliya 1270 g.)* [Contracted words in the old Russian statutory letter in the late 13th century (based on the Novgorod Gospel of 1270)]. In: Lyublinskaya, A.D. (ed.) *Problemy paleografii i kodikologii v SSSR* [Problems of paleography and codicology in the USSR]. Moscow: Nauka. pp. 77–88.

7. Skaterenko, A.E. (2016) *Sokrashcheniya slov kak tendentsiya sovremennogo obshchestva* [Word abbreviations as a trend in modern society]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy – International Journal of Applied and Basic Research*. 11(4). pp. 786–788.

8. Karaga, F. (2016) *Slovar' tserkovnoslavyanskikh slov pod titlami* [Dictionary of Church Slavonic Words Under Titlos]. Mostar.

9. Uspenskiy, B.A. (2005) *O proiskhozhdenii glagolitsy* [On the origin of the Glagolitic script]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 63–77.

10. Ashby, J., Yang, J., Evans, K.H.C. & Rayner, K. (2012) *Eye movements and the perceptual span in silent and oral reading*. *Attention, Perception, & Psychophysics*. 74(4). pp. 634–640. DOI: 10.3758/s13414-012-0277-0

11. Clifton, C., Ferreira, F., Henderson, J.M., Inhoff, A.W., Liversedge, S.P., Reichle, E.D. & Schotter, E.R. (2016) *Eye movements in reading and information processing: Keith Rayner's 40-year legacy*. *Journal of Memory and Language*. 86. pp. 1–19. DOI: 10.1016/j.jml.2015.07.004

12. Ganushchak, L.Y., Krott, A., Frisson, S. & Meyer, A.S. (2013) *Processing words and Short Message Service shortcuts in sentential contexts: An eye movement study*. *Applied Psycholinguistics*. 34(1). pp. 163–179. DOI: 10.1017/S0142716411000658

13. Gerth, S. & Festman, J. (2021) *Reading Development, Word Length and Frequency Effects: An Eye-Tracking Study with Slow and Fast Readers*. *Front. Commun.* 6:743113. DOI: 10.3389/fcomm.2021.743113

14. Joseph, H.S.S.L., Liversedge, S.P., Blythe, H.I., White, S.J. & Rayner, K. (2009) *Word length and landing position effects during reading in children and adults*. *Vision Research*. 49(16). pp. 2078–2086. DOI: 10.1016/j.visres.2009.05.015.

15. Evans, M. (n.d.) GCSE English exams to include questions on text messaging. *The Telegraph*. [Online] Available from: <http://www.telegraph.co.uk/education/secondaryeducation/6574393/GCSE-English-exams-to-include-questions-on-text-messaging.html> (Accessed: 23rd December 2022).

16. Laurinavichyute, A.K., Sekerina, I.A., Alexeeva, S., Bagdasaryan, K. & Kliegl, R. (2019) Russian Sentence Corpus: Benchmark measures of eye movements in reading in Russian. *Behavior Research Methods*. 51(3). pp. 1161–1178. DOI: 10.3758/s13428-018-1051-6

17. Paterson, K.B., Almabruk, A.A.A., McGowan, V.A. et al. (2015) Effects of word length on eye movement control: The evidence from Arabic. *Psychon Bull Rev*. 22. pp. 1443–1450. DOI: 10.3758/s13423-015-0809-4

18. Perea, M., Acha, J. & Carreiras, M. (2009) Short article: Eye movements when reading text messaging (txt msgng). *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 62(8). pp. 1560–1567. DOI: 10.1080/17470210902783653

19. Tiffin-Richards, S.P. & Schroeder, S. (2015) Word length and frequency effects on children's eye movements during silent reading. *Vision Research*. 113/A. pp. 33–43. DOI: 10.1016/j.visres.2015.05.008

20. Rayner, K. (1998) Eye movements in reading and information processing: 20 years of research. *Psychological Bulletin*. 124(3). pp. 372–422. DOI: 10.1037/0033-2909.124.3.372

21. Rayner, K. (2009) The 35th Sir Frederick Bartlett Lecture: Eye movements and attention in reading, scene perception, and visual search. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 62(8). pp. 1457–1506. DOI: 10.1080/17470210902816461

22. Thurlow, C. & Bell, K. (2009) Against Technologization: Young Peoples New Media Discourse as Creative Cultural Practice. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 14(4). pp. 1038–1049. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2009.01480.x

23. White, S.J. (2008) Eye movement control during reading: Effects of word frequency and orthographic familiarity. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 34. pp. 205–223. DOI: 10.1037/0096-1523.34.1.205

Тюрин Александр Павлович – доктор технических наук, профессор, зам. начальника Управления научно-исследовательских работ Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова (Россия).

Alexander P. Tyurin – Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Russia).

E-mail: asd1978@mail.ru

Дизендорф Константин Игоревич – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной математики и информационных технологий Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова (Россия).

Konstantin I. Dizendorf – Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Russia).

E-mail: dki@istu.ru

УДК 811.16, 811.163.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/9

Глаголы с проспективной семантикой в древнегреческом, старославянском и русском языках

Ю.В. Серышева¹, Ю.А. Сухорукова², Ю.В. Филь³

¹ Томский политехнический университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30
E-mail: yulya-serysheva@mail.ru

² Томский государственный архитектурно-строительный университет
Россия, 634003, г. Томск, пл. Соляная, 2
E-mail: vostrovayuliya@gmail.com

³ Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: 2fil@inbox.ru

Авторское резюме

Актуальность исследования определяется значимостью для современного языкознания сопоставительных работ, служащих основой выявления универсальных и специфических принципов семантической организации языков, в том числе в области обозначения действия. Исследованы глаголы с проспективным значением «совершить действие заранее, наперёд». В качестве объекта исследования выступили указанные единицы в древнегреческом, старославянском и русском языках, в которых данный тип семантики передаётся, соответственно, приставками **про-**, **пррьдъ-**, **пред-**. Выбор языкового материала мотивирован старославянским характером префикса **пррьдъ-**, имеющего аналог в древнегреческом языке и продолжающего функционировать в русском языке. Исследование построено на положениях славянской аспектологии и дериватологии, для которых приставка – значимый функционально-семантический компонент глагола, обладающий относительной содержательной автономностью и отвечающий за существенную модификацию смысла исходного глагола. Характеристика древнегреческих, старославянских и русских глаголов с рассматриваемыми префиксами, поэтапный сопоставительный анализ их семантики, в том числе проспективного значения, оказавшегося востребованным в старославянском языке (по сравнению с другими значениями древнегреческого префикса

про-) и наиболее представленного в русском языке, призваны показать траекторию заимствования префиксальной модели с **про-** из древнегреческого языка в старославянский, а из старославянского языка – в русский. Исследование продемонстрировало снижение количества глаголов с приставками **прѣдъ-** и **пред-** и сокращение значений префиксов в старославянском и русском языках. При этом сопоставление древнегреческих, старославянских и русских глаголов позволяет сделать вывод о значимости именно проспективного типа семантики для данных языков, несмотря на различие в тематических сферах употребления проспективных глаголов.

Ключевые слова: русский язык, старославянский язык, древнегреческий язык, префиксальные глаголы, проспективная семантика

Verbs with prospective semantics in Ancient Greek, Old Slavonic, and Russian

Yulia V. Serysheva¹, Yulia A. Sukhorukova², Yuia V. Fil³

¹ Tomsk Polytechnic University
30 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: yulya-serysheva@mail.ru

² Tomsk State University of Architecture and Building
2 Solyanaya Square, Tomsk, 634003, Russia
E-mail: vostrovayuliya@gmail.com

³ Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: 2fil@inbox.ru

Abstract

The comparative studies that serve as the basis for identifying universal and specific principles of semantic organization of languages, including that in the field of action, are very significant for modern linguistics. The article focuses on verbs with a prospective meaning “to do an action in advance” in Ancient Greek, Old Slavonic, and Russian, where this semantics is expressed by the prefixes **про-**, **прѣдъ-**, **пред-**. The choice of languages is motivated by the Old Slavonic character of the prefix **pred-**; which has an analogue in Ancient Greek and continues to function in Russian. The research is based on the concepts of Slavic aspectology and derivatology, where the prefix is a significant functional and semantic component of the verb, which has relative informative autonomy and significantly modifies the original meaning. The authors describe Ancient Greek, Old Slavonic, and Russian verbs with the above-stated prefixes and conduct a step-by-step

comparative analysis of their semantics, including the prospective meaning, which is in demand in Old Slavonic (compared with other meanings of the Ancient Greek prefix *προ-*) and most represented in Russian, to show the trajectory of borrowing the prefix model with *про-* from Ancient Greek to Old Slavonic, and from Old Slavonic to Russian. The research has demonstrated a decrease in the number of verbs with prefixes *пррьдъ-* and *pred-* and a reduction of meanings of prefixes in Old Slavonic and Russian. At the same time, the comparison of Ancient Greek, Old Slavonic, and Russian verbs shows that the prospective type of semantics is particularly important for these languages, despite the difference in the thematic areas of the use of prospective verbs.

Keywords: Russian, Old Slavonic, Ancient Greek, prefix verbs, prospective semantics

Актуальность проводимого исследования определяется его включенностью в широкое поле сопоставительных работ, позволяющих расширить типологическую базу современной лингвистики, в том числе исследований на материале словообразовательных единиц разного типа и масштаба, направленных на изучение составляющих процесса деривации, обусловленного как собственно языковыми, так и внеязыковыми факторами, к которым следует отнести прямое/опосредованное влияние языков друг на друга. Подобные изыскания способны не только описать словообразовательные средства и модели сопоставляемых языковых систем, но и выявить стоящие за ними зоны содержательного пересечения языков в различных областях, что, в свою очередь, оказывается важным для фиксации не только значений, представленных в разных языках, но и возможных для них типов семантических сдвигов, направлений дальнейшего семантического развития языковых единиц [10].

В качестве объекта исследования выбраны глаголы проспективного способа действия. Под способом действия (в другой терминологии – способом совершаемости) понимается «результат определённой семантической модификации исходного глагола, которая обязательно выражается формальными средствами – приставками и суффиксами» [8: 12]. Проспективный способ действия, как и другие результативные способы, предполагает направленность действия на результат, в данном случае – на результат, «предназначенный для будущего использования» [18: 91]. Семантика действия, совершённого заранее, наперёд, характерна для целого ряда европейских языков и выражается на разных уровнях – грамматическом, лексическом, словообразовательном. В некоторых языках значение так называемого предбудущего времени репрезентируется посредством временных и (или) видовременных (в т. ч. чисто грамматических) форм. Для ряда романских, а также славянских языков продуктивен определённый

тип аспектуального значения, выражающегося посредством «проспективных» префиксов: итал. *preavvertire* «предупреждать», *preservare* «предохранять», *prescegliere* «заранее выбрать»; рус. *предугадать*, *предназначить*, *предвидеть*; чеш. *předcházet* «предупреждать, предотвращать», *předpovědět* «предсказать», *předepsat* «предписать, назначить»; русин. *предвіщати* «предвещать», *предрікати* «предрекать», *предвидіти* «предугадать»; болг. *предплащам* «уплачиваю вперед, даю аванс», *предвкушам* «предвкушаю», *предвардя* «предостерегаю» и др.

Несмотря на представленность в европейских языках подобных единиц, отдельные оттенки проспективного значения, частеречный состав единиц, их передающих, количество этих единиц и продуктивность словообразовательных моделей, по которым образуются подобные единицы (в данном случае с приставкой **пред-** и её аналогами), в языках значительно варьируются.

В фокусе нашего внимания находятся **префиксальные** глаголы с проспективной семантикой в древнегреческом, старославянском (а также церковнославянском) и русском языках. В рассматриваемых единицах основным средством выражения «действия, совершенного заранее, наперед» являются префиксы: **про-** – в древнегреческом, **прьдъ-** – в старославянском и **пред-** – в русском языках. Выбор языкового материала мотивирован старославянским происхождением префикса **прьд-** и наличием у него аналога в древнегреческом языке. Так, А.А. Зализняк и А.Д. Шмелёв отмечают некоторую «чужеродность» глаголов с **пред-** для русского языка, объясняя это тем, что они были созданы не самим русским языком, а «искусственным образом, путём перевода иностранных слов» [6: 78]. Наличие устойчивой, довольно продуктивной словообразовательной модели проспективных глаголов с **пред-** в русском языке (около 100 единиц) подробно рассмотрено в [2]. При сопоставлении глаголов с **прьд-/пред-** в русском и старославянском языках выявлено, что только 16 старославянских единиц с данным префиксом (*предварить*, *предварять*, *предводить*, *предвозвещать*, *предзнаменовать*, *предыдти*, *предлагать*, *предлежать*, *предложить*, *предположить*, *предполагать*, *предпослать*, *представить*, *представлять*, *предстать*, *предстоять*) продолжают функционировать в современном русском языке. Таким образом, остальные **пред-**глаголы образовались в русском языке по модели, заимствованной из старославянского языка. При заимствовании единиц в принимающий язык как сами единицы, так и их составляющие элементы могут стать базой для создания уже на почве принимающего языка новых слов. Так, глаголы с приставкой **пред-** активно пополняются на современном этапе новыми единицами (*предрассказать то, что будет в фильме*; *предзаказать столик в кафе*

на сайте; купить **предпостроенный** и протестированный товар и т.д.), которые осознаются не как окказиональные, а, скорее всего, как потенциальные, легко создающиеся в речи ситуативно по отработанной модели с отрефлексированным, значимым для носителя языка содержанием. Поэтому представляется возможным влияние одной глагольной системы на другую, переход определенных префиксальных моделей из одного языка в другой.

Таким образом, цель исследования – путем сопоставительного анализа глаголов в указанных языках оценить направления заимствования «перспективной» модели из древнегреческого языка в старославянский, из старославянского языка в русский и ее дальнейшее развитие на почве принимающего языка.

Глаголы с семантикой перспективности в русском и других славянских языках (а также выразитель этой семантики – префикс **пред-**) не раз выступали объектом лингвистического описания, однако редко становились непосредственным центром исследований (см. работы Л.И. Горбуновой, Г.А. Заварзиной, Е.А. Земской, Ю.В. Королевой, М.А. Кронгауза, А.М. Кусаиновой и О.А. Молодкиной, Р.И. Мальцевой, Т.А. Мешковой, Л. В. Табаченко, И.С. Улуханова, М.В. Черепанова). Это объясняется не собственно русским характером префикса, заметными отличиями данных единиц от глаголов, созданных по исконным словообразовательным моделям, делающими глаголы с **пред-** периферийными в глагольной системе русского языка. В целом исследователи отмечают не исконно русское происхождение приставки, книжность единиц с данным префиксом в силу его старославянского характера, низкую или среднюю деривационную активность, сочетаемость и с именными, и с глагольными основами. К этим исследованиям примыкают работы Ю.А. Сухоруковой и Ю.В. Филь, посвященные непосредственно приставке **пред-** (а также ее аналогам в славянских языках) как структурному, содержательному и функциональному элементу префиксального глагола [2; 16; 17].

Специальных исследований древнегреческого префикса **про-** нами не найдено, однако в научной литературе представлены отдельные замечания о наречном происхождении префиксов вообще, 18 предложениях, используемых в языке в качестве приставок (в том числе **про-**), краткие сведения о префиксации как части глагольного формообразования и особенностях приращения префиксальных глаголов (И.Х. Дворецкий, А.Ч. Козаржевский, М.Н. Славятинская и др.).

В научных работах последнего десятилетия находим исследование семантики глагольного перспектива, складывающейся на пересечении категорий времени и аспекта, в том числе в рамках сопоставительного анализа в русском и других языках (работы Н.Б. Кошкарёвой,

А.Я. Пеньковой, Е.В. Горбовой и др.). Отметим, что данная проблематика в ее соотносительности с проспективной семантикой глаголов с *пред-* не рассматривается в данной статье и составит перспективу дальнейшего описания данного типа аспектуально-темпорального значения.

Опуская подробный обзор работ по выбранной проблематике, назовем основные теоретические положения проводимого исследования:

– приставка является не только структурным, но и принципиально значимым для выражения пространственных и аспектуальных значений семантическим компонентом глагола, который обозначает преобразование, «качественную природу которой определяет основа» [9: 102];

– из-за своей предложно-наречной природы приставка представляет собой относительно автономный носитель информации о действии, который, взаимодействуя с глагольной основой, сам способен к семантическим трансформациям, что ведёт к префиксальной полисемии;

– для префиксов характерны семантические преобразования от пространственных к темпоральным, количественным и обстоятельственным значениям, при этом направления данных преобразований варьируются в разных языках.

Для анализа были отобраны соответствующие глаголы путём сплошной выборки из толковых и переводных словарей [4; 5; 12; 13; 14; 15].

Далее остановимся на исследуемых глаголах подробнее.

В древнегреческом языке основным средством выражения семантики проспективности является префикс *про-*, который употребляется и в других значениях:

- 1) перед, впереди (*προιπτεύω* «ехать верхом впереди»);
- 2) вперёд или наружу (*προεξίσταμαι* «выступить вперед (челюсть)», *προάγω* «выводить наружу»);
- 3) за, в защиту (*προψυρόεω* «выступить с защитительной речью, говорить в защиту»);
- 4) предпочтительно, больше (*προτιμάω* «ценить выше, предпочитать»);
- 5) перед, раньше, до (*προπολιτεύομαι* «ранее заниматься государственной деятельностью»);
- 6) заранее, наперёд (*προβειμαίνω* «заранее бояться»);
- 7) вблизи, употребляется с сущ. (*προπομπός ο ή* «сопровождающий, спутник»);
- 8) усиление (*προθυμέομαι* «стараться, прилагать усилия, добиваться») [4: 1369].

Как показал анализ собранных глаголов, данный префикс крайне продуктивен (словообразовательный тип с префиксом **про-** насчитывает более 350 единиц), полисемичен, характеризуется высокой степенью дистрибутивности. Приставка сочетается с глаголами разных лексико-семантических групп, конкретизируя характер протекания действия и модифицируя основное значение мотивирующего глагола.

Среди глаголов с **про-** следующие единицы:

– **глаголы движения субъекта** (προβαίνω «идти вперёд», προοίχομαι «уходить вперёд», προεξελαύνω «выезжать вперёд», προερέεσσω «плыть на вёслах вперёд»);

– **глаголы интеллектуальной и речевой деятельности** (προβουλεύω «заблаговременно обдумывать или решать, предусматривать», προϋπολαμβάνω «предполагать, заранее принимать», προδιασαφέω «предварительно объявлять, предуведомить», προδιδάσκω «раньше учить»);

– **глаголы физического воздействия на объект** (προαρπάζω «раньше похищать, уносить; предвосхищать»);

– **глаголы эмоционального состояния** (προταρβέω «бояться заранее, бояться за (кого-л.)», προαισθάνομαι «чувствовать заранее, предчувствовать, предвидеть»);

– **глаголы состояния** (προανθέω «прежде времени расцветать», προαποκάμνω «раньше времени уставать»);

– **глаголы социальных отношений** (προκρίνω «отдавать преимущество, предпочитать», προναυμαχέω «сражаться на море, защищая что-л.», προαλίσκομαι «быть заранее (предварительно) осуждённым»);

– **глаголы поглощения** (προαπολαύω «предвкушать», προαριστάω «предварительно завтракать»).

Проведенный семантический анализ древнегреческих глаголов с префиксом **про-**, их словарных дефиниций и контекстов употребления [4] позволил выявить несколько типов их содержательного наполнения (далее они расположены в порядке убывания единиц, составляющих каждый тип).

1. **Собственно проспективный тип** выражает действие, совершаемое заранее, наперёд предполагаемого события. Данный тип представлен многочисленными глаголами разных лексико-семантических групп: **προσημαίνω** «посылать знамения, предсказывать, предвещать» (οὐ προύλεγον, οὐ προεσήμεινον ἡμῖν οἱ θεοὶ φυλάξασθαι / разве не (пред)указывали, не предупреждали нас боги о том, чтобы быть бдительными?); **προαισθάνομαι** «чувствовать заранее, предчувствовать, предвидеть» (προαισθόμενος τὰ αὐτὰ ταῦτα βουλευομένους / предчувствуя, что они замышляют то же самое); **προποιέω** «раньше делать» (προποιῆσαι χρηστά ἔς τινα / раньше оказать кому-л. благодеяния);

προδανείζω «заранее давать займы, перен. заранее расходовать» (π. τῷ Ἀπόλλωνι τὴν χάριν / заранее дать ссуду Аполлону, т. е. заблаговременно заручиться благоволением Аполлона); **προκατασκευάζω** «заранее готовить, подготавливать»; **πρόοιδα** «заранее знать»; **προδεδιμαίνω** «заранее бояться»; **προεπιγινώσκω** «заранее узнавать» [4] и др.

2. **Ретроспективно-проспективный тип** глаголов как взгляд на событие в хронологической последовательности, выражающий действие, произошедшее в прошлом (ранее, прежде), результат которого имеется в настоящем. Данный тип представляет частный вариант проспективной семантики и так же, как предыдущий, представлен глаголами разных ЛСГ: **προοράω** «видеть раньше» (ἐάν μή τύχη προεωρακώς / если ему не случилось видеть (этого) раньше); **προπάσχω** «раньше терпеть» (καλὸν ὢν προπεπονθότας ἡμέας τιμωρέειν ἤδη γίνεται / справедливо, чтобы мы уже отплатили за те обиды, которые мы ранее претерпели (от эллинов)); **προϋφίσταμαι** «существовать ранее» (δυνατοῦ ἢ δύναμις προϋφίσταται / возможность предшествует возможному); **προεξαπατάω** «ранее обманывать»; **προτεύχω** «раньше делать»; **προϋπάρχω** «существовать раньше, предшествовать» [4] и др.

В приведенных единицах акцентируется актуальность результата прошедшего действия для момента речи.

3. **Пространственный тип** (иногда с оттенком проспективности или превосходства) выражен глаголами с общей функцией обозначения действия, совершаемого вперёд (вперед) или наружу или движения вперёд (вперед) или наружу. Это глаголы **προνεύω** «наклоняться, нагибаться вперёд» (προνεύω ἐπὶ στόμα / наклоняться лицом вперёд); **προτερέω** «уходить вперёд, быть впереди» (προτερεόντων τῶν σὺν Πausανίη / когда воины Павсания ушли вперёд); **προκατακαίω** «сжигать впереди себя» (οἱ προκατακαίοντες ἵππεῖς / конные разъезды, предающие всё огню); **προὔπεξορμάω** «выезжать вперёд»; **προακοντίζω** «метать вперёд копье»; **προνήχομαι** «плыть впереди»; **προαναγόμαι** «первым выходить в море» [4] и др.

4. **Тип глаголов с семантикой превосходства/преимущества** представлен глаголами, выражающими предпочтение, преимущество перед кем-нибудь (чем-нибудь) в каком-нибудь отношении: **προκρίνω** «отдавать преимущество, предпочитать» (π. τινὰ ἑαυτοῦ ἐν ταῖς ἀρχαῖς / отдавать кому-л. предпочтение перед собой при выборе на государственные посты); **προτερέω** «получать преимущество» (οὐδὲν προτερῆσαι / не получить никакой выгоды); **προτίθημι** «ставить выше, предпочитать» (πάρος τινός προθέσθαι τι / предпочесть что-л. чему-л.); **προτίω** «выше ставить, предпочитать»; **προκαταταχέω** «превзойти в скорости, опережать»; **προκατέχω** «превосходить» и др.

5. Тип глаголов со значением **действия, совершаемого в защиту кого-л., или в интересах кого-л.**, представлен несколькими глаголами: **προβουλεύω** «печся, заботиться о (чьих-л.) интересах» (π. τοῦ πλήθους / заботиться о народе); **προναυμαχέω** «сражаться на море, защищая что-л., вести морской оборонительный бой» (π. Πελοποννήσου / с моря оттаивать Пелопоннес); **προηγόρεω** «выступить с защитительной речью, говорить в защиту»; **προοράω** «предусматривать, заботиться, принимать меры (на будущее)»; **προμάχομαι** «сражаться в защиту»; **προασπίζω** «прикрывать (словно) щитом» [4].

Анализ глаголов показал, что в древнегреческом языке приставка **про-** активно функционировала в своём первичном пространственном значении «вперёд, впереди, наружу». Исследователи полагают, что первичные пространственные значения приставки приобрели очень рано – в праиндоевропейскую эпоху. Впоследствии в результате семантических преобразований, обусловленных взаимодействием приставки с производящей основой глагола, а также под влиянием внешнего контекста, у префиксов развиваются вторичные значения, как правило, более абстрактные, в случае с приставкой **про-** часто связанные с общей семой проспективности. Результат нахождения впереди или действия, направленного вперёд, вполне естественно начинал восприниматься как полученный в результате действия, осуществлённого заранее (заранее подготовить; видеть ранее), как превосходящий другие (предпочитать, ставить выше других), оценивающийся выше остальных, требующий заботы (сражаться за кого-то) и т. п. Как представляется, семантика префикса отражает общие законы развития вторичных значений языковых единиц: от пространственного к темпоральному, к количественно-оценочному и т. д. Понимание действия, происходящего во времени, оказывается связанным с представлением движения в пространстве: «...понятие движения является ключевым и даже обязательным для понимания категории времени», при этом «человек в такой интерпретации движется в будущее» [7: 14]. Тесная связь между пространственным и временным значениями отмечается и в понимании инвариантного значения русской приставки **пред-** – «указание на положение 'быть впереди в пространстве или времени' по отношению к точке отсчета, обозначенной производящей основой» [18: 231].

Таким образом, вторичные значения приставки **про-** можно охарактеризовать как **временные** (например, προαισθάνομαι «чувствовать заранее, предчувствовать»; προπολιτεύομαι «ранее заниматься государственной деятельностью») и **количественно-обстоятельственные** (например, προτέρω «получать преимущество», προκρίνω «делать выбор в пользу кого-л. предпочтительно перед всеми (остальными)»;

προϋορέω «выступать с защитительной речью, говорить в защиту»).

Временные значения приставки основаны на базовом пространственном значении «быть впереди» (а значит, в сфере видимости наблюдателя), которое трансформируется в значение «быть опережённым во времени» или значение «раньше чего-л.». По мнению Л.И. Горбуновой, «соотношение событий раньше/ позже интерпретируется как локализация на более близком/далеком расстоянии, т.е. один тип отношений экстраполируется на другой, две ситуации связываются с помощью метафоры. Происходит переосмысление типа отношений, которые выражаются в исследуемом материале префиксами, поэтому представляется возможным говорить о новом значении приставки» [3: 191–192].

Количественно-определяющие значения приставки демонстрируют количественное оценивание нахождения впереди как более значимого. Данная семантика префикса образуется посредством семантической трансформации несколько иного плана – «значения переднего плана в значение превышения степени признака (количественно-определяющего значения), превосходства кого-либо перед кем-либо» [8: 26].

Итак, анализ древнегреческих глаголов с префиксом **про-** позволил выявить несколько типов их значений (в том числе проспективного как наиболее продуктивного).

Обратимся к материалу старославянского языка с целью проследить особенности глаголов с префиксом **прьдъ-** с семантикой проспективности, воспринятых из древнегреческого языка по сложившейся приставочной модели с **про-**.

Анализ лексикографических источников старославянского языка [12; 14] показал наличие зафиксированных в них 33 единиц с **прьдъ-** (без учёта уже сложившихся видовых корреляций): *прьдъзьрѣти*, *прьдъити*, *прьдълагати*, *прьдъповѣствовати*, *прьдъповѣдати*, *прьдъочистити*, *прьдъводити*, *прьдъсъсти* и др. В силу особого статуса старославянского языка и сложности изучения его лексического состава точно определить количество глаголов с указанным префиксом не представляется возможным, однако словари церковнославянского языка предоставляют значительно большее количество единиц, калькированных с древнегреческих единиц с префиксом **про-** (в словарях они даны с указанием древнегреческого аналога) и созданных по модели с приставкой **прьдъ-** уже на славянской почве. Их численность – около 100 глаголов с данной приставкой: *предликовствовати* «ликовать перед каким-либо праздником»; *предвзыгратисѧ* «изъявить предварительно радость»; *преджрети* «предварительно принести в жертву» [5; 14] и др.

Развитая в славянских языках система префиксации обладала широким спектром значений приставок для выражения простран-

ственной семантики действия и моделями её трансформации в смежные, аспектуальные сферы. Это демонстрирует анализ глаголов с исследуемым префиксом, у которого, как и у генетически родственного предлога, можно выделить следующие значения:

1) указание на объект, к лицевой, передней стороне которого направлено действие;

2) указание на отрезок времени, раньше которого совершается действие [15];

3) превосходство одного объекта над другим как следствие нахождения на переднем плане [8].

Анализ старославянских глаголов с *прѣдь-* позволяет выделить следующие типы их семантики [13; 15].

1. **Пространственный тип** представлен единицами с семантикой нахождения впереди, движения вперёд. К нему относятся старославянские глаголы *прѣдѣлагати* «ставить, класть что-н. перед кем-н., предлагать»; *прѣдѣпосѣлати* «послать вперёд»; *прѣдѣпоставити* «поставить перед кем-н., привести, подать, предложить»; *прѣдѣзърѣти* «видеть пред собой» (*прѣдѣзърѣхъ господа прѣдь множ*) [13; 15].

2. **Проспективный тип** глаголов, обозначающих временное значение действия, совершаемого заранее, наперёд: *прѣдѣзнати* «знать заранее»; *прѣдѣповѣдати* «говорить заранее»; *прѣдѣповѣтствовати* «говорить заранее»; *прѣдѣпоказати* «заранее указать»; *прѣдѣочистити* «заранее очистить» (*...и доушж прѣдѣочищъшж доухомъ*) [13; 15].

3. **Тип глаголов со значением превосходства** одного объекта или субъекта над другим, результата одного действия над результатом другого, аналогичного. К данному типу относятся немногочисленные единицы: *прѣдѣводити* «направлять»; *прѣдѣсъсти* «занять первое место»; *прѣдѣварити* «опередить, обогнать» (*...текъ ингъмь пжтъмь прѣдѣвари цъсара*) [13; 15].

В сравнении с древнегреческим языком глаголы с *прѣдь-* характеризуются меньшим разнообразием лексико-семантических групп с преобладанием глаголов **ментальной** и **речевой** деятельности (для приставки с временной и количественно-определяющей семантикой), что в целом характерно для глаголов старославянского языка, и глаголами **движения, перемещения, помещения объекта** (для приставки с пространственным значением): *прѣдѣвъзвъѣшати* «проповедовать, возвещать», *прѣдѣположити* «предложить», *прѣдѣзнаменати* «отметить, предзнаменовать», *прѣдѣповѣдати* «говорить заранее»; *прѣдѣповѣтствовати* «говорить заранее», *прѣдѣпоказати* – «заранее указать», *прѣдѣити 2* «превзойти»; а также *прѣдѣвариати* «предшествовать, опережать, обгонять», *прѣдѣити 1* «идти перед кем-н.; идти впереди; предшествовать», *прѣдѣлагати 1* «ставить, класть что-н.

перед кем-н., предлагать», *πρῆδῶλεجاتи* 1 «лежать, находиться перед кем-н., чем-н., предлежать», *πρῆδῶстати* 1 «встать перед кем-н., чем-н., подойти», *πρῆδῶстоіати* 1 «стоять перед кем-н., чем-н., присутствовать, предстоять; стоять во главе, быть настоятелем [5; 13; 15].

В результате сопоставления глаголов древнегреческого и старославянского языков с исследуемыми префиксами можно говорить о связи единиц с *πρῆδῶ-* с их аналогами в древнегреческом языке, о тенденции наращивания *пред-* глаголов в церковнославянском языке, а также о том, что в старославянский язык из древнегреческого были заимствованы не все значения, реализуемые приставкой *про-*. Так, ретроспективно-проспективное значение и значение действия, совершаемого в защиту кого-либо, отсутствуют у старославянских глаголов с *πρῆδῶ-*, а затем и русских единиц.

Семантика старославянской приставки *πρῆδῶ-*, функционировавшей в трех значениях, обнаруживает те же направления семантического преобразования исконного пространственного значения, что и её аналог – приставка *про-* в древнегреческом языке. Следует отметить, что значения приставки, организованные в определённую систему, взаимодействуют друг с другом, «перетекают» одно в другое, порождая диффузность префиксальной семантики. В результате возникает содержательная вариативность в рамках одного глагола. Так, в словаре у глагола *προοράω* отмечены значения: 1) «видеть раньше» (ретроспективное); 2) «видеть впереди, замечать перед собой» (пространственное); 3) «предвидеть, знать заранее» (проспективное); 4) «заботиться, принимать меры» (значение защиты) [4]. Подобную картину можем наблюдать у старославянского глагола *πρῆδῶложити* со значениями 1) «поставить, положить что-н. перед кем-н., предложить, дать» (пространственное); 2) «поставить на первое место, отдать предпочтение» (значение превосходства); 3) «предназначить, предопределить (т. е. определить что-то заранее)» (проспективное) [15]. Русский глагол *предстоять* также сочетает два значения: «стоять, находиться перед кем-л., чем-л.» (пространственное) и «ожидаться в будущем» (проспективное) [12], хотя из-за преобладания в современном русском языке глаголов с данной приставкой именно в проспективном значении подобная вариативность для них характерна меньше.

Проведённое исследование демонстрирует значимость проспективного типа семантики для сопоставляемых языков, особенно это проявляется в отношении старославянского языка, в котором указанное значение трансформируется в представление о жизни здесь и Там. Например, Т.И. Вендина отмечает, что для средневекового человека характерно отсутствие опоры на себя и постоянное возвращение к

Богу, который «не только нравственно-этический идеал, но и защитник и хранитель, помощник и заступник, наставник и спаситель, попечитель и судья, утешитель и целитель его скорбящей души» [1: 315]. Именно поэтому желание заглянуть в будущее, наперёд узнать, что в нём ожидает (**заранее** знать, ликовать, говорить, направлять и т. п.), при общем понимании предначертанности жизни делает актуальным для представителя старославянской культуры данный тип значения.

На следующем этапе исследования рассмотрены глаголы с приставкой **пред-** в современном русском языке. В нём насчитывается около 100 глаголов с рассматриваемым префиксом (с учётом видовой корреляции).

Анализ показал, что данные единицы относятся преимущественно к глаголам:

- **интеллектуальной**, а также **перцептивной деятельности** (*предвидеть, предусмотреть, предошущать* и др.);
- **речевой деятельности** (*предвозвещать, предуведомлять* и др.);
- **социального взаимодействия** (*предохранять, предназначать / предопределять* и др.).

Реже выделяются глаголы **созидательной деятельности** (*предписать, предзаказать*).

Анализ значений префикса в рассматриваемых глаголах показывает, что только в некоторых глаголах, часто фиксирующихся в словарях как устаревшие (с пометой *устар.*), префикс выступает в пространственном значении: *предшествовать* «идти впереди кого-л., перед кем-л.», *предлежать* «простирается, быть расположенным где-л., находиться перед кем-, чем-л.», *предстоять* «стоять, находиться перед кем-, чем-л.» [12]. Следует отметить и глаголы *предлагать, предъявить*, выделение приставки в которых на современном этапе затруднено, а значение движения вперёд практически переосмыслено и стерто. В современном языке глаголы с **пред-** в пространственном значении не образуются (**предстелить, *предразложить, *предсидеть* и т. п.), семантика нахождения впереди передается аналитически – через наречия, предлоги, предложно-именные конструкции (*встать перед столом, двигаться впереди* и т. п.). То есть из трех значений приставки, воспринятых ее от старославянского предшественника – **прьдѣ-** (пространственное, проспективное, значение превосходства), в русском языке префикс реализует преимущественно **собственно проспективное значение** «заранее, наперёд, заблаговременно совершить (или совершать) действие, названное мотивирующим глаголом» [11: 368].

Количественный перевес *пред-*единиц с проспективной семантикой по сравнению с пространственной в русском языке можно объяснить тем, что носителями языка маркируется именно тот тип

действия, который важно обозначить [16: 91]. В современном русском языке префикс *пред-* является маркером семантики проспективности, которая активно представлена в текстах церковно-богословской, учебно-научной, художественной сфер с тематикой «религия», «философия» [16: 16].

Частные типы проспективности, выражающиеся глаголами с *пред-*, оказавшиеся актуальными для носителей русского языка, можно охарактеризовать следующим образом.

1. «Религиозный» тип предполагает знание того, что не дано другим, что может дать только Вера (*предвозвещать, предрекать*): *Откровение святого Иоанна Богослова совершенно определенно предвозвещает всеобщее добровольное рабство по этой причине...*

2. «Обыденный» тип отражает желание знать заранее, гадать о чем-то и угадать, как правило, с оттенком случайности полученного результата (*предвидеть, предугадать*): *Вы уже, наверное, поняли, что у нас в каждом номере крупные отечественные специалисты пытаются предсказать, что произойдёт в любимых населением сериалах.*

3. «Научный» тип выражает объективное знание того, что не дано другим, предстаёт целеположенной необходимостью планирования результатов деятельности (*предназначить, предписать, предсказать*): *Рассмотренные процедуры **предназначены** для решения задач безусловной оптимизации и составляют инвариантную часть алгоритмической базы оптимального выбора [16: 167–168].*

Проведённое ретроспективное исследование глаголов с префиксами *про-*, *прьдъ-*, *пред-* даёт возможность сделать следующие выводы.

Существует «генетическая» содержательная связь приставки *прьдъ-* в старославянском языке с её аналогом *про-* в древнегреческом языке, несмотря на потерю старославянской приставкой ряда смыслов, существовавших у древнегреческой приставки. Отмечается явная тенденция сокращения глаголов с *прьдъ-* в старославянском языке по сравнению с древнегреческим, «проспективная» префиксальная модель ведёт к явному наращиванию *пред-*глаголов в церковнославянском языке.

В современном русском языке констатируется потеря пространственного значения приставки *пред-* и рост числа глаголов в проспективном значении.

Для рассмотренных славянских языков характерна семантическая трансформация пространственного значения глагольного префикса, прежде всего в проспективное, значимое и для старославянского, и для русского языков.

В русском языке отмечается расширение сферы функционирования глаголов с приставкой *пред-*, глаголы с ней реализуются не только в текстах церковно-богословской практики, но и в научно-образователь-

ных, художественных и др., для которых важен проспективный ракурс передаваемых действий, осмысляемых как выполненные заранее.

Таким образом, заимствование в древнерусский язык рассматриваемой приставки (и всей префиксальной модели), семантическая близость древнегреческой *προ-*, старославянской *прѣдъ-* и русской *пред-*, преобразования значений приставки и, как следствие, префиксальных глаголов отражают области пересечения и расхождения сопоставляемых языков при обозначении значимых фрагментов реальной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индик, 2002. 336 с.
2. Вострова Ю.А., Филь Ю.В. Впереди или заранее? О русских и чешских глаголах с приставкой *пред-* / *řřed-* // Русин. 2019. № 56. С. 179–197. DOI: 10.17223/18572685/56/11
3. Горбунова Л.И. Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры единиц атрибутивно-локативной языковой модели: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Томск, 2011. 391 с.
4. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / сост. И.Х. Дворецкий ; под ред. С.И. Соболевского. Москва : ГИС, 1958. Т. 1–2. 1904 с.
5. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. Москва: Типография Вильде, 1899. 1159 с.
6. Зализняк А.А., Шмелёв А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 221 с. (Studia philologica)
7. Катунин Д.А. К вопросу об определении направления движения времени в русской языковой картине мира // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 11–17.
8. Мальцева Р.И. Предлоги и приставки в русском языке XI–XVII вв.: Семантическая и функциональная революция: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1999. 36 с.
9. Плунгян В.А. Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5, № 1. С. 95–124.
10. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
11. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 3. 752 с.

13. Словарь старославянского языка: в 4 т. / ред. Р.А. Алексеев, А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. Т. 3. 680 с.
14. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. / под ред. П. Фусь. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847. Т. 3. 593 с.
15. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
16. Сухорукова Ю.А. Функционально-семантический статус глагольного префикса в современном русском языке (на примере глаголов с префиксом *пред-*): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2021. 258 с.
17. Сухорукова Ю.А., Филь Ю.В. Семантика проспективности в русском и других славянских языках (на материале глаголов с приставкой *пред-*) // Русин. 2020. № 62. С. 176–193. DOI: 10.17223/18572685/62/10
18. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Рус. яз., 2001. 288 с.

REFERENCES

1. Vendina, T.I. (2002) *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyka* [The Medieval human in the mirror of the Old Slavic language]. Moscow: Indrik.
2. Vostrova, Yu.A. & Fil, Yu.V. (2019) Ahead or before? About Russian and Czech verbs with the prefix *pred-* / *před*. *Rusin*. 56. pp. 179–197 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/11
3. Gorbunova, L.I. (2011) *Kognitivnyy obraz situatsii kak osnova semanticheskoy struktury edinits atributivno-lokativnoy yazykovoy modeli* [The cognitive image of the situation as the basis of the semantic structure of the units of the attributive-locative language model]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
4. Dvoretzkiy, I.Kh. (1958) *Drevnegrechesko-russkiy slovar'* [Ancient Greek – Russian Dictionary]. Moscow: GIS.
5. Dyachenko, G. (1899) *Polnyy tserkovnoslavjanskiy slovar'* [Complete Dictionary of the Church Slavonic Language]. Moscow: Tipografiya Vil'de.
6. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2000) *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
7. Katunin, D.A. (2007) K voprosu ob opredelenii napravleniya dvizheniya vremeni v russkoj yazykovoj kartine mira [On determining the direction of time movement in the Russian language picture of the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1. pp. 11–17.
8. Maltseva, R.I. (1999) *Predlogi i pristavki v russkom yazyke XI–XVII vv.: Semanticheskaya i funktsional'naya revolyutsiya* [Prepositions and prefixes in the Russian language at the 11th – 17th centuries: The semantic and functional revolution]. Abstract of Philology Dr. Diss. Krasnodar.

9. Plungyan, V.A. (2001) *Pristavka pod- v russkom yazyke: k opisaniyu semanticheskoy seti* [The prefix sub- in Russian: To the description of the semantic network]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 5(1). pp. 95–124.

10. Rakhilina, E.V. & Reznikova, T.I. (2013) *Freymovyy podkhod k leksicheskoy tipologii* [The frame approach to the lexical typology]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2. pp. 3–31.

11. Shvedova, N.Yu. (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

12. Evgenieva, A.P. (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.

13. Alekseev, A.A. (2006) *Slovar' staroslav'yanskogo yazyka* [Dictionary of the Old Slavonic Language]. Vol. 3. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

14. Fus, P. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka* [Dictionary of the Church Slavonic and Russian]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

15. Tseytlin, R.M., Vecherka, R. & Blagova, E. (eds) (1999) *Staroslav'yanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [The Old Slavic dictionary (based on the manuscripts of 10th – 11th century)]. Moscow: Russkiy yazyk.

16. Sukhorukova, Yu.A. (2021) *Funktsional'no-semanticheskiy status glagol'nogo prefiksa v sovremennom russkom yazyke (na primere glagolov s prefiksom pred-)* [Functional and semantic status of the verb prefix in modern Russian (based on the verbs with the prefix pred-)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

17. Sukhorukova, Yu.A. & Fil, Yu.V. (2020) *Prospective Semantics in Russian and Other Slavic Languages (Based on the Verbs with Prefix Pred-)*. *Rusin*. 62. pp. 176–193 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/62/10

18. Shelyakin, M.A. (2001) *Funktsional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional Grammar of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

Серышева Юлия Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета (Россия).

Yulia V. Serysheva – Tomsk Polytechnic University (Russia).

E-mail: yulya-serysheva@mail.ru

Сухорукова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и специальных дисциплин института международных связей Томского государственного архитектурно-строительного университета (Россия).

Yulia A. Sukhorukova – Tomsk State University of Architecture and Building (Russia).

E-mail: vostrovayuliya@gmail.com

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Yulia V. Fil – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/10

Контакты языков в языковом и метаязыковом сознании билингов (славянско-тюркское языковое взаимодействие)*

З.И. Резанова

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Авторское резюме

Анализируется соотношение метаязыкового и языкового сознания в речевых практиках, а также в экспериментально созданных ситуациях актуализации процессов когнитивной обработки слов неродного языка. Данные процессы рассматриваются как своеобразное отражение, с одной стороны, ситуации контактирования типологически разных языков (флективного русского и агглютинативных – шорского, татарского, хакасского), принадлежащих разным языковым семьям (славянской группе индоевропейской семьи языков vs тюркской группе алтайской семьи), с другой – ситуации билингвизма неравновесного типа с доминированием второго, приобретенного языка, – русского. Проявления языкового и метаязыкового сознания рассматриваются на примере грамматической категории рода. Эта категория отсутствует в материнских языках билингов и представлена в русском языке в трёхчленной оппозиции частных грамматических значений мужского, женского и среднего рода. Так как элементы сознания скрыты от непосредственного наблюдения, обсуждаются вопросы о методах, с помощью которых они могут быть реконструированы (полевые, корпусные, экспериментальные), и эмпирической базе теоретических рефлексий, полученных в результате их применения. Источниками анализа являются ресурсы, созданные в лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета: 1) морфологически размеченный бимодальный корпус (RuTuBic)

---

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

объёмом 2 611 472 словоупотребления; подкорпус, размеченный по ошибкам, – 195 547 словоупотреблений; 2) социолингвистическая база данных, объединяющая ответы 243 респондентов; 3) фрагмент базы данных экспериментальных исследований (2 356 реакций на стимулы 44 респондентов, носителей русского языка как родного, и 616 реакций 11 респондентов, носителей тюркско-русского билингвизма). Социолингвистическая база данных и размеченный по отклонениям от речевого стандарта корпус является источником данных о показаниях языкового сознания билингва. Материалы основного корпуса позволяют выявлять «зоны напряжения» в языковом сознании билингва, своеобразии когнитивной обработки языка в процессах порождения речи. Данные поведенческих экспериментов используются для анализа своеобразия когнитивной обработки рода в процессах восприятия языковых единиц. Объединение корпусных и экспериментальных методов исследования позволяет выявлять скрытые от непосредственного наблюдения процессы когнитивной обработки грамматических категорий в языковом сознании. Результаты анализа согласуются с полученными ранее на материале других типов языков ситуаций, в том числе билингвальных, выводами о том, что грамматика в наименьшей степени рефлексируется носителями языка. Стимулирующим моментом для введения в зону метаязыковых рефлексий грамматических явлений может быть лакунарность категорий в одном из контактирующих в языковом сознании билингва языков.

Ключевые слова: русский язык, тюркско-русский билингвизм, грамматический род, языковое сознание, метаязыковое сознание, язык семейного наследия

Language contacts in the linguistic and metalinguistic consciousness of bilinguals (Slavic-Turkic language interaction)*

Zoya I. Rezanova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: rezanovazi@mail.ru

Abstract

The article analyzes the relationship between metalinguistic and linguistic consciousness in speech practices and in the experimental situations when cognitive

* This study is supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority 2030).

processing of non-native language words is activated. These processes are viewed as reflecting, on the one hand, a contact between typologically different languages (inflectional Russian and agglutinative – Shor, Tatar, Khakass) belonging to different language families (Slavic group of the Indo-European family vs Turkic group of the Altai family), while on the other – a situation of bilingualism with the dominance of the second, acquired language – Russian. The manifestations of linguistic (LC) and metalinguistic (MLC) consciousness are analyzed on the grammatical category of gender. This category does not exist in the mother languages of bilinguals and is represented in Russian in a three-term opposition of particular grammatical meanings (masculine, feminine and neuter). Since the elements of consciousness are hidden from direct observation, the article discusses the methods by which they can be reconstructed (field, corpus, experimental), and the empirical basis of theoretical reflections obtained as a result of their application. The analysis draws on the resources created in the Laboratory of Linguistic Anthropology of Tomsk State University: 1) morphologically marked bimodal corpus (RuTuBic), of 2,611,472 word usages; subcorpus marked by errors – 195,547 word usages); 2) a sociolinguistic database that combines the answers of 243 respondents; 3) a fragment of a database of experimental studies (2,356 reactions to stimuli by 44 respondents, native speakers of Russian, and 616 reactions of 11 respondents – Turkic-Russian bilinguals). The sociolinguistic database and the corpus, tagged according to deviations from the speech standard, serve as a source of data on the linguistic consciousness of a bilingual. The materials of the main corpus make it possible to identify “zones of tension” in the linguistic consciousness of a bilingual, as well as the peculiarity of cognitive language processing in the processes of speech generation. The data of behavioral experiments are used to analyze the specificity of cognitive processing of gender in the process of language unit perception. The combination of corpus and experimental methods reveals the processes of cognitive processing of grammatical categories hidden from direct observation in the linguistic consciousness. The results of the analysis are consistent with the conclusions obtained earlier on the material of other types of linguistic situations, including bilingual ones, showing that grammar is the aspect least reflected upon by native speakers. The lacunarity of categories in one of the contacting languages in the linguistic consciousness of a bilingual may result in introducing grammatical phenomena into the metalinguistic reflections.

Keywords: Russian language, Turkic-Russian bilingualism, grammatical gender, linguistic consciousness, metalinguistic consciousness, heritage language

Постановка проблемы

В современных концепциях языкового контактирования отмечается, что контакты языков воплощаются в речевых практиках билингов, что вполне соотносимо с гумбольдтианской антиномией языка-про-

дукта и языка-деятельности. Прежде чем какой-либо элемент или факт появляется в языке как устоявшейся системе инвариантов, он должен возникнуть в речи, затем войти в узус и через узус закрепиться в языковой системе.

В статье анализируется речевой, деятельностный аспект языкового контактирования, реализуемый в речевых практиках билингов, обеспечиваемых на когнитивном уровне взаимодействием ментальных репрезентаций двух или более языков би-, полилинга. В сфере нашего внимания находятся актуальные речевые и когнитивные процессы билингов, реализуемые в условиях языкового контактирования.

Основная задача проведённого исследования – представление ситуации контактирования языков сквозь призму языкового (ЯС) и метаязыкового сознания (МЯС) билингов, последнее при этом интерпретируется нами как часть первого. Как отмечает С.Е. Никитина, данные феномены являются главными характеристиками языковой личности [12]. Оба феномена интерпретируются нами с точки зрения, берущей начало в российской (советской) психолингвистической школе, в классических работах А.А. Леонтьева, А.Р. Лурия, Л.С. Выготского. В этой традиции языковое сознание определяется как механизм, регулирующий речевую деятельность, автоматизированные действия говорящего при порождении и восприятии речи. А.А. Залевская, ссылаясь на работы А.А. Леонтьева, выделяет в ЯС «актуальное осознание, сознательный контроль, бессознательный контроль и неосознаваемое, между которыми постоянно реализуются взаимодействия» и метафорически сравнивает МЯС с «пиком огромного айсберга», который «опирается на массивную платформу того, что за пределами актуализируемого обеспечивает его осмысление» [6: 30–31]. Согласно А.Н. Ростовской, метаязыковое сознание «находит выражение в рефлексии говорящего по поводу языковой организации, в суждениях индивида о языке, о собственных речевых тактиках и т. д.» [19: 53].

Мы полагаем, что сосуществование двух систем в языковом сознании билинга может обуславливать специфические функциональные особенности всех уровней языкового сознания, в том числе и метаязыкового. Эти особенности могут быть выявлены с использованием комбинации методов и привлечением на принципах дополнительности специфического языкового материала.

Поставленная в работе задача решается на конкретном материале, характеризующемся своеобразными чертами языковой ситуации, в пределах которой осуществляется языковое взаимодействие, типологическими характеристиками контактирующих языков.

В объектной сфере нашего исследования находятся языковые ситуации в трёх смежных регионах юга Западной Сибири, в которых реа-

лизуется разные варианты функциональной несбалансированности, доминирования русского по отношению к языкам, являющимся для билингов материнскими. Вторая существенная особенность объекта нашего исследования – принадлежность языков, контактирующих в ЯС (когнитивной системе) билингов, к типологически разным языковым системам: русский язык, как типичный представитель славянской группы, отличается ярко выраженной флективностью и синтетизмом грамматической структуры. Материнские языки билингов принадлежат к тюркской группе, воплощая черты систем агглютинативного типа. Отметим также, что системы языков характеризуются различным набором грамматических категорий, оппозиций частных грамматических значений в их пределах, а также лексико-грамматических разрядов, характером их функционального взаимодействия.

Методы, материал и его источники

Для решения поставленной в работе задачи мы привлекаем данные, полученные на основе применения полевых, корпусных, экспериментальных методов, в результате использования которых сформированы ресурсные базы исследования.

Источниками нашего анализа являются ресурсы, созданные в лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета:

1) морфологически размеченный бимодальный корпус русской устной речи билингов (RuTuBic) [2], у которых в подавляющем числе случаев материнским языком является шорский, татарский или хакасский, а русский – вторым, усваиваемым. В настоящее время корпус включает 498 часов записей устной речи, чему соответствует 2 611 472 словоупотребления, подкорпус, подкорпус, размеченный по ошибкам, отклонениям, включает записи объёмом 40 часов, 195 547 словоупотреблений;

2) социолингвистическая база данных, объединяющая ответы 243 респондентов, относимых к исследуемым вариантам билингвизма (104 – татарско-русского, 75 – хакасско-русского и 34 – шорско-русского), на вопросы социолингвистической анкеты О.А. Казакевич [7], включающей вопросы, касающиеся социальных аспектов владения языками, и анкеты языкового опыта билингов, созданная в лаборатории лингвистической антропологии на основе опросника, разработанного V. Marian, H.K. Blumenfeld, M. Kaushanskaya [1];

3) база данных психолингвистических экспериментов, включающая реакции респондентов, носителей русского языка как родного и носителей тюркско-русского билингвизма трёх исследуемых групп,

на предъявляемые стимулы – слова русского языка (2 356 реакций на стимулы 44 респондентов, носителей русского языка как родного, и 616 реакций 11 респондентов, носителей тюркско-русского билингвизма).

Охарактеризуем приведённые источники в аспекте того, как они используются для поставленной в работе задачи.

Материалы корпуса включают развёрнутые ответы наших респондентов на вопросы анкет, а также материалы свободных бесед по заранее не определённом кругу вопросов, которые, конечно же, фокусировались вокруг тем национальных языков, культур, жизненных ситуаций респондентов, вписанных в контекст жизни страны, начиная с 1930-х гг. по настоящее время. В этих беседах также спонтанно возникали рассуждения респондентов о языке, стимулированные интересом интервьюеров к этим аспектам жизни этноса.

Подчеркнём, что в рассматриваемом аспекте ценность материалов корпуса определяется и тем, что они дают необычайно важные свидетельства размышлений наших респондентов о судьбах своих языков, их структурных особенностях и соотношениях с особенностями языкового окружения. В фокусе нашего анализа находится вопрос: что попадает в сферу метаязыкового сознания человека, живущего в билингвальной среде в условиях контактирования типологически разных языков?

Данные размеченного по ошибкам фрагмента корпуса позволяют проследить в поверхностной структуре спонтанной речи внешние проявления проблемных зон когнитивной обработки единиц осваиваемого языка под влиянием особенностей родного языка, проявляющегося в типовых отклонениях от норм современного русского языка. Объём корпуса позволяет применять в анализе методы не только качественного, но и количественного, в том числе статистического анализа.

Таким образом, корпусные данные используются для выявления проблемных зон когнитивной обработки языковых единиц, глубинных, непосредственно ненаблюдаемых, специфических для билингвов, а также их активации в МЯС.

Как было отмечено, социолингвистическая база данных создавалась на основе использования метода анкетирования. Вопросы анкеты были направлены на сбор данных, являющихся результатом объективации МЯС. Вследствие этого данные корпуса и социолингвистической базы данных используются в исследовании метаязыкового сознания билингвов комплементарно.

Необходимо отметить значимое для решения поставленной задачи различие в использовании данных анкетирования и поведенческих

экспериментальных методов. Методы поведенческих экспериментов направлены на выявление скрытых процессов когнитивной обработки единиц языка, проявляющихся в особенностях внешних реакций респондентов. В наших исследованиях применялись методы с измерением времени реакции при формулировании заданий на лексическое решение, а также показателей движения глаз при чтении. Определение разницы в когнитивной обработке данных, противопоставленных по исследуемым параметрам, достигается тщательным отбором стимульного материала, противопоставлением исследуемых параметров и контролем других характеристик языковых единиц. На основании полученных данных о времени реакции, правильных и неправильных ответов, движений глаз в процессе чтения исследователь делает заключение о специфике когнитивной обработки языковых единиц под влиянием исследуемых параметров слова [4; 11; 17].

Таким образом, результаты поведенческих экспериментальных исследований противопоставлены, с одной стороны, данным анкетирования как направленные на актуализацию (изучение) процессов, происходящих на скрытых от непосредственного наблюдения уровнях сознания. С другой стороны, они противопоставлены данным корпусного исследования, так как в поведенческих экспериментах моделируются процессы когнитивной обработки в процессах восприятия речи, а по корпусным данным – в процессах её порождения.

В статье мы представляем результаты анализа соотношения ЯС и МЯС на основе заявленного подхода в зоне когнитивной обработки грамматического рода в процессах порождения и восприятия речи. Мотивация выбора этого материала для анализа обусловлена следующим.

Характер выражения гендерных оппозиций в контактирующих языках, в типичном представителе славянских языков – русском – и в языках тюркской группы существенно отличается. Как известно, в русском языке род – это грамматическая категория с трёхчленной оппозицией мужского (немаркированного), женского и среднего рода. При этом внутрисловная маркированность характеризуется как непоследовательная, что компенсируется наличием согласовательных форм прилагательных и некоторых форм глагола. При этом существенно важно отметить, что отнесенность к одному из частных родовых значений к роду не имеет последовательной семантической мотивированности. Выбор грамматической формы существительного в русском языке, во-первых, допускает опору как на семантические, так и формально-грамматические стратегии, во-вторых, часто это вопрос скорее нормы, нежели системы.

В тюркских языках, как известно, нет грамматической категории рода, т. е. системы обязательного маркирования в форме именных

частей речи различий по данному категориальному значению. При отсутствии грамматического выражения гендерных различий возможно лексическое маркирование пола живых существ [8: 6].

Эти данные явились основанием предположения о том, что в речи билингов категоризация по роду будет связана с появлением ошибок, нарушением ОРС по данному параметру. Мы также предположили возможность опоры при категоризации по роду тюркско-русскими билингвами скорее на семантические стратегии, нежели формально-структурные. Как представляется, это предположение в определённой мере соотносимо с наблюдениями над ОРС в речи херитажных русских говорящих (эмигрантов), которые «апеллируют к максимально общей модели для построения новых конструкций, игнорируют тонкие грамматические правила» [5: 17].

Результаты и обсуждение

Анализ данных размеченного по ошибкам подкорпуса RuTuBiC, во-первых, подтвердил гипотезу о влиянии грамматических структур взаимодействующих языков на интенсивность появления ошибок в сфере грамматики при использовании второго языка: ошибки в использовании грамматического рода преобладают по сравнению с другими отклонениями от речевого стандарта в сфере именной грамматики (например, соотношение с ошибками в сфере использования форм числа соотношение 5: 1) [17: 172] во всех синтаксических позициях.

Во-вторых, функциональные различия частных грамматических значений мужского, женского и среднего рода в русском языке нашли отражение в системе ОРС: «...немаркированный член оппозиций мужской род функционально оказался доминирующим во всех синтаксических позициях, за исключением выражения отношений координации связочного глагола в составных сказуемых, где наблюдалось доминирование форм среднего рода прошедшего времени (16 из 18 случаев ОРС): *Да, колхоз «Чепай» там было* (был) (О.Е., н., 3)»¹ [17: 174, 178]: *...хочу поехать посмотреть, говорят, очень богатый страна* (богатая страна) (Ф.Н., с., 2); *...а в основном я от... отнесу в белый мечеть, в белый мечеть* (в белую мечеть / в белой мечети) *мне лучше нравится* (Ф.Н., с., 2) [10: 186] (см. также [9; 15]).

При том, что доминирование семантической стратегии при выборе грамматической формы числа было достаточно последовательно проявлено в контекстах типа: *Я говорю, всё равно, нет-нет, но всё равно, я говорю, пыль же летят* (летит) (Н.Н., н., 3); *Кстати, там очень много русских были (было), и они все шорский знали, я удивлялась* (З.И., с., 2),

данные размеченного фрагмента корпуса оказались недостаточными для выявления того, какая стратегия в выборе формы рода – семантическая или структурно-формальная – доминирует.

Для выявления действия формально-структурной или функционально-семантической стратегий когнитивной обработки форм рода билингвами был построен поведенческий эксперимент с измерением времени реакции, дизайн которого, подробно описанный в [11], был направлен на выявление этого аспекта ЯС. Предъявляемые респондентам стимулы в задаче лексического решения были противопоставлены, во-первых, по формально-структурному основанию: частным грамматическим значениям, маркированности/немаркированности категориального противопоставления, во-вторых, по функционально-семантическому: по наличию стереотипной связи с женской и мужской сферой деятельности. Кроме того, в дизайн был введён визуальный прайм – изображения мужского и женского лица, что, по нашему предположению, могло актуализировать семантические стратегии когнитивной обработки. Как отмечалось, респонденты выполняли задание на лексическое решение: должны были определить, слово или не слово появляется на экране, и отреагировать на задание нажатием определённой кнопки на клавиатуре (предъявлялись слова, противопоставленные по охарактеризованным выше параметрам, и специально сконструированные сочетания букв, похожие на слова, но не являющиеся ими). К выполнению задания были привлечены две группы респондентов: носители русского языка как родного и тюркско-русские билингвы. Показателем различий в когнитивной обработке противопоставленных по формальным и семантическим основаниям слов было время реакции, измеряемое в миллисекундах.

В результате проведения эксперимента была выявлена противопоставленность стратегий когнитивной обработки носителями русского языка как родного и тюркско-русскими билингвами. Респонденты, носители русского языка как родного, опирались в обработке рода на формально-грамматические аспекты рода (слова мужского рода обрабатывались носителями русского языка как родного быстрее, нежели слова женского или среднего рода) и проявили определённую индифферентность к семантическим факторам: влиянию прайма и культурных гендерных стереотипов.

Приведем графики данных, опубликованные ранее в [11]. На рис. 1, 2 визуализированы результаты статистического анализа, представлены данные о различии скорости реакции при решении поставленной задачи. На рисунках на оси у представлены данные о времени реакции при решении задания в миллисекундах, на оси x – противопоставленные по роду классы слов. Статистическая значимость оппозиций

при $> 0,05$. Как можно видеть на рис. 1, 2, влияние признака «маркированность» на скорость решения задачи носителями русского языка как родного достигает уровня статистической значимости, но не проявляет такой силы при обработке слов билингвами.

И напротив, как можно видеть на рис. 3, в процессах когнитивной обработки тех же стимулов тюркско-русскими билингвами проявился праймирующий эффект гендерно противопоставленных изображений, а также стереотипы, что свидетельствует о доминировании семантической стратегии. При категоризации слов мужского рода, относимых по оценкам респондентов к женской сфере использования, значимым является наличие праймирования: женское изображение замедляет категоризацию, мужское – ускоряет.

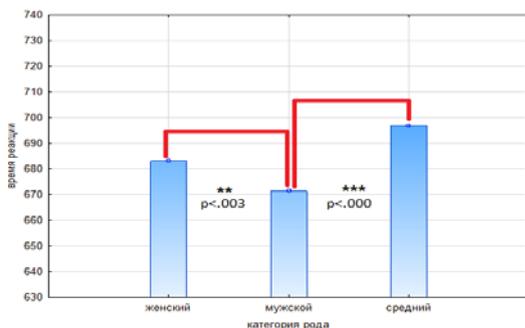

Рис. 1. Время реакции на стимулы, различающиеся по маркированности частных родовых значений в группе носителей русского языка как родного

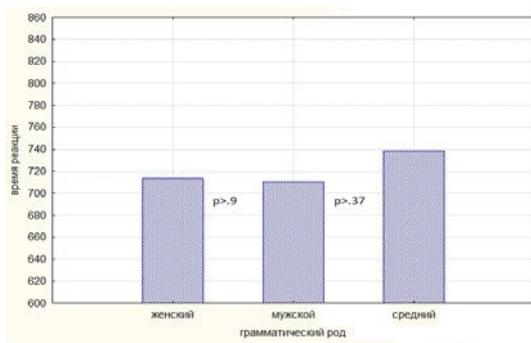

Рис. 2. Время реакции на стимулы, различающиеся по маркированности частных родовых значений в группе тюркско-русских билингвов

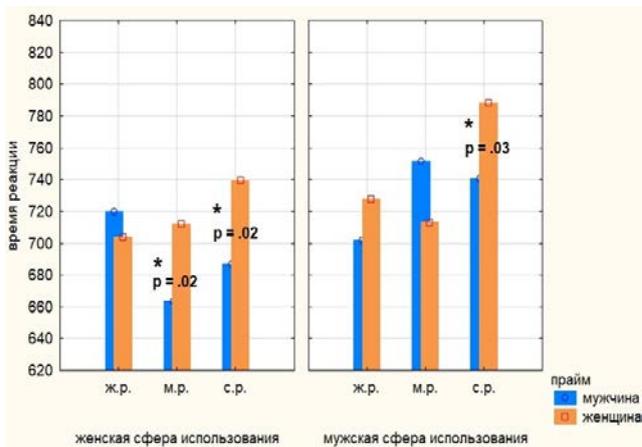

Рис. 3. Соотношение влияния формально-грамматических, семантико-функциональных (социальных) факторов при обработке стимулов, различающихся частными родовыми значениями, в группе тюркско-русских билингвов

Таким образом, мы видим, что текстовые и экспериментальные данные могут использоваться как взаимодополняющие для выявления скрытых от непосредственного наблюдения процессов, протекающих в ЯС билингва при обработке грамматических категорий, отсутствующих в структурах материнских языков.

Соотнесем эти данные с анализом рассуждений респондентов о языках, представленных в материалах корпуса RuTuViC, в данном случае для определения того, попадает ли в сферу метаязыковых рефлексий билингвов грамматическая категория рода. При решении этой задачи мы обращаемся к данным основного корпуса, в текстах которого содержатся ответы респондентов на вопросы анкет, а также записи бесед с интервьюерами на свободные темы.

Приведём данные анализа записей наших бесед с носителями шорско-русского билингвизма.

Респонденты наиболее часто обращаются к обсуждению вопросов своеобразия родного языка, его вариативности, соотношения шорского языка с близкородственными, осознавая его включение в тюркское языковое единство. При этом наиболее частотны общие рассуждения о статусе языков, их функционировании, сходствах, различиях. Гораздо реже наши респонденты обращались к обсуждению конкретных языковых явлений, среди которых явно доминировали обсуждения лексических и фонетических особенностей. Отметим, что первое вполне согласуется с наблюдениями, полученными на

материале разных форм языка (диалектной [3; 18] и литературной), разных дискурсивных и жанровых форм [13; 14], при анализе монолингвальной [13; 14; 18; 19] и билингвальной [3] речи.

Тема соотношения родного языка и русского, который, повторим, является абсолютно функционально доминирующим в регионе, также рефлексирована. При этом наиболее частотны суждения о лексических соответствиях, которые возникают как сопутствующие комментарии по ходу развития тем, чаще всего связанных с обсуждением шорского языка и шорской культуры, например, *Это русские называют шаман, ... по-шорски-то Кам.* (И.А., нв., 2); *... а это, солили и вешали в теньке, как бы объяснить, это были, по-шорски скажем чапе, а по-русски это будет, ну типа, наверное, шалаша* (Г.Н., нв., 2) [16]. Наличие грамматических различий в системах шорского и русского языков было отрефлектировано только одним собеседником, однако симптоматично, что это было суждение о своеобразии маркирования рода в шорском языке: *Ну у нас, например, у шорцев, он, она, оно. У нас нету средний род, там мужской, там женский род. Да, ол. Он. Вот и всё. И если сказать она, то каткиже – женщина, если сказать мужчина, он, то эргище* (В.С., сс., 3).

Наши наблюдения вполне согласуются с выводами, сделанными О.А. Александровым, изучившим особенности метаязыкового сознания российских немцев юга Западной Сибири, носителей немецко-русского билингвизма. Исследователь отмечает: «Другими словами, лексико-семантические особенности демонстрируют большую степень салиентности для обыденного МЯС при осмыслении в сопоставительном ключе разных языков, а фонетические и морфологические – при вовлечении в процесс интерпретации разных подсистем одного языка [3: 212].

Обсуждение

Таким образом, мы проследили соотношение показаний языкового и метаязыкового сознания в процессах порождения речи и ее восприятия носителями особого типа билингвизма – функционально несбалансированного, с доминированием второго, освоенного языка, выполняющего функции государственного, при котором родной язык находится в функциональной позиции языка семейного общения. В процессе нашего исследования мы применяли на принципах взаимодополнительности привлекаемые материал и методы анализа. Скрытые от непосредственного наблюдения глубинные процессы языкового сознания билингва могут быть обнаружены и проинтерпретированы на основе наблюдений над особенностями поверхностной речевой реализации – в отклонениях от речевого стандарта, над

процессами восприятия речи – в измеряемых отклонениях в скорости реакции при распознавании лексических единиц.

При том, что грамматические явления крайне редко попадают в зону метаязыковых рефлексий носителей языков, грамматическая лакунарность категорий может способствовать выведению этих аспектов грамматики в «светлое пол сознания билингва».

Примечание

1. Как и в предыдущих публикациях, выполненных в рамках общего проекта, фрагменты речи приводятся из базы данных корпуса текстов тюркско-русских билингвов Южной Сибири, хранящейся в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ. Вследствие обязательств о конфиденциальности информации, имена респондентов не приводятся. В данной статье контекст сопровождается инициальным идентификатором, дополнительно фиксируются возраст на время записи; отнесенность к возрастной группе: 1 – до 35 лет, 2 – от 35 до 65 лет, 3 – от 66 лет; образование: н. – начальное, с. – среднее, в. – высшее, нв. – неполное высшее. Записи речи в корпусе и в данной статье не редактируются, в них отражены в орфографической (не в транскрипции) отклонения от норм литературной речи, в том числе в произношении (включая произношение имен собственных), а также особенности устной речи, обусловленные спонтанным, неподготовленным характером говорения неканоническая редукция, хезитация и под.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M.* Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // *Speech Language and Hearing Research*. Vol. 50 (4). P. 940–967. URL: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq/> (дата обращения: 07.03.2023).

2. *Rezanova Z.I., Temnikova I.G., Artemenko E.D. et al.* The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC) // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»*. 2019. Вып. 18. Дополнительный том. С. 200–210. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_-dialog2019scopusvolplus.pdf

3. *Александров О.А.* Народно-разговорная речь российских немцев Томской области на уровне социолекта и идиолекта: аспекты описательной и перцептуальной диалектологии: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2022. 473 с.

4. *Владимирова В.Е., Резанова З.И.* Русский язык в татарско-русской контактной зоне: когнитивная обработка падежных форм // *Русин*. 2022. № 68. С. 316–335. DOI: 10.17223/18572685/68/17

5. *Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В.* Грамматика ошибок и грамматика конструкций : эритажный (унаследованный) русский язык // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 3–19.

6. *Залевская А.А.* Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 30–34.

7. *Казакевич О.А.* Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3 (44). С. 221–231.

8. *Карпов В.Г.* Сопоставительная фонетика и грамматика хакасского и русского языков. Абакан, 2011. Ч. I. 220 с.

9. *Нагель О.В., Темникова И.Г.* Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингвов // Русин. 2019. № 56. С. 213–225. DOI: 10.17223/18572685/56/

10. *Нагель О.В., Темникова И.Г.* Проявление специфики грамматической родовой категоризации контактирующих языков в интерферентных явлениях в русской речи татарско-русских билингвов // Язык и культура. 2019. № 48. С. 180–194. DOI: 10.17223/19996195/48/12

11. *Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е.* Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 103–124.

12. *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. URL: http://www.philologos.narod.ru/nikitina/Part_02.htm

13. Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. Ч. 1. 532 с.

14. Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. Ч. 2. 437 с.

15. *Резанова З.И., Дыбо А.В.* Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 205–206. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.2.035

16. *Резанова З.И., Рыжова О.В., Ширинова Р.Х.* Языки в «светлом поле» сознания билингва: на материале метатекстов шорско-русских билингвов корпуса устной RuTuViC) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 130–145. DOI: 10.17223/19986645/74/8

17. *Резанова З.И., Рябова Ю.А.* Категории рода и числа в речи тюркско-русских билингвов: интерферентное влияние или внтуриязыковые тенденции? // Русин. 2021. № 6. С. 166–182. DOI: 10.17223/18572685/66/10

18. *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 193 с.

19. *Ростова А.Н.* Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика:

межвуз. сборник научных статей / отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 49–57.

REFERENCES

1. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Speech Language and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967. [Online] Available from: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq/> (Accessed: 7th April 2018).
2. Rezanova, Z.I, Temnikova, I.G., Artemenko, E.D. et al. (2019) The Bimodal corpus of Russian-Turkic bilinguals' speech (RuTuBiC). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. 18. pp. 200–210. [Online] Available from: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_-dialog2019scopusvolplus.pdf
3. Aleksandrov, O.A. (2022) *Narodno-razgovornaya rech' rossiyskikh nemtsev Tomskoy oblasti na urovne sotsiolekta i idiolekta: aspekty opisatel'noy i pertseptual'noy dialektologii* [Folk-colloquial speech of Russian Germans of Tomsk Region at the level of sociolect and idiolect: Aspects of descriptive and perceptual dialectology]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
4. Vladimirova, V.E. & Rezanova, Z.I. (2022) The Russian language in the Tatar-Russian contact zone: Cognitive processing of case forms. *Rusin*. 68. pp. 316–335 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/68/17
5. Vyrenkova, A.S., Polinskaya, M.S. & Rakhilina, E.V. (2014) Grammatika oshibok i grammatika konstruksiy: eritazhnyy (unaslodovannyy) russkiy yazyk [Grammar of errors and grammar of constructions: heritage (inherited) Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 3–19.
6. Zalevskaya, A.A. (2003) Yazykovoe soznanie: voprosy teorii [Linguistic consciousness: Issues of theory]. *Voprosy psikholingvistiki*. 1. pp. 30–34.
7. Kazakevich, O.A. (2006) Dokumentatsiya ischezayushchikh yazykov Sibiri (na materiale dvukh poselkov Krasnoyarskogo kraya) [Documentation of endangered languages of Siberia (on the material of two villages of Krasnoyarsk Krai)]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3(44). pp. 221–231.
8. Karpov, V.G. (2011) *Sopostavitel'naya fonetika i grammatika khakasskogo i russkogo yazykov* [Comparative phonetics and grammar of the Khakass and Russian languages]. Vol. 1. Abakan: Khakassia State University.
9. Nagel, O.V. & Temnikova, I.G. (2019) The Tatar Language Transfer in the Speech of Tatar-Russian Bilinguals]. *Rusin*. 56. pp. 213–225 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/13
10. Nagel, O.V. & Temnikova, I.G. (2019) The Grammatical Gender categorization specificity of contacting languages manifested in the transfer phenomena observed in the Russian Speech of Tatar-Russian bilinguals. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 48. pp. 180–194 (in Russian). DOI: 10.17223/19996195/48/12

11. Nekrasova, E.D., Rezanova, Z.I. & Paliy, V.E. (2019) The Influence of the Native Language (L1) on the Cognitive Processing of the Grammatical Gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic Bilinguals *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 103–124 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/57
12. Nikitina, S.E. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral folk culture and linguistic consciousness]. Moscow: Nauka.
13. Golev, N.D. (ed.) (2009a) *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: Ontological and epistemological aspects]. Vol. 1. Kemerovo; Barnaul: Altai State University.
14. Golev, N.D. (ed.) (2009b) *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects]. Vol. 2. Tomsk: TSPU.
15. Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2019) Yazykovoe vzaimodeystvie v rechevykh praktikakh shorsko-russkikh bilingvov Yuzhnoy Sibiri [Language Interaction in Shor-Russian Bilinguals' Speech in Southern Siberia]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitar. nauki*. 2(187). pp. 205–206 (in Russian). DOI: 10.15826/izv2.2019.21.2.035
16. Rezanova, Z.I., Ryzhova, O.V. & Shirinova, R.H. (2021) Languages in the “Light Field” of Bilingual Consciousness (Based on the Metatexts of Shor-Russian Bilinguals in the RuTuBiC Oral Speech Corpus). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 74. pp. 130–145 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/74/8
17. Rezanova, Z.I. & Ryabova, Yu.A. (2021) Grammatical gender and number in the speech of Turkic-Russian bilinguals: interference or intra-linguistic tendencies? *Rusin*. 6. pp. 166–182 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/66/10
18. Rostova, A.N. (2000) *Metatekst kak forma eksplikatsii metayazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov Sibiri)* [Metatext as a form of explication of metalinguistic consciousness (on the material of Russian dialects of Siberia)]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Rostova, A.N. (2008) Obydennoe metayazykovoe soznanie: status i aspekty izucheniya [Ordinary metalinguistic consciousness: The status and aspects of study]. In: Rostova, A.N. (ed.) *Obydennoe metayazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika* [Ordinary metalinguistic consciousness and naive linguistics]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 49–57.

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Zoya I. Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/11

Русский язык в неславянском окружении: модель языковой конкуренции в регионах тесного языкового контактирования*

Е.Д. Артёменко^{1,2}

¹ Томский государственный университет
Россия, 634050 г. Томск, пр. Ленина, 36

² Высшая школа экономики
Россия, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
E-mail: nekrasovaed@gmail.com

Авторское резюме

Вопрос конкурирования двух языков является одним из наиболее актуальных в регионах тесного языкового контактирования. Исследование данного вопроса позволяет предсказать утрату билингвами миноритарного языка и, как следствие, предотвратить окончательный переход к монолингвизму, способствуя сохранению двуязычного сообщества. Анализируются существующие модели языковой конкуренции и предлагается собственная оценка предикторов динамики языковой конкуренции с учетом специфики языковой ситуации, характерной для тюркско-русского билингвизма Южной Сибири. В качестве предикторов выбраны социодемографические, в том числе институциональные, и социокультурные факторы, а также группа мотивационных факторов. Моделирование производилось на материале базы данных тюркско-русского билингвизма («Социолингвистическая БД RuTurkSocLing: оценки языкового и социального опыта тюркско-русских билингвов»), включающего три группы языкового взаимодействия: татарско-русское, шорско-русское и хакасско-русское. Всего в базе данных содержится 25 145 наблюдений, полученных от 235 билингвов. Предложенная модель и полученные результаты показывают, что языковая конкуренция обеспечивается взаимно направленными процессами. Так, наиболее влиятельными факторами, обеспечивающими высокое владение билингвами родным миноритарным языком и, следовательно, балансирующими языковую ситуацию в условиях языковой конкуренции, являются социодемографические: опыт дошкольного проживания (в селе или в городе) и место проживания в насто-

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

ящее время. При этом возраст информантов оказывается незначимым, так же как и группа социокультурных факторов (язык обрядов и песен). Мотивационные прагматические факторы, наоборот, приводят к формированию несбалансированной билингвальной ситуации, снижая функциональную нагрузку миноритарного языка. Билингвы подчеркивают, что их собственная интенция использовать русский язык выше, чем интенция к использованию. Таким образом, наибольшее значение для балансирования билингвальной ситуации имеют группа демографических факторов и мотивационная сфера билингва.

Ключевые слова: конкуренция языков, несбалансированный билингвизм, татарско-русские билингвы, билингвальная языковая ситуация

The Russian language in a non-Slavic environment: A model of language competition in regions of close language contact*

Elena D. Artemenko^{1, 2}

¹ Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

² HSE University
16 Soyuza Pechatnikov Street, Saint-Petersburg, 190121, Russia
E-mail: nekrasovaed@gmail.com

Abstract

Language competition is mostly relevant in regions of close language contact. The study allows predicting the loss of the minority language by bilinguals and preventing the final transition to monolingualism, thus preserving the bilingual community. The article analyzes the existing models of language competition and assesses the predictors of its dynamics, taking into account the specificity of the linguistic situation of Turkic-Russian bilingualism in South Siberia. The predictors are sociodemographic, including institutional, sociocultural and some motivational factors. Modeling is based on the Turkic-Russian bilingualism database, which includes three groups of linguistic interaction: Tatar-Russian, Shor-Russian, and Khakass-Russian. The database contains a total of 25,145 observations from 235 bilinguals. The proposed modeling and its results have shown that language competition is provided by mutually directed

---

* The study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority 2030).

processes. Thus, the most influential factors ensuring high proficiency of bilinguals in their native minority language and, therefore, leading to a balanced language situation in the conditions of language competition, are sociodemographic factors: experience of preschool residence (in the village or in the city) and place of residence at the present time. The age as well as a group of socio-cultural factors (the language of rites and songs) is insignificant. Motivation, on the contrary, leads to an unbalanced bilingual situation, reducing the functional role of the minority language. Bilinguals emphasize that their own intention to use Russian is higher than the intention to use their native language. Thus, the maintenance of a balanced bilingual situation largely depends on demographic factors and motivation of bilinguals.

Keywords: language competition, unbalanced bilingualism, computational modeling, Tatar-Russian bilinguals, bilingual language situation

Введение в вопрос

Вопрос конкурирования двух языков является одним из наиболее **актуальных** в регионах тесного языкового контактирования. Процессы, приводящие к исчезновению языков, значительно ускорились за последние два столетия, и подобный тревожный темп исчезновения является уникальным для нашего времени [11]. Исследование основных предикторов указанного процесса в перспективе может позволить предсказать утрату билингвами миноритарного языка и, как следствие, предотвратить окончательный переход к монолингвизму.

Основной **целью** данной статьи является выявление наиболее значимых предикторов динамики языковой ситуации в регионах близкого языкового контактирования на территории Южной Сибири на материале данных базы данных «Социолингвистическая БД RuTurkSocLing: оценки языкового и социального опыта тюркско-русских билингвов».

Помимо естественной причины утраты языка, связанной с исчезновением этноса-носителя, исследователи традиционно выделяют целый ряд социально-экономических, политических и культурных факторов, которые могут быть определены как основные предикторы сокращения языкового разнообразия, приводящие к языковому сдвигу (language shift) [19]. Отсутствие установленной и всеобъемлющей теории языкового сдвига и комплексность вызывающих его причин приводят к невозможности заранее определить исчерпывающий список психологических, социальных и культурных процессов или переменных, которые могли бы иметь универсальное значение для понимания сохранения языка или динамики языковой ситуации [9; 10].

Революционной в этом отношении стала работа Д. Абрамса и С. Строгаца [6], которые рассмотрели проблему языкового сдвига с математической точки зрения, предложив непротиворечивую модель конкуренции двух языков для объяснения исторических данных о сокращении языков, находящихся под угрозой исчезновения. В настоящее время в литературе насчитывается достаточное число теоретических моделей, математически предсказывающих результат языкового конкурирования в пользу неравновесной монолингвальной или равновесной билингвальной ситуации, т. е. ситуации сбалансированного билингвизма¹. Среди таких факторов отмечаются:

- подходящая форма популяционной динамики [7; 18],
- географические факторы [16];
- взаимная понятность и структурная схожесть языков в ситуации поддерживающей политики государства в пользу аддитивных языков [15];
- демографические причины (рождаемость/смертность) и эмиграция [7];
- умеренность истощения этноса и скорости, с которой дети двуязычных родителей воспитываются моноязычными [20];
- конкретная языковая политика, направленная на возрождение и защиту языков меньшинств [17], и др.

Дискуссионным в теоретических моделях языковой конкуренции остается вопрос значимости поведенческой и мотивационной сферы билингва в процессе динамического развития языковой ситуации. Так, в модели Дж. Минетта и У.-Й. Ванга [14] показано, что билингвы не оказывают влияния на динамику языковой ситуации в сторону монолингвальной. В теоретической модели И. Бэггса и Х. Фридмана [8], наоборот, ключевая значимая роль в вероятности перехода каждого индивида от монолингвизма к билингвизму принадлежит мотивационной сфере билингва. Таким образом, сохранение равновесного билингвального сообщества возможно даже с учетом влияния институциональных и социально-демографических факторов. В модели Е. Хейнсалу и М. Патриарки [12; 17] отмечается важность реального языкового статуса билингвов: для сохранения билингвальной языковой ситуации они должны рассматриваться монолингвами как носители другого языка. Кроме того, переход от билингвов к монолингвам должен быть меньше, чем обратный переход.

Однако объяснительная способность и, соответственно, потенциальная практическая применимость названных моделей ограничены в том числе положенным в их основу социолингвистическим материалом. Важной отличительной особенностью анализируемой нами языковой ситуации является то, что билингвальные носители миноритарных языков в настоящее время находятся в условиях

поликультурного социума, в котором русский язык имеет статус государственного языка Российской Федерации, становясь, таким образом, языком-макропосредником и единственно возможным языком институционального общения. Таким образом, создание равновесной билингвальной ситуации потенциально невозможно в рамках указанной языковой ситуации, поэтому модель должна строиться с учетом указанных особенностей.

Мы предположили, что на активный статус миноритарного языка в анализируемом билингвальном сообществе оказывают влияние социодемографические, в том числе институциональные и социокультурные факторы, а также группа мотивационных факторов.

Метод исследования

Моделирование производилось на материале базы данных «Социолингвистическая БД RuTurkSocLing: оценки языкового и социального опыта тюркско-русских билингвов» (см., например, [5]), представляющей данные трех групп языкового взаимодействия: татарско-русского, шорско-русского и хакасско-русского. Всего в базе данных содержится 25 145 наблюдений, полученных от 235 билингвов. Сбор материала осуществлялся командой лаборатории лингвистической антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета (рук. – З.И. Резанова) в местах компактного проживания трех этнических групп: шорцев, хакасов и сибирских татар – на основании двух анкетных методик: социолингвистической анкеты и языковой анкеты.

1. Социолингвистическая анкета, разработанная О. Казакевич, в настоящее время является общепринятой анкетой для получения основной информации при описании влияния социальных факторов на характер владения языками представителей различных этносов [1]. Анкета включает вопросы, направленные на получение информации о социальных аспектах личности билингва: о времени и месте его рождения, проживания, об уровне и направленности образования, о характере профессиональной деятельности, об особенностях приобретения и использования языков. Анкета включает также вопросы, направленные на формирование социального и языкового портрета родственников на трех уровнях родства.

2. Языковая анкета билингва, разработанная на основе опросника Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) [13], направлена на получение информации о характере и типе владения языками билингвом/полилингвом. При проведении анкетирования на основе данного опросника используется прием фиксации субъек-

тивной самооценки билингвом активности использования, порядка усвоения языков, соотношения времени использования языков в тот период жизни билингва, когда происходит интервьюирование, предпочтения выбора языков в разных видах коммуникации; определяется история пользования языками – время вхождения в каждый из языков или их изучения, время пребывания в среде языков, оценка информантом уровня владения языками и факторов, стимулирующих изучение каждого из языков, и т. д.

Для выявления наиболее значимых предикторов динамики языковой ситуации в регионах близкого языкового контактирования на территории Южной Сибири использовались следующие ключевые факторы:

- социодемографическая группа факторов, включающая возраст билингва (полное количество лет на момент анкетирования), место его рождения (сельская местность или город), место проживания в детстве и в настоящее время (сельская местность или город);

- социокультурная группа факторов (предпочитаемый язык совершения обрядов, исполнения песен (в т. ч. слушал ли участник песни на родном языке);

- группа мотивационных факторов, включающая субъективно оцениваемые билингвами интенции использования каждого из языков в настоящее время.

Как отмечено выше, особенностью анализируемой билингвальной ситуации является потенциальная невозможность состояния равновесности из-за статуса мажоритарного русского языка, обуславливающего его функциональную и институциональную привилегированность. Поэтому в качестве оценки мотивации использования языка были выбраны вопросы: (1) *Люблю говорить на этом языке*, (2) *Важно говорить на этом языке*, (3) *Хотел(а) бы, чтобы мои дети/внуки владели этим языком* (учитывались группы ответов: на миноритарном, на мажоритарном, на обоих).

В анализе данных использовались смешанные линейные модели с контролем кластеризации ответов, связанных со случайными факторами респондентов (пакет lme4), в среде R для статистических вычислений. Предложенная модель и полученные результаты позволяют выявить наиболее значимые предикторы динамики языковой ситуации в условиях конкуренции языков на территории территории Южной Сибири.

Результаты

В качестве зависимой переменной оценивался субъективно оцениваемый билингвами уровень владения (понимания, говорения, чтения)

родным миноритарным языком на момент анкетирования (1 – не владеет, 2 – владеет плохо/хуже, чем русским языком, 3 – владеет хорошо/наравне с русским языком).

Результаты анализа представлены в таблице. Для контроля в модель вводился фактор типа языка (шорский – хакасский – сибирский диалект татарского). Болдом выделены значимые эффекты (t -value > |2.0|), R^2 : 0,278.

Размеры эффектов, стандартные ошибки и t-статистики

Анализируемые предикторы	Estimate	SE	t-value
(Intercept)	2,958871	0,445631	6,640
Возраст	0,002345	0,002398	0,978
Место проживания (сельская местность)	0,204035	0,089131	2,289
Место дошкольного проживания (сельская местность)	0,264940	0,091656	2,891
Образование (оконченное среднее)	-0,275788	0,212338	-1,299
Образование (оконченное высшее)	-0,170834	0,185356	-0,922
Образование (неоконченное высшее)	-0,020543	0,253865	-0,081
Образование (среднеспециальное)	-0,171316	0,186461	-0,919
Предпочитаемый язык совершения обрядов (тюркский)	-0,500692	0,354975	-1,411
Интенция к использованию русского языка	-0,392606	0,138152	-2,842

Результаты демонстрируют, что наиболее влиятельными факторами, обеспечивающими высокое владение билингвами родным миноритарным языком в условиях языковой конкуренции, являются социодемографические факторы: опыт дошкольного проживания (в селе или в городе) ($Z = 2,289$, $p < 0,01$) и место проживания в настоящее время ($Z = 2,891$, $p < 0,01$). При этом фактор возраста оказывается незначимым, так же как и группа социокультурных факторов (язык обрядов и песен).

Подобный результат может быть объяснен тем, что места компактного проживания анализируемых этносов часто (но не всегда) располагаются в сельской местности, из-за чего рождение и опыт дошкольного проживания в селе обуславливает и активный статус родного языка в определенный период жизни. Вероятнее всего, участники, родившиеся в сельской местности и проживавшие там же до поступления в школу, использовали родной язык активно в повседневном общении. Это же подтверждается и результатами качественного исследования расшифровок анкет и данными бимодального корпуса речи тюрско-русских билингвов RuTuBiC [2; 3].

Мотивационные прагматические факторы, наоборот, приводят к угасанию родного миноритарного языка ($Z = -2,842, p < 0,01$). Билингвы подчеркивают, что их собственная интенция использовать русский язык выше, чем интенция использовать родной язык. Этот фактор способствует направлению динамики развития языковой ситуации в сторону моноязычия.

Ограничения исследования

Нужно отметить несколько существенных ограничений нашего исследования. Во-первых, использованный инструментарий оценки не предусматривает объективного измерения уровня владения билингвами родным языком, поэтому в своем анализе мы основываемся только на субъективных оценках билингвами уровня собственного владения родными миноритарными языками.

Во-вторых, в модели не учтены некоторые факторы, которые, предположительно, оказывают существенно важный эффект на динамику языковой ситуации. В частности, группа институциональных факторов, включающая язык обучения в школе, наличие поддерживающей политики государства, направленной на сохранение языков малых этнических групп, возможность изучать родной язык в местах культурных объединений или в школе/университете и др. О некоторых из них (например, о поддерживающей политике государства) у нас нет сведений, о других подробнее см. ниже.

Обсуждение

Безусловно, динамика тюркско-русской языковой ситуации малых этносов Южной Сибири, касающаяся, в частности, хакасского и шорского языков и сибирского диалекта татарского языка, находится под влиянием не только социодемографических и мотивационных факторов, но также испытывает на себе большое влияние функционально более престижного русского языка, обладающего статусом языка-макропосредника Российской Федерации.

Однако данная характеристика является неотъемлемой для анализируемой языковой ситуации и потенциально не может быть изменена. При этом основная прикладная задача проведенного анализа – выявить группу предикторов, влияющих на динамику билингвальной языковой ситуации в сторону монолингвальной, т. е. приводящих к истощению и последующему исчезновению билингвального сообщества, его трансформации в монолингвальное.

В связи с этим нам представляется важным включить в модель те факторы, которые могут лечь в основу практических рекомендаций, способных предотвратить исчезновение миноритарных языков.

Во-первых, мы получили значимые результаты для группы социодемографических факторов, в частности опыте дошкольного проживания в селе. На наш взгляд, ключевым выводом, который можно сделать из результатов, полученных по этой группе факторов, является следующий: дошкольное изучение и активный статус родного миноритарного языка в этот период могут стать сильным предиктором сохранения языка у билингва во взрослой жизни.

Во-вторых, одним из важных факторов сохранения языка этнических меньшинств является мотивационная сфера билингва-носителя. Если мажоритарный язык окажется не только функционально более престижным, но и мотивационно, динамика языковой ситуации будет стремиться к угасанию миноритарного языка.

Примечания

1. Сбалансированным билингвизмом считается ситуация индивидуального двуязычия, при которой носитель в равной степени хорошо владеет двумя языками. Отмечается, однако, что ситуации одинаковых социальных сфер действия языков и представленных ими культур крайне редки, поэтому владение двумя языками даже на схожем уровне считается ситуаций сбалансированного двуязычия [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3 (44). С. 221–231.

2. Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7

3. Резанова З.И., Темникова И.Г., Артёмов Е.Д. и др. Бимодальный корпус речи русско-тюрских билингвов (RuTuBiC) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2019. № 18. С. 200–210.

4. Серова Т.С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур // Язык и культура. 2010. № 4 (12). С. 44–56.

5. Темникова И.Г., Диброва В.С. Влияние институциональных дискурсов на языковое самоопределение в условиях полиэтнического социума // Русин. 2022. № 70. С. 232–243.

6. Abrams D.M., Strogatz S.H. Modeling the dynamics of language death // Nature. 2003. № 424. P. 900.

7. Baggs I., Freedman H. A mathematical model for the dynamical interactions between a unilingual and bilingual population: Persistence versus extinction // J. Math. Sociol. 1990. № 16. P. 51. DOI: 10.1080/0022250X.1990.9990078

8. Baggs I., Freedman H. Can the speakers of a dominated language survive as unilinguals – a mathematical-model of bilingualism // Math. Comput. Model. 1993. № 18. 9 p. DOI: 10.1016/0895-7177(93)90122-F

9. Crawford J. Seven hypotheses on language loss: Cause and cures // Stabilizing Indigenous Languages. Flagstaff, Arizona: University of Northern Arizona: Northern Arizona University, 1996. P. 51–58.

10. Fishman J.A. Language maintenance and language shift as a field of inquiry // Linguistics. 1964. № 9. P. 32–70.

11. Grenoble L.A., Whaley L.J. Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2006. 230 p.

12. Hiensalu E., Patriarca M., Leonard J.L. The role of the bilinguals in language competition // Advances in Complex Systems. 2014. Vol. 17, № 01. P. 1450003. DOI: 10.1142/S0219525914500039

13. Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // Speech Language and Hearing Research. 2007. № 50 (4). P. 940–967.

14. Minett J., Wang W.-Y. Modelling endangered languages: The effects of bilingualism and social structure // Lingua. 2008. № 118. 19 p. DOI: 10.1016/j.lingua.2007.04.001

15. Otero-Espinar M., Seoane L., Nieto J. et al. An analytic solution of a model of language competition with bilingualism and interlinguistic similarity // Physica D. 2013. № 264. P. 17. DOI: 10.1016/j.physd.2013.08.011

16. Patriarca M., Heinsalu E. Influence of geography on language competition // Physica A. 2009. № 388. P. 174. DOI: 10.1016/j.physa.2008.09.034

17. Patriarca M., Leonard J.L. The role of the bilinguals in language competition // Advances in Complex Systems. 2014. Vol. 17. № 01. P. 1450003. DOI: 10.1142/S0219525914500039

18. Pinasco J., Romanelli L. Coexistence of languages is possible // Physica A. 2006. № 361. P. 355. DOI: 10.1016/j.physa.2005.06.068

19. Tsunoda T. Language Endangerment and Language Revitalization: An Introduction. New York: Mouton de Gruyter, 2004. 830 p. DOI: 10.26530/open_626366

20. Wyburn J., Hayward J. The future of bilingualism: An application of the Baggs and Freedman model // J. Math. Soc. 2008. № 32 (4). P. 267–284. DOI: 10.1080/00222500802352634

REFERENCES

1. Kazakevich, O.A. (2009) Dokumentatsiya ischezayushchikh yazykov Sibiri (na materiale dvukh poselkov Krasnoyarskogo kraya) [Documents of obsolescent languages of Siberia (Based on the materials from two settlements in Krasnoyarsk territory)]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3(44). pp. 221–231.
2. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of socio-linguistic processes in southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/7
3. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G., Artemenko, E.D. et al. (2019) The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii – Computer Linguistics and Intelligent Technologies*. 18. pp. 200–210 (in Russian).
4. Serova, T.S. (2010) Balanced Bilingualism and Language Switching Mechanism in Interpretation in a Dialogue of Languages and Cultures. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4(12). pp. 44–56 (in Russian).
5. Temnikova, I.G. & Dibrova, V.S. (2022) The influence of institutional discourses on linguistic self-determination in a multiethnic society. *Rusin*. 70. pp. 232–243 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/13
6. Abrams, D.M. & Strogatz, S.H. (2003) Modeling the dynamics of language death. *Nature*. 424. p. 900.
7. Baggs, I. & Freedman, H. (1990) A mathematical model for the dynamical interactions between a unilingual and bilingual population: Persistence versus extinction. *Journal of Mathematical Sociology*. 16. pp. 51. DOI: 10.1080/0022250X.1990.9990078
8. Baggs, I. & Freedman, H. (1993) Can the speakers of a dominated language survive as unilinguals – a mathematical-model of bilingualism. *Mathematical and Computer Modeling*. 18(6). pp. 9–18. DOI: 10.1016/0895-7177(93)90122-F
9. Crawford, J. (1996) Seven hypotheses on language loss: Cause and cures. In: Cantoni, G. (ed.) *Stabilizing Indigenous Languages*. Flagstaff, Arizona: University of Northern Arizona: Northern Arizona University. pp. 51–58.
10. Fishman, J.A. (1964) Language maintenance and language shift as a field of inquiry. *Linguistics*. 9. pp. 32–70.
11. Grenoble, L.A. & Whaley, L.J. (2006) *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press.
12. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Speech Language and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967.

13. Minett, J. & Wang, W.-Y. (2008) Modelling endangered languages: The effects of bilingualism and social structure. *Lingua*. 118(1). pp. 19–45. DOI: 10.1016/j.lingua.2007.04.001

14. Otero-Espinar, M., Seoane, L., Nieto, J. et al. (2013) An analytic solution of a model of language competition with bilingualism and interlinguistic similarity. *Physica D*. 264. pp. 17–26. DOI: 10.1016/j.physd.2013.08.011

15. Patriarca, M. & Heinsalu, E. (2009) Influence of geography on language competition. *Physica A*. 388. pp. 174–186. DOI: 10.1016/j.physa.2008.09.034

16. Patriarca, M. & Leonard, J.L. (2014) The role of the bilinguals in language competition. *Advances in Complex Systems*. 17(01). 1450003. DOI: 10.1142/S0219525914500039

17. Hiensalu, E., Patriarca, M. & Leonard, J.L. (2014) The role of the bilinguals in language competition. *Advances in Complex Systems*. 17(01). 1450003. DOI: 10.1142/S0219525914500039

18. Pinasco, J. & Romanelli, L. (2006) Coexistence of languages is possible. *Physica A*. 361. pp. 355–360. DOI: 10.1016/j.physa.2005.06.068

19. Tsunoda, T. (2004) *Language Endangerment and Language Revitalization: An Introduction*. New York: Mouton de Gruyter. DOI: 10.26530/open_626366

20. Wyburn, J. & Hayward, J. (2008) The future of bilingualism: An application of the Baggs and Freedman model. *J. Math. Soc.* 32(4). pp. 267–284. DOI: 10.1080/00222500802352634

Артёменко Елена Дмитриевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия), научный сотрудник Высшей школы экономики (Россия).

Elena D. Artemenko – National Research Tomsk State University (Russia), HSE University (Russia).

E-mail: nekrasovaed@gmail.com

УДК 81'23

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/12

Русский грамматический род через призму восприятия инофоном*

В.Е. Владимирова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, ул. Ленина, 36

E-mail: picture_perfect@mail.ru

Авторское резюме

Представлены результаты экспериментального исследования когнитивной обработки грамматического рода русского языка носителями русского языка как родного и инофонами. Основная задача данного исследования – поиск доказательств влияния родного языка, в котором отсутствует парадигма грамматического рода (узбекский/китайский), на обработку грамматического рода имён существительных русского языка инофонами. Мы предполагаем, что влияние отразится в разных тенденциях активации формальных и когнитивных характеристик рода, наличии гендерных стереотипов. Нами собраны оценки существительных по их стереотипной соотнесённости с женской или мужской сферой в русской лингвокультуре. Проведён поведенческий эксперимент с задачей на лексическое решение с фиксацией времени реакции на платформе Cognition.run с использованием программного продукта JSpsych. Выявлен эффект билингвизма: инофоны значительно дольше обрабатывают стимулы, чем носители русского языка как родного. Отмечен эффект сферы по оценкам инофонов: лексические единицы, соотнесённые с женской сферой употребления, обрабатываются быстрее. Влияние родного языка инофона с отсутствующей категорией грамматического рода на когнитивную обработку слов русского языка, противопоставленных по грамматическому роду, обнаружено. Полученные результаты соотносятся с выводами, полученными в смежных исследованиях. Перспективами исследования являются введение факторов субъективной частотности и гендерной соотнесённости по оценкам каждой группы респондентов.

Ключевые слова: славянские языки, инофон, грамматический род, психолингвистический эксперимент, время реакции

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Russian grammatical gender through the prism of bilingual perception*

Valeriia E. Vladimirova

Tomsk State University
Russia, 634050, Tomsk, st. Lenina, 36
E-mail: picture_perfect@mail.ru

Abstract

The article presents the results of an experimental study of cognitive processing of the Russian grammatical gender by native Russian speakers and bilinguals. The study aims at finding evidence of the influence of the native language with no grammatical gender paradigm (Uzbek\Chinese) on the processing by bilinguals of the grammatical gender of Russian nouns. It has been assumed that the influence will manifest itself in different activation trends of the formal and cognitive characteristics of gender and in gender stereotypes. The author has collected evaluations of nouns according to their stereotypical correlation with the gender association in Russian linguistic culture and conducted a behavioral time reaction experiment with a lexical decision task on the Cognition.run platform using the JPsych software product. The results have revealed the effect of bilingualism: bilinguals process stimuli much longer than native Russian speakers. According to the bilinguals' assessments, there is an effect of the sphere: the units related to the female sphere were processed faster. The influence of the native language with no category of grammatical gender on the cognitive processing of Russian words opposed by grammatical gender has been found. The results obtained in the study correlate with the conclusions made in related studies. The prospects for the study are the introduction of subjective frequency and gender correlation factors according to the assessments of each group of respondents.

Key words: Slavic languages, bilingual, grammatical gender, psycholinguistic experiment, reaction time

Введение

Последние десятилетия повсеместно возрастает количество межъязыковых и межкультурных связей в разных сферах деятельности человека. В связи с этим актуализируется выявление когни-

---

* This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority 2030).

тивных особенностей языковой деятельности на родном и втором языках. Достаточно большое количество наблюдений собрано об общих когнитивных способностях билингвов [17], однако частные вопросы когнитивной обработки языковых единиц под влиянием грамматических структур языка остаются лакунарными. Некоторые данные собраны на материале английского языка со слабо развитой морфологией [25], исследования также проводятся на материале романских языков с более развитой морфологической структурой [24]. Тем не менее обращение к славянским языкам в данной области является актуальным вследствие высокой представленности грамматических категорий и форм, а также тесных межкультурных отношений на разных уровнях. Конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов» ежегодно обращается к обсуждению результатов исследований, выполненных на методологической основе когнитивной психолингвистики в широком спектре проблем обработки языковых единиц славянских языков, как, например, в [3; 8]. Разные аспекты исследования славянских языков представляются и на других международных форумах («Русский язык в многоязычном мире», 2023 г., Москва), в том числе специализированных в области психолингвистики (Psycholinguistics of Slavic Languages 2022 (PsychoSlav2022) in Tübingen) или в области изучения эритажных языков (Heritage Languages at the Crossroads (HL@Cross): cultural contexts, individual differences and methodologies 2023 in Istanbul), как, например, в [23].

Проблема когнитивной обработки грамматических форм и, в частности, грамматической категории рода и репрезентируемой семантики как носителями языка, так и инофонами активно обсуждается в научном сообществе, поскольку данная проблема включает в разработку более общих теоретических концепций: теории хранения в ментальном лексиконе частных грамматических значений и грамматических парадигм, соотношения семантики и формы в процессе когнитивной обработки, языковой картине мира. Особое место в данном поле исследований занимает взаимодействие языков в сознании инофона, носителя иностранного языка и соответствующей картины мира при восприятии и производстве усваиваемого языка. Уже устоявшаяся языковая картина мира вступает в сложные связи с картиной мира, воплощённой в изучаемом языке.

В рамках теории языковой картины мира утверждается, что языковыми единицами выражается национальное и культурное сознание. Совокупность форм, лексических и грамматических, и значений отражает свойственное отдельной лингвокультуре видение мира [2]. При обращении к проблематике теории языковой картины мира

в качестве одного из основных вопросов рассматривается разница в лексической и грамматической категоризации объектов действительности. В языке первичное выстраивание семантики естественного языка представляет метафора, поэтому она является наиболее значимой для формирования языковой картины мира [9]. Так, например, исследования показывают, что от строения языка зависит и восприятие фундаментальной когнитивной категории времени [18]. Носители мандаринского китайского языка воспринимают время как горизонтально, так и вертикально, что обычно выражается метафорами, называющими время. Вероятно, на это влияет письменность мандаринского китайского языка, поскольку допускается написание как вертикально, так и горизонтально. Носители английского языка как родного традиционно воспринимают и описывают время как разворачивающееся в горизонтальной плоскости. При этом носители мандаринского китайского как родного, которые также владеют английским, при мыслительном процессе на английском языке всё равно имеют тенденцию думать о времени как о вертикально репрезентируемой сущности.

Рассмотрение сложных связей взаимодействия разных картин мира в сознании инофона особенно интересно с точки зрения грамматических категорий, которые могут иметь разное выражение в родном и усваиваемом языках инофона. Естественность усвоения языка инофоном может в том числе определяться степенью совпадения качественного и количественного состава грамматических категорий, представленных в языках инофона. И в их числе особое место занимает грамматическая родовая категоризация: она часто либо двухместна, либо отсутствует. Для нашего исследования важно, что в родных языках инофонов (носителей китайского и узбекского языков) грамматическая категоризация рода отсутствует, а в русском языке (РЯ) представлена трёхместной парадигмой. В трёхчленных парадигмах особое место занимает родовое распределение внутри парадигмы неодушевлённых существительных, в составе которых противопоставление по роду не имеет прямого семантического основания. Однако установлено влияние формального маркирования по роду на появление соответствующих семантических ассоциаций. Наличие таких ассоциативных связей экспериментально показано в исследованиях при участии носителей испанского и немецкого языков, в которых имена существительные противопоставлены по категории рода [19]. Участникам экспериментов предлагалось подобрать описания для объектов действительности, представленных на изображении и противопоставленных по грамматическому роду. Например, имя существительное «ключ» в немецком языке относится

к существительным мужского рода, вследствие чего респонденты подбирали ассоциаты к слову *ключ*, стереотипно более соответствующие мужскому началу; в испанском же языке имя существительное *ключ* относится к существительным женского рода, и респонденты подбирали прилагательные, стереотипно более соответствующие женскому началу и обычно использующиеся для описания женщин. Прилагательные, стереотипно соответствующие женскому или мужскому началу, также могут отличаться от языка к языку, от культуры к культуре. Человек усваивает данные стереотипы вместе с родным языком, стереотипными моделями речевого поведения, представления в речевых практиках типичных моделей социального взаимодействия. И на этом основании гендерные стереотипы могут отражаться и в распределении неодушевленных существительных по частным родовым значениям.

В описанном выше исследовании немецкий язык относится к языкам с трехместной родовой системой, испанский – к языкам с двумя членами оппозиции грамматической категории рода. На материале языков итальянского, относящегося к языкам с двухместной родовой парадигмой, и болгарского – языка с тремя членами оппозиции, доказано, что в языках с трехместной парадигмой грамматического рода реализуется более тесная ассоциация между существительными женского и мужского родов и референтами соответствующего пола, поскольку есть третий, нейтральный, член родовой парадигмы, к которому концептуально могут быть отнесены все существительные, не имеющие связи с референтом конкретного пола [16]. Следовательно, можно сделать вывод о более крепко устоявшихся гендерных стереотипах в данных языках.

З.И. Резанова, Е.Ю. Ершова реплицировали исследование Л. Бородитски [10]. Участниками эксперимента были русско-испанские инофоны и контрольная группа носителей русского языка как родного. Участникам были представлены изображения объектов, которые в русском и испанском языках относились либо к одному и тому же грамматически родовому значению, либо к разным. Результаты показали, что при обработке единиц задействуются оба языка. Гендерно обусловленные стереотипы, отраженные в языке, усиливаются при реакции респондента на представленный стимул при условии, что второй язык инофона (испанский) подтверждает этот стереотип, т. е. грамматический род слова совпадает в русском и испанском языках. Гендерно обусловленные стереотипы, отраженные в языке, нивелируются при реакции респондента на представленный стимул при условии противоречия стереотипу в родном русском языке, в ситуации, когда грамматический род слова различается в русском и испанском языках.

Таким образом, носитель языка, погружаясь в новую языковую среду, а соответственно, и картину мира, опирается в когнитивной деятельности на гендерно обусловленные стереотипы, существующие в данной языковой среде. Однако языковая среда родного языка всегда активна (степень активности зависит от типа билингвизма), и при условии, что в родном языке также отражаются гендерно обусловленные стереотипы, они либо подтверждаются, либо опровергаются новой языковой средой, создавая согласование или противоречие между усвоенными языками инофона. Полагаем, что такие выводы зависят и от типа билингвизма (от активности первого и второго языка, от времени погружения в другую языковую среду, от уровня владения вторым и первым языком) и от представленности родовой категоризации в родном языке билингвов. При отсутствии грамматической категоризации в родном языке билингва, усвоение грамматической категории рода опирается не только на «когнитивную технику», но и задействует другие когнитивные процессы. Имеется в виду, что если в родном языке инофона отсутствует какая-либо грамматическая категория, необходимая для выражения во втором языке, то при усвоении второго языка в сознании инофона новые частные значения не ищут когнитивного соответствия с уже существующими значениями родного языка, а, напротив, создаются новые когнитивные связи и отношения, которых в сознании носителя не было вовсе. Такой вывод получен в исследовании татарско-русских билингвов, материнский тюркский язык у которых является языком наследия, а русский является активным и доминирующим [14].

Мы же изучаем другую языковую ситуацию. Исследование является логическим продолжением работы, описанной в [7], однако представляет другой тип билингвизма по значимым параметрам.

Наш материал – взаимодействие китайского или узбекского родного языка инофона с вторым русским языком. Наши респонденты – поздние учебные билингвы, начавшие изучать русский язык в академической практике. Мы предполагаем, что при восприятии слов русского языка проявятся разные тенденции активации группами респондентов (носители РЯ как родного и инофоны) формальных особенностей рода и когнитивных, социокультурно обусловленных факторов, а именно наличие гендерных стереотипов.

Целью нашего исследования является экспериментальная проверка наличия различий в восприятии грамматической категории рода существительных носителем русского как родного и инофоном, обусловленных влиянием родного языка инофона, в котором отсутствует парадигма грамматического рода (узбекский или китайский), на обработку грамматического рода русского языка. Это влияние может

быть отражено в разных тенденциях при активации формальных характеристик рода и когнитивных, социокультурно обусловленных факторов, а именно наличие гендерных стереотипов.

Далее охарактеризуем грамматическую категоризацию гендера в исследуемых языках.

Грамматикализация рода имён существительных в языках мира: славянский (русский) язык vs тюркский (узбекский) и сино-тибетский (китайский) языки. Как было отмечено, существуют гендерные смыслы и гендерные категории, которые по-разному выражаются в языках. В некоторых языках грамматикализация рода наблюдается в каждом высказывании, в то время как в других вообще отсутствует. В таких случаях гендерные смыслы выражаются лексически. Определяющей характеристикой рода является согласование: в языке наличествует родовая система, только если согласованием выделяются несколько типов имён существительных, т. е. наличие в языке слов, например, «сын» и «дочь», противопоставленных по полу, недостаточно для утверждения грамматической родовой системы, поскольку такое противопоставление находится в лексической системе языка.

Наличие грамматикализованности родовой системы доказывается языковой техникой: создаётся определённый контекст, в котором имя существительное согласуется с глаголом, именем прилагательным, числительным, определителем. Также существуют языки, в которых единственным проявлением грамматической системы рода являются личные местоимения (например, английский), и остается предметом дискуссий, относить ли такие языки к обладающим родовой грамматической системой [20].

Категория рода существительных в русском языке проявляется через грамматические показатели согласуемых с ними словоформ атрибутивных слов, а также словоформ глагола [12]. Род существительного передает семантические оппозиции, однако мы не можем выделить род, опираясь только на морфологические показатели рода в существительном. Обратная ситуация присуща роду имени прилагательного: мы легко можем выделить структурный морфологический элемент, однако никакого другого значения, кроме указания на зависимость от имени существительного, нет [6].

Система рода имени существительного устроена достаточно сложно.

Род существительного может быть выражен морфологически – системой флексий падежных форм, однако в отличие от синтагматического выявления система падежных флексий не всегда оказывается достаточным критерием для различения рода существительных. Например, системы падежных флексий существительных с флексией -а(-я) в им. п. ед. ч. характеризуют как слова жен. р., так и – хоть и реже – слова муж. р. [11].

Помимо мужского, женского и среднего рода у существительных есть так называемый общий род. Особенностью существительных общего рода является зависимость их синтаксической сочетаемости от пола называемого лица: если это лицо женского пола, то существительное общего рода синтаксически ведёт себя как слово женского рода, если же это лицо мужского пола, то такое существительное синтаксически ведет себя как слово мужского рода. Родовые характеристики при этом имеют только синтаксическое выражение.

Категория рода у одушевленных существительных, названий лиц, имеет свою семантическую характеристику: слова мужского рода называют существ мужского пола, слова женского рода – существ женского пола. В количественном отношении существительные мужского рода преобладают. Это объясняется как внеязыковыми социально-историческими условиями, так и собственно языковыми причинами. Слова мужского рода прежде всего заключают в себе общее понятие о человеке, обозначают его социальную или профессиональную принадлежность независимо от пола. Поэтому слова мужского рода могут применяться к лицу как мужского, так и женского пола.

Таким образом, суть классифицирующей категории заключается в том, что по внутрисловному показателю мы не можем с полной уверенностью определить род слова [1].

В отличие от индоевропейских, тюркские и сино-тибетские языки не имеют грамматикализованной родовой системы. Гендерные оппозиции выражаются преимущественно лексически.

Существуют следующие способы различения имён существительных по признаку пола в тюркских языках: лексический, синтаксический, морфологический, фонетический [15]. Лексический способ. В определённых случаях понятие пола заключено в самом значении слова (ср. рус.: «отец», «мать», «петух», «курица» и т. п.); такой способ выражения пола встречается в терминах родства и в названиях живых существ (узб. ота «отец»; она «мать»; угил «сын»; циз «дочь»), в наименованиях хозяйственно-эксплуатируемых животных (узб. от «лошадь»; айгир «жеребец»; бия, байтах «кобылица»). Животные, не имеющие значения в хозяйстве, как правило, объединяются под общеродовым названием. Синтаксический способ реализуется с помощью специальных слов, семантика которых точно указывает на принадлежность к определённому полу (ср. рус.: «женщина-врач», «женщина-судья», «мужчина-прачка» и т. п.). Слово, лишённое таких определителей, выражает общий род. Морфологический способ заключается в обозначении пола с помощью аффиксов, хотя это явление непродуктивное, имевшее место лишь в наименовании женщин, представительниц феодальной верхушки.

В китайском языке гендерные оппозиции выражаются исключительно лексически в некоторых случаях [5].

Однако семантический род может формироваться не только противопоставлением по полу референта, но и благодаря гендерным стереотипам, закреплённым в определённой картине мира. Как уже было отмечено, гендерные стереотипы и роли могут отличаться в разных картинах мира и могут усваиваться при усвоении второго языка. Мы предполагаем, что инофонами при усвоении славянского языка с родовой парадигмой могут простраиваться новые ассоциативные связи. В настоящее время известны нормативные данные о гендерной соотнесённости для 5 500 существительных английского языка [26], а также для 422 существительных, называющих профессии на английском, китайском, финском, русском языках [22]. Однако реализация такой исследовательской задачи подтверждает обоснование гендерно противопоставленных стереотипных сфер. Мы собрали оценки существительных по их женской или мужской стереотипной соотнесённости и выделили две группы слов (например, чувство – «женская соотнесённость», дело – «мужская соотнесённость») [7]. Распределение слов по двум гендерно противопоставленным группам основано на оценках носителей русской лингвокультуры. В перспективах исследования мы видим соотнесение проявленности гендерных стереотипов на основании оценок инофонов.

В настоящей статье мы представляем исследование, в котором проверялось, влияют ли гендерные стереотипы, присущие русской лингвокультуре, на восприятие гендерно противопоставленных слов инофонами и будет ли это влияние совпадать с эффектами, проявившимися при восприятии тех же слов носителями русской лингвокультуры.

Экспериментальное исследование

Повторим, что гипотеза нашего исследования заключается в том, что при восприятии гендерно противопоставленных слов русского языка группами респондентов (носители РЯ как родного и инофоны) в разной степени будут активированы формальные особенности рода и когнитивные, социокультурно обусловленные факторы, а именно наличие гендерных стереотипов.

Для проверки данной гипотезы нами проводился поведенческий эксперимент с задачей на лексическое решение с фиксацией времени реакции. Используемый тип поведенческого эксперимента является одной из базовых методик в психолингвистике. Экспериментальная задача используется всегда отвлеченная, такая, чтобы участник не

понимал сути эксперимента, а данные о характере обработки языковых единиц получались исследователем косвенно и само восприятие языка проходило бессознательно и ненаправленно.

При разработке эксперимента основное внимание уделяется независимым переменным. Обычно контролируются релевантные психолингвистические параметры: частотность слова, длина побуквенная и послоговая, количество значений, морфологическая сложность и другие.

К достоинствам эксперимента относят возможность вызвать исследуемый процесс, чтобы пронаблюдать зависимость поведенческого явления от манипулируемых внешних условий, а также валидность – более точный контроль условий и переменных при воспроизводимости процесса [27].

Экспериментальный материал обычно обозначается термином «стимул». Обычно это языковые единицы, которые используются для создания задания информанту.

Время реакции определяется как время, измеряемое с начала представления стимула до реакции респондента. Этой реакцией является преимущественно нажатие клавиши либо любой другой отклик участника. Время реакции изменяется в зависимости от манипуляции независимыми переменными и психолингвистических параметров слова, поэтому важен их контроль.

В нашем эксперименте при изучении влияния семантико-функциональных и социокультурных факторов на процесс категоризации слов мужского, женского и среднего рода в экспериментальную методику были введены два категориальных предиктора: соотнесённость с гендерным стереотипом денотатов и указание на референта путем введения визуального прайминга. В дизайн был введен визуальный прайм мужского и женского лица для актуализации семантических стратегий когнитивной обработки (рис. 1). В практике поведенческих экспериментов прайминг определяется как воздействие, влекущее за собой более точное или быстрое решение задачи по отношению к такому же или аналогичному воздействию, или методический приём, в котором такое воздействие является ключевым фактором [13]. Применение метода прайминга видится нам особенно актуальным при изучении билингвизма, а также восприятию категории рода.

Таким образом, **дизайн эксперимента** представлял собой сочетание трёх независимых переменных:

1. Грамматическое значение рода слова с тремя уровнями: мужской, женский, средний. На основании данного фактора анализировалось и явление маркированности морфологической категории (маркированная, немаркированная).

Рис. 1. Праймирующее изображение

2. Семантическое значение рода с двумя уровнями: мужская стереотипная соотнесённость, женский стереотипная соотнесённость.
3. Прайминг-портрет с двумя уровнями: мужской, женский.

Материал исследования

В качестве целевых стимулов были отобраны 126 неодушевленных имён существительных (44 имени женского рода, 40 – мужского, 42 – среднего), которые на основе противопоставления флексий однозначно относились к одному из трех родов, т. е. были формально прототипическими. Для того чтобы избежать влияния других психолингвистически значимых факторов на скорость обработки, все стимулы контролировались по длине (послоговой и побуквенной, $p > ,05$), а также по фактору объективной частотности употребления (ipm , $p > ,05$). Фактор объективной частотности формировался на основании Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Для проведения нашего исследования целесообразно провести также предварительные тесты на знакомость и частотность употребления слов группами участников, т. е. ввести в анализ фактор субъективной частотности, поскольку, привлекая группу инофонов для участия в экспериментальной сессии, мы не можем утверждать, что все стимулы им знакомы в той же степени, что и носителям русского языка как родного. Данная задача входит в перспективы нашего исследования.

В качестве экспериментальной задачи была выбрана задача на лексическое решение (*lexical decision task*). Участникам предлагалось определить, является ли предъявленный на экране стимул словом или псевдословом. Вследствие этого также было подобрано 126 псевдослов (например, *лукн-а*, *порег-а* – для форм грамматического женского рода, *раг-*, *мукр-* – для форм грамматического мужского рода, *грев-о*, *мелн-о* – для слов грамматического среднего рода). В данной парадигме исследований задание на лексическое решение является преобладающим: задача отвлеченная, но задействует необходимость

к лексической обработке стимула. Контролируя факторы, способные повлиять на скорость обработки и противопоставляя стимулы по грамматическому и семантическому роду, мы предполагаем их влияние на обработку стимулов разными группами участников.

Участники

В качестве участников мы привлекли две исследуемые группы – группа носителей русского языка как родного и группа узбекско-русских и китайско-русских инофонов. В экспериментальной сессии приняли участие 36 носителей русского языка как родного (10 мужчин, средний возраст – 22 года, $SD = 2,8$), а также 23 инофона (6 мужчин, средний возраст – 26 лет, $SD = 5$).

Все участники заполняли анкету языкового опыта и основную личную информацию. Для всех участников билингвальной группы русский язык является вторым или третьим языком, языком обучения. Первый родной язык (узбекский или китайский) является доминирующим и активным в настоящее время. Уровень владения русским языком по субъективным оценкам варьируется между средним и высоким (B1–C1) в зависимости от времени погружения в русскую языковую среду: 9 китайско-русских инофонов являются студентами 2-го и 3-го курса Томского государственного университета и активно усваивают русский язык, остальные 14 билингвальных участников завершили образование и используют русский в своей профессиональной деятельности.

Процедура

Перед началом экспериментальной сессии в соответствии с требованиями этической комиссии Международного центра исследований развития человека Томского государственного университета испытуемые заполняли лист информированного согласия на участие в исследовании. Далее респонденты заполняли анкету языкового опыта и основную личную информацию (возраст и пол, родной язык, иностранные языки и их пропорциональное соотношение активации в разных видах языковой деятельности) и знакомились с процедурой эксперимента (рис. 2).

Процедура включала тренировочную и экспериментальную сессии. На экране участникам предъявлялись слова, каждое из которых нужно было отнести к слову или псевдослову. Участнику необходимо было нажать на клавишу «1», если он видел перед собой слово, или клавишу «3», если перед ним появлялось псевдослово.

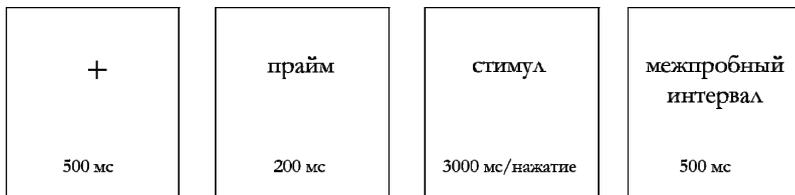

Рис. 2. Схема процедуры эксперимента

Между нажатиями клавиш указательный палец необходимо было возвращать на клавишу парковки (клавиша 2).

Эксперимент проводился онлайн дистанционно на платформе Cognition.run с использованием программного продукта JSpsych, JS version 7.3.1 [21].

Обработка данных была проведена в программе RStudio на языке R.

Результаты и обсуждение

Всего собрано 3 899 наблюдений в группе носителей русского языка как родного и 2 218 наблюдений в группе инофонов.

В результате нами выявлено влияние родного языка на скорость обработки слов: инофоны значительно дольше обрабатывают стимулы, чем носители русского языка как родного ($p < 0,01$, критерий Краскела – Уоллиса с поправкой Бонферрони).

Не было выявлено влияния структурно-языкового фактора (формальное грамматическое маркирование родовых противопоставлений) на обработку языковых единиц ни в одной из групп участников ($p > 0,1$, критерий Краскела – Уоллиса с поправкой Бонферрони).

Отмечается эффект семантического рода по скорости обработки слов инофонами ($p < 0,01$, критерий Манна – Уитни): лексические единицы, соотнесённые с женской стереотипной сферой, обрабатываются быстрее. Обнаруживается похожий пограничный эффект при обработке слов группой носителей русского языка как родного ($p = 0,09$, критерий Манна – Уитни).

Праймирование также повлияло на обработку слов инофонами: при обработке слов, соотнесённых с мужской стереотипной сферой, следующих за портретом мужского лица, скорость обработки увеличивается по сравнению с обработкой слов, соотнесённых с женской стереотипной сферой в тех же условиях ($p < 0,01$, нормализованная выборка, апостериорный анализ Тьюки, см. рис. 3 – ось y отображает время реакции в миллисекундах, ось x – значения времени реакции для данных выборок, prime m.png – мужской праймирующий портрет, prime w.png – женский праймирующий портрет).

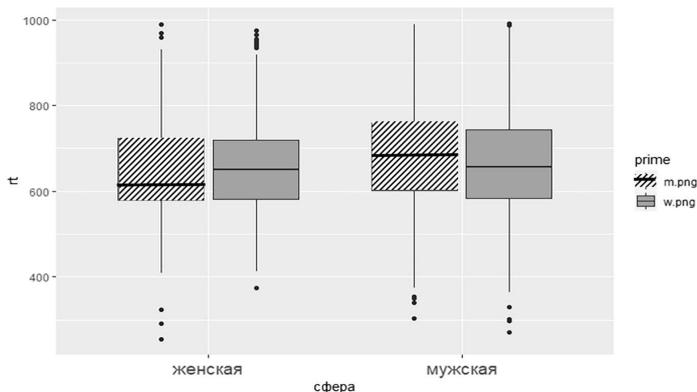

Рис. 3. Эффект прайминга при обработке противопоставленных по гендерной соотнесенности слов инофонами

Полученные результаты, наличие и отсутствие эффектов свидетельствуют о том, что инофоны оказываются чувствительнее к социально обусловленным факторам.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что сложная организация грамматикализованности гендера в русском языке проявляется в действии семантико-функциональных факторов, влияющих на обработку грамматически противопоставленных слов как носителями русского языка как родного, так и инофонами, в родных языках которых грамматическая категория рода отсутствует. При этом влияние данных факторов активируется в разной степени в зависимости от концептуализации гендерных значений в сознании носителя: практически не находит влияния на обработку слов носителями русского языка как родного и в большей степени проявляется при обработке форм инофонами, что свидетельствует об усвоении гендерных стереотипов и построении новых когнитивных связей, о гендерной соотнесённости с денотатом при усвоении второго русского языка.

Сформулированная гипотеза о влиянии родного языка инофона с отсутствующей категорией грамматического рода на когнитивную обработку слов русского языка, противопоставленных по грамматическому роду, подтвердилась.

Мы можем предположить, что инофоны, когнитивные механизмы обработки слов изучаемого языка которых исследовались, более чувствительны к семантическому роду в том числе и потому, что в родных языках билингов гендерная категоризация выражается

исключительно лексически. Полученные результаты соотносятся с выводами, полученными в предыдущем исследовании [7]. При этом мы также можем отметить, что усвоение грамматикализованного гендера влияет на еще более глубокие когнитивные процессы в сознании носителя языка с отсутствующей грамматической категорией рода, чем соотнесение единиц с уже заполненными родовым ячейками инофона, в родном языке которого есть грамматическая категория рода (ср. испанско-немецкий билингвизм, русско-испанский билингвизм и узбекско-русский билингвизм). К данному выводу мы приходим благодаря выявленному статистически значимому эффекту в группе инофонов, который является пограничным в группе носителей русского языка как родного, и более того, на предварительно собранных данных мы видим действие прайминга на обработку единиц инофонами. Степень глубины влияния на когнитивные процессы при усвоении второго языка в зависимости от представленности категории в родном языке билингва также отмечалась исследователями ранее в [14].

Вместе с тем результаты экспериментального исследования выявили недостаточность собранных данных ввиду отсутствия экспериментального контроля.

В перспективах исследования предполагается введение в анализ таких факторов, как субъективная частотность и предварительно выявленные стереотипы гендерной соотнесённости для каждой группы респондентов. Введение этих факторов поможет выявить наличие и характер гендерных стереотипов в группе инофонов и соотнести их со стереотипами, полученными по оценкам носителей русского языка как родного, а также позволит проанализировать влияние субъективной частотности на обработку стимулов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарко А.В.* К интерпретации одушевленности-неодушевленности, разрядов пола и категории рода (на материале русского языка) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных балканских и славянских языков. М.: Наука, 1976. С. 25–39.
2. *Вайсгербер Й.Л.* Язык и философия // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 114–125.
3. *Васильева А.В.* Восприятие эмоциональной лексики первого и второго языков в условиях языкового контактирования (тюркско-русский херитажный билингвизм) // Русин. 2022. № 70. С. 260–275. DOI: 10.17223/18572685/70/15

4. *Владимирцов Б.Я.* Следы грамматического рода в монгольском языке. ДАН-В. 1925. С. 31–34.
5. *Горелов В.И.* Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие для студ. пед. ив-тов по спец. «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1989. 318 с.
6. *Ельмслев Л.* О категориях личности – неличности и одушевлённости – неодушевлённости // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 123.
7. *Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е.* Влияние родного языка на когнитивную обработку грамматической категории рода // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 103–124.
8. *Резанова З.И., Некрасова Е.Д.* Когнитивная обработка маркированных и немаркированных членов грамматических оппозиций в русском и болгарском языках // Русин. 2017. № 48. С. 126–139. DOI: 10.17223/18572685/48/9
9. *Резанова З.И., Катунин Д.А., Мишанкина Н.А.* Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования) // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 164–171.
10. *Резанова З.И., Ершова Е.Ю.* Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 104–124. DOI: 10.17223/19986645/50/7
11. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. 466 с.
12. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/> (дата обращения: 17.06.2023).
13. *Фаликман М.В., Койфман А.Я.* Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2005. № 3. С. 86–97.
14. *Царегородцева О.В., Резанова З.И.* Влияние различий грамматической категоризации на концептуализацию объектов: русско-татарское языковое взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 54–61. DOI: 10.17223/15617793/438/7
15. *Щербак А.М.* Способы выражения грамматических значений в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 18–26.
16. *Andonova E., d'Amico S., Devescovi A., Bates E.* Gender and lexical access in Bulgarian // Perception & Psychophysics. 2004. № 66 (3). P. 496–507.
17. *Bialystok E., Craik F.I.M., Luk G.* Cognitive control and lexical access in younger and older bilinguals // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2008. № 34. P. 859–873.
18. *Boroditsky L.* First-language thinking for second language understanding: Mandarin and English speakers' conceptions of time // Proceedings of the 21st Annual Meeting of the Cognitive Science Society. Vancouver, BC. 1999.

19. *Boroditsky L., Schmidt L.A., Phillips W.* Sex, syntax, and semantics // *Language in mind: Advances in the study of language and thought.* 2003. P.61–79.
20. *Corbett G.G.* Number of Genders // *The World Atlas of Language Structures Online.* Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Chapter 30.
21. *De Leeuw J.R.* jsPsych: A JavaScript library for creating behavioral experiments in a Web browser // *Behavior Research Methods.* 2014. № 47 (1). P. 1–12. DOI: 10.3758/s13428-014-0458-y
22. *Gabriel U., Kim J., Öttl A., Gygax P., Cui, L., Hyönä J., Nagel O.* Norms on the Gender Perception of Role Nouns: Gender Ratio Data for Chinese, Finnish, and Russian // *Journal of Open Psychology Data.* 2023. № 11: 2. P. 1–9. DOI: 10.5334/jopd.73
23. *Gagarina N.* Acquisition and loss of L1 in a Russian-German bilingual child: A case study // *Путь в язык: одноязычие и двуязычие.* Moscow, 2011. P. 137–163.
24. *Kurinski E., Jambor E., Sera M.D.* Spanish grammatical gender: Its effects on categorization in native Hungarian speakers // *International Journal of Bilingualism.* 2016. Vol. 20, № 1. P. 76–93.
25. *Mills A.E.* Acquisition of the natural-gender rule in English and German // *Linguistics.* 1986. Vol. 24, № 1. P. 31–46.
26. *Scott G.G., Keitel A., Becirspahic M., Yao B., Sereno S.C.* The Glasgow Norms: Ratings of 5,500 words on nine scales // *Behavior Research Methods.* 2018. DOI: 10.3758/s13428-018-1099-3
27. *St. James J.D., Schneider W., Eschman A.* PsychMate student guide, version 2.0: experiments for teaching psychology. Pittsburgh, PA: Psychology Software Tools, Inc., 2005. Ch. 5.1.

REFERENCES

1. Bondarko, A.V. (1976) K interpretatsii odushevlenosti-neodushevlenosti, razryadov pola i kategorii roda (na materiale russkogo yazyka) [On the interpretation of animacy-inanimacy, lexical and grammatical gender (based on the Russian language). In: Demina, E.I. (ed.) *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy morfologii sovremennykh balkanskikh i slavyanskikh yazykov* [Slavic and Balkan linguistics. Problems of morphology of modern Balkan and Slavic languages]. Moscow: Nauka. pp. 25–39.
2. Weisgerber, J.L. (1993) Yazyk i filosofiya [Language and Philosophy]. *Voprosy yazykoznanija.* 2. pp. 114–125.
3. Vasilyeva, A. V. (2022) Perception of the emotional vocabulary of the first and second languages in terms of language contact (Turkic-Russian heritage bilingualism). *Rusin.* 70. pp. 260–275 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/15

4. Vladimirtsov, B.Ya. (1925) *Sledy grammaticheskogo roda v mongol'skom yazyke* [Traces of grammatical gender in the Mongolian language]. DAN-V. pp. 31–34.
5. Gorelov, V.I. (1989) *Teoreticheskaya grammatika kitayskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Chinese language]. Moscow: Prosveshchenie.
6. Elmslev, L. (1972) O kategoriyakh lichnosti – nelichnosti i odushevlenosti – neodushevlenosti [On the categories of personality - non-personality and animacy – inanimacy]. In: Revzina, O.G. (ed.) *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of various systems]. Moscow: Nauka. p. 123.
7. Nekrasova, E.D., Rezanova, Z.I. & Paliy, V.E. (2019) The Influence of the Native Language (L1) on the Cognitive Processing of the Grammatical Gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic Bilinguals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 103–124 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/6
8. Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2017) Cognitive processing of marked and unmarked members of grammatical oppositions in Russian and Bulgarian. *Rusin*. 2(48). pp. 126–139 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/9
9. Rezanova, Z.I., Katunin, D.A. & Mishankina, N.A. (2003) Metaphorical modeling in the language picture of the world (to substantiate research methods). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 277. pp. 164–171 (in Russian).
10. Rezanova, Z.I. & Ershova, E.Yu. (2017) The influence of the grammatical gender on the conceptualisation of objects (an experimental study). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 104–124 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/7
11. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
12. *Russian corpus grammar*. [Online] Available from: <http://rusgram.ru/> (Accessed: 17th June 2023).
13. Falikman, M.V. & Koifman, A.Ya. (2005) Vidy prayminga v issledovaniyakh vospriyatiya i pertseptivnogo vnimaniya [Types of priming in studies of perception and perceptual attention]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*. 3. pp. 86–97.
14. Tsaregorodtseva, O.V. & Rezanova, Z.I. (2019) Influence of differences in grammatical categorization on the conceptualization of objects: Russian-Tatar language interaction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 54–61 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/438/7
15. Shcherbak, A.M. (1957) Sposoby vyrazheniya grammaticheskikh znacheniy v tyurkskikh yazykakh [Ways of expressing grammatical meanings in Turkic languages]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 18–26.
16. Andonova, E, d'Amico, S., Devescovi, A. & Bates, E. (2004) Gender and lexical access in Bulgarian. *Perception & Psychophysics*. 66(3). pp. 496–507.

17. Bialystok, E., Craik, F.I.M. & Luk, G. (2008) Cognitive control and lexical access in younger and older bilinguals. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 34. pp. 859–873.
18. Boroditsky, L. (1999) First-language thinking for secondlanguage understanding: Mandarin and English speakers' conceptions of time. *Proceedings of the 21st Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. Vancouver, BC.
19. Boroditsky, L., Schmidt, L.A. & Phillips, W. (2003) Sex, syntax, and semantics. In: Gentner, D. & Goldin-Meadow, S. (eds) *Language in mind: Advances in the study of language and thought*. The MIT Press. pp. 61–79.
20. Corbett, G.G. (2013) Number of Genders. *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Chapter 30.
21. De Leeuw, J.R. (2014) jsPsych: A JavaScript library for creating behavioral experiments in a Web browser. *Behavior Research Methods*. 47(1). pp. 1–12. DOI:10.3758/s13428-014-0458-y
22. Gabriel, U., Kim, J., Öttl, A., Gygax, P., Cui, L., Hyönä, J. & Nagel, O. (2023). Norms on the Gender Perception of Role Nouns: Gender Ratio Data for Chinese, Finnish, and Russian. *Journal of Open Psychology Data*. 11(2). pp. 1–9. DOI: 10.5334/jopd.73
23. Gagarina, N. (2011) Acquisition and loss of L1 in a Russian-German bilingual child: A case study. In: Tseytlin, S.N. (ed.) *Put' v yazyk: odnoyazychie i dvuyazychie* [The path to language: monolingualism and bilingualism]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 137–163
24. Kurinski, E., Jambor, E. & Sera, M.D. (2016) Spanish grammatical gender: Its effects on categorization in native Hungarian speakers. *International Journal of Bilingualism*. 20(1). pp. 76–93.
25. Mills, A.E. (1986) Acquisition of the natural-gender rule in English and German. *Linguistics*. 24(1). pp. 31–46.
26. Scott, G.G., Keitel, A., Becirspahic, M., Yao, B. & Sereno, S.C. (2018) The Glasgow Norms: Ratings of 5,500 words on nine scales. *Behavior Research Methods*. 51. pp. 1258–1270. DOI: 10.3758/s13428-018-1099-3
27. St. James, J.D., Schneider, W. & Eschman, A. (2005) *PsychMate student guide, version 2.0: experiments for teaching psychology*. Pittsburgh, PA: Psychology Software Tools, Inc.9

Владимирова Валерия Евгеньевна – младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Valeriia E. Vladimirova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: picture_perfect@mail.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/13

Славянская языковая личность в неславянском окружении (на материале речи русских и их потомков в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР)

Е.А. Оглезнева¹, С.В. Гордеев²

¹ Томский государственный архитектурно-строительный университет
Россия, 634003, г. Томск Соляная площадь, 2

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

² Хэйхэский университет, Хэйхэ, Китай

E-mail: gordeev-sergei@inbox.ru

Авторское резюме

Представлена типология языковых личностей русских и их потомков, проживающих на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района в Китае. Русские, представители восточнославянской языковой группы, на протяжении длительного времени, с середины XIX в. до настоящего времени, проживают в Синьцзяне, в окружении носителей 53 генетически неродственных (сино-тибетских, алтайских, тайских, австроазиатских) и типологически отличных (изолирующих и агглютинирующих) языков, и сохраняют родной язык. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, определивших высокую степень витальности индоевропейского флективного славянского языка – русского в нетипичных условиях языкового существования, а именно вне метрополии, на исторически неисконной территории, в ситуации выраженного многоязычия. Новизна исследования определяется полученными новыми данными для сравнительно-сопоставительного анализа состояния русского языка в русскоязычных анклавах на территории Китая. Объектом анализа выступают языковые личности русских и их потомков, проживающих в настоящее время в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР, КНР). Изучение языковых личностей русских и их потомков осуществлено на фоне нестандартной языковой ситуации с участием демографически маломощного, но демонстрирующего высокую коммуникативную мощь русского языка – языка немногочисленного славянско-

го этноса в Синьцзяне. Выявлено несколько типов языковых личностей русских и их потомков в современном Синьцзяне. Отличительной чертой русскоязычного анклава в Синьцзяне является сохранение этнических русских до третьего поколения, хорошо говорящих на русском языке, несмотря на рождение и жизнь вне метрополии.

Ключевые слова: русский язык в Китае, Синьцзян, языковая ситуация, многоязычие, языковая личность, витальность языка

Slavic language personality in a non-Slavic environment (based on the speech of the Russians and their descendants in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China)

Elena A. Oglezneva¹, Sergey V. Gordeev²

¹ Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering

2 Solyanaya Square, Tomsk, 634003, Russia

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

² Heihe University, Heihe, China

E-mail: gordeev-sergei@inbox.ru

Abstract

The article presents the typology of language personalities of the Russians and their descendants living in the territory of the modern Xinjiang Uygur Autonomous Region in China. Russians, representatives of the East Slavic language group, have been living in Xinjiang since the middle of the 19th century. Nowadays, they are surrounded by the speakers of fifty-three genetically unrelated (Sino-Tibetan, Altai, Thai, Austroasiatic) and typologically different (isolating and agglutinating) languages, but they keep their native language. The relevance of the study is determined by the need to identify the linguistic and extralinguistic factors that determined the high degree of vitality of the Indo-European inflexional Slavic language – Russian – in atypical conditions of language existence, namely, outside the metropolis, in historically non-native territory, in a situation of pronounced multilingualism. The authors use new data for the comparative analysis of the Russian language state in the Russian-speaking enclaves in China. The object of the analysis is language personalities of the Russians and their descendants currently living in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR, PRC). Russian language personalities and their descendants were studied against the background of a non-standard linguistic situation, where the Russian language, though demographically weak being the language

of a small Slavic ethnic group in Xinjiang, demonstrates high communicative power. The authors have identified several types of language personalities of the Russians and their descendants in modern Xinjiang. The distinctive feature of the Russian-speaking enclave in Xinjiang is the preservation of ethnic Russians up to the third generation, who speak Russian well, despite being born and living outside the metropolis.

Key words: Russian language in China, Xinjiang, language situation, multilingualism, language personality, language vitality

Географическая сопредельность России и Китая привела к разнообразным формам взаимодействия народов этих стран и их языков. На территории Китая ещё до конца XIX в. сложилось несколько славянских анклавов: на северо-востоке Китая, в городе Харбине и по линии Китайско-Восточной железной дороги, где проживали занятые на строительстве КВЖД русские, поляки, украинцы, белорусы; в Трёхречье, где обосновались русские казаки и крестьяне из Забайкалья; на правобережье Амура, куда переселялись с левого российского берега Амура русские и украинцы [10; 18: 80–82; 19: 301]. Самый многочисленный славянский анклав в Китае, представленный русскими и их потомками, находится в Синьцзяне – Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), на северо-западе страны, граничащем с Монголией, Россией, Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Индией и Пакистаном.

История возникновения русского анклава в китайском Синьцзяне

Одними из первых в Синьцзяне появились русские старообрядцы, которые в 30-е гг. XIX в. обосновались в посёлках Канас и Ком [30: 22–23]. Оставаясь закрытыми для внешнего мира, старообрядцы сохраняли архаичный русский язык и вели автономный образ жизни [33: 66].

В 1851 г. в Синьцзяне после подписания Кульджинского договора появились российское консульство и торговое представительство, позволившие купцам из России попасть в Илийский край на севере Синьцзяна, после чего туда начали переселяться русские поселенцы [11: 75; 35: 250].-

В 70-е гг. XIX в. численность русского населения в Синьцзяне составляла около 2 тыс. человек и была представлена русскими крестьянами, рабочими, казаками, военными, торговцами [21: 200; 27: 22–23]. Большинство из них проживало в Урумчи, Суйдуне, Чугучаке и Кульдже [5: 63]. Именно они представляли *первую русскую переселенческую волну* в Синьцзян [7: 34, 38; 9: 31].

В начале XX в. русские продолжали успешно интегрироваться на территории Синьцзяна. Численность занятого в торговле и на производстве русского населения оставалась довольно значительной: так, в 1907 г. в Синьцзяне было около 10 тыс. русских торговцев; было открыто 290 торговых лавок только в Чугучаке, а в Кульдже появился российский торговый квартал [1: 53; 14: 66]. Русский язык играл в Синьцзяне того времени важную роль, функционируя в экономической сфере: торговля российскими купцами осуществлялась на русском языке, и не только со своими соотечественниками, но и с представителями других национальностей.

Вторая русская переселенческая волна в Синьцзян была более многочисленной и пришлась на 1917–1922 гг. По причине Гражданской войны в России в Синьцзяне оказались значительные формирования Белой армии, а также представители купечества и крестьянства, не принявшие советскую власть [16: 4]. В 1920-е гг. русских в Синьцзяне было 19 392 человека. Они занимали седьмое место по численности среди представителей других национальностей Синьцзяна [17: 127–128].

Третья волна русского переселения в северо-западный Китай пришла на 1930–1940-е гг., и она увеличила количество русских там. Главной причиной переселения из Советской России стала коллективизация и разразившийся там голод. В результате в Синьцзян бежали крестьяне, казаки из Семиречья (юго-восточная часть Казахстана), священнослужители. Кроме того, после 1938 г. была осуществлена депортация китайского населения с территории Дальнего Востока. Многие китайцы, проживавшие на дальневосточных российских территориях, состояли в браке с русскими женщинами, и депортация затронула всех членов китайско-русских семей. По прибытии в Китай они получили гражданство Китая, став частью населения Синьцзяна [2]. К концу 1934 г. в Синьцзян прибыло 15 тыс. русских переселенцев, среди которых было много крестьян. Появилось большое количество населённых пунктов, где говорили на русском языке: села Луцаогуо в уезде Суйдун, Каладала в уезде Текес, Дасигуо в уезде Хочэн, Айрамбак в районе г. Кульджа (современный Инин), Русское в уезде Нилки и др. [30: 23]. Таким образом, к концу 1930-х гг. в Синьцзяне проживало более 50 тыс. русских [2]. Кроме того, в 1930-е гг. в Синьцзяне была и большая община старообрядцев, которые переселились из Казахстанского Алтая [22: 72].

В середине 1930-х гг. в Кульдже и Урумчи появились русские кварталы, а вместе с ними и различные эмигрантские организации, театр, кино, русские общественные клубы и др. [16: 4]. В 1940–1950-е гг. основным русскоязычным печатным изданием Синьцзяна была

газета «Вестник народа», а также газета «Голос Родины» и журнал «Отчизна» [15; 32: 95–97]. Первые русские школы Синьцзяна открылись ещё в дореволюционное время [11: 76]; к 1950 г. в «русской столице Синьцзяна» Кульдже было три русских школы [25]; в Урумчи – Синьцзянская правительственная гимназия [28: 136]. Русские школы просуществовали до 1960-х гг. – до культурной революции [20: 2633].

Повседневное общение русскоязычного населения Синьцзяна происходило на русском языке. Представители старшего поколения русских, по воспоминаниям их потомков, требовали, чтобы дети дома говорили только по-русски: *Старшая Аня / Анюта / вторая Пута / третья Тоня // <...> Нет / китайских имен нет у нас // <...> Я вообще им запрещал / чтоб между собой по-китайски дома не говорили ...* // [24].

Массовый отъезд русскоязычного населения из Синьцзяна начался в середине 1960-х гг. во время культурной революции. Потомки от смешанных браков русских и китайцев отправлялись в трудовые лагеря на перевоспитание, а «чистокровным» русским позволили эмигрировать [23]. Русские, оставшиеся в Синьцзяне, в этих условиях сознательно отказывались обучать своих детей русскому языку [26: 127].

Жизнь русских и их потомков в Синьцзяне начала налаживаться только к 1980-м гг. Начался новый период в политической и экономической жизни Китая, а вместе с тем и новый период в жизни потомков русских переселенцев. Русский язык в Синьцзяне снова стал свободно использоваться в повседневном общении; начали восстанавливать православные храмы, в 1985 г. открылась Кульджинская русская школа: *А вот в восьмь пятом году обратно открыли / школу // Вот наша сестрёнка / братишка / они ешо учились там // (С)перва открыли класс / а после уже школа...* // [24].

К 1990 г. численность русскоязычного населения составила 8 065 человек (0,053 % от общей численности населения СУАР), после чего она начала постепенно расти и остается стабильной [11: 78]. На сегодняшний день русскоязычная диаспора Синьцзяна является самой многочисленной русскоязычной диаспорой в Китае и включает около 12 тыс. человек [3: 167].

О специфике современной языковой ситуации в СУАР

Нахождение русских в Синьцзяне в окружении различных этнических групп, культур и религий определило особую по количественным, качественным и оценочным параметрам языковую ситуацию в СУАР. Языковая ситуация (ЯС) понимается нами традиционно как «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотно-

шении и функциональном взаимодействии в границах определённых географических регионов или административно-политических образований» [4: 5693].

Уникальность ЯС в современном Синьцзяне определяется исключительным разнообразием языков, функционирующих на этой территории. По данным правительства Синьцзяна, в настоящее время на данной территории проживают представители 55 народностей Китая, численность которых составила в 2017 г. более 22 млн человек [34: 1448]. К ним относятся уйгуры, китайцы, казахи, киргизы, монголы, узбеки, дулуны, дауры, салары, ачаны, буланы, дайцы, шуйцы, корейцы, тибетцы, русские и многие др. [36]. Соответственно, в Синьцзяне говорят на уйгурском, китайском, казахском, киргизском, монгольском, узбекском, даурском, саларском, ачанском, дайском, шуйском, корейском, тибетском, русском и других языках. В СУАР используется как минимум 53 языка, которые в совокупности демонстрируют *поликомпонентность, многоязычность и дисгармоничность* языковой ситуации в современном Синьцзяне [7: 34, 38; 9: 31]. Некоторые языки имеют особый статус и используются как в неофициальной, так и официальной коммуникации устно и письменно. Так, уйгурский язык имеет статус титульного языка, а китайский – государственного языка. Оба названных языка обладают статусом официальных и используются в судопроизводстве, делопроизводстве и законодательстве [13: 141; 29]. Официальным статусом также обладают монгольский, киргизский и казахский языки [12: 113; 29; 31: 37]. В то же время многие языки Синьцзяна функционируют, как правило, в бытовой сфере внутри своей этнической группы. Китайский и уйгурский языки – местные функционально доминирующие идиомы Синьцзяна, что определяет *многополюсность* языковой ситуации там [7: 38; 9: 38].

Языки Синьцзяна различаются по структурно-генетическим признакам: там функционируют языки типологически различные (изолирующие и агглютинирующие языки) и генетически неродственные (алтайские, тайские, сино-тибетские и австроазиатские языки), что позволяет заключить следующее: современная языковая ситуация в СУАР является *гетерогенной и гетероморфной*. Кроме того, она может быть охарактеризована и как *гомогенная и гомоморфная*: одновременно функционируют языки одной языковой семьи, типологически и генетически схожие, и *гетерогенная и гомоморфная*: одновременно бытуют разные генетически, но морфологически схожие языки [7: 37].

Современная языковая ситуация в Синьцзяне является *разномошной*, так как демографическая мощь её идиомов различна. Максимальный показатель демографической мощи наблюдается у уйгурского языка (0,48), поскольку численность уйгурского населения

в СУАР является наибольшей (более 11 млн человек). Далее следуют китайский (0,37), казахский (0,069), киргизский (0,009), монгольский (0,008), таджикский (0,002), сибирский (0,002), узбекский (0,0008), русский (0,0005) и другие (0,054) языки [9: 34].

Различная коммуникативная мощность языков (от 0,3 до 1) обуславливает *неравносность* современной языковой ситуации в Синьцзяне. Максимальный уровень коммуникативной мощности имеет китайский язык (1), охватывающий все возможные сферы использования языка. Значительный уровень коммуникативной мощности присущ уйгурскому, казахскому и киргизскому языкам (0,9). Меньший показатель коммуникативной мощности у сибирского (0,7), русского (0,5), таджикского (0,3), узбекского (0,3) и других языков [9: 36].

Русский язык в СУАР, имея низкую демографическую мощность (0,0005), обладает достаточно высоким показателем коммуникативной мощности (0,5) в регионе. Будучи языком немногочисленного славянского этноса в Синьцзяне, он сохраняется на протяжении длительного времени и продолжает функционировать в различных коммуникативных сферах: религиозной [8: 51; 15]; образовательной [8: 51]; культурной [6: 88]; производственной [6: 87]; бытовой, которая является основной для коммуникации на русском языке русскоязычного населения Синьцзяна. В бытовой сфере русский язык представлен просторечно-диалектной формой [8: 50].

Русские и их потомки в современном Синьцзяне как языковые личности

Современный русскоязычный анклав в Синьцзяне обладает собственной спецификой по сравнению с другими русскоязычными анклавами в Китае в начале XXI в. – в Трёхречье и на правобережье Амура. Главная его особенность в том, что в Синьцзяне проживают этнические русские (не метисы) в трёх-четырёх поколениях, сохранившие русский язык своих предков без явных следов интерференции со стороны других языков, в окружении которых они находятся в течение всей жизни.

Источником для изучения русского языка в Синьцзяне выступили записи устной речи русских и их потомков в объёме 26 часов звучащего текста, сделанные в 2018 г. в городах Инин и Урумчи от 8 информантов. В ходе интервьюирования собрана информация о языковых компетенциях более 60 информантов¹.

В основе разработанной типологии языковых личностей (ЯЛ) анализ их русской речи и языковых компетенций. Все ЯЛ принадлежат к потомкам третьей русской переселенческой волны в Синьцзян

(30–40-е гг. XX в.). Следует выделить два основных типа ЯЛ: 1) потомки русских переселенцев – этнические русские; 2) потомки русских переселенцев – метисы. Каждый из типов представлен несколькими подтипами. Внутри типов и подтипов ЯЛ дифференцируются по следующим типологизирующим признакам: 1) по принадлежности к поколению переселенцев; 2) по степени владения русским языком; 3) по составу языковых компетенций в русском языке (понимают/говорят/пишут-читают); 4) по соответствию русской речи нормам русского языка; 5) по наличию/отсутствию интерференции в русской речи; 6) по количеству используемых в коммуникации языков; 7) по функциональному распределению языков.

Тип 1. Потомки русских переселенцев – этнические русские

Подтип 1А. Основной язык – русский.

Это потомки русских переселенцев в **третьем** поколении 1950–1960-х гг. рождения: Александр Сергеевич З., 1958 г. р., и 12 его братьев (Анатолий, Леонтий, Семён, Геннадий, Данила, Алексей, Борис, Виталий) и сестёр (Дина, Татьяна, Лидия, Вера), рождённых с 1953 по 1982 г.; его супруга Алла Ивановна К., 1966 г. р., а также 3 её брата (Аркадий, Борис, Вениамин) и 2 сестры (Ангелина, Екатерина), рождённые в 50-е и 60-е гг.; Римма Ивановна Л., 1955 г. р., а также её брат Николай и сестра Любовь, также рождённые в 1950–1960-е гг. Всего 21 человек, о которых удалось получить информацию. Полагаем, что представителей подтипа 1А сохранилось в современном СУАР гораздо больше.

Все они свободно говорят по-русски на любые темы, имеют обширный лексический запас, используют языковые средства выразительности: образную и эмоционально-экспрессивную лексику, идиоматичные выражения и др. Форму их русской речи можно определить как диалектно-просторечную. Это русская народная речь, которую они усвоили от своих русских родителей.

Большинство представителей этого подтипа обладают полным набором компетенций в русском языке: хорошо понимают русскую речь, свободно говорят, могут писать и читать по-русски. До середины 1960-х гг. они могли обучаться в русских школах, после только родители могли научить русской грамоте: *И двох классов не кончил /самоучка /от родителей // Во время культурной революции здесь напряженно было /книг много пожгли //*[24]. Русская речь представителей подтипа 1А соответствует диалектной норме русского языка. Интерференция под влиянием других языков для их русской речи не свойственна. Все они многоязычны: кроме родного русского языка, владеют китайским, уйгурским, казахским языками в разной степени. Основным языком для представителей подтипа 1А является русский: он используется в

повседневной коммуникации в семье (если супруг русский) и в среде соотечественников при совместной производственной деятельности и в православной общине. Китайский язык, государственный язык, входит в лингвистический арсенал всех представителей подтипа 1А как необходимый инструмент социализации.

Подтип 1Б. Основной язык – китайский.

Это **четвёртое** поколение русских переселенцев в Синьцзян – поколение правнуков, рождённых в 1980–1990-е гг. в Китае в браках с русскими. Это дети Александра Сергеевича З. и Риммы Ивановны Л., а также дети их братьев и сестёр, рождённые в 1980–1990-е гг. XX в. в Китае в браках с русскими: Павел (1985 г. р.), Григорий (1986 г. р.) и Юрий (1987 г. р.) – сыновья Риммы Ивановны; Анна (1990 г. р.), Маргарита (1996 г. р.) и Антонина (1998 г. р.) – дочери Александра Сергеевича З.

Они свободно говорят по-русски, имеют достаточный для коммуникации на разные темы словарный запас. Русский язык для них – это прежде всего язык семейного общения. Однако читать и писать по-русски могут лишь те, кто окончил русскую школу.

Представители подтипа 1Б многоязычны: кроме родного русского языка, они владеют китайским и другими местными языками. Основным языком для них является китайский: он используется во всех сферах коммуникации, кроме семейной. В семье также есть дифференциация по употреблению языков: *Дети между собой по-китайски / с родителями по-русски / все уже работают / живут в Кульдже // [24].* Принципиальное отличие подтипов 1А и 1Б состоит в функциональном распределении языков у разных поколений этнических русских в Синьцзяне. Для подтипа 1Б, представленного самым молодым поколением потомков русских переселенцев, китайский язык оказывается более актуальным. Если в семьях их русских бабушек и дедушек не допускалась коммуникация на чужом языке (*Родители чё-то нас так держали / чтобы своёго не потеряли //; В семье – по-китайски, а раньше – по-русски, родители запрещали ни по-уйгурски, ни по-казахски // [24]*), то их родители проявляют лояльность: *Я сначала запрещал по-китайски говорить, а потом думаю: Зачем? Они живут в Китае // [24].*

Тип 2. Потомки русских переселенцев – метисы.

Подтип 2А. Основной язык – китайский. Русский – неинтерферированный.

Представители этого подтипа относятся ко второму поколению русских переселенцев в Синьцзян, они родились в Китае или были привезены туда в раннем детском возрасте и являются метисами во втором поколении: у них русские матери и отцы-китайцы. Тип

2А представляют: Тамара Васильевна Б., 1946 г. р., род. в Китае, а также её сестра Нина, 1937 г. р.; Раиса Николаевна Я., 1939 г. р., род. в России, переехала с родителями в Китай в возрасте 1 год, а также её родные братья Михаил, Анатолий, Владимир и сестра Тамара, все 1930-х гг. р. Всего 7 человек. Тамара Васильевна Б. и Раиса Николаевна Я. замужем за китайцами.

Представителей подтипа 2А характеризует беглая русская речь, обширный русский словарный запас повседневно-обиходной сферы; они могут свободно говорить на русском языке на разные темы: семья, праздники, продукты питания, садовые и огородные растения и т. п.; используют образные и эмоционально-экспрессивные средства русского языка; владеют русской идиоматикой. Они обладают полным набором языковых компетенций на русском языке: понимают/говорят/пишут-читают. Разговорная речь представителей подтипа 2А в обстановке неофициального дружеского общения соответствует диалектно-просторечной форме русского языка. Их русской речи не свойственна интерференция под влиянием китайского или других местных языков. При коммуникации друг с другом они легко переключаются с русского на китайский язык.

Представители подтипа 2А многоязычны: владеют, кроме русского, китайским языком. Предполагаем знание ими уйгурского и казахского языков по аналогии с другими потомками русских переселенцев в многонациональном и многоязычном Синьцзяне. Представители подтипа 2А своим основным языком считают русский, однако в данном случае очевидна паритетность русского и китайского языков, распределённых по актуальным коммуникативным сферам: общение с соотечественниками – на русском языке, официальная и повседневная коммуникация – на китайском языке.

Подтип 2Б. Основной язык – китайский. Русский – интерферируемый. Представители подтипа 2Б родились в Китае и принадлежат ко второму или третьему поколению потомков русских переселенцев в Синьцзян. Они являются метисами во втором или третьем поколении. Их русские матери или бабушки вышли замуж за китайцев и переехали в Китай. Тип 2Б представляют: Борис Михайлович Г., 1947 г. р., и его родные братья Юрий, 1943 г. р., Леонид, 1949 г. р., Сергей, 1951 г. р., Николай, 1953 г. р., Дмитрий, 1955 г. р., Илья, 1957 г. р. и сестра Евдокия, 1959 г. р.; Вера Михайловна К., 1939 г. р., и её сёстры Галина, 1937 г. р., Тамара, 1943 г. р., Валентина, 1949 г. р., а также её дочь Екатерина, 1963 г. р., и сын Константин, 1967 г. р.; Екатерина Александровна З., 1970 г. р., и ее сёстры Лидия, Зоя, Валентина, Людмила, Галина, 1960-х гг. рождения, и братья Геннадий, Николай, Леонид, Иван, 1970-х гг. рождения. Всего 24 человека.

Представители подтипа 2Б менее свободно, чем представители подтипа 2А, говорят по-русски, хотя их словарный запас достаточен для коммуникации на разные темы; они хорошо понимают русский язык и продуцируют развёрнутые высказывания на нем, однако многие не умеют читать и писать по-русски. Их русская разговорная речь представлена в диалектно-просторечной форме. В их русской речи присутствует интерференция под влиянием китайского языка, которая проявляется на всех уровнях языковой системы: в произношении и интонировании (*В Чебучак тоже есь **Моломоф Школа***), в грамматике (*Сейчас **китайски имя** нету; Унас **русский кампаний** есть; Э йеты три уже давнола* (кит.: 了, ла) *уже нету*) и лексике (***Фанзы-то фанзы-то** раньше как мы жили **фанзы*** (кит.: 房子) *вот эти вот?*).

Основным языком у представителей подтипа 2Б является китайский, который они используют во всех ситуациях официального и неофициального общения. Русский язык используется ситуативно – в кругу бывших соотечественников. В семейном общении используется китайский язык, т. к. супруги представителей подтипа 2Б являются китайцами.

Подтип 2В. Основной язык – китайский. Русский язык не используют.

Представители подтипа 2В родились в Китае и принадлежат к третьему, четвёртому или пятому поколению потомков русских переселенцев в Синьцзян, являются метисами в четвёртом или пятом поколении. По-русски они не говорят. К представителям подтипа 2В можно отнести: Аллу, 1991 г. р., дочь Екатерины Александровны З.; Виктора, 1964 г. р., сына Веры Михайловны К.; Надежду, 1958 г. р., жену Бориса Михайловича Г., и его детей – Геннадия, 1974 г. р., Вячеслава, 1978 г. р., Павла, 1981 г. р., Лидию, 1985 г. р., а также пятое поколение метисов – потомков русских переселенцев в Синьцзян – которое по-русски, как правило, уже не говорит. Основным языком является китайский, который они используют во всех ситуациях официального и неофициального общения.

Заключение

Современный русскоязычный анклав в Синьцзяне в отличие от других славянских анклавов в Китае характеризуется сохранением этнических русских в третьем и четвёртом поколениях потомков русских переселенцев и функционированием неинтерферированной русской речи как у этнических русских, так и у метисов во втором поколении. Причины такого положения видятся в следующем:

1. Степень сохранности родного языка в исконном (неинтерферированном) виде в условиях иноязычного окружения коррелирует

с наличием /отсутствием метисации. Отсутствие метисации в третьем-четвёртом поколениях переселенцев способствует сохранению родного языка. Метисация же приводит к постепенному стиранию признаков недоминирующих этносов и исчезновению их языков.

2. Многонациональность и многоязычие региона способствуют толерантному отношению к разным языкам и культурам в регионе, включая русскую, и отсутствию языковой стагнации.

3. Относительно большая численность недоминирующего этноса благоприятствует его воспроизводству и объективной необходимости говорить на родном для этноса языке.

Примечания

1. Информация о языковых компетенциях информантов и членов их семей была получена во время интервью по специально разработанному вопроснику, целью которого было выявление языковых компетенций информантов и членов их семей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бармин В.А.* Влияние этнического фактора на торгово-экономические связи приграничных областей России с провинцией Синьцзян // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы III научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Барнаульского государственного педагогического университета, 1998. С. 52–54.

2. *Благовидова Т.* Совсем иная диаспора // Мы и Китай. Ежемесячное издание о жизни за Великой стеной. 2017. URL: <http://weandchina.ru/2017/02/15/sovsem-inaya-diaspora> (дата обращения: 8.02.2018).

3. *Ван Ц.* Векторы современного этносоциального и этнокультурного развития уйгур Синьцзян-Уйгурского автономного района // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 166–177.

4. *Виноградов В.А.* Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с.

5. *Гордеев С.В.* Об использовании русского языка в Синьцзян-Уйгурском автономном округе в конце XX – начале XXI в. // Проблемы лингвистики и медиакommunikаций: материалы национальной научной конференции с международным участием. Благовещенск, 2019.

6. *Гордеев С.В.* Русскоязычное население и сферы использования русского языка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (середина XIX – начало XXI века) // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4 (48). С. 80–92. DOI: 10.35785/2072-9464-2019-48-4-80-92

7. Гордеев С.В. Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: качественные и оценочные признаки // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8, № 2. С. 32–48. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_2_32

8. Гордеев С.В. Сферы использования русского языка в современном Синьцзяне (на материале текстов воспоминаний потомков русских переселенцев) // Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. 2019. № 3. С. 49–53.

9. Гордеев С.В. Оглезнева Е.А. Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: количественные признаки // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6, № 4. С. 29–42. DOI: 10.22250/2410 7190_2020_6_4_29_42

10. Гордеева С.В. Русский язык в приграничном Китае (на материале русской речи русских переселенцев в Китай 20–40-х гг. XX в. и их потомков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 27 с.

11. Гутин И.Ю. Динамика численности русского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района (1949–2000 гг.) // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 3. С. 74–82.

12. Капицын В.М., Ван Я. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика // *Ars Administrandi*. 2013. № 3. С. 107–117.

13. Клиновский В.А. Языковая политика КНР в Синьцзяне и её роль в китайско-уйгурском конфликте // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2 (18). С. 140–143.

14. Лашутина Е.Н. История появления русского населения в Синьцзяне и попытки сохранения русской идентичности на современном этапе // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы III международной научно-практической конференции / отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск: Изд-во Благовещенского государственного педагогического университета, 2013. С. 66–68.

15. Ломанов А. Учитель из Кульджи // *Время новостей*. 2003. № 99. URL: <http://www.vremya.ru/2003/99/13/71975.html> (дата обращения: 18.01.19).

16. Монгуш М.В. Русское культурное наследие в Синьцзяне // *Журнал института наследия*. 2016. № 2 (5). С. 1–8.

17. Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007. 512 с.

18. Оглезнева Е.А. Славянские анклав в Китае: этническое и языковое сохранение // *Русин*. 2018. № 2 (52). С. 77–88. DOI: 10.17223/18572685/52/6

19. Оглезнева Е.А., Пустовалов О.В. Русская речь в Китайском Трехречье: языковые особенности // *Русин*. 2022. № 68. С. 299–315. DOI: 10.17223/18572685/68/16

20. Петяшкина Е.А. К вопросу о школьном образовании детей представителей белой эмиграции в Синьцзяне // *Ломоносовские чтения*

на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования: сборник научных статей международной конференции. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2015. С. 2632–2635.

21. *Попов А.В.* Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: сборник статей. М.: Институт российской истории России РАН, 2001. С. 194–201.

22. *Ровнова О.Г.* Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 608 с.

23. *Ротарь И.* Необычный Китай. Путевые заметки из Синьцзян-Уйгурского автономного района // Фергана. Информационное агентство. 2011. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6936> (дата обращения: 12.02.2018).

24. Русский Синьцзян: материалы научно-исследовательских экспедиций в СУАР // Фоноархив / обр. С.В. Гордеев. Благовещенск, 2018.

25. *Софронова Е.И.* Где ты моя Родина? // Материалы к истории русской политической эмиграции. 2014. Вып. 5. URL: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1204980> (дата обращения: 23.01.2019).

26. *Ставров И.В.* Элосьыцу – осколок русского мира в Китае (о положении русского этнического меньшинства в КНР) // Россия и АТР. 2016. № 4 (94). С. 116–133.

27. *Тимофеев О.А.* Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.). Благовещенск: Изд-во Благовещенского государственного педагогического университета, 2003. 199 с.

28. *Трескин Н.С.* О жизни и о себе // Россияне в Азии. Литературно-исторический ежегодник. 1998. № 5. С. 127–144.

29. Уйгурский язык // ru.knowledgr.com новые знания! URL: <http://ru.knowledgr.com/00222333/%D0%A3%D0%B9%D0%B3%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA> (дата обращения: 23.11.2019).

30. *Хисамутдинов А.А.* В поисках земли обетованной: русские старообрядцы из России через Азию в Америку. 2015. URL: <http://evols.library.manoa.hawaii.edu/bitstream/10524/48722/1/АляскаОбетован.pdf> (дата обращения: 24.01.2021).

31. *Цзяньган В.* Межэтнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Вестник антропологии. 2016. № 3 (35). С. 27–53.

32. *Цукада Ц.* Культурная работа, проводившаяся в 1950 г. среди русского населения округа Или (КНР) // На периферии и на чужбине – сравнительное исследование маргиналий русской культуры: сб. статей. Саппоро, 2011. Сб. 2. С. 94–99.

33. *Цукада Ц.* Старообрядцы-кержаки в посёлке Уластай (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) // Международные Заволокинские чтения. Рига, 2010. Сб. 2. С. 65–76.

34. Эпштейн В.А., Бочков Д.А. Политика КНР по интеграции Синьцзян-Уйгурского автономного района: 1949–2018 годы // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, № 6. С. 1442–1454.

35. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб.: Типография О.И. Бахста, 1869. 296 с.

36. 新疆维吾尔自治区人民政府 [Народное правительство Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая]. 2019. URL: <http://www.xinjiang.gov.cn/ljxj/qhrk/mzfb/index.html> (дата обращения: 07.12.2019).

REFERENCES

1. Barmin, V.A. (1998) Vliyanie etnicheskogo faktora na torgovo-ekonomicheskie svyazi prigranichnykh oblastey Rossii s provintsiey Sin'tszyan [The influence of the ethnic factor on trade and economic relations of the border regions of Russia with Xinjiang Province]. In: *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, pp. 52–54.

2. Blagovidova, T. (2017) *Sovsem inaya diaspora* [A completely different diaspora]. [Online] Available from: <http://weandchina.ru/2017/02/15/sovsem-inaya-diaspora> (Accessed: 8th February 2018).

3. Wang, Z. (2017) Vectors of contemporary ethnic, social, and cultural development of the Xinjiang Uyghur. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2. pp. 166–177 (in Russian).

4. Vinogradov, V.A. (2008) Yazykovaya situatsiya [Language situation]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Direktmedia Publishing.

5. Gordeev, S.V. (2019) Ob ispol'zovanii russkogo yazyka v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom okruge v kontse XX – nachale XXI v. [On the use of the Russian language in the Xinjiang Uygur Autonomous Region in the late 20th – early 21st century]. *Problemy lingvistiki i mediakommunikatsiy* [Problems of linguistics and media communications]. Proc. of the Conference. Blagoveshchensk: AmSU.

6. Gordeev, S.V. (2019) The Russian-speaking population and the spheres of the Russian language usage in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China (the middle of the 19th – early 21st centuries). *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya SmolGU*. 4(48). pp. 80–92 (in Russian). DOI: 10.35785 / 2072-9464-2019-48-4-80-92

7. Gordeev, S.V. (2022) The present language situation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: qualitative and estimated characteristics. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 8(2). pp. 32–48 (in Russian). DOI: 10.22250/24107190_2022_8_2_32

8. Gordeev, S.V. (2019) The spheres of the Russian language use in modern Xinjiang (based on the texts of short stories and memoirs recorded from the descendants of Russian emigrants). *Vestnik Buryatskogo gos. un-ta. Yazyk. Literatura. Kul'tura – Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture*. 3. pp. 49–53 (in Russian).

9. Gordeev, S.V. & Oglezneva, E.A. (2020) The present language situation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: Quantitative characteristics. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 6(4). pp. 29–42 (in Russian). DOI: 10.22250/2410 7190_2020_6_4_29_42

10. Gordeeva, S.V. (2015) *Russkiy yazyk v prigranichnom Kitae (na materiale russkoy rechi russkikh pereselentsev v Kitay 20-40-kh gg. XX v. i ikh potomkov)* [The Russian language in border China (based on the material of the Russian speech of Russian immigrants to China in the 1920-40s and their descendants)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

11. Gutin, I.Yu. (2011) Dynamics of the Russian population of the Xinjiang Uygur Autonomous Region (1949–2000). *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 3. pp. 74–82 (in Russian).

12. Kapitsyn, V.M. & Wang, Ya. (2013) The Xinjiang Uygur Autonomous Region of China: Territorial Self-Government and National Policy. *ARS ADMINISTRANDI*. 3. pp. 107–117 (in Russian).

13. Klinovskiy, V.A. (2012) The language policy of China in Xinjiang and its role in the Chinese-uyghur Conflict. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(18). pp. 140–143 (in Russian).

14. Lashutina, E.N. (2013) Istoriya poyavleniya russkogo naseleniya v Sin'tszyane i popytki sokhraneniya russkoy identichnosti na sovremennom etape [History of emergence of the Russian population in Xinjiang and attempts of preservation of the Russian identity at the present stage]. In: Buyarov, D.V. (ed.) *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: History and prospects of cooperation]. Blagoveshchensk: BSTTU. pp. 66–68.

15. Lomanov, A. (2003) Uchitel' iz Kul'dzhi [A teacher from Kuldja]. *News Time*. 3rd June. [Online] Available from: <http://www.vremya.ru/2003/99/13/71975.html> (Accessed: 18th January 2019).

16. Mongush, M.V. (2016) The Russian cultural heritage in Xinjiang. *Zhurnal instituta naslediya – The Heritage Institute Journal*. 2(5). pp. 1–8 (in Russian).

17. Obukhov, V.G. (2007) *Skhvatka shesti imperiy. Bitva za Sin'tszyan* [The battle of the six empires. The Battle for Xinjiang]. Moscow: Veche.

18. Oglezneva, E.A. (2018) The Slavic enclaves in china: ethnic and language preservation. *Rusin*. 2(52). pp. 77–88 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/6

19. Oglezneva, E.A. & Pustovalov, O.V. (2022) The Russian language in the Chinese Three Rivers region: linguistic features. *Rusin*. 68. pp. 299–315 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/68/16

20. Petyashkina, E.A. (2015) K voprosu o shkol'nom obrazovanii detey predstaviteley beloy emigratsii v Sin'tszyane [On the issue of school education of children of the representatives of white emigration in Xinjiang]. In: *Lomonosovskie chteniya na Altai: fundamental'nye problemy nauki i obrazovaniya* [The Lomonosov Readings in Altai: Fundamental problems of science and education]. Barnaul: Altai State University. pp. 2632–2635.

21. Popov, A.V. (2001) Russian Diaspora in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China [Russian Diaspora in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China]. In: *Natsional'nye diasporiy v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv.* [National diasporas in Russia and abroad in the 19th – 20th centuries]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. pp. 194–201.

22. Rovnova, O.G. (2022) *Starobryadtsy Yuzhnoy Ameriki: ocherki istorii, kul'tury, yazyka* [Old Believers of South America: Essays on history, culture, language]. Moscow: YASK.

23. Rotar, I. (2011) *Neobychnyy Kitay. Putevye zametki iz Sin'tszyan-Uygurskogo avtonomnogo rayona* [The Unusual China. Travel notes from the Xinjiang Uygur Autonomous Region]. [Online] Available from: <http://www.fergananews.com/articles/6936> (Accessed: 12th February 2018).

24. Gordeev, S.V. (ed.) (2018) *Russkiy Sin'tszyan: materialy nauchno-issledovatel'skikh ekspeditsiy v SUAR* [Russian Xinjiang. Materials of research expeditions to the XUAR]. Blagoveshchensk: [s.n.].

25. Sofronova, E.I. (2014) Gde ty moya Rodina? [Where are you, my homeland?]. *Materialy k istorii russkoy politicheskoy emigratsii*. 5. [Online] Available from: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1204980> (Accessed: 23rd January 2019).

26. Stavrov, I.V. (2016) Elosizu – a fragment of the Russian world in China (about the situation of the Russian ethnic minority in China). *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 4(94). pp. 116–133 (in Russian).

27. Timofeev, O.A. (2003) *Rossiysko-kitayskie otnosheniya v Priamur'e (ser. XIX-nach. XX vv.)* [Russian-Chinese relations in the Amur region (middle 19th – early 20th centuries)]. Blagoveshchensk: BSTTU.

28. Treskin, N.S. (1998) O zhizni i o sebe [About life and about yourself]. In: Bakich, O. (ed.) *Rossiyanе v Azii. Literaturno-istoricheskiy ezhegodnik* [Russians in Asia. Literary and Historical Yearbook]. 5. pp. 127–144.

29. ru.knowledgr.com (2019) *Uygurskiy yazyk* [Uyghur language]. [Online] Available from: <http://ru.knowledgr.com/00222333/%D0%A3%D0%B9%D0%B3%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA> (Accessed: 23rd November 2019).

30. Khisamutdinov, A.A. (2015) *V poiskakh zemli obetovannoy: russkie starobryadtsy iz Rossii cherez Aziyu v Ameriku* [In search of the Promised Land: Russian Old Believers from Russia through Asia to America]. [Online] Available from: <http://evols.library.manoa.hawaii.edu/bitstream/10524/48722/1/АляскаОбетован.pdf> (Accessed: 24th January 2021).

31. Jiangan, V. (2016) Ethnic relations in Xinjiang Uighur Autonomous Region. *Vestnik antropologii – Herald of Anthropology*. 3(35). pp. 27–53 (in Russian).
32. Tsukada, Ts. (2011) Kul'turnaya rabota, provodivshayasya v 1950 g. sredi russkogo naseleniya okruga Ili (KNR) [Cultural work carried out in 1950 among the Russian population of the Ili District (PRC)]. In: *Na periferii i na chuzhbine – sravnitel'noe issledovanie marginaliy russkoy kul'tury* [On the periphery and in a foreign land – a comparative study of the marginalia of Russian culture]. Vol. 2. Sapporo: [s.n.]. pp. 94–99.
33. Tsukada, Ts. (2010) Old Believers-Kerzhaks in the village of Ulatai (Xinjiang Uygur Autonomous Region of China). *Mezhdunarodnye Zavolokinskie chteniya*. 2. pp. 65–76 (in Russian).
34. Epshteyn, V.A. & Bochkov, D.A. (2018) The Policy of the People's Republic of China on Integration of the Xinjiang Uygur Autonomous Region: 1949–2018. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities*. 160(6). pp. 1442–1454 (in Russian).
35. Yuzefovich, T. (1869) *Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye* [Russia's treaties with the East. Political and trade]. St. Petersburg: O.I. Bakst.
36. China. (2019) 新疆维吾尔自治区人民政府 [People's Government of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China]. [Online] Available from: <http://www.xinjiang.gov.cn/ljxj/qhrk/mzfb/index.html> (Accessed: 7th December 2019).

Оглезнева Елена Александровна – доктор филологических наук, Томский государственный архитектурно-строительный университет (Россия).

Elena A. Oglezneva – Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Russia).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Гордеев Сергей Витальевич – старший преподаватель, Хэйхэский университет (Китай).

Sergey V. Gordeev – Heihe University (China).

E-mail: gordeev-sergei@inbox.ru

УДК 81-114.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/14

Славянские лексические единицы в рецепции представителей современной китайской лингвокультуры

С. Ван¹, А.В. Курьянович^{2,3}

¹ Муданьцзянский педагогический университет
Китай, 157011, г. Муданьцзян, ул. Вэньхуа, 191
E-mail: paveltgpu@yandex.ru

² Цзилиньский университет иностранных языков
Китай, 130117, г. Чанчунь, ул. Цзин Юэ, 3658

³ Томский государственный педагогический университет
Россия, 634061, г. Томск, ул. Киевская, 60
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Авторское резюме

Цель статьи – экспериментальное изучение особенностей интерпретации представителями современной китайской лингвокультуры лексических единиц славянского происхождения: русских, украинских, белорусских, общеславянских и одного старославянского слова. Данные единицы определяются в качестве маркеров определенных фрагментов национальных картин мира, отражающих некоторые черты ментальности славянских народов. Анализ показаний языкового сознания вторичных языковых личностей позволяет выявить тенденции в процессах вхождения и освоения иноязычных слов славянского происхождения в китайской лингвокультуре. Славянская лексика в современном китайском языке характеризуется разной степенью освоенности и неодинаковыми формами распространения. Наиболее успешно адаптируются русизмы: на них получены разнообразные и многочисленные реакции, в значении которых присутствуют универсальные, выражающие значимые для сознания представителя любой лингвокультуры смыслы, национально обусловленные, актуализируемые в картине мира определенного этноса, и даже уникальные, являющиеся результатом деятельности индивидуального сознания конкретной языковой личности. Украинские, белорусские, общеславянские единицы и старославянизм имеют опосредованный способ вхождения в китайскую лингвокультуру, они немногочисленны и распознаются информантами, имеющими высокий

уровень подготовки. Полученные на них ассоциаты не отличаются разнообразием качественно-количественных характеристик. Большинство русизмов в китайском языке имеют статус заимствованных слов. Другие славянизмы на данном этапе межкультурного контактирования – экзотизмы или иноязычные вкрапления. Носители китайского языка не демонстрируют способности дифференцировать славянскую лексику на основании принадлежности к конкретному языку-источнику. Осуществленный анализ вносит вклад в изучение общеславянской картины мира в аспекте рецепции ее фрагментов представителями иной лингвокультуры, что представляется важным в условиях расширяющегося межкультурного диалога между славянскими и восточноазиатскими народами.

Ключевые слова: иноязычные слова, славянские языки, китайский язык, лингвокультура, диалог культур, вторичная картина мира, ассоциативный лингвистический эксперимент

Slavic lexical units in the reception of representatives of modern Chinese linguoculture

Wang Xinghua¹, Anna V. Kurjanovich^{2,3}

¹ Mudanjiang Pedagogical University
191 Wenhua street, Mudanjiang, 157011, China

² Jilin University of Foreign Studies
3658, Jing Yue St, Changchun, 130117, China

³ Tomsk State Pedagogical University
60 Kievskaya street, Tomsk, 634061, Russia

Abstract

The article aims at an experimental study of the interpretation of Slavic lexical units (Russian, Ukrainian, Belarusian, Common Slavic and one Old Slavonic word) by representatives of modern Chinese linguistic culture. These units are defined as markers of certain fragments of national pictures of the world, reflecting mentality of the Slavic peoples. The analysis of the linguistic consciousness of secondary linguistic personalities allows identifying trends in the processes of entry and development of foreign words of Slavic origin in Chinese linguistic culture. Slavic vocabulary in modern Chinese have various degrees of assimilation and different forms of spread. Russianisms adapt most successfully: they have caused various and numerous reactions, which contain universal,

nationally conditioned, and even unique meanings. Ukrainian, Belarusian, common Slavic units and Old Slavonicism indirectly enter the Chinese linguistic culture. They are not numerous and are recognized by informants with a high level of proficiency. Their associates do not vary much in terms of quality and quantity. Most Russianisms in Chinese have the status of loanwords. Other Slavicisms at this stage of intercultural contact are exoticisms or foreign inclusions. Chinese speakers do not differentiate Slavic vocabulary by a particular source language. The analysis contributes to the study of the common Slavic picture of the world in terms of the reception of its fragments by representatives of a different linguistic culture, which is important in the context of the expanding intercultural dialogue between the Slavic and East Asian peoples.

Keywords: foreign words, Slavic languages, Chinese language, linguistic culture, dialogue of cultures, secondary picture of the world, associative linguistic experiment

Явления межъязыкового взаимодействия, включая вхождение иноязычных слов в чужую лингвокультуру (С.А. Арутюнов, В.А. Виноградов, Э.Ф. Володарская, В.Б. Касевич, Л.П. Крысин, Е.В. Рахилина, А.Н. Соболев, Т.В. Цивьян, О.Г. Щитова и др.), – интересный и многоплановый объект лингвистических исследований. Иноязычные слова по-разному проявляют способность к реализации своего лексического статуса: начиная с лексем, выполняющих роль экзотических, встречающихся в единичных ситуациях коммуникации внутри отдельных групп носителей принимающего языка, и заканчивая словами с закрепленным функционалом заимствований, находящим отражение в лексикографических источниках и корпусных базах данных того или иного национального языка. Л.П. Крысин в данном случае говорит о разных этапах освоения иноязычной лексемы принимающей лингвокультурой [12].

Иноязычные слова могут служить средством «вхождения новых смыслов в базовые национальные когнитивные системы, отвечая на постоянную потребность общества в расширении комплекса рациональных знаний о мире и человеке» [9: 80]. Помимо этого, данные единицы, рассматриваемые в ракурсе проблематики теории семантических лакун (Ж.П. Винс, Ж. Дарбельне, В.Л. Муравьев, Ю.А. Сорокин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др.), часто выступают в качестве источника устранения последних.

В аспекте проблематики современной лингвоконцептологии иноязычные слова осмысляются не только в качестве способствующих развитию языка-реципиента и обогащающих его лексический состав единиц, но и как маркеры фрагментов неродной лингвокультуры [1; 7; 9; 22; 28]. Посредством знакомства с иноязычным словом осуществ-

ляется приобщение иностранца – вторичной языковой личности – к чужому языку и чужой культуре. Иноязычная лексика выступает частью «языковой матрицы культуры» (В.И. Карасик), что позволяет говорить о ее вхождении в принимающую лингвокультуру как «результате концептуального взаимодействия контактирующих культур» [9: 79]. Попытки интерпретации этих фактов формируют у инофона вторичную картину мира на уровне отдельных ее составляющих. Подобное соприкосновение лингвокультур выявляет в рецепции их представителей в отношении одних и тех же слов, с одной стороны, точки пересечения, тождества, с другой – расхождения. Этот факт свидетельствует о присутствии в синхронно-диахронном развитии национальных языков и культур как общих закономерностей, так и определяющих национальную самобытность тенденций [5].

Изучение взаимодействия славянских языков с типологически непохожими на них языками, развивающимися на исторически неславянских территориях, позволяет сделать некоторые выводы о характере и тенденциях языкового контактирования, влиянии картины мира славянских народов на языковое сознание представителей иных лингвокультурных сообществ. Образ жизни славянских народов как представителей европоцентричных и западно ориентированных наций в силу специфики географического расположения, системы ценностей, письменности, философских и религиозных установок, в целом путей исторического развития, значительно отличается от уклада жизни, традиционного для Востока: «Запад и Восток – парная категория, которая одновременно характеризует амбивалентное единство культуры человечества и в то же время разделенность на принципиально отличные друг от друга, а во многом и противоположные модели культурной идентичности» [2: 130].

Сегодня не теряет актуальности высказанная в трудах мыслителей XX в. идея диалога культур (А.В. Апухтин, В.С. Библер, М. Бубер, Д.П. Кудря, Ю.М. Лотман, М. Хайдеггер и др.). Суть этого процесса состоит в «обмене порциями информации» и постоянной равноправной смене позиций культур – от воспринимающей до передающей информацию, и наоборот. Не исключается вариант, при котором одна культура проникает «в истинный смысл почерпнутого из другой культуры понятия лучше, чем культурный носитель», в результате чего становится возможным полное растворение «инокультурных смыслов в принимающей культуре» [14: 200].

Принадлежность к различным «социокультурным парадигмам» (Д.С. Берестовская), несомненно, находит отражение в языке славянских и восточных народов. В частности, китайская лингвокультура демонстрирует приверженность ее носителей к «сохранению веками

выработанной жесткой нормы, устойчивого социального порядка и сложившихся религиозных и моральных стандартов поведения» [2: 131–132], возникшему в результате многовековой изоляции и автаркии. Представителям китайской нации присущи такие черты поведения, в том числе языкового, как коммуникативная автономность, замкнутость, склонность к простым логическим конструкциям и др. [6; 16; 17].

В свете сказанного интересным видится рассмотрение вопроса вхождения славянских слов в китайский язык с учетом степени их освоенности и с опорой на показания языкового сознания носителей принимающей лингвокультуры. Эти слова знакомят китайцев с национальной культурой славянских народов, с одной стороны, с другой – способствуют реализации задач межкультурного и межъязыкового взаимодействия.

Возникновение славистики в Китае связывают с началом XVIII в. – временем открытия первых школ русского языка во времена правления императора Канси. Распространение славянских языков в Китае началось в конце XIX в. в связи со строительством Китайской Восточной (Маньчжурской) железной дороги. После принятия в 2013 г. концепции «Один пояс – один путь» внимание к славянским языкам в Китае значительно возрастает: расширяется их состав с целью преподавания в вузах и активного изучения. В 2019 г. состоялась конференция «Русины и русинский язык в современном мире», положившая начало исследованию русинского языка китайскими учеными (об этом подробнее: [26]). Об изучении присутствия славянских языков в Китае, их научном и лингводидактическом описании см.: [15; 19; 26; 27].

Знакомство с историей вопроса демонстрирует недостаточную степень изученности функционирования иноязычных слов славянского происхождения в китайском языке. Лидирующую позицию здесь уверенно занимают русизмы, поскольку именно с русским языком китайцы имеют давнюю историю контактирования [8]. Слова из близкородственной русскому языку восточнославянской группы (украинизмы, белорусизмы) нельзя считать в полной мере освоенными китайским языком и изученными с научной точки зрения. Закрепленность этих единиц в немногочисленных китайских лексикографических источниках также неполная. Например, линейка украинско-китайских словарей сегодня включает два издания, доступных для ознакомления широкому кругу читателей: [32; 33]. «Китайско-белорусский и белорусско-китайский словарь» существует в единственном варианте – в виде интерактивного краткого словника [10]. Некоторый перечень обще- и старославянской лексики пред-

ставлен в «Русско-китайском словаре православной лексики» [21]. В словарях иностранных слов и толковых словарях китайского языка (например, [23; 24; 36]) иноязычных единиц из славянских языков, кроме русизмов, нами не отмечено.

Сказанное во многом объясняет отсутствие славянизмов нерусскоязычного происхождения в кодифицированном национальном языке, а значит – практике массового употребления в коммуникации между членами китайского социума как на уровне «узнаваемости», так и в плане результативности интерпретаций. Однако случаи фиксации подобных слов сознанием носителей современного китайского языка присутствуют. Эти случаи имеют в большинстве своем привязку к функционированию в определенном дискурсивном контексте. Так, в разговорной коммуникации китайцев, особенно жителей приграничных с Россией территорий, встречаются иноязычные слова, в значительной степени ими освоенные (украинизмы *борщ, вареники, бублик*). Для этих лексем путь проникновения в китайский язык – опосредованный, через русский язык. Следует сказать также и о таком способе знакомства носителей китайского языка определенных категорий (творческая интеллигенция, студенчество) со славянизмами, как чтение книг славянских авторов на языке оригинала.

Например, студенты Цзилиньского университета иностранных языков отмечают лексемы из украинского языка (*хлопцы, дівчина, хата*) как слова, которые они узнали после знакомства с прозой Н.В. Гоголя. Специалистам-лингвистам известны также единицы общи- и старославянского языков (*очи, уста, ланиты, персты*). Однако перечисленные славянские по своему происхождению лексемы можно определить в отношении представителей китайской лингвокультуры исключительно как экзотизмы. Более того, по признанию даже хорошо подготовленных в области славистики инофонов, случаи дифференциации славянизмов внутри наиболее близкородственной группы слов – восточнославянизмов – представляет для них трудность, не говоря уже о возможности качественной интерпретации.

Вхождение русизмов в китайскую лингвокультуру шире, о чем свидетельствует значительное количество имеющихся русско-китайских и китайско-русских словарей (например: [3; 4; 11; 18; 25]). Перечень этих лексикографических источников постоянно обновляется. Их анализ показал, что на сегодняшний день кодифицированными можно считать порядка 350 русских слов. Невысокие показатели объясняются обособленным существованием китайской цивилизации и достаточно поздним освоением русскими дальневосточных земель, граничащих с Китаем. В настоящее время нельзя утверждать, что все русизмы уже имеют статус единиц китайской лексики, поскольку не в

полной мере отвечают нормам китайского языка. Часть заимствованных из русского языка имеет ограниченную сферу функционирования.

Русизмы исследуются китайскими лингвистами как функциональные единицы, пришедшие в китайский язык в результате межъязыкового взаимодействия [30], как лингвокультурологические [13] и лингводидактические [38] единицы, а также в контексте рассмотрения лексических единиц из других, неславянских, языков [29; 31; 35; 37].

Итак, даже поверхностный качественно-количественный анализ иноязычных лексем славянского происхождения, имеющих в том или ином виде вхождение в китайскую лингвокультуру, позволяет констатировать, что в значительной мере освоенными можно считать русскоязычные единицы. В своем большинстве эти слова определяются как заимствованные, т. е. имеющие в китайском языке достаточную степень адаптации: они фиксируются в словарях иностранных слов, распознаются инофонами, получают с их стороны всестороннее осмысление, в том числе, становятся объектом научных изысканий китайских специалистов. В перечне каналов заимствования значительна доля прямого перехода из языка-источника в язык-реципиент. Другие группы восточнославянской лексики – единицы из украинского и белорусского языков – в большей степени сохраняют признаки языковой «чужести». Это проявляется в преобладании опосредованного канала вхождения в принимающую лингвокультуру (в основном – через русский язык), явной ограниченности контингента узнающих и способных их интерпретировать носителей китайского языка. Сказывается также отсутствие кодификации в специализированных словарях (в контексте существования весьма ограниченного круга лексикографических источников в целом – двуязычных переводных и толковых словарей). Сказанное относится и к общеславянскому, и старославянскому языкам. Одним из немногих, благоприятствующих «продвижению» восточно-, обще- и старославянской лексики в китайскую лингвокультуру можно назвать фактор «встречи» с ними китайских инофонов в результате знакомства с произведениями писателей-классиков славянского происхождения. Лексические единицы из украинского, белорусского и обще- и старославянского языков на основании оценки случаев их вхождения в китайскую лингвокультуру определяются как слабо или совсем не освоенные китайским языком (экзотизмы, иноязычные вкрапления). Работ, посвященных изучению вхождения нерусскоязычной славянской лексики в китайскую лингвокультуру, нами найдено не было.

Сказанное определяет актуальность и новизну данного исследования, целью которого выступает изучение вхождения славянских лексических единиц в китайский язык посредством выявления спе-

цифики их интерпретации представителями современной китайской лингвокультуры на основании данных ассоциативного эксперимента. Славянизмы при этом рассматриваются в качестве маркеров чужих лингвокультур, выступающих для китайцев одновременно единицами формирования фрагментов вторичной картины мира.

Ключевым методом исследования выступает лингвистический ассоциативный эксперимент, результаты которого дополняются за счет привлечения элементов дискурсивного, лингвоконцептологического, сравнительно-сопоставительного и кросс-культурного анализа.

Источниками отбора слов-стимулов для проведения эксперимента являются словари [3; 4; 10; 11; 18; 21; 23–25; 32–34; 36].

Единицы исследования – 20 лексем славянского происхождения. Выбор единицы определяется наличием данных о ней в лексикографическом источнике, что рассматривается в качестве свидетельства ее вхождения на определенном уровне в китайскую лингвокультуру. В отборе славянизмов нерусскоязычного происхождения (украинские слова *борщ, бублик, вареник, дівчина, хата*; белорусские *бацька, ранкам*; старославянское *благо*: общеславянские *око, чело*) учитывался также фактор потенциальной узнаваемости. При отборе русизмов был реализован принцип тематического разнообразия. В эту группу вошли лексемы, номинирующие блюда национальной кухни (*суп, водка*), географический объект (*Москва*), исторические реалии (*колхоз, компартия, Катюша*), национальную денежную единицу (*рубль*), национальную игрушку (*матрёшка*), публичного человека (*Гагарин*); в перечень включена также единица тематической группы «общественно-политическая лексика» (*ленинизм*). Все перечисленные лексемы характеризуются присутствием в их значении национально маркированных смыслов.

Эмпирический материал – ответы информантов, содержащие интерпретацию славянских слов-стимулов, а также подготовленная на основе этих ответов таблица с обобщающими данными.

В очном режиме проведен ассоциативный лингвистический эксперимент. Каждому информанту предлагался опросный лист, на котором в порядке следования по алфавиту в печатном виде на языке-источнике зафиксированы 20 слов-стимулов и сформулировано задание: «Перед Вами 20 слов иностранного происхождения. Просим Вас написать на каждое слово (лучше работать поочередно с каждым словом с начала и до конца списка) возникшие у Вас ассоциации на основании его звукобуквенного образа и (или) значения. Для работы с одним словом желательно затрачивать не более 30 секунд времени». Отметим, что информантам не были обозначены ни сами языки-источники, ни родовой показатель общности их корней (сла-

вянское происхождение слов-стимулов). Представление результатов не предполагало ограничение числа спонтанных вербальных реакций. Оговаривалось, что респонденты в свободной форме могут дать комментарий (историко-культурный, метаязыковой) относительно конкретной стимульной лексемы или задания в целом.

В эксперименте приняли участие 25 студентов в возрасте от 22 до 26 лет, изучающих в 2021–2023 г. русский язык как иностранный в Муданьцзянском педагогическом университете (г. Муданьцзян) и Цзилиньском университете иностранных языков (г. Чанчунь). Отметим достаточную степень сформированности языкового сознания информантов: все они владеют русским языком на уровне В1–В2 (ТРКИ) и обучаются по направлению подготовки «Филология». Часть реципиентов имеет опыт общения с исконными носителями славянского (русского) языка в условиях полного погружения в чужую лингвокультуру.

Эксперимент призван подтвердить или опровергнуть гипотезу: результаты интерпретации слов-стимулов славянского происхождения в значительной мере определяются принадлежностью единицы к языку-источнику и степени ее освоенности китайским языком (предположительно, русизмы будут выделяться в числе других единиц количественно более широким кругом отличающихся смысловым разнообразием ассоциатов).

Результаты исследования отражены в представленной ниже таблице. Столбец 2 содержит 20 иноязычных слов славянского происхождения, выступающих для информантов в качестве слов-стимулов. В столбце 3 содержится указание на язык-источник. В столбце 4 приводится вариант графической формы слова на принимающем (китайском) языке. Столбец 5 отражает информацию о реакциях носителей китайской лингвокультуры относительно каждого стимула. Слова-стимулы расположены по степени уменьшения количества неповторяющихся реакций (это количество указано в столбце 6). Слова-реакции (их общее количество приводится в столбце 7) зафиксированы в полученных от реципиентов формах. Презентация слов-реакций соответствует принципу построения статей в прямом ассоциативном словаре: ассоциаты на каждый стимул расположены по мере убывания частоты; цифра, обозначающая частоту, указывается непосредственно после слова-реакции (если оно имеет частоту встречаемости в ответах испытуемых, отличную от 1); ассоциаты с одинаковой частотой располагаются в алфавитном порядке.

На основе данных эксперимента можно сделать некоторые выводы об особенностях ассоциативного восприятия лексем славянского происхождения представителями китайской лингвокультуры и, соот-

ветственно, о специфике воплощения фрагментов, маркированных данными словами-стимулами, в современной китайской картине мира.

Результаты ассоциативного эксперимента

№ п/п	Слово-стимул	Язык-источник	Графическая форма слова-стимула на китайском языке	Слова-реакции (ассоциаты)	Количество однократных реакций	Общее количество реакций
1	2	3	4	5	6	7
1	суп	рус.	菜汤	помидор (8), картошка (7), говядина (6), капуста (6), мясной суп (6), суп из овощей (5), рыбы (4), вода (3), здоровье (3), соль (3), соус (3), кастрюля (2), беженец, борщ, бульон с трепангами, креветками и рыбой, вид блюда, вкусный, горячий, завтрак, закуска, кисло-острый, консервы, майонез, масло, морковь, пить, свекла, семья, соя, суп с яйцом, родные люди, укроп, уксус, черпак, чашка, щи	38	82
2	Катюша	рус.	喀秋莎	песня (15), девушка (13), имя (10), любовь (7), родина (5), война (4), оружие (3), петь (2), бомба, выстрел, девочка, заряд, истребитель, миномет, мир, порох, пушка, ракета, солдат, танк, фашисты	21	72
3	водка	рус.	伏特加	русский национальный напиток (8), вино (6), «Пять озер» (5), мороз и солнце (4), спирт (3), пьяница (2), хмель (2), банкет, закваска, коктейль, коньяк, кофе, ресторан, рюмка, сок, трактир, чай, чистый, шампанское	19	42
4	рубль	рус.	卢布	копейка (26), русская денежная единица (22), деньги (18), валюта (3), банк, банкнот, бумага, доллар, евровалюта, золото, книгопечатание, ломбард, милостыня, фунт	14	79

№ п/п	Слово-стимул	Язык-источник	Графическая форма слова-стимула на китайском языке	Слова-реакции (ассоциаты)	Количество однократных реакций	Общее количество реакций
1	2	3	4	5	6	7
5	колхоз	рус.	集体农庄	государственный дом (9), земля (7), крестьяне (7), производственная бригада Китая (6), СССР (5), социализм (3), деревня (2), коллектив, комбайн, лошадь, общий, сельское хозяйство, трактор	13	45
6	ленинизм	рус.	列宁主义	Ленин (10), Октябрьская революция (9), учение (8), социализм (6), прошлое (5), коммунизм (3), великий (2), доктрина, политика, пролетариат, раньше, революционер, СССР	13	49
7	матрёшка	рус.	套娃	Россия (16), игрушка (14), сувенир (12), березка (11), кукла (9), деревянная (8), украшение (5), художественное изделие (4), память (3), подарок (2), ребенок, вырезной рисунок	12	86
8	Москва	рус.	莫斯科	Столица России (20), место (15), Красная площадь (13), Кремль (10), современный (7), торговый центр (5), метро (2), известный, красивый и старый город, МГУ, сверхдержава	11	76
9	дівчина	укр.	少女, 姑娘; 处女	красота (11), красивая девушка (9), молодая и красивая девушка (3), блондинка, в национальной одежде, женский пол, молодая, молодость, нежность, чистота и верность	10	30
10	Гагарин	рус.	加加林	первый (13), космос (12), герой (9), космонавт (5), Ян Ливэй (5), СССР (4), луна (3), смелый (2), вселенная	9	54
11	благо	ст.слав.	善、善德	хороший поступок (2), добро (2), благодетельный, великий, во имя народа и человечества, от Владыки, святой, торжественный стиль	8	9

№ п/п	Слово-стимул	Язык-источник	Графическая форма слова-стимула на китайском языке	Слова-реакции (ассоциаты)	Количество однократных реакций	Общее количество реакций
1	2	3	4	5	6	7
12	борщ	укр.	红菜汤	еда (14), русский суп (6), красный (3), свёкла (2), мясо, символ Россия, столовая	7	28
13	компартия	рус.	共产党	КПК (22), Маркс (19), Ленин (15), партия (7), Красная армия (3), СССР (2), население	7	69
14	чело	об.слав.	前额	лоб (5), выпуклый, крутой, раньше так говорили, умный, человек, широкий	7	11
15	бацька	белорус.	父亲; 创始人	отец (7), Лукашенко (3), блатной, главарь, крутой, церковь (папа)	6	14
16	бублик	укр.	小圆面包	маленький (3), аромат, из пшеницы, мягкий, Россия, русская еда	6	8
17	вареник	укр.	用乳渣、浆果等作馅的)煮饺	китайские пельмени, непривычно, неприемлемо, не очень вкусно, чисто по-русски	5	5
18	око	об.слав.	眼(目)	глаз (12), око за око (3), зуб за зуб (3), из Библии, месть	5	20
19	хата	укр.	乌克兰	русская деревня (2), бедность, баба (платок на голове), деревянный, Украина	5	7
20	ранкам	белорус.	清早	рано (2), когда свежесть, утро, утром	4	5
Итого:					220	791

В оценке полученных реакций в качестве значимых рассматриваются их количественные (общее число ассоциатов с указанием количества неповторяющихся) и качественные (содержательное наполнение и наличие/отсутствие специфических семантических признаков) показатели.

На все представленные стимулы были получены вербальные реакции, что характеризует проведенный эксперимент как состоявшийся. Молодым представителям китайской лингвокультуры лексические единицы, предложенные для интерпретации, знакомы, хотя и в разной мере. Так, на слова *вареник*, *ранкам* получено значительно меньше реакций (по пять ассоциатов на каждую лексику), чем число участ-

ников эксперимента (25 человек). Значения большинства ассоциатов соотносятся со смыслами, входящими в ядро содержательной структуры слов-стимулов в языках-источниках. Ключевые семы, присутствующие и в вариантах толкования слов китаеязычными носителями, и в словарных дефинициях, идентичны во всех представленных случаях, например: *суп* – «блюдо», *водка* – «напиток», *рубль* – «денежная единица», *дівчина* – «девушка», *чело* – «лоб», *око* – «глаз», *ленинизм* – «учение» и пр.

В группах реакций на большинство стимулов присутствуют маркеры принадлежности слова системе национального языка (*дівчина* – в национальной одежде, *водка* – национальный напиток). Заметим, что в сознании молодых представителей китайской лингвокультуры отсутствует дифференциация лексем с точки зрения принадлежности конкретному славянскому языку. Инофоны не различают единицы даже внутри восточнославянской языковой общности. Более того, среди реакций встречаются такие, которые ошибочно маркируют принадлежность слова к языку-источнику (всего 12 подобных ответов, что составляет 1,5 % от общего количества полученных реакций): *борщ* – русский суп (6), *символ России*, *бублик* – Россия, русская еда, *вареник* – чисто порусски, *хата* – русская деревня (2). Это наблюдение подтверждает факт вхождения единиц из украинского и белорусского языков в китайскую лингвокультуру опосредованным путем – через русский язык. При этом ощущается мощное влияние на этот процесс русской лингвокультуры.

В перечне реакций присутствует единичный случай, фиксирующий ассоциат с правильной «привязкой» к славянской (не русской) лингвокультуре: *хата* – Украина. Здесь же можно упомянуть ассоциат – имя собственное *Лукашенко*: этот факт дает возможность размышлять о некоторой доле понимания со стороны китайских инофонов относительно лексемы *бацька* как принадлежащей белорусскому языку.

Русские слова реципиентами распознаются правильно во всех случаях, и это понимание эксплицируется непосредственно в проводимых ими реакциях (*рубль* – русская денежная единица). Как показывают данные эксперимента, китайские инофоны не осмысляют в полной мере имеющиеся содержательные нюансы между словоупотреблениями *русский*, *Россия*, демонстрируя смешение и (или) подмену понятий. Понимание современной России как многонационального и полиязыкового государства оказывается недоступным для представителей китайской молодежи. Предположительно, ассоциаты с компонентом *Россия* отличают стимульные единицы с общественно-политическим звучанием (*матрёшка* – Россия (16), *Москва* – столица России, *сверхдержава*), в то время как присутствие в группе ассоциатов лексемы *русский* может характеризовать средства номинации бы-

товых реалий, имеющих широкое распространение по всей стране (*водка* – русский национальный напиток (8)). Маркер национальной принадлежности отсутствует в списке из 82 реакций на стимул *суп*, видимо, по причине выхода понятия, обозначенного этим словом, далеко за пределы России и широкой включенности в другие культуры. В числе других маркеров принадлежности к русской/российской лингвокультуре фигурируют также имена собственные (*Ленин, октябрьская революция, Красная площадь, Кремль, МГУ, Красная армия*).

Иноязычные лексемы в ряде случаев осмысляются носителями китайского языка с точки зрения «привязки» к определенному историческому периоду в развитии социума и национальной лингвокультуры. Так, в группе ответов на стимул *Катюша* китайцами приводятся слова, имеющие ассоциативные переключки исключительно с известной песней времен Великой Отечественной войны. Катюша для них – прежде всего девушка из песни: *песня* (15), *девушка* (13), *имя* (10), *любовь* (7), *петь* (2), *девочка*. Для значительно меньшего количества опрашиваемых это слово обозначает оружие: *оружие* (3), *бомба, выстрел, солдат, миномёт, танк*. Слова-реакции *истребитель, порох, пушка* говорят о том, что многие китайцы нечетко представляют, что такое Катюша как оружие. «Привязка» к конкретному историческому периоду также очевидна (*война* (4), *фашисты*). Ср.: Толковый словарь русского языка определяет значение ключевого слова подобным образом: «В годы Великой Отечественной войны народное название реактивного бесствольного орудия особой системы» [20: 270].

В этой связи интересным видится ассоциат СССР, предложенный информантами на стимулы *колхоз* (5 случаев словоупотребления), *Гагарин* (4), *компартия* (2), *ленинизм* (1). Присутствующие в группах ассоциатов к обозначенным словам-стимулам другие реакции (*прош- лое* (5), *раньше*) дополняют сказанное.

Взгляд представителей китайской лингвокультуры на Россию «времен СССР» отражают в своем большинстве ассоциаты на слова-стимулы, называющие реалии и феномены из предметно-тематической группы «общественно-политическое устройство России» (*крестьяне, пролетариат, революционер, социализм, коммунизм, комбайн, трактор*). Речь идет о русизмах *колхоз, ленинизм, компартия*. В целом констатируем достаточный уровень знаний современной китайской молодежи об истории российской государственности.

Показателен в этом отношении ассоциат *раньше так говорили* на общеславянское слово *чело*, представляющий единичный факт понимания инофоном диахронного развития национального языка, причем с учетом его стилистической дифференциации (*благо* – торжественный стиль, *око* – из Библии).

В своей рецепции относительно иноязычных слов инофоны опираются на факты родной лингвокультуры. Этим объясняется появление в группах ассоциатов слов-маркеров *китайский*, *Китай*: **колхоз** – *производственная бригада Китая* (6), **компартия** – *КПК* (22) (КПК – Коммунистическая партия Китая), **вареник** – *китайские пельмени*. В содержательном плане варианты интерпретации стимулов, предлагаемые информантами, также отмечены влиянием родного языка и родной культуры, в них отражается детальное знание истории Китая в контексте мировых процессов. Приведем примеры.

Интерпретация лексемы общеславянского происхождения **око** в виде полученных в ходе эксперимента реакций основана на том, что в китайском языке существует абсолютный эквивалент идиомы из Ветхого Завета *око за око, зуб за зуб* – 以牙还牙, 以眼还眼, что подтверждается данными Русско-китайского словаря православной лексики [21].

Реакции на украинское слово *вареник* (если не брать ошибочного толкования этого блюда как «чисто» русского), объясняются тем, что в Китае начинка пельменей – это овощи с небольшим количеством мяса или просто овощи. Как свидетельствует комментарий одного из информантов, данный им в опросном листе, «для нас они все пельмени, у нас в сознании нет слова *вареник*, тем более – обозначающего пельмени со сладким вкусом или с творогом».

По количеству однократных реакций (38 ассоциатов) в списке стимулов лидирует лексема **суп**. Этот факт демонстрирует широкий охват ассоциаций, доступных для сознания иностранца, что можно считать результатом не только узнаваемости слова и реалии, обозначенной этим словом, но и сформированности представления о нюансах семантики – и денотативной, и понятийной. Общее число полученных реакций на лексему **суп** составляет 82 словоупотребления, что свидетельствует об узнаваемости этой лексемы и наличии в ее значении сем, которые составляют зону устойчивости в интерпретационном поле информантов. В представлении китайцев о супе преобладают характеристики, свойственные также и для сознания русскоязычного носителя: *кастрюля* (2), *горячий*, *вкусный* и т. д. Отметим ассоциаты *семья*, *родные люди*, наличие которых в ответах реципиентов отражает осмысление этого блюда в качестве основы семейного обеда. Присутствует реакции, связанные с представлением о супе как овощном блюде: *помидоры* (8), *картошка* (7), *капуста* (6), *из овощей* (5), *морковь*, *свекла*, *укроп*. Китайцы называют разновидности супов: *мясной суп* (6), *борщ*, *щи*, *суп с яйцом* и пр. На основании полученных реакций на русизм **суп** можно говорить о присутствии в рецепции вторичных языковых личностей ярко выраженных компонентов, появление

которых обусловлено влиянием родной для них лингвокультуры и традиционных китайских представлений о еде: *соус* (3), *бульон с трепангами* (трепанги – морепродукты, характерные для азиатской кухни, по-китайски – «огурцы»), *кисло-острый, соя, уксус*.

Слово **водка** – один из самых известных русизмов в Китае. Оно часто встречается в устной речи. Как явление бытовой жизни водка широко распространена в северо-восточном Китае. Рассмотрение слов-реакций китайских студентов показывает, что слово **водка** для китайцев не экзотизм, оно известно и понятно почти каждому китайцу: 8 человек написали, что **водка** – *русский национальный напиток*. Это подтверждают и другие ассоциаты в этой группе: *ресторан, трактир, хмель*, а также название водки *Пять озёр*. В представлении китайцев водка занимает положение в ряду других алкогольных напитков, о чем свидетельствуют реакции *вино* (6), *хмель* (2), *закваска, коньяк, шампанское*.

В трактовке русизма **Гагарин** в силу мировой значимости исторического события – первого полета человека в космос – присутствуют универсальные, характерные для показаний языкового сознания представители различных этно-сообществ варианты (*первый* (13), *космос* (12), *герой* (9), *космонавт* (5), *вселенная*). Как верно заметил один из опрашиваемых, «космонавт Гагарин принадлежит не только России, но и всему миру». Ассоциат – имя собственное *Ян Ливэй* (5) – в большей степени характеризует именно китайскую картину мира. Ян Ливэй – китайский космонавт, первым из китайцев в 2004 г. совершивший пилотируемый полет на космическом корабле «Шэньчжоу-5», который длился 21 час. После этого Ян Ливэй стал кумиром китайской молодежи.

В рамках проведения ассоциативного лингвистического эксперимента возможным оказывается получение единичных реакций, порождаемых индивидуальным языковым сознанием конкретного информанта. В нашем случае, например, на стимул **рубль** получены ожидаемые реакции, однако некоторое удивление вызвал ассоциат *милостыня*, находящийся на периферии даже национального языкового сознания. Видимо, здесь сказалось влияние индивидуальной картины мира реципиента. Аналогичным образом можем объяснить появление реакции *беженец* на слово-стимул **суп**.

Интересны выводы относительно присутствия аксиологического компонента в исследуемых фрагментах обозначенных национальных лингвокультур сквозь призму рецепции носителей китайского языка. Китайцы демонстрируют толерантное отношение в целом к славянской лингвокультуре, выражая положительную оценку отдельных ее фактов (насколько это позволяет кодекс этики восточного человека).

Об этом свидетельствуют количественные подсчеты. Число ассоциатов, в значении которых преобладает предметно-понятийный компонент и не актуализируется коннотативный (*завтрак, песня, земля, метро, луна, человек*), составляет порядка 180 неповторяющихся единиц ($\approx 23\%$ от общего количества полученных реакций, если не брать в расчет слова-реакции, которые можно причислить к единицам с амбивалентной коннотацией (*доктрина, чисто по-русски*)). Число ассоциатов, в значении которых доминируют положительные коннотативные оттенки (*вкусный, родные люди, любовь, великий, известный, красота, смелый, умный, герой, аромат*), составляет порядка 30 словоупотреблений (3% от общего числа ответов). Как минимум 6 реакций – *пьяница, не очень вкусно, фашисты, неприемлемо, бедность, месть* – характеризуются присутствием в значении негативно оценочных сем ($\approx 0,8\%$ от общего количества полученных ассоциатов).

В числе ассоциатов с эксплицированной коннотацией особо выделим единицы с актуализированным в значении аксиологическим компонентом, появление которого во многом определяется представлениями, традиционными для сознания китайцев. Так, образ девушки в китайской картине мира (слово-стимул *дівчина*) складывается из таких ассоциативных характеристик, как *красота, молодость, нежность, чистота и верность*.

Таким образом, представленный анализ показал, что славянские лексические единицы, проникающие в китайскую лингвокультуру, несут элементы национальной самобытности, которые особым образом интерпретируются инофонами. На основании данных эксперимента можно сделать некоторые выводы, которые коррелируют с представлениями китайцев о культуре славянских народов, отраженными в вариантах интерпретации ими отдельных лексем славянского происхождения. При наблюдающихся смысловых переключках очевидны несовпадения в толкованиях ключевых смыслов исконными и вторичными языковыми личностями, что свидетельствует о неконгруэнтности двух лингвокультур и определяющем влиянии родной картины мира на процесс интерпретации данных. Имеет значение также уровень развития языкового сознания инофонов, включающихся в процесс интерпретации иноязычной лексики. Изучение особенностей функционирования в языке-реципиенте слов, пришедших из иной лингвокультуры, является важным для решения задач, связанных с расширением межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина Ф.А. Заимствование как результат межъязыкового взаимодействия в контексте межкультурной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 166 с.

2. *Берестовская Д.С.* Диалог культур: Восток и Запад // Мыслители XX века о культуре. Симферополь: Ариал, 2010. С. 126–139.
3. Большой русско-китайский толковый словарь. Пекин: Коммерческое издательство, 1992. 1250 с.
4. Большой русско-китайский толковый словарь. Около 157 000 слов. Пекин: Шаньу иньшугуань, 1992. 2737с.
5. *Ван С., Курьянович А.В.* Вторичная и аутентичная картины мира в зеркале проблемы конгруэнтности // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 177–181.
6. *Ван Ц.* Лингвокультуры Китая и Великобритании: роль и значение национальных особенностей в формировании языковой картины мира // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 3. С. 48–67.
7. *Габдуллина А.Х.* Когнитивные основания и лингвокультурологические факторы заимствований из японского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 22 с.
8. *Голик М.Я.* Русский язык в Китае: прошлое и настоящее // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1-2 (55). С. 108–110.
9. *Голованова Е.И.* Когнитивные аспекты лексического заимствования // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 1 (21). С. 79–88.
10. Китайско-белорусский и белорусско-китайский словарь (Кітайска-беларускі слоўнік. Беларуска-кітайскі слоўнік). URL: <https://iml.belcentre.by/kit/index.html> (дата обращения: 30.05.2023).
11. Краткий русско-китайский и китайско-русский словарь. Пекин: Шаньу Иньшугуань, 1988. 578 с.
12. *Крысин Л.П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык в школе. 1994. № 6. С. 56–63.
13. *Ли С., Курьянович А.В.* Русизмы как способ отражения русской культуры в сознании носителей китайского языка: опыт экспериментального исследования // Изучение региональной картины мира в поликультурном образовательном пространстве: теория и практика / под общ. ред. Л.А. Мардиевой, Т.Ю. Шуклиной, Л.А. Усмановой. Казань: РИЦ «ШКОЛА», 2017. С. 83–93.
14. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 414 с.
15. *Лю Ю.* Особенности русинских орнитонимов // Сталинградская гвоздика: сборник материалов Международной конференции. Вып. 4 / под ред. И.А. Прихожан, В.И. Супруна. Волгоград: Фортесс, 2019. С. 233–235.
16. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М.: Астрель; АСТ, 2001. 632 с.
17. *Нагибина И.Г., Куликова Л.В.* Китайский дискурс: концепция культурологического анализа. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2021. 180 с.

18. Новый русско-китайский словарь. Шэньян: Ляонинский университет, 1998. 2159 с.
19. *Оглезнева Е.А.* Славянское языковое присутствие в Китае первой половины XX в. (на материале Харбина – центра русского восточного зарубежья) // Русин. 2016. № 3 (45). С. 90–106. DOI: 10.17223/18572685/45/7
20. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
21. Русско-китайский словарь православной лексики. URL: <https://giga-baza.ru/doc/45429-pall.html> (дата обращения: 30.05.2023).
22. *Рябцева Э.Г.* Лексические заимствования: когнитивный и прагматический аспекты // Человек, текст, язык в системе социогуманитарного знания: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил: Нижнетагильский гос. соц.-пед. ин-т, 2017. С. 42–48.
23. Словарь иностранных слов китайского языка / сост. Лю Ч., Гао М., Май Ю., Ши Ю. Шанхай: Шанхайское издательство энциклопедий и словарей, 1984. 422 с.
24. Словарь современного китайского языка. Пекин: Бизнес издательство, 2005. 1958 с.
25. Словарь-справочник новых слов русского языка с китайскими толкованиями. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2005. 561 с.
26. *Супрун В.И.* Русинистика в Китае как составная часть славистики: конференция «Русины и русинский язык в современном мире» в Чанчуньском университете // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 8 (141). С. 264–270.
27. *Супрун В.И., Ван Ц.* Славянские языки в современном Китае // Универзитетска славистика: традиције, савременостање, перспективе / уредник д-р Ксенија Кончаревић. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2017. С. 313–325.
28. *Урысон Е.В.* Языковая картина мира и лексические заимствования // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 79–83.
29. *Цзун Ш.* Исследование новых выражений и новых слов: изучение и анализ лексических единиц. Гуцзинь: Гуанси шифан дасюэ чубанынэ, 2007. 268 с.
30. *Цзян И., Шипановская Л.М.* Русские заимствования в китайском языке как результат языковых контактов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7, ч. 1. С. 144–152.
31. *Чжан С.* Исследование развития и изменения современной китайской лексики. Цзинань: Цилу Чубанынэ, 2008. 310 с.
32. *Чжэн Ш. и др.* Краткий украинско-китайский и китайско-украинский словарь. URL: <https://libcats.org/book/759150> (дата обращения: 30.05.2023).
33. *Чжэн Ш.* Украинско-китайский словарь (Українско-китайський словник). Пекин: Шаньу Иньшугуань, 1999. URL: <https://libcats.org/book/592668?ysclid=Ihft70vj4r987480243> (дата обращения: 30.05.2023).

34. Шанский Н.М. Этимологический онлайн-словарь. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (дата обращения: 30.05.2023).
35. Ши Ю. Заимствования в китайском языке. Пекин: Шаньу Чубанынэ, 2003. 239 с.
36. Этимологический словарь новых слов современного китайского языка. Шанхай: Словари китайского языка, 2005. 426 с.
37. Ян Х. Исследование новых слов в китайском языке. Харбин: Хэлунцзян цзяоюй чубанынэ, 2002. 265 с.
38. Янь Ц. Русские заимствования в китайском языке и их учет в обучении русскому языку китайских студентов // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 333–335.

REFERENCES

1. Abdullina, F.A. (2004) *Zaimstvovanie kak rezul'tat mezh'yazykovogo vzaimodeystviya v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Borrowing as a result of interlingual interaction in the context of intercultural communication]. Philology Cand. Diss. Ufa.
2. Berestovskaya, D.S. (2010) *Dialog kul'tur: Vostok i Zapad* [The dialogue of cultures: East and West]. Simferopol: Arial. pp. 126–139.
3. *Bol'shoy russko-kitayskiy slovar'* [Large Russian-Chinese Dictionary]. Beijing: Kommercheskoe izdatel'stvo.
4. Heilongjiang University. (1992) *Bol'shoy russko-kitayskiy slovar'* [Large Russian-Chinese Dictionary]. Beijing: Shan'u in'shuguan'.
5. Wang, S. & Kurjanovich, A.V. (2020) Vtorichnaya i autentichnaya kartiny mira v zerkale problemy kongruentnosti [Secondary and authentic pictures of the world in the mirror of the problem of congruence]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*. 2(41). pp. 177–181 (in Russian).
6. Wang, Qi. (2022) China and the UK Language and Culture: National Peculiarities' Role in the Process of Language Picture Formation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika – Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. 12(3). pp. 48–67 (in Russian).
7. Gabdullina, A.Kh. (2012) *Kognitivnye osnovaniya i lingvokul'turologicheskie faktory zaimstvovaniy iz yaponskogo yazyka* [Cognitive foundations and linguo-cultural factors of borrowings from the Japanese language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
8. Golik, M.Ya. (2016) The Russian language in China: Past and present. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 1-2(55). pp. 108–110 (in Russian).

9. Golovanova, E.I. (2013) Kognitivnye aspekty leksicheskogo zaimstvovaniya [Cognitive aspects of lexical borrowing]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(21). pp. 79–88.

10. *Kitaysko-belorusskiy i belorussko-kitayskiy slovar'* [Chinese-Belarusian and Belarusian-Chinese dictionary]. [Online] Available from: <https://iml.belcentre.by/kit/index.html> (Accessed: 30th May 2023).

11. China. (1988) *Kratkiy russko-kitayskiy i kitaysko-russkiy slovar'* [Brief Russian-Chinese and Chinese-Russian Dictionary]. Beijing: Shan'yu In'shuguan'.

12. Krysin, L.P. (1994) Inoyazychnoe slovo v kontekste sovremennoy obshchestvennoy zhizni [Foreign word in the context of modern social life]. *Russkiy yazyk v shkole*. 6. pp. 56–63.

13. Li, S. & Kurjanovich, A.V. (2017) Rusizmy kak sposob otrazheniya russkoy kul'tury v soznanii nositeley kitayskogo yazyka: opyt eksperimental'nogo issledovaniya [Russianisms as a way of reflecting Russian culture in the consciousness of Chinese Speakers: Experimental research]. In: Mardieva, L.A., Shchuklina, T.Yu. & Usmanova, L.A. (eds) *Izuchenie regional'noy kartiny mira v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve: teoriya i praktika* [Study of the regional picture of the world in a multicultural educational space: Theory and practice]. Kazan: ShKOLA. pp. 83–93.

14. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semi-osfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

15. Liu, Yu. (2019) Osobennosti rusinskih ornitonimov [Features of Rusin ornithonyms]. In: Prikhozhan, I.A. & Suprun, V.I. (eds) *Stalingradskaya gvozdika* [The Stalingrad Carnation]. Vol. 4. Volgograd: Fortress. pp. 233–235.

16. Malyavin, V.V. (2001) *Kitayskaya tsivilizatsiya* [Chinese Civilization]. Moscow: Astrel'; AST.

17. Nagibina, I.G. & Kulikova, L.V. (2021) *Kitayskiy diskurs: kontseptsiya kul'turologicheskogo analiza* [Chinese discourse: the concept of cultural analysis]. Krasnoyarsk: SFU.

18. Jianhua, C. (1998) *Novyy russko-kitayskiy slovar'* [New Russian-Chinese Dictionary]. Shenyang: Liaoning University.

19. Oglezneva, E.A. (2016) Slavic languages in china in the early 20th century (a case study of Harbin -the center of the russian east emigre community). *Rusin*. 3(45). pp. 90–106 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/7

20. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language] Moscow: Azbukovnik.

21. *Russko-kitayskiy slovar' pravoslavnoy leksiki* [Russian-Chinese Dictionary of Orthodox Vocabulary]. [Online] Available from: <https://gigabaza.ru/doc/45429-pall.html> (Accessed: 30th May 2023).

22. Ryabtseva, E.G. (2017) Leksicheskie zaimstvovaniya: kognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty [Lexical borrowings: cognitive and pragmatic aspects]. In:

Chizhova, L.I. (ed.) *Chelovek, tekst, yazyk v sisteme sotsiogumanitarnogo znaniya* [Human, text, language in the system of socio-humanitarian knowledge]. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute. pp. 42–48.

23. Liu Ch., Gao M., Mai Yu. & Shi Yu. (1984) *Slovar' inostrannykh slov kitayskogo yazyka* [Dictionary of Foreign Words of the Chinese Language]. Shanghai: Shanghai Publishing House of Encyclopedias and Dictionaries.

24. China. (2005a) *Slovar' sovremennogo kitayskogo yazyka* [Dictionary of Modern Chinese]. Beijing: Biznes izdatel'stvo.

25. China. (2005b) *Slovar'-spravochnik novykh slov russkogo yazyka s kitayskimi tolkovaniyami* [Dictionary of new words of the Russian language with Chinese interpretations]. Beijing: Shan"u in'shuguan'.

26. Suprun, V.I. (2019) Rusinistika v Kitaye kak sostavnaya chast' slavistiki: konferentsiya "Rusiny i rusinskiy yazyk v sovremennom mire" v Chanchun'skom universitete [Rusin studies in China as an integral part of Slavic studies: Conference "Rusins and the Rusin language in the modern world" at Changchun University]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 8(141). pp. 264–270.

27. Suprun, V.I. & Wang, C. (2017) Slavyanskije yazyki v sovremennom Kitae [Slavic languages in modern China]. In: Konchareviĥ, K. (ed.) *Univerzitetska slavistika: traditsije, savremenost' i perspektive* [University Slavic studies: Traditions, modernity, perspectives]. Belgrade: Faculty of Philology, University of Belgrade. pp. 313–325.

28. Uryson, E.V. (1999) Yazykovaya kartina mira i leksicheskie zaimstvovaniya [Linguistic picture of the world and lexical borrowings]. *Voprosy yazykoznaviya*. 6. pp. 79–83.

29. Zong, Sh. (2007) *Issledovanie novykh vyrazheniy i novykh slov: izuchenie i analiz leksicheskikh edinits* [Research of new expressions and new words: A study and analysis of lexical units]. Gutslin: Guangxi shifang daxue chubanyne.

30. Jiang, I. & Shipanovskaya, L.M. (2016) Russkie zaimstvovaniya v kitayskom yazyke kak rezul'tat yazykovykh kontaktov [Russian borrowings in Chinese as a result of language contacts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 7(1). pp. 144–152 (in Russian).

31. Zhang, S. (2008) *Issledovanie razvitiya i izmeneniya sovremennoy kitayskoy leksiki* [Research on the development and change of modern Chinese vocabulary]. Jinan: Qilu Chubanyne.

32. Zheng, Sh. et al. (n.d.) *Kratkiy ukrainsko-kitayskiy i kitaysko-ukrainskiy slovar'* [Concise Ukrainian-Chinese and Chinese-Ukrainian Dictionary] [Online] Available from: <https://libcats.org/book/759150> (Accessed: 30th May 2023).

33. Zheng, Sh. (1999) *Ukrainsko-kitayskiy slovar'* [Ukrainian-Chinese Dictionary]. Beijing: Shan"u In'shuguan'. [Online] Available from: <https://libcats.org/book/592668?ysclid=lhtf70vj4r987480243> (Accessed: 30th May 2023).

34. Shanskiy, N.M. (n.d.) *Etimologicheskij onlayn-slovar'* [Etymological Online Dictionary]. [Online] Available from: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (Accessed: 30th May 2023).

35. Shi, Yu. (2003) *Zaimstvovaniya v kitayskom yazyke* [Borrowings in Chinese]. Beijing: Shangyu Chubanyne.

36. China. (2005) *Etimologicheskij slovar' novykh slov sovremennogo kitayskogo yazyka* [Etymological Dictionary of New Words in Modern Chinese]. Shanghai: Chinese Dictionaries.

37. Yan, Kh. (2002) *Issledovanie novykh slov v kitayskom yazyke* [Research of new words in Chinese]. Harbin: Helongjiang jiaoyu chubanyie.

38. Yan, T.S. (2011) Russian borrowings in Chinese and their consideration in teaching Russian to Chinese students. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture, Education*. 5(30). pp. 333–335 (in Russian).

Ван Синхуа – кандидат филологических наук, преподаватель, Муданьцзянский педагогический университет (Китай).

Wang Xinghua – Mudanjiang Pedagogical University (China).

E-mail: paveltgpu@yandex.ru

Курьянович Анна Владимировна – доктор филологических наук, профессор Цзилиньского университета иностранных языков (Китай); заведующая кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета (Россия).

Anna V. Kurjanovich – Jilin University of Foreign Studies (China); Tomsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

УДК 94:355.48(100)"1939/1946"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/15

Воїн-русин у польських збройних силах Другої світової війни (на прикладі участі скульптора Павла Одрехівського)

Р.В. Одрехівський

Львівський державний університет фізичної культури
імені Івана Боберського
79007, Україна, м. Львів, вул. Костюшка, 11
E-mail: odre2010@ukr.net

Авторське резюме

У статті розглядається доля русинів у складі польських збройних сил періоду 1939–1946 років на прикладі учасника цих подій скульптора Павла Одрехівського. Вперше введено у науковий обіг архівні матеріали із польських державних та приватних сімейних архівів, а також дані словесних та оповідних джерел які доводять участь Павла Одрехівського та інших русинів у бойових діях у польських збройних сил у період 1939–1946 років. Розширено і доповнені дані про долю лемків-русинів, учасників польських збройних сил у оборонній війні в Другої Речі Посполитої 1939 року, у радянському полоні 1939–1941 років на території Криворізьського, та Севжелдорлагівського таборів НКВД. Описано також їхню долю у формуванні та участь у лавах армії генерала Владислава Андерса, у битві під Монте-Кассіно. Показано подальший героїчний шлях Павла Одрехівського та інших русинів у цій армії.

Ключові слова: Павло Одрехівський, 2 Польський корпус, битва під Монте-Кассіно, генерал Владислав Андерс, лемки-русини

Воин-русин в польских вооруженных силах Второй мировой войны (на примере участия скульптора Павла Одрехивского)

Р.В. Одрехивський

Львовский государственный университет физической культуры
имени Ивана Боберского
7900, Украина, г. Львов, ул. Костюшки, 11
E-mail: odre2010@ukr.net

Авторское резюме

Рассматривается судьба русинов в составе польских вооруженных сил периода 1939–1946 гг. на примере участника этих событий скульптора Павла Одрехивского. Впервые в научный оборот введены материалы из польских государственных и частных семейных архивов, а также данные словесных и повествовательных источников, доказывающие участие Павла Одрехивского и других русинов в боевых действиях в период 1939–1946 гг. Расширены и дополнены данные о судьбе лемков-русинов, участников польских вооруженных сил в оборонительной войне во Второй Речи Посполитой 1939 г., в советском плену 1939–1941 гг. на территории Криворожского и Севжелдорлагерского лагерей НКВД. Описано также их участие в рядах армии генерала Владислава Андерса в битве под Монте-Кассино. Показан героический путь Павла Одрехивского и других русинов в этой армии.

Ключевые слова: Павел Одрехивский, 2 Польский корпус, битва под Монте-Кассино, генерал Владислав Андерс, лемки-русины

The Rusin warrior in the Polish army during World War II (a case study of the sculptor Pavlo Odrekhivskyi's participation)

Roman W. Odrekhivskyi

Ivan Boberskyi Lviv State University of Physical Culture
11 Kostyushka Street, Lviv, 79007, Ukraine
E-mail: odre2010@ukr.net

Abstract

The article dwells on the participation of Lemkos-Rusins in the Polish Armed Forces in 1939–1946, in particular, in the Battle of Monte Cassino, and focuses on the fate of

the sculptor Pavlo Odrekhivskiy. For the first time, the author draws on the archival materials from Polish public and private family archives and the data from verbal and narrative sources, proving the participation of Pavlo Odrekhivskiy and other Rusins in the hostilities of 1939–1946. The data about Lemkos-Rusins – participants of the Polish Armed Forces in the Soviet captivity of 1939–1941 and their fate in the ranks of the Army of General Vladislav Anders have been expanded and supplemented. The article tells that the 5th regiment of sappers participated in the battles of World War II in September 1939. On September 17 in Ternopil, the fighters of the 5th regiment of sappers were captured by the Soviets and forcibly sent to work first to the Krivyy Rih Ore Basin, then to the so-called “NKVD” (People’s Commissariat of Internal Affairs) Camp in Kotlas (the Autonomous Republic Komi). The author also pays attention to the formation of Polish army by war and other prisoners of the Soviet regime under the command of General Vladislav Anders. The archival documents show the heroic path of the Lemkos-Rusins in this army. The culmination of the fighting of the 2nd Corps of Poland was the Battle of Monte Cassino. The article describes the difficult fate of the battle participants in the former Soviet Union after the end of World War II.

Keywords: Pavlo Odrekhivskiy, Second Polish Corps, Battle of Monte Cassino, General Vladislav Anders, Lemkos-Rusins

Давно відгриміли залпи Другої світової війни. Видано за цією темою обширні публікації. Детально досліджено участь у ній воїнів: радянських, польських та з інших країн. Але важко віднайти працю про участь русинів-українців у Другій світовій війні на західному фронті у складі антигітлерівської коаліції. Натомість землі, заселені лемками-русинами належать до одних із найбільш постраждалих у цій війні. Представники лемків-русинів воювали у арміях чужих держав, приносячи їм славу. Тому тему вважаємо актуальною.

Предметом нашого дослідження є участь галицьких русинів-українців у Другій світовій війні на прикладі Павла Одрехівського. До 1918 року землі Галичини належали до Австро-Угорщини, а до 1939 року знаходилися у складі Другої Речі Посполитої (рис. 1).

Після відновлення на карті світу української держави виникає необхідність детального дослідження участі бездержавних русинів-українців, які воювали у «чужих мундирах» проти нацистської Німеччини. Однією із найбільш героїчних сторінок цього – участь русинів-українців у польських збройних силах у 1939–1946 роках, зокрема – у оборонній війні Другої Речі Посполитої 1939 року, подальша доля учасників польської армії 1939 року у радянському полоні, участь русинів-українців у II Польському корпусі під командуванням генерала Владислава Андерса на італійському фронті у 1944 році.

Українські видання і надалі майже нічого не публікують про цю героїчну сторінку в історії русинів.

Радянська історіографія не досліджувала питання участі русинів-українців у складі польської армії у оборонній війні 1939 року. Історію армії під командуванням Владислава Андерса радянські історики

Рис. 1. Павло Одрехівський у однострої. 1918–1922 рр.
Фото із архіву автора

практично не досліджували взагалі. Польські дослідники видали про це дуже багато публікацій, але русинам, які були громадянами Польської держави 1918–1939 років та проливали за цю державу свою кров, у них не приділено уваги [14]. Окремі дослідники торкалися участі галицьких русинів у першій Світовій війні та перебування їх у італійському полоні [7].

Нещодавно почали з'являтися і монографії українських дослідників про українців, учасників польської армії у Другій світовій війні. Так, Н. Мизак у книзі «Українська кров під Монте-Кассіно» зазначає, що за різними даними у «2-му корпусі (армія генерала Владислава Андерса. – *О.Р.*) служило близько 5 тис. вояків інших національностей» [3: 8], серед них – і русини-українці. Українців у складі армії генерала Владислава Андерса Нестор Мизак назвав «троянцями Другої Світової» [3: 13]. Те, що прогалина про вагому участь українців при Монте-Кассіно поступово заповнюється свідчить і видана 2016 році вийшла книга рівненського дослідника Тараса Пилиповича «Під чужими мундирами – українські серця» [5].

У цих працях є матеріал із тематики участі русинів-українців у битві при Монте-Кассіно. Однак, у них мало приділено уваги персоналіям, свідченням, оповідним джерелам. Окрім того, нам вдалося у польських та приватних українських архівах уже після опублікування згаданих праць, зібрати багато документів, які ніколи не публікувалися в історіографії, зокрема, про участь русинів у Другій світовій війні у вересні 1939 року у польських збройних силах, особливості формування армії генерала Владислава Андерса, про участь русинів-українців у битві під Монте-Касіно, зокрема, на прикладі Павла Одрехівського.

Основою джерельної бази служили документальні та оповідні джерела. Матеріали із польського Центрального військового архіву ім. Болеслава Валігури, видобуті автором особисто. А також публікації інших авторів. Переважна більшість архівного матеріалу, використаного у дослідженні, вводиться автором у науковий обіг вперше.

Методологія дослідження ґрунтуються на загальних принципах наукової роботи: системності, достовірності, логічності. Основними методами були: аналітичний, порівняльно-історичний, історико-функціональний.

Метою статті є наукове відтворення на основі видобутих із архіву невідомих і неопублікованих досі документів участі русинів на прикладі долі Павла Одрехівського у оборонній війні Другої Речі Посполитої у вересні 1939 року, перебування русинів у радянському полоні 1939–1941 років, розпочати комплексне дослідження про передумови формування, створення та подальший маршрут русинів у складі армії під командуванням генерала Владислава Андерса та

участь у битві під Монте-Кассіно. Як згадував Павло Одрехівський, увесь цей військовий шлях він був у групі із лемками-русинами, призваними разом із ним із навколішніх сіл на військову службу¹. Тому, як він зазначав, його військовий шлях – це типова доля лемка-русина у польських збройних силах Другої світової війни.

Русини здавна проживали на території Галичини. Держави, у володіння яких входили ці землі здавна використовували русинів, як воїнів. Наприклад, у Першій світовій війні багато русинів-галичан брали участь у Першій світовій війні у складі австро-угорських збройних сил [7]. Серед них і житель села Вілька ґміни Риманів Сяноцького повіту Львівського воєводства Павло Одрехівський (1899–1973).

У зв'язку із розпадом Австро-Угорщини та низки інших обставин у 1919 році він благополучно повернувся із Першої світової війни у рідне село Вільку [12: 5]. І тільки десь із середини 20-х років – до 1939 року русини мали можливість жити нормальним мирним життям, прагнучи розвивати свою культуру. Павло Одрехівський відомий лемківський різьбяр, батько славного українського скульптора Василя Одрехівського (1921–1996), разом із родиною зайнялися продовженням традицій різьблення лемків-русинів, оскільки цей період – апогей у розвитку національного мистецтва лемків-русинів [4: 45–47]. У той час Павло Одрехівський створив багато творів об'ємної та рельєфної пластики. Проте, як зазначають дослідники В. Тельвак, В. Наконечний, становище русинів-лемків того часу і надалі належить до малодосліджених [9: 169]. Однак, мирний час творення та розвитку культури русинів у період існування Другої Речі Посполитої тривав недовго.

Адже сам кінець 30-х років ХХ століття видався напруженим у міжнародних стосунках. 1 вересня 1939 року розпочалась Друга світова війна. Друга Річ Посполита припинила своє існування. Поміж тим зрозуміло було, що Польська держава 1918–1939 років напередодні готовилась до війни. У серпні 1939 року, менше, аніж за місяць до початку війни, польський уряд активно проводив набір у військо на перепідготовку – в першу чергу, як і у 20-х роках, осіб із військовим досвідом – ветеранів Першої світової війни.

І тому, навіть, будучи уже відомим народним майстром-скульптором Павло Одрехівський – колишній учасник Першої світової війни, за військовою спеціальністю – сапер був призваний 6 серпня 1939 у польську армію року на перепідготовку [11: 5] (рис. 2).

Адже, польську владу мало цікавив розвиток українського мистецтва, як і те, що такі люди, які повсюдно брали участь у художніх ярмарках та виставках, повинні оберігатися державою як базова основа для розвитку національної культури. Другу світову війну Павло Одрехівський розпочав у 4 саперному батальйоні у місті Перемишлі

інших польських військовополонених працювали на лісопозаводах Севжелдорлагу табору НКВС у Комі АРСР та ін. [12: 1].

За свідченням Павла Одрехівського, багато із них, внаслідок шкідливих та виснажливих робіт, невиліковно захворіли і всі вони, які ще тримались на ногах, би там загинули². Адже умови праці були неналежні. Полонені навіть не мали належного зимового одягу та взуття, а працювали по пояс у снігу на вирубці лісу. Але, як це не парадоксально звучить, від вірної смерті у сталінських таборах їх врятувала війна. Події почали розвиватись наступним чином.

Несподівано ситуація військових бранців із громадян колишньої Другої Речі Посполитої раптово помінялась із 30 червня 1941 року, у зв'язку із підписанням між урядами Великобританії та Радянського Союзу угоди про створення із колишніх польських вояків, які утримувались на території Радянського Союзу, польської армії. До речі, польські військовики, які у 1939 році, вірні присязі, даній польській Другій Речі Посполитій, вели бойові дії у складі польської армії у вересні 1939 року, в тому числі і проти радянських військ, відповідно цього договору та інших радянських документів, отримали амністію, згідно постанови Верховної Ради СРСР, про що замовчується до сьогодні [6].

Таким чином велика кількість бійців, серед них – Павло Одрехівський потрапили у новостворену армію під командуванням генерала Владислава Андерса. Після довгих передислокацій, через Радянську Середню Азію ці військовослужбовці через Іран, Ірак, Палестину, Єгипет потрапили на Італійський фронт як 2 Польський корпус. Згідно свідчень Павла Одрехівського, серед учасників цього Корпусу було багато русинів-українців із Львівського та Краківського воєводства³. Вони залишили по собі вічну пам'ять і славу за хоробрість у боях.

У червні 1943 року в населеному пункті Кізіл-Рібат (Ірак) бійці пройшли остаточний медогляд. Ті, хто були признані придатними до військової служби, стали кістяком 2 Польського корпусу [11: 5] (рис. 2). Це був, як вважаєм, кінцевий етап формування армії під командуванням генерала Владислава Андерса. Павло Одрехівський був направлений тепер у 301 етапну саперну роту 5 батальйону саперів [11: 6].

Варто звернути увагу на те, що 28 червня 1943 року Павлу Одрехівському на медичній оглядовій комісії № 3 була присвоєна уже категорія «D» фізичної придатності до військової служби. Тоді як у цьому ж документі зазначається, що до війни 1939 року у Польській державі 1918–1939 років медкомісія надала йому найвищу категорію «A» – повністю придатний до військової служби та проходження військової перепідготовки [11: 5]. Це свідчить про те, що за два роки

проведені на виснажливих та шкідливих роботах у концтаборах НКВД в Криворізькому басейні із добування руди і Севжелдорлагу із вирубки лісу взимку та прокладання залізничної колії суттєво підірвали його здоров'я. Адаже, як зазначено у документі, його здоров'я за ці декілька років суттєво підупало із категорії «А» – здоровий, цілком придатний до військової служби до категорії «D» – непридатний до військової служби у мирний час – придатний обмежено у воєнний час [13: 1]. Нижче була лише категорія «Е». Особи, яким медична комісія її присвоїла, не підлягали військовій службі навіть у воєнний час [13: 1]. Це промовисто свідчить про ту шкоду, яку приносили людям сталінські табори НКВД, коли людина із стану абсолютно здорової перейшла всього за декілька років у стан із обмеженим здоров'ям. Однак, тема масового нищення здоров'я українців у таборах НКВД, особливо у 1930-х – початку 40-х років заслуговує на окреме дослідження.

Апогеєм італійського театру бойових дій була грандіозна і довготривала битва у 1944 році за монастир Монте-Кассіно, із іншою назвою – битва за Рим. Це – чотири кровопролитних битви Другої світової війни, в результаті яких союзні війська 17–19 травня 1944 року змогли прорвати німецьку оборону і 4 червня таки оволоділи Римом. Перемога у битві під Монте-Касіно звільнила дорогу до остаточного визволення Італії та інших частин Західної Європи. Учасники 2 Польського Корпусу брали активну участь у цьому. Про це свідчить низка бойових нагород, отриманих Павлом Одрехівським, який воював у складі 5 батальйону саперів, серед них – польська нагорода «Хрест за здобуття Монте Кассіно за № 40210 (рис. 3), британські нагороди: «Зірка війни 1939-1945рр», «Зірка Італії», «Медаль війська» за № 24357. Згодом учасники армії генерала Владислава Андерса брали участь у боях у Північних Аппенінах із жовтня 1944 по січень 1945 років, а у січні-травні 1945 року – у боях над рікою Саніо у Італії (рис. 4) [11: 10].

У травні 1946 року Павла Одрехівського та інших бійців перевели до Британського Обозу в Черрінару, а згодом – до Вітборна у Шотландії (див. рис. 2) [11: 6], звідки бійці 2 Польського Корпусу були демобілізовані. Український дослідник Т. Пилипович зазначає, що символічною датою розпуску Польських збройних сил на Заході є 10 липня 1947 року [11: 6]. Багато ветеранів залишились у західних країнах. Однак, деякі із них вернулись додому. Павло Одрехівський вернувся до родини із 6 дітей, які були репатрійовані ще раніше у січні 1945 році до Радянського Союзу, згідно угоди між урядом Української РСР та Польським Комітетом національного визволення [1]. Як зазначає С. Суляк, у 1945–1946 роках у СРСР було репатрійовано близько 481 тис. русинів [8: 50], серед них, звичайно, і родина Павла Одрехівського.

На жаль, у радянській державі не толерувались навіть самі спогади про армію під командуванням генерала Владислава Андерса. Її учасники підлягали пильному оку органів держбезпеки. Павло Одрехівський повинен був щомісяця з'являтися в органи НКВД для подачі показів, що він не підтримує зв'язків із «буржуазним заходом»⁴. Надалі необхідно провести пошуки, чи протоколи цих допитів десь не збереглися у архівах НКВД.

Минуло понад 70 років із дня повернення додому українців-русинів – учасників 2 Польського корпусу під командуванням генерала Владислава Андерса. Вони були визнані у Західній Європі героями, але побажали повернутись додому, до власних сімей. Однак, замість слави у колишньому СРСР були піддані репресіям та переслідуванням. Так, у 1951 році одночасно по всьому СРСР прокотилася хвиля насильної депортацій на територію сибірської частини держави колишніх учасників армії генерала Владислава Андерса [5: 147–148]. Однак, завдяки постійній зміні проживання та збігу щасливих обставин, Павлу Одрехівському та його родині вдалося уникнути арешту і висилки до Сибіру.

Участь українців-русинів у Другій світовій війні – питання маловивчене. Адже вони, як і Павло Одрехівський, проявили мужність та героїзм, безліч полягли у боях за різні держави. Багато із них знайшли свій вічний спочинок в італійській землі, де навіть не вказано про їхню українську приналежність. Вони воювали на території союзниці нацистської Німеччини Італії. Пам'ять про них ще належно не вшанована на сторінках преси. Це питання вимагає значно ширшого дослідження та публікацій у виданнях.

Битва за Рим – одна із найкривавіших та найбільших битв другої світової війни на західному фронті. Одна із ключових операцій цієї грандіозної багатопланової масштабної операції – битва за вершину Монте-Кассіно. 2 Польський корпус, у складі якого було багато русинів-українців, серед них – Павло Одрехівський таки здобули вершину.

Як зазначає український дослідник М. Шкрібляк, масова участь українців у битві при Монте-Кассіно – одна із маловідомих, але одна із дієвих сторінок участі русинів-українців у Другій світовій війні. Вони воювали на території союзниці нацистської Німеччини Італії. Польська сторона виховує підростаюче покоління на прикладах звитяги своїх воїнів у лавах армії Владислава Андерса, а героїчна і самовіддана та вагома за результатами участь у ній українців замовчується [10: 2]. Пам'ять про них ще належно не опрацьована українськими дослідниками, не пропагована у наукових виданнях та пресі. М. Шкрібляк зазначає, зокрема: «Натомість прикро усвідомлювати, що участь наших дідів і батьків на полях битв у лавах польської армії свідомо

замовчується не на користь українців. Певна річ, що звинувачувати тут потрібно не поляків за те, що не дрімають, а самих же українців за те, що досі сплять» [10: 2].

Покоління, які виросли у повоєнному СРСР переважно навіть не знають про цю одну із найбільш вирішальних і найкровопролитніших битв на Західноєвропейському фронті Другої світової війни. Як свідчать дані Ігоря Брусила, працівника української амбасаді в Італії, на польському цвинтарі під Монте-Кассіно, де спочиває більше, ніж одна тисяча вояків, виявлено захоронення 103 осіб, які походять із етнічних українських земель [2: 1]. Питання самовідданої та героїчної участі русинів-українців у масштабній битві під Монте-Кассіно, «італійським Сталінградом», вимагає значно ширшого дослідження та публікацій у різнопланових виданнях.

Примітки

1. Спогади Павла Одрехівського із 1972 року, записані Василем Одрехівським.
2. Спогади Павла Одрехівського із 1972 року, записані Василем Одрехівським.
3. Спогади Павла Одрехівського із 1972 року, записані Василем Одрехівським.
4. Спогади Павла Одрехівського із 1972 року, записані Василем Одрехівським.

ЛИТЕРАТУРА

1. Державний архів Львівської області. Архівна довідка від 10. 08. 2016. № 0-19353. Підстава: Р-3229, оп. 8, спр. 50, 1 зв, спр. 58, арк. 74, спр. 24, арк. 81 зв.
2. Кудрик Н. Українці у боях під Монтекассіно. URL: <http://www.radiosvoboda.org/a/2034402.html> (дата звернення: 23.04.2020).
3. Мизак Н. Українська кров під Монте-Кассіно. Чернівці: Чернівецький національний університет: Рута, 2013.
4. Одрехівський Р. Мистецтво різьблення як один із проявів національно-го та культурного відродження лемків-русинів (кінець ХІХ-перша третина ХХ століття) // Русин 2021. № 63. С. 43-51. DOI: 10.17223/18572685/63/4
5. Пилипович Т. Під чужими мундирами – українські серця. Київ: Кондор, 2016.
6. Самсонов А. Почему ушла армия Андерса? URL: <http://topwar.ru/9040-rochemu-ushla-armiya-andersa.html> (дата звернення: 22.10.2016).
7. Срибняк И.В., Шатило В.А. Военнопленные русины в итальянских лагерях: правовое положение, условия содержания, культурно-национальная

самоорганизация (1919 – первая половина 1920 г.) // Русин. 2020. № 59. С. 130–153. DOI: 10.17223/18572685/59/8

8. Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.

9. Тельвак В.В., Наконечний В.М. Становище русинської меншини в Другій Речі Посполитій за матеріалами газети «Наш лемко» // Русин. 2020. № 61. С. 166–182. DOI: 10.17223/18572685/61/10

10. Шкрібляк М. Нестор Мизак. Українська кров під Монте Кассіно. Чернівецький національний університет: Рута, 2013. URL: <http://www.religstud.chnu.edu.ua/res/religstud/REzenzija%20Monte%20Kristo.pdf> (дата звернення: 22.10.2016).

11. Centralne archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, sygn. II 53 42 929 ODRZECHOWSKI Paweł. (Республіка Польща).

12. Centralne archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, sygn. VIII. 801.39.584. (Республіка Польща).

13. KATEGORIE ZDOLNOŚCI DO CZYNNEJ SŁUŻBY WOJSKOWEJ. URL: https://www.stawiguda.pl/userfiles/OC/sprawy%20wojskowe/kategorie_zdolnosci_do_czynnej_sluzby_wojskowej.pdf (дата звернення: 15.01.2022).

14. *Szczepani K.* Monte Cassino: Historia. Ludzie. Pamięć. T. 1–2. Warszawa: Askon, 2001.

REFERENCES

1. The State Archive of Lviv Region. Archive reference dated August 10, 2016. No. 0-19353. Base: R-3229, List 8, Ref. 50, 1 zv., Ref. 58, Sheet 74, Ref. 24, Sheet 81 links.

2. Kudrik, N. (n.d.) *Ukrainci u boyakh pid Montekassino* [Ukraine in the battles of Montecassino]. [Online] Available from: <http://www.radiosvoboda.org/a/2034402.html> (Accessed: 23rd April 2020).

3. Mizak, N. (2013) *Ukrain's'ka krov pid Monte-Kassino* [Ukrainian blood at Monte Cassino]. Chernivtsi: Chernivtsi National University: Ruta.

4. Odrekivskyi, R. (2021) The art of carving as a manifestation of the national and cultural revival of the Lemkos-Rusins (the late 10th-first third of the 20th century). *Rusin*. 63. pp. 43–51. DOI: 10.17223/18572685/63/4

5. Pilipovich, T. (2016) *Pid chuzhimi mundirami – ukrains'ki sertsya* [Under other people's uniforms – Ukrainian hearts]. Kyiv: Kondor.

6. Samsonov, A. (2011) *Pochemu ushla armiya Andersa?* [Why did Anders army leave?]. [Online] Available from: <http://topwar.ru/9040-pochemu-ushla-armiya-andersa.html> (Accessed: 22nd October 2016).

7. Sribnyak, I.V. & Shatilo, V.A. (2020) Rusin prisoners of war in Italian camps: legal status, conditions of detention, cultural and national self-organization (from 1919 to the first half of 1920). *Rusin*. 59. pp. 130–153. DOI: 10.17223/18572685/59/8

8. Sulyak, S.G. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: Past and present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–56.

9. Telvak, V.V. & Nakonechniy, V.M. (2020) The Rusin minority in the Second Polish Republic according to “Nash Lemko” newspaper. *Rusin*. 61. pp. 166–182. DOI: 10.17223/18572685/61/10

10. Shkribliak, M. (2013) *Nestor Mizak. Ukraïns'ka krov pid Monte Kassino* [Nestor Mizak. Ukrainian blood at Monte Cassino]. Chernivtsi: Chernivtsi National University; Ruta. [Online] Available from: <http://www.religstud.chnu.edu.ua/res/religstud/REzenzija%20Monte%20Kristo.pdf>. (Accessed: 22nd October 2016).

11. Centralne archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, sygn. II 53 42 929 ODRZECHOWSKI Paweł.

12. Centralne archiwum wojskowe im. mjr. Bolesława Waligóry, sygn. VIII. 801.39.584.

13. Poland. (n.d.) *Kategorie zdolności do czynnej służby wojskowej*. [Online] Available from: https://www.stawiguda.pl/userfiles/OC/sprawy%20wojskowe/kategorie_zdolnosci_do_czynnej_sluzby_wojskowej.pdf (Accessed: 15th January 2022).

14. Szczepanik, K. (2001) *Monte Cassino : Historia. Ludzie. Pamięć*. Vol. 1-2. Warszawa: Askon.

Одрехівський Роман Васильович – доктор мистецтвознавства, професор кафедри хореографії та мистецтвознавства Львівського державного університету фізичної культури імені Івана Боберського (Україна).

Одрехивский Роман Васильевич – доктор искусствоведения, профессор кафедры хореографии и искусствоведения Львовского государственного университета физической культуры имени Ивана Боберского (Украина).

Roman W. Odrekhivskiy – Ivan Boberskyi Lviv State University of Physical Culture (Ukraine).

E-mail: odre2010@ukr.net

УДК 391:63

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/16

Красота, скрытая в деталях. Украшения для нарядов русинов Шлахтовских

М. Тимохович

Университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине
Польша, 20-031, г. Люблин, Пл. М. Кюри-Склодовской, 5
E-mail: m.tymochowicz@poczta.umcs.lublin.pl

Авторское резюме

Описаны характерные для русинов-шлахтовских вышивки и орнаменты, использованные в национальном костюме, который они носили до 1950-х гг. Большое значение придавалось исполнению и подбору украшений. Они лучше всего показывали отличие данного наряда от других в регионе. Богатство нарядов также сообщало о достатке и положении семьи в данной общине. Речь идет не только о навыках или эстетических предпочтениях, но и об изменениях, происходивших в народных костюмах. На выбор узоров, используемых в вышивке или печати на холсте, также повлияли такие факторы, как традиционные обычаи, верования или магия. Исследование основано на доступной литературе, сохранившихся экспонатах в польских этнографических музеях и архивной фотодокументации, в том числе из архива лемковского ансамбля песни и пляски «Кычера» из Легницы.

Ключевые слова: русины шляхтовские, Польша, народные костюмы, вышивка, традиции

Beauty hidden in details. Ornaments for the outfit of the Szlachtowa Rusins

Mariola Tymochowicz

Maria Curie-Skłodowska University in Lublin
5 PL. Maria Curie-Skłodowska, Lublin, 20-031, Poland
E-mail: m.tymochowicz@poczta.umcs.lublin.pl

Abstract

The article describes the embroidery and ornaments of the national costume worn by Rusins in Szlachtowa until the 1950s. Great importance was attached to the ornaments, since they best showed the difference between regions. The wealthy embroidery and ornaments signalled the prosperity and position of the family in the community. Today the decorations tell not only about skills or aesthetic preferences, but also about the changes that took place in folk costumes. The choice of patterns in embroidery or canvas prints was also influenced by such factors as traditional customs, beliefs or magic. The study was based on the available literature, preserved exhibits in Polish ethnographic museums and archival photographic documentation, including the documents from the Archives of the Lemko Song and Dance Ensemble "Kyczer" from Legnica.

Keywords: Szlachtowa Rusins, Poland, folk costumes, embroidery, traditions

Русинское поселение в Польше, как писал Роман Рейнфусс в 1947 г., заканчивалось «с запада полуостровом Лемко, доходящим до реки Попрад. Западнее Попрада на северной стороне Карпатских гор находится только один русинский остров, состоящий из 4 деревень: Шляхтова, Явирки, Била Вода и Чорна Вода» [9: 160]. Как утверждают исследователи, это было четыре самых западных поселения лемков в Польше. В этих сёлах насчитывалось по 400–800 жителей, всего 2 200 лемков и около 100 поляков [6: 123]. Эти деревни были расположены в верхней части бассейна реки Руска. Бассейн реки Руска с севера, востока и юга был ограничен горными хребтами. Он был открыт только с запада, т. е. со стороны Щавницы, к которой вел единственный путь. Здесь жили русины-шляхтовцы¹, которые зарабатывали на жизнь разведением волов и овец и земледелием. Жители Чорна Воды дополнительно занимались лесозаготовками, а Шляхтовой и Явирок изготавливали деревянные предметы (сувенирные шкатулки, ложки). Мужчины из Билой Воды занимались ремонтом глиняной посуды с помощью проволоки. Эта группа находилась всего в 14 км

от других посёлков лемков. По культуре лемки-шляхтовцы, жители этих четырёх сёл, были объединены в первую очередь с лемками Польши, поскольку, входили вместе с ними на протяжении столетий в состав одной и той же у Перемышльской епархии [6: 169]. Это их существенно отличало от живущих совсем рядом лемков Словакии. Поэтому Р. Рейнфусс не без основания утверждал, что «несмотря на значительное сходство культур спишских и шляхтских русинов, между ними явно ощущается групповая обособленность, возникшая частично на фоне осознанных, незначительных культурных различий, а частично в результате принадлежности к двум разным политическим организациям» [9: 165].

Географическая, социальная изоляция и, наконец, бедность, в которую была ввергнута Шляхтовская Русь, сыграли свою роль. Такая ситуация означала, что «это население, хотя и было втянуто в поток культурных изменений, происходивших в Западных Карпатах, никогда не могло идти в ногу со временем, принимая все новинки с большим опозданием. Поэтому в культурном инвентаре Шляхтовой Руси сохранилось много форм, которые у соседей либо совсем вышли из употребления, либо претерпели далеко идущую эволюцию» [9: 235]. На выделение этой этнографической группы в 1930-е гг. повлияли бы особый язык, обычаи и костюмы, которые они использовали.

К сожалению, этнографический регион, известный как Русь Шляхтовская, прекратил свое существование в конце первой половины XX в. в результате насильственного переселения его жителей в Украинскую ССР в 1945–1946 гг. и операции «Висла» в 1947 г., в ходе которой жители были депортированы в западные и северные регионы Польши. Там они уже не составляли компактной группы, что было одной из целей переселения. Сохранились также немногие культурные артефакты этой группы, и описанием их жизни и истории мы в значительной степени обязаны исследованиям Ю. Тарновича и Р. Райнфусса.

Особую ценность представляют исследования, выполненные ещё до трагических событий 1945–1947 гг. Ю. Тарновичем. Так, автор, исследуя одежду лемков-русинов, поделил её на три территориальные группы. Территорию Шляхтовой, Явинок, Билой Воды, Чорной Воды он отнёс к Западной Лемковине. Ю. Тарнович подчеркнул, что орнаментальные формы одежды этих русинов отличают их от гуральского или мазурского народного искусства, хотя не возражал против перекрещивания здесь словацких, чешских и гуральских влияний [13: 107].

В данной статье мы сосредоточимся на описании специфической орнаментации костюма шляхтовских русинов, основываясь на сохранившихся музейных экспонатах² и фотодокументации из коллекции архива Лемковского ансамбля песни и танца «Кычера» в Легнице.

Этот костюм был описан только Романом Рейнфуссом [9] и Ежи Саржиньским [12], но они не включили более широкое описание использованных орнаментальных мотивов. Хотелось бы более подробно рассказать об орнаменте, так как используемые швы, галантерейные дополнения, подбор и сочетание различных узоров, а также их расцветка и расположение элементов на конкретных предметах одежды явно отличают данный костюм от других, найденных в данной части страны. Костюм всегда является одним из важнейших отличительных признаков той или иной этнографической группы. А русины особенно гордились своим костюмом; он позволял им подчеркнуть свою культурную идентичность среди других карпатских народов.

Одежда играла чрезвычайно важную роль в жизни бывших жителей села. Как правило, на ее украшение не жалели финансов. Количество украшений показывало материальное положение владельца, его социальный статус. Украшения различались по семейному положению, возрасту и полу владельца. Особые элементы наряда отличали невест от замужних женщин и холостяков от женатых мужчин. До первой половины XX в. наряд, ныне известный как национальный костюм, также был отличительной чертой крестьян. Его носили только во время важных религиозных мероприятий и церемоний. Он отличался от повседневного стиля большим количеством элементов, более качественными тканями и украшениями. К сожалению, из-за интенсивных цивилизационных изменений и связанных с ними преобразований в жизни и мировоззрении сельского сообщества, костюм больше не используется в быту. В настоящее время он используется в основном народными артистами, группами или представителями общественных организаций, которые хотят таким образом подчеркнуть свою местную или региональную принадлежность.

Цель статьи – на основе сохранившихся музейных экспонатов и архивных материалов представить специфику орнаментации в костюме Руси Шляхтовой. Этот тип костюма еще не был подробно описан с точки зрения используемых украшений. Это один из самых интересных и красивых костюмов, который уже не часто носят (в Польше только члены фольклорной группы «Кычера» из Легницы), поэтому о нем стоит вспомнить.

До первой половины XIX в. в костюмах этносов, населявших Пенины, было много общих элементов. Мужчины носили фетровые шляпы с рваной бахромой, белые костюмы (суконные пальто) до колена с широкими складками по бокам, а женщины – красочные чепчики с характерной выемкой над лбом, рубашки с красными полосами на плечах и юбки с белыми и красными продольными полосами [10: 5]. Со временем под влиянием городской моды, туризма, различных эсте-

тических потребностей, этот вид одежды начал диверсифицироваться на местном уровне. На рубеже XIX и XX вв. стали использоваться несколько иные фасоны, изменилась длина отдельных элементов внешних покрытий, были введены новые декоративные мотивы в жакетах, жилетах, брюках. В женской одежде появились новые элементы в рубашках, корсетах, куртках и фартуках.

В Польше костюмы украшали в основном вышивкой, галантерейной фурнитурой, тканями и вышитым кружевом. Самым популярным методом было украшение готовых изделий вышивкой. Пошив готовых аппликаций, различных видов лент, пайеток и фрагментов тканей появился во второй половине XIX в., когда начала интенсивно развиваться текстильная и галантерейная промышленность, и эти материалы стали доступны и жителям деревни. Тогда же стали использовать и фабричное кружево. Ручное производство кружева (крючком, блоком или кисточкой) было ограничено лишь несколькими регионами, где техника их изготовления была передана крестьянам.

Самым популярным и древним способом украшения народного костюма была вышивка, которая заключалась в сшивании двух элементов вместе для укрепления их и края, чтобы они не потрепались. Со временем помимо практической функции она приобрела еще и эстетическую. Этот метод стали использовать не только по швам, но и в более открытых местах для украшения одежды. Народная вышивка отличается используемым сырьем, декоративной умеренностью, компактным и идеально составленным рисунком, расположенным полосами или симметрично, а также соответствующим подбором цвета и толщины ниток к фактуре вышитого материала. Его всегда подбирали к соответствующему предмету одежды, который он украшал, усиливал или подчеркивал. В нем мы находим различные заимствования техник и узоров из исторической (ренессансной или барочной) вышивки³. Некоторые узоры распространились в сельскую местность из близлежащих городских центров, где существовали вышивальные гильдии, или из монастырей, где монахини делали вышитые ризы или скатерти для алтарей. Эти недавно приобретённые техники и узоры часто были адаптированы к навыкам их создателей, доступности сырья и, прежде всего, к эстетическим потребностям местных жителей (рис. 1).

В народной вышивке важно было адаптировать технику к используемому материалу, что позволило добиться желаемого эффекта. В первую очередь это были лен, шерсть, кожа, а затем тюль, шерсть, бархат, шелк и другие фабричные материалы. До XIX в. использовалось только натуральное сырье. Сами женщины изготавливали и ткани, и нитки.

Рис. 1. Пара в реконструированном рождественском костюме (Явиркы).
Архив Лемковского ансамбля песни и танца «Кычера» в Легнице
(ЛАНіТКвЛ, экспонат № 40859 / МЕК). Фото П. Кузяк

Последние были доступны только в основных цветах, которые можно было получить естественным путем. Это были такие цвета, как белый, черный, красный и бордовый. В конце XIX в. разноцветные фабричные нити стали перебирать. В результате цветовая гамма вышивки расширилась. Также стали использоваться другие типы швов. Их можно разделить на две основные группы. Первая – так называемая счетная вышивка, т. е. тесно связанная со структурой полотна; нити в них продеты между утком и основой. Это полукрест и крестик, стропильные стежки, тесьма, нарезка и продевание ниток [2: 22]. Во вторую группу входят бесчисленные вышивки, которые свободно наносятся на ткань и не связаны с ее структурой. Это

плоские и выпуклые стежки, трикотажные стежки, стежки позади и перед иглой, цепные стежки, атласные стежки, растушеванные стежки, аппликации, накладные стежки, вышивка на тюле [8: 7]. Некоторые швы и декоративные мотивы получили свои диалектные названия. Существуют также стежки, характерные только для одного региона, например вышивка крестиком Истебна, петля Янина, петля Курпии или петля Закопанэ [2: 30].

Рисунок вышивки в наряде обычно был неизменным. Предполагалось подчеркнуть отдельные элементы гардероба, направить закрывающий его декоративный мотив. Правильный подбор рисунков придавал одежде благородный вид [4: 233]. Изначально вышивка была скромной и тонкой, подходящей к простоте всего наряда. В последующие века, благодаря творчеству талантливых сельских женщин, вышивка становилась все более выразительной и охватывала все большую площадь поверхности одежды⁴. Примененные декоративные мотивы позволяли быстро узнать, кто владелец наряда. Образцы определяли его пол и возраст. Женщины обычно отличались более богатой палитрой цветов и более сложными композициями мотивов. Молодым людям не терпелось познакомиться с любыми новыми веяниями. Также в вышивке использовались насыщенные цвета, не подходящие для пожилых людей, их наряды должны быть более сдержанными. Орнаменты, использованные в праздничной одежде, также были отличительной чертой принадлежности к региону. Каждый из регионов отличался климатом, топографией, экономическими условиями. Эти факторы существенно повлияли на внешний вид костюмов. Карпатским горцам приходилось приспосабливать свою одежду к горному климату и местности, а также к пастушеско-земледельческому типу хозяйств. Они разработали похожие стили для отдельных предметов одежды, использовали одно и то же сырье для их производства и украшали их, казалось бы, одинаковым образом. Однако после более тщательного анализа выясняется, что представленные украшения различались по технике и мотивам.

Что же касается проживающих в Польше русинов, то до конца XIX в. их праздничная одежда за десятилетия почти не изменилась, а используемые украшения были очень скромными. Коренные изменения в одежде лемков-русинов начались в начале прошлого века, что было связано со все более интенсивными изменениями в культуре. Упадок пастушества, начавшийся во второй половине XIX в. через отмену крепостных, плохое состояние земледелия привели к тому, что многие жители обсуждаемого региона были вынуждены браться за дополнительную работу. Это требовало частого пребывания вдали от дома, но давало возможность познакомиться с другими

людьми и культурами, а также перенять новые модели поведения. В то время расширилась вышивка на брюках, жилетах, гунях в мужской одежде, а также на женских корсетах и куртках. Также наблюдались изменения в орнаменте рубашек. К сожалению, новая мода способствовала отказу от старых форм мужских головных уборов или женских юбок с узкими вертикальными полосами (так называемые канафы) и красиво декорированных дубленок и чепчиков *Spis*, вырезанных выше лба. Как подчёркивал один из предшественников Р. Рейнфусса – Ю. Тарнович, женские головные уборы западной группы лемков-русинов отличались от центральной и восточной части польской Лемковины отсутствием белых платков [13: 107]. Новые элементы декора существенно повлияли на внешний вид наряда, составив его дополнительное преимущество. Хотя некоторые из этих мотивов были заимствованы у соседних групп, в основном у русинов-лемков Щавницы, были разработаны узоры, которые позволили выделить их в отдельный тип.

Введение новых техник вышивки потребовало использования большего количества стежков и дополнительных цветов. Помимо вышивки использовались также цепные, струнные, стропильные и атласные стежки. Их шили из шерстяной пряжи, которая гармонировала с плотной шерстяной тканью. Из последней шили брюки, жилеты и верхнюю одежду. Узор был создан путем точного сочетания различных стежков, создавая очень сложную полосатую систему, которая была симметрично расположена по швам, карманам и ширинке брюк, в верхней одежде по краям и карманам, вдоль застежек и воротника-стойки, а также в нижней части рукавов.

Шерстяные брюки для праздничного наряда были украшены вышивкой по боковым швам. Их центр был заполнен красно-оранжевым сафьяном с красными и белыми полосами, вышитыми крестиком, челночным стежком и зигзагом. Вдоль получившейся системы полос были размещены вертикально зеленые, темно-синие и розовые крошечные лапки или упрощенные цветы. Узор, идущий по внешним швам, стыкуемый на тыльной стороне ягодич, дополнительно имел вертикальный узор с обеих сторон на уровне карманов. Это мог быть узор в виде трех петель – аналогичный тому, что используется на конце тесьмы в пряжках мундира, или в виде более сложного букета, похожего на вышитые жилетки. В нижней части штанин, в разрезе, называемом танире, по всей их длине был еще один узор – продолжение выкройки шва. Раньше его дополнительно украшали полоской из маленьких стилизованных цветочков или плотно расположенных петель, которые выполнялись цепным швом. Обе стороны верхней части разреза также украшены так называемыми *sercówka* (диалект),

т. е. орнаментом, напоминающим бутоны цветов и отходящий от пришитого на его конце монумента из пряжи. В верхней части брюк, а также в боковых швах, есть вышитая ширинка, которая облегчает их надевание, называется тапочками. В нижней части вышивки имелась так называемая ракушка, т. е. узор в форме сердца, заполненный одним цветком внутри. Разрез на штанах прикрывался сверху куском шерстяной ткани, называемым фартуком. Его края украшали зубцы или вышитый посередине одиночный цветок. По краю кармана нашивался чуть более узкий узор в полоску, как и на швах, а под ним цветочный узор, такой же, как на верхней части каймы. Брюки для мальчиков были декорированы скромнее, с вышивкой по швам, по низу штанин и на лету. По обеим сторонам сердца в верхней части расположены одиночные цветы или спираль (рис. 2).

Рис. 2. Брюки chołośnie (Била Вода), 30–40-е гг. XX в. Экспонат из Этнографического музея Северина Удзела в Кракове (номер экспоната 40859 / МЕК). Фото из AŁZPiTKwL

Жилеты мужские, т. н. воронки, были из шерсти темно-синего или черного цвета. Композиции, размещённые на их краях, имели систему полос с повторяющимися мотивами в определенном ритме. Обычно имелся красный или кремовый зигзагообразный узор на каждом краю жилета, за которым следовали другие крошечные цветы. Закрепив выкройку, узор дополнительно расширялся широкой вертикальной полосой, наполненной цветами разного размера, стеблями и листьями. Аналогичный мотив пояса повторялся и на воротнике-стойке. Передняя часть жилета также была заполнена небольшими пучками по внутренним краям, немного крупнее по углам и повторялись на спине. По нижнему краю был вышит более крупный букет, а по центру верхнего края – меньший. Мотив букета оформлен симметрично. Он был образован центральным зеленым стеблем с двумя более толстыми красными или розовыми цветками, заканчивающимися более крупными. Между ними были сшиты более мелкие элементы с крошечными белыми и красными цветочками и листьями, иногда с колосьями. Анализируемый узор был компактным и замкнутым вверху полукругом. Хотя меньшие букеты были более вытянутыми, они также располагались симметрично. Можно найти более скромную композицию с одним или тремя цветочками на карманах. На жилетках мальчиков не было дополнительных цветочных мотивов, только нашивался полосатый узор по краям. Мужские жилеты шляхтовские русины, по сравнению с жилетами Щавницы, отличались очень компактным узором, закрытым полукруглыми цветами, что позволяет сделать вывод о том, что шляхтовские русины разработали собственный характерный канон (рис. 3).

Декор на гунях, т. е. на светлых и темных свитках шляхтовских русинов, также отличался от тех, что использовали их соседи. Это была красочная поясная вышивка, которая располагалась вдоль всей правой и части левой застежки, на воротнике и манжетах гуни. Декор состоял из прямых линий, зигзага и цепочки. В мужском наряде справа спереди и на воротнике был орнамент из отдельных цветов, ритмично расположенных друг над другом. При застежке из петель пришивался дополнительный вертикальный мотив более крупного веерообразного цветка, а по обе стороны от него было по два-три чуть меньших.

Этот узор ритмично повторялся трижды по всей длине на правой стороне застежки и только один раз на левой стороне. Один из более мелких цветков этого узора дополнительно повторялся на кармане. Женские жакеты также имели декорированный воротник, нижнюю часть рукава, застежку с двух сторон и нижний край по всей ширине. Выкройка была немного уже, чем у мужского жакета, и состояла из

петли Янина, стежка зигзаг и на внутренней стороне отдельных швов в елочку, вышитых по всей длине двумя разными цветами. Воротник имел такой же узор. Его только дополнительно украшали тропинкой внутри и небольшими цветочками или бутонами. Узкая полоска красного материала, нарезанная шестеренками, пришивалась с лицевой стороны. В центре этой поясной системы был узор из красной ткани, прошитый подшивкой или челночным стежком. Это приложение называлось *sohutuk* (когутук). По краям или в центре этого орнамента вышивались маленькие звездочки, а иногда и дополнительные простые листочки или птичьи лапки. Иногда по обе стороны от когутика помещали изображения звезд, но более сложного рисунка. Похожий когутук использовался в мужских длинных гунях, вышедших из моды в начале XX в. Отличие заключалось в том, что это украшение было изготовлено из синей шерстяной ткани и не жекорировалось звездами. Гуни мальчиков украшали так же, как и мужские, но на лицевой стороне вышивали только два вида веерных цветов: один побольше, другой поменьше. Их размещали на большом расстоянии друг от друга. Использование таких разнообразных орнаментов в описываемых частях одежды доказывало наличие разделения по полу и возрасту, которое на самом деле имело практическое применение, несмотря на одинаковый крой. Таким образом указывалась иерархия в семье. Мужчины, которые обладали наибольшими правами и властью в семье, обладали самой богатой одеждой, женщины более скромной, а дети,

Рис. 3. Жилет лейбик (Била Вода), 30–40-е гг. XX в. Экспонат из Этнографического музея Северина Удзела в Кракове (41611 / МЕК). Фото из AŁZPiTKwL

которые полностью подчинялись своим родителям, самой простой. Стоит добавить, что мужчины носили наиболее вышитую одежду, что было не так распространено в других регионах Лемковины и обычно влекло за собой дополнительные расходы⁵.

Праздничный наряд холостяков также включал в себя декоративные застёжки – разновидность обтягивающих манжет, которые изначально вязались из крашеной шерсти, а в 30-е гг. XX в. их стали шить из шерстяной ткани и полностью декорировать вышивкой, аналогичной той, что использовалась на крае жилета, т. е. ритмично повторяющиеся пояса. Манжеты могли быть одинарными или двойными с цветочным рисунком и атласной строчкой ярких цветов. Именно русины с Явирок и Шляхтовой делали такие украшения [9: 220] (рис. 4).

Женские корсеты были относительно скромно декорированы по сравнению с мужскими жилетами. Первоначально их шили из покупной красной или черной шерстяной ткани (так называемая поза), а затем из красочных узорчатых тибет и бархата. Передняя часть корсета застегивалась на один ряд блестящих латунных пуговиц, взятых со старой австрийской формы или привезенных из Америки живущими там родственниками [12: 239]. Края выреза горловины, вырезы для рукавов, портмоне и некоторые края застёжки обычно обшивались красной или красно-зеленой, а иногда и темно-синей

Рис. 4. Zariąstki/наручники (Била Вода), 30–40-е гг. XX в. Экспонат Этнографического музея Северина Удзела в Кракове (41622 / МЕК).

Фото из AŁZPiTKwL

зубчатой галантерейной лентой. Основным украшением корсета была горизонтальная вышивка, уложенная в композицию из цепных линий, отходящая от пуговиц. Одна прядь состояла из трех линий, оканчивающихся двумя или тремя петлями. Этот вид украшения относился к тесьме, использованной на военной форме. В последний период существования этого наряда женщины Шляхтовой Руси вышивали корсеты красочными нитками в цветочные букеты, похожие на узоры Щавницы, т. е. вышивка была менее компактной и не такой просторной, как в жилетах. Дополнительно они украшались пайетками.

Остальные элементы женской одежды изготавливались из самодельной рубчатой ткани, которую ткали из льняных или хлопково-льняных нитей на многожильных ткацких станках. Из этой ткани шили юбки и носовые платки, а некоторые фрагменты использовались для украшения рубашек. Юбки изготавливались из мелко гофрированной ткани, вытканной вертикальными тонкими полосами, чаще всего красно-белыми, а иногда и с добавлением темно-синих нитей. Такие юбки назывались канафами. Они вышли из моды в начале XX в. (рис. 5).

Женщины также носили раньше своего рода шарф, который накидывали на плечи. Он был длиной 180 см и 60 см шириной и сделан из цельного куска ткани. Декоративные горизонтальные красные полосы обычно плели только по их концам. Некоторые из них также были отделаны кружевом.

В рождественских рубашках женщины также использовали куски ткани, сплетенные в крошечные полоски. Они располагались на верхней части рукава, имели ширину 10–12 см и назывались прожилками. Помимо традиционных красных полос на белом фоне некоторые женщины переплетали свой узор красной и белой нитью, а также вводили тонкие вставки из темно-синей нити. Узкая рубчатая ткань использовалась для пришивания краев выреза рубашки (без воротников и других типов воротников), а также на манжетах, застегивающих широкие рукава. Они соединились в одном элементе мастерства, ткачества и вышивки, потому что в нижней части манжеты была широкая полосатая плетеная прядь, а ее край дополнительно обшивался густо рифленой льняной оборкой или прошивался хлопчатобумажным кружевом, образующим своеобразное полотно. В верхней части манжеты с помощью белых или белых, красных и темно-синих нитей ткань обшивалась крестиком или челночным стежком, создавая узкую манжету и одновременно декоративный геометрический узор. В период первой половины XX в. рубашки украшались только белым атласом и ажурным швом, а главным их украшением был длинный закатанный воротник или ерш, расшитый ажурным швом или изготовленный из фабричного кружева.

Рис. 5. Женский костюм рубежа XIX и XX в. Экспонаты из архива ЛАПіТКвЛ.

Фото П. Кузяк

У этого типа рубашек манжеты были уже и имели только узкую оборку, вышитую наподобие ерша.

В начале XX в. женщины начали носить льняные юбки и фартуки с ручной печатью (тиснением) нежным белым, чаще всего цветочным узором на синем, темно-синем или темно-зеленом фоне. Некоторые юбки и все фартуки имели дополнительную зону горизонтальных узоров в нижней части, состоящую из 3–4 полос с разными, немного крупнее, чем те, которые составляют фон и цветочные мотивы. На фартуке была такая же вертикальная полоса по бокам. В Спише красильщики из небольшого городка занимались печатью холстов с помощью деревянных блоков в манере, напоминающей батики.

Когда красильный цех прекратил свое существование в Щавнице, красильщики перенесли свои холсты для печатания узоров в Любовь и село Старый Спиш [9: 213].

Женская дубленка, также сшитая в Spisz, была особенно ярко декорирована спереди, сзади и на рукавах. Цветочный и геометрический орнамент красного цвета был выполнен из вышивки челночным стежком, пришитых ремешков и аппликаций из тонкой козьей кожи. Две дубленки, хранящиеся в Краковском музее, демонстрируют мастерство тогдашних меховщиков (рис. 6).

В анализируемых нами узорах следует обращать внимание на цветовую гармонию, подчеркивающую красоту вышивки. Преобладающий цвет в выкройках брюк, гунь, рубашек, канаф и юбок из овчины красный, который не только отлично выделялся на светлом фоне, но и играл эстетическую, защитную и эротическую роль. Уже в древности этот цвет использовался как защита от демонов и опасностей. Однако в алхимии красный приравнялся к свету солнца, мудрости. Так как он бросался в глаза, иногда считался сигнальным цветом, «обещанием» изменить новую жизнь [7: 28]. Считалось, что «обладание красным предметом должно приносить удачу или, по крайней мере, отвращать неудачу» [5: 230].

В народной культуре красный цвет считался одним из самых распространенных средств «оберега» [3: 182]. Этот цвет также ассоциировался с огнем, любовью и смертельной борьбой [1: 61]. Красный цвет обладал силой и страстью [11: 45]. В вышивке этот цвет должен

Рис. 6. Женская дубленка (Явирки), начало XX в. Экспонат Этнографического музея Северина Узела в Кракове (12488 / МЕК). Фото из архива ЛАПіТКвЛ

был не только выполнять апотропные функции, но и играл важную роль в любовной магии. Красный должен был вызывать страсть и чувственность, но очень завуалированно, так как наряд не мог быть провокационным. Использование красного цвета позволяло выделяться, этому же способствовало и правильное размещение цвета на разных частях одежды.

Поскольку изготовление большинства украшений требовало физической силы и опыта (чаще всего они делались на шерстяных платьях, коже или принтах), занимались этим мужчины. Нанесение краски, скорняжное дело требуют профессиональных знаний, специальных навыков и инструментов. Женщины занимались ткачеством, пошивом менее сложных предметов одежды, вышивкой рубашек и корсетов из более тонких тканей. Здесь стоит подчеркнуть, что создатель наряда был его дизайнером, изготовителем и пользователем одновременно. «Поэтому его работа всегда определялась конкретными потребностями, то есть потребностями, которые он прекрасно знал, потребностями, которые задают направление художественного решения. Добавим, что эти потребности были общими для всего сообщества, которое могло поддержать в них создателя. Мнение сообщества, основанное на традиции, поддерживало принципы мысли, дисциплину мастерства, контролировало и подчиняло изобретения людей» [4: 235]. В украшении наряда можно было использовать собственный декор, придав ему индивидуальный характер. Это было связано не только с эстетическими потребностями и желанием выделиться, но и с желанием повысить ценность одежды, например использование более качественного сырья богатыми людьми подчеркивало престиж их владельцев. В настоящее время костюмы и их украшения также являются важным источником знаний о старой традиционной культуре русинов, о навыках и потребностях их создателей.

Роман Рейнфусс, исследователь Шлахтовских лемков-русинов, на основе своих исследований первой половины XX в. писал, что для этих сообществ одежда когда-то играла важную роль в формировании чувства принадлежности к группе. Жители этих мест считали свои костюмы более красивыми и ценными, а к костюмам соседей относились с иронией [9: 164–166]. Наиболее заметной отличительной чертой региона были орнаменты, использованные в описываемых элементах костюма. Созданные русинами орнаменты в виде замкнутой композиции, ритмично повторяющихся элементов разной последовательности подчеркивают важные детали наряда. Особо развитый орнамент мужской одежды служил как для подчеркивания положения мужчины в семье, так и в местном сообществе, где одежда определяла материальный статус.

Оригинальные элементы костюма русинов Шлахтовских сейчас хранятся в четырех польских музеях. На основе этих коллекций и собственных экспонатов ансамбль лемковской песни и танца «Кычера» реконструировал весь костюм шляхтовских русинов для нужд сцены, сохранив все детали, в том числе орнамент⁶. Мы надеемся, что современные дизайнеры проявят интерес к этому прекрасному костюму с его необыкновенным узором и используют его для создания одежды. Этнодизайн – это явление, которое наблюдается в последние несколько десятилетий. Это возвращение моды, возвращение к жизни забытых костюмов и узоров, тесно связанных с ними.

Примечания

1. Эту группу, как составную лемков-русинов, исследовали много учёных, например Ю. Тарнович и другие. Позже эту группу исследовал также и Р. Рейнфусс [8: 162].

2. Немногие предметы костюма сохранились в польских музеях, большинство из них в Этнографическом музее Северин Удзела в Кракове (4 рубашки, 2 оборки, 4 корсета, 2 юбки, 3 гуни, 2 узла, 6 жилетов, 3 брюк), Государственном этнографическом музее в Варшаве (3 рубашки, 2 гунии, 1 оборка), Татранском музее доктора Тытуса Халубиньского в Закопанэ (1 жилет, 1 юбка, 1 овчина) и в двух частных музеях: Музее лемковской культуры в Зындранове (1 жилет, 1 юбка, 1 овчина), Музее лемка Павла Стефановского в Белянке (1 брюки, 1 жилет, 1 хуня). Элементы костюма русинов хранятся также в Национальном музее Андрея Шептицкого во Львове.

3. Техники и узоры вышивки также пришли в Польшу из соседних стран, таких как Германия, Чехия, Словакия и Россия.

4. Знаки вышивки из самого начала ее возникновения носили магический и символический характер. Затем в вышивке появлялись все более декоративные элементы, терялась память о значении её знаков.

5. Надо указать, что рассматриваемый автором регион отличался от Восточной Северной и Центральной Северной Лемковины тем, что здесь гуни шили из белого сукна, что обязательно влияло на художественное решение общей композиции с применением вышивки. Наряду с другими особенностями это было чертой художественного оформления одежды данного специфического региона [6: 95].

6. Здесь мы хотели бы поблагодарить менеджера команды Ежи Старжинского за то, что он поделился фотографиями, которые были использованы в этой статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Biederman H.* Leksykon symboli. Warszawa: Muza SA, 2001.
2. *Błachowski A.* Hafty polskie szycie. Lublin-Toruń: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2014.
3. *Bogatyriew P.* Semiotyka kultury ludowej. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979.
4. *Jackowski A.* O motywach ludowych i ich adaptacji // *Polska Sztuka Ludowa*. 1960. R. XIV. Z. 4–6. S. 231–242.
5. *Kowalski P.* Kultura magiczna. Omen, przesąd, znaczenie. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 2007.
6. Лемківщина: у 2 т. / [від. ред. С. Павлюк]. Львів: Інститут народознавства НАН України. Т. 1: Матеріальна культура. 1999. 360 с.; Т. 2: Духовна культура. 2002. 420 с.
7. *Oesterreicher-Mollwo M.* (oprac.) Leksykon symboli. Warszawa: Wydawnictwo ROK Corporation SA, 1992.
8. *Piskorz-Branekova E.* Polskie Hafty i koronki. Zdobienia stroju ludowego. Warszawa: Muza SA, 2005.
9. *Reinfuss R.* Próba charakterystyki etnograficznej Rusi szlachtowskiej na podstawie niektórych elementów kultury materialnej // *Lud*. 1947. Vol. 37. S. 160–235.
10. *Reinfuss R.* Strój górali Szczawnickich. Atlas Polskich Strojów Ludowych, cz. V, z. 18, Lublin: Polskie Towarzystwa Ludoznawcze, 1949.
11. *Strauve H.* Estetyka barw. Zasady upodobania w barwach i ich zastosowanie do stroju, sztuki i wychowania estetycznego, Warszaw, 1885.
12. *Starzyński J.* Rusini Szlachtowscy / Krakowiacy, Lachy, Górale, stroje wsi małopolskiej, T. X, Łemkowie Sąddeccy i Gorrliccy, Rusini szlachtowscy, Nowy Sącz: Małopolskie Centrum Kultury Sokół, 2020.
13. *Тарнович Ю.* Лемківщина. Матеріальна культура. Краків: Українське видавництво, 1941.

REFERENCES

1. Biederman, H. (2001) *Leksykon symboli*. Warszawa: Muza SA.
2. Błachowski, A. (2014) *Hafty polskie szycie*. Lublin-Toruń: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze.
3. Bogatyriew, P. (1979) *Semiotyka kultury ludowej*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
4. Jackowski, A. (1960) O motywach ludowych i ich adaptacji. *Polska Sztuka Ludowa*. Vol. 14 (4–6), pp. 231–242.
5. Kowalski, P. (2007) *Kultura magiczna. Omen, przesąd, znaczenie*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

6. Pavlyuk, S. (ed.) (1999) *Lemkivshchyna*. Lwów: Instytut narodowy NAN Ukraina.
7. Oesterreicher-Mollwo, M. (1992) *Leksykon symboli*. Warszawa: Wydawnictwo ROK Corporation SA.
8. Piskorz-Branekova, E. (2005) *Polskie Hafty i koronki. Zdobienia stroju ludowego*. Warszawa: Muza SA.
9. Reinfuss, R. (1947) Próba charakterystyki etnograficznej Rusi szlachtowskiej na podstawie niektórych elementów culture materialnej. *Lud*. 37. pp. 160–235.
10. Reinfuss, R. (1949) Strój górali Szczawnickich. *Atlas Polskich Strojów Ludowych*. Vol. V(18). Lublin: Polskie Towarzystwa Ludoznawcze.
11. Strauve, H. (1885) *Estetyka barw. Zasady upodobania w barwach i ich zastosowanie do stroju, sztuki i wychowania estetycznego*. Warszaw: [s.n.].
12. Starzyński, J. (2020) Krakowiacы, Lachy, Górale, stroje wsi małopolskiej. In: *Łemkowie Sąddeccy i Gorliccy, Rusini szlachtowscy* Vol. 10. Nowy Sącz: Małopolskie Centrum Kultury Sokół.
13. Tarnowych, Y. (1941) *Lemkivshchyna. Material culture*. Krakiv: Wydawnictwo ukraińskie.

Мариола Тимохович – доктор гуманитарных наук, этнолог, культуролог, профессор филологического факультета Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине (Польша).

Mariola Tymochowicz – Maria Curie-Skłodowska University in Lublin (Poland).

E-mail: mariola.tymochowicz@mail.umcs.pl

УДК 929:141.32

UDC

DOI: 10.17223/18572685/71/17

Жизнь в разломах как исток эксцентричности Энди Уорхола *К 95-летию со дня рождения*

Е.Л. Яковлева

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
Россия, 420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42
E-mail: mifoigra@mail.ru

Авторское резюме

Объектом исследования стал Энди Уорхол и причины эксцентричности его проявлений. Методологической основой статьи избраны автобиографическая литература художника и его интервью, биографические исследования В. Бокриса и М. Нюридсани о жизни и творчестве Э. Уорхола, работы философов-экзистенциалистов Ж.-П. Сартра и М. Хайдеггера, идеи о трещине Ж. Делеза. В результате изучения биографии выявлено, что художник выстраивал свою жизнь вокруг разлома, стимулировавшего его движение как от него, так и к нему. Причиной экзистенциального уорхоловского разлома стала хорея/пляска святого Витта, которой он заболел в детстве. Оставив в мировоззрении мальчика колоссальное впечатление, разлом и связанная с ним ничтожность легли в основу проявлений и творчества Э. Уорхола. Он довольно рано понял, что бытие хрупко, а жизнь брэнна. Осознание этого привело к разделению жизни на Нечто и Ничто. Испуганный и замороженный в детстве ситуацией ничтожности во время болезни он пытался понять Ничто, практиковал алгоритмы постоянного возвращения к нему и поддержания собственной ничтожности. Свидетельством перечисленному являются уорхоловские высказывания о себе и своей жизни как ничтожности, обращение в творчестве к повседневным предметам, которые художник одновременно возвеличивал и ничтожил. Особую роль в практиках ничтожения играли языковые игры, высвечивающие ироничную позицию Уорхола к себе и бытию в целом и снижающие давление страха. В языковых играх он, укрывая истинное положение дел, ничтожил их или позиционировал себя как Ничто. Перечисленное указывает на психологическую травму художника, полученную в результате заболевания и имеющую пролонгированный эффект до конца жизни, что является показателем расколотости личности и подчинения жизни логике раскола.

Ключевые слова: Энди Уорхол, разлом, Нечто, Ничто, ничтожность, фатализм, солипсизм, творчество, ирония, языковые игры

Life in fractures as the source of Andy Warhol's eccentricity *To the 95th anniversary of his birth*

Elena L. Iakovleva

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
42 Moskovskaya Street, Kazan, 420111, Russia
E-mail: mifoigra@mail.ru

Abstract

The article discusses Andy Warhol and the reasons for the eccentricity of his manifestations. The author draws on Warhol's autobiographical literature and interviews as well as the biographical studies of A. Warhol's life and work by Victor Bokris and Michel Nuridsani, the works of existentialist Jean-Paul Sartre and Martin Heidegger, and Gilles Deleuze's ideas about the crack. The biographical studies have shown that Warhol built his life around the fracture, which stimulated his movement both from it and to it. Warhol's existential fracture was caused by rheumatic chorea / St. Vitus' dance, he suffered from since his childhood. Leaving a colossal impression in the boy's worldview, the fracture and its nothingness formed the basis of Warhol's manifestations and creativity. He was young when he realized that being is fragile, and life is mortal, which divided his life into Something and Nothing. Frightened and fascinated by the situation of nothingness during his childhood illness, Warhol tried to understand Nothing and practiced algorithms for constantly returning to it and maintaining his own nothingness. It is evidenced by his statements about himself and his life as nothingness and in his creative appeal to everyday objects, which he simultaneously exalted and nullified. A special role in his practices of nonentity belonged to language games, highlighting Warhol's ironic position towards himself and being in general and reducing the pressure of fear. In language games, hiding the true state of affairs, he nullified them or positioned himself as Nothing. All above points to Warhol's psychological trauma he received as a result of the disease. It had a prolonged effect until the end of his life, which indicates the fractured personality and subordination of life to the logic of fracture.

Keywords: Andy Warhol, fracture, Something, Nothing, nothingness, fatalism, solipsism, creativity, irony, language games

Известного представителя русинской эмиграции Энди Уорхола¹ (1928–1987) можно назвать человеком-загадкой. Он обескураживал своей детскостью и резкостью, робостью и эпатажностью. Он был источником творческой энергии и создателем *гниющей привлекательности* (Э. Уорхол). Его имя при жизни превратилось в бренд, а образ стал узнаваемым и копируемым. Художник представлял собой «дьявольский коктейль из шестилетки и зрелого мастера», сочетая в себе обоих [3: 79]. Застенчивость и решительность, наивность и порочность, искренность и холодность, потаенность и публичность, немногословность и юмор – эти взаимоисключающие черты, демонстрируемые Энди, делали его человеком странным и даже необычным.

Перечисленное обусловило выбор объекта исследования. Им стал Энди Уорхол и поиск причин его эксцентричности. Методологической основой исследования стали интервью и автобиографические книги Э. Уорхола, биографические исследования В. Бокриса и М. Нюридсани, идеи о бытии и Ничто философов-экзистенциалистов Ж.-П. Сартра и М. Хайдеггера, а также некоторые положения Ж. Делеза из «Логики смысла», касающиеся трещины. Благодаря этим источникам осуществляется выстраивание экзистенциальной персональной истории Энди Уорхола, позволяющей ответить на вопросы о его чудачествах и экстравагантности.

Энди Уорхол своей жизнью продемонстрировал бытийствование *пропадающей обреченности/обреченного пропадания* (М. Хайдеггер) на основе *логики разлома* (по М. Нюридсани, *логики перелома*, по Ж. Делезу, *логики трещины*). Неслучайно экзистенциально-психологическая картина его личности сложна и противоречива.

Разлом² (по М. Нюридсани, *перелом*, по Ж. Делезу, *трещина*) возникает при препятствии, конфликте, разногласии, расхождении, несовместимости. Имеющий разные размеры и масштабы, разлом демонстрирует зону нарушения цельности, определенный разрыв материи, приводящий к смещениям, сдвигам и даже разрушениям. Рождаясь в бытии и нарушая привычный образ жизни, разлом «прокладывает свой путь непрерывным, невоспринимаемым и безмолвным способом»: «довольствуясь продвижением в безмолвии», разлом «всегда следует окольным путям, готовый изменить направление и поменять свою канву» [4: 426, 427]. Его трещины могут идти в разных направлениях, что рождает неопределенность в бытии.

Именно разлом сигнализирует о *хрупкости бытия*, возможности в нем при определенных обстоятельствах (например, препятствиях, конфликтах) Ничто в качестве отсутствия или ускользания сущности. Ж.-П. Сартр справедливо замечает, Ничто коренится в недрах бытия: «мы окутаны Ничто», поэтому «бытие хрупко, если носит в

своем бытии определенную возможность небытия» [8: 64, 68]. Его глубинное безмолвие может существовать в окружающем шуме и скрывать «то, из чего оно выходит и во что возвращается» [4: 428]. Ничто, несмотря на неясность онтологической сущности и структуры, являет себя миру. Осознание Ничто при разломе как потенциальности в Нечто создает напряженность в существовании индивида. Ничто – «это *не-бытие*, бытие-не», но его «нужно постигнуть как ближайший, самый близлежащий способ бытия здесьбытия» [11: 513]. В разломе происходит встреча с ничтойностью, которая одновременно ужасает и завораживает человека своими масштабами и безграничностью. В неопределенности и пустотности Ничто нельзя ничего ухватить. Ничто дает ощущение ненадежности, драматичности и даже трагичности, что осознается индивидуально каждым, попавшим в разлом.

Встретившись внутри здесьбытия с разломом, человек навсегда сохраняет его образ в сознании и ощущениях. И чем раньше была встреча с ним, тем ярче воспоминания и мощнее последствия в существовании. Перечисленное может способствовать как блокированию, так и дальнейшему усугублению ситуации разлома, когда «здесьбытие рушится, низвергается из себя самого в беспочвенность пропасти и ничтожества несвоехарактерной повседневности» [11: 517]. В таком движении к Ничто происходит отталкивание сущего, что создает возможность возврата и дления пребывания в ничтойности, а также удовлетворения любопытства индивида в ее познании. Допуская возможность Ничто в своей жизни, человек самостоятельно определяет его как позитивное или негативное явление. У личности может сохраняться тяга возвращения к подобному состоянию на протяжении всей жизни. Зная о разломе как Ничто, индивид (осознанно/бессознательно) находится в его ожидании либо провоцирует его. В итоге жизнь индивида начинает выстраиваться как круговорот пропадания в Ничто и появления в Нечто, являя *пропадающую обреченность/обреченное пропадание* (М. Хайдеггер) бытийствования. Безусловно, личность способна создавать барьеры, защищая себя от травмирующих ситуаций. Но данные попытки при постоянном возврате к Ничто абсурдны. Даже достигая определенных высот, человек, познавший Ничто при разломе в своей жизни и возвращаясь к нему, ничтожит достигнутое, а образ ничтойности как пустоты в ее бытии оказывается тотальным.

Истоки специфических проявлений Энди Уорхола коренились в детстве, вследствие чего явления Нечто и Ничто стали ключевыми в его жизни [13]. Поворотным эпизодом для маленького Эндрю Вархолы стало *заболевание хорей* или *пляска святого Витта*, что образовало в его судьбе разлом. Осенью 1936 г. во время ответа на

уроке у Эндрю неожиданно начались судорожные сокращения лица и рук, что вызвало смех одноклассников и стало источником боязни своих реакций, посещения школы и взаимодействия с людьми. Уорхол признается в трех нервных расстройствах в возрасте 8, 9 и 10 лет. Он «все сильнее стал теряться, легко пускал слезу и начал с трудом справляться с простейшими задачами, будь то завязывание шнурков или собственная подпись» [3: 44]. Диагностировав пляску святого Витта средней тяжести, врач прописал мальчику полный покой и домашний постельный режим.

Из-за болезни Эндрю попал в зону разлома, где «самым страшным была психологическая травма, потому что, столкнувшись с подобным заболеванием, дети зачастую думали, что просто сходят с ума» [3: 44]. Болезнь, перечеркнув нормальное состояние/здоровье в здесьбытии, открыла перед взором мальчика Ничто [13]. Патологическое состояние стало точкой распада привычного бытийствования и разрыва его ткани. Произошла отделенность от нормы, явив патологию как отрицательную форму бытия/Ничто. Болезнь обнажила несовместимость с предыдущим образом жизни, оставив неизгладимый след в памяти мальчика, что легло в основу его дальнейших алгоритмов. Эндрю страшился очередных приступов болезни, где он терял контроль над собой и его действия становились неуправляемыми. В уорхоловской жизни в результате разлома произошла не только потеря душевного равновесия, но и появились деструктивные реакции. Одноклассники в школе проявили жестокость и смеялись над Эндрю, из-за чего «он был подвержен порывам гораздо более сильной агрессии и злости, чем другие дети» [7: 107]. Болезнь сделала его капризным, своенравным и обособленным от людей. Всю жизнь Уорхол опасался повторения приступов болезни и потери контроля над собой и своей жизнью. Как заметил Ж.-П. Сартр, «большой частью опасные или угрожающие ситуации являются многогранными», воспринимаясь посредством чувства страха и тревоги «в соответствии с тем, рассматривается ли ситуация как действующая на человека или человек – как действующий на ситуацию» [8: 97]. Первоначально в отношении Эндрю ситуация была *действующей на него*, а позже художник научился сам осуществлять раскол и привносить ничтожность в свою жизнь, являя себя как *действующего на ситуацию*. Ничто легло в основу уорхоловского мировидения, поступков и творчества. Энди заигрывал с Ничто, ситуацией ничтожности и ничтожения. В собственной *замороженной вселенной* художник защищался от Ничто, но одновременно возвращался к нему и поддерживал в себе пустоту. Возможно, будучи ребенком из любопытства, включив ресурсы воображения, Эндрю попытался рассмотреть бездну Ничто, но отсутствие жизнен-

ного опыта и инстинкт самосохранения не дали возможности ничего понять, заставив испытать ужас и желание знать. Болезнь показала Эндрю одну из граней реальности, приведшую к существованию с «отрицанием своей внутренней структуры как необходимого условия существования» [8: 85]. В дальнейшем, (нередко намеренно) он попадал в зону разлома, играя своими возможностями и испытывая себя (и Других) в ничтожном пространстве.

Отметим, в уорхоловском понимании Ничто олицетворяло не только смерть, отсутствие Нечто и пустоту, но и *противоположность пустоты* ввиду *содержания в себе потенции к Нечто* [9: 16]. Столкнувшись с Ничто, человек начинает вопрошать о бытии, ввиду того, что Ничто «набрасывает контуры ответа: то, чем бытие *будет*, с необходимостью поднимается на основе того, что оно *не есть*» [8: 64–65]. Ничто становится источником поисков выхода из ситуации и даже смысла бытия. Данный факт позволяет говорить о разломе как свойстве, инициирующем подвижность личности. Но ее активность может быть направлена не только на преодоление разлома и смысл-жизненный поиск, но и на разыскивание алгоритмов, ведущих вновь к разрыву бытийной ткани. Обнаженное в разломе Ничто открывает одновременно ничтожность/пустотность существования и прячущиеся в нем истоки смыслов и энергий. В разломе концентрируется диффузная потенциальность, ждущая конкретной определенности как изнутри, так и извне. Согласно Ж. Делезу, разлом оказывается «местом обитания и силы мысли», а также «препятствием для мысли» [4: 437], способствуя метафизическим метаниям личности. Она сталкивается с присутствием двух «эк-стазов: эк-стаза, который бросает ее в бытие-в-себе, и эк-стаза, который опускает... в небытие» [8: 117]. В *стазе* как неподвижности, встроенной в бытие, и его ничтожности индивид способен открыть для себя истины сущего. Можно заключить, разлом как *великая внутренняя пустота* (Ж. Делез) способствует формированию нового измерения жизни. При рефлексировании над ситуацией раскрывается полнота бытия, где Нечто и Ничто признаются взаимодополняющими составляющими реальности.

Болезнь, став разрывом ткани нормального течения жизни, поставила ребенка перед Ничто. Попав в разлом во время болезни, Эндрю начал рефлексировать над ситуацией и вопрошать: что есть Ничто/ничтожность и Нечто, что делать в ничтожности и как выдержать подобное? В итоге понимание жизни и собственного Я у Энди выстраивались вокруг Ничто. В интервью Энди признавался в тотальности Ничто в собственной жизни, что делало его «ни в чем не уверенным» [14: 89]. Каждый новый день провокатора начинался с понимания обнуления жизни: он не мог вспомнить предыдущий день, ежедневно

утверждая себя в совершенной ничтожности и пустоте. Жизнь, сводимая к Ничто, допускала в любое мгновение смерть: «...близость смерти похожа на близость жизни» [9: 22]. Уорхол осуществлял попытки свести жизнь к Ничто. Он мечтал прожить «в режиме ускоренной перемотки вперед», «чтобы поскорее с этой жизнью разделаться» [14: 297]. Нередко он с горечью признавался в пустоте существования: «...у меня впечатление, что я прошел мимо множества интересных вещей в жизни» и «такое впечатление, что я так и не жил никогда» [7: 40]. Его «сознание постоянно проектирует воплощение себя, но, воплощаясь, неантизирует (ничтожит) себя» [6: 20], что обусловлено разломом в бытии. Одновременно ситуация ничтожности, связанная с *когда-не-думаешь-об-этом*, была приятна Энди. Он старался «ни о чем не думать» или «думать ни о чем»: «ведь ничто – это модно», стильно, сексуально, заманчиво и совершенно [9: 16].

Критик, назвавший художника *само Ничто*, укрепил Энди в понятии, что *существование ничего не значит*. По отношению к себе провокатор говорил Энди *Как-его-там*. Довольно часто Уорхол, смотря в зеркало, признавался, что *он – ничто*, потому что ничего не видит, но при этом перечислял бесстрастный взгляд, «дифрагирующую грацию, унылую томность, изможденную бледность... детскую наивность, великолепие, коренящееся в отчаяние, самовлюбленную беспечность, доведенную до совершенства непохожесть на других...» [9: 19]. В компании знаменитостей Энди всегда терялся, подчеркивая друзьям: «Никто здесь только мы» [10: 234]. Позиционируя себя в качестве Ничто, Энди признавался, что только одежда и косметика делает его человеком. При этом в интервью художник заявлял, что у него «вообще нет никакого имиджа, ни положительного, ни отрицательного» и он «находится под влиянием... всех, кто есть в искусстве» [14: 125].

Отрицая атмосферность в своей жизни, художник научился возвращать в себе Ничто. Он обожал *быть вакуумом*, чтобы его *оставили в покое*, давая возможность поработать. Он мечтал о собственном исчезновении, когда «нельзя сказать, что ты умер, нельзя сказать, что тебя убили» или «ты из-за кого-то совершил самоубийство» [9: 121]. Для Уорхола подобное исчезновение означало *переход в Ничто* с сохранением Нечто: «организм продолжает работать», а исчезновение помогает «увильнуть от работы, которую твоему организму еще надо проделать» [9: 121]. Художник ничтожил и свою деятельность: «...все, что я делал, наверняка было Смертью» [14: 61]. Перечисленное свидетельствует в пользу того, что Уорхол был неуверенным в себе человеком, психологические проблемы которого коренились в детстве. Будучи знаменитым художником, он «производил впечатления человека, находящегося не в ладах с частями своего тела, словно не

знал, куда их деть от смущения», его руки, глаза и рот поддерживались от нервного тика [7: 158].

Провокатор на словах позиционировал отсутствие страха перед ничтожностью и смертью, потому что ему нечего было терять в жизни: он – Ничто и все, что он делает – ничтожно. Именно собственное Ничто позволяет ему принять любую ситуацию, в том числе финализацию бытия. Но реально Энди испытывал страх. Ничто ужасало его. Он был не способен принять забвение и смерть, считая, когда наступает смерть, человека в здесь-бытии уже нет. Увидев подростком мертвым отца, он спрятался под кроватью. После покушения Валери Соланас он постоянно размышлял о неизбежности конца. Энди понимал, что итогом жизни оказывается смерть, а славы – забвение. Осознание этого вносило раскол в его внутренний мир.

Вспомним интересный факт биографии художника, символически олицетворяющий его *несуществование при существовании*. По неизвестным причинам (скорее всего, из-за отсутствия денег) мать не зарегистрировала новорожденного сына, и проблема возникла только в 1945 г., когда Эндрю нужно было получать диплом колледжа Шенли и поступать в Технологический институт Карнеги. Только в 1945 г. Уорхол стал официально зарегистрированным гражданином!

В результате спровоцированного болезнью разлома Эндрю стал *фаталистом*. Он был уверен, «если что-то должно случиться, оно произойдет, а если не должно и не произошло, то произойдет что-нибудь другое» [10: 106]. Живя в ожидании ужасного и смерти, Уорхол утрировал ситуацию ничтожением всего окружающего. При этом идея ничтожения касалась и смерти. Он мечтал в своих постоянно возвращающихся мыслях о смерти о том, «чтобы на памятнике над моей могилой не было ничего. Ни рисунка. Ни эпитафии. Ни фамилии. Мне хотелось бы, чтобы на самом верху было бы написано одно слово – фикция» [7: 279]. Возможно, подобное ничтожение смерти временно уменьшало страх художника перед ней.

На уорхоловский фатализм накладывался *солипсизм*, поддерживающий понимание ничтожности бытия. Мировоззренческая позиция художника базировалась на утверждении, что реальность «существует в сознании», поэтому «у каждого человека своя» вселенная, «и каждый человек прав» [14: 299]. У личности условия ее бытия оказываются индивидуальными, а погруженность в них рождает субъективное отношение, способствующее пониманию происходящего только с позиции Я. Для других уорхоловское Я будет непонятным, а значит – ничтожным.

В роли защитного барьера от заболевания и его разлома для Уорхола выступило *творчество*. Научившись рисовать, мальчик больше

не мог остановиться, нося с собой блокнот и грифельный карандаш. В беспрерывном, практически маниакальном рисовании Энди передавал свой мир с индивидуальным пониманием его аспектов – Нечто и Ничто. Наиболее ярко это проявилось во внимании к повседневности и ее вещам, что застало людей врасплох и вызвало *изумление мысли* (М. Хайдеггер). Обнажая *буквальную буквальность* (Ж. Бодрийяр), Энди показывал мир таким, как он явлен в повседневности и каким он видит его. Художник на своих полотнах создавал «зрительное впечатление от вещи, в котором вещь затрагивает нас своим видом», заставляя обратить внимание на *вещность вещи* и ее суть [12: 103]. Это была мощная попытка приближения вещей к личности, что соответствовало феноменологическому призыву Э. Гуссерля «Назад к самим вещам!». Удивительно, но именно неприметная (практически ничтожная), повседневная вещь обладает сопротивлением к усилиям мысли, пытаясь ускользнуть в Ничто от понимания и даже внимания. Человеку настолько близка данная вещь, что он предпочитает не замечать ее и не задумываться о ней. Но Энди считал, «чем меньше некая вещь имеет что сказать, тем она совершеннее» [14: 130]. В его творчестве вещь словно восстает против своей неприметной участи, желая быть замеченной и приобрести собственную философичную поэтизацию. Но данное качество у художника специфично, показывая типичную для него метаморфозу – *пропадающей обреченности/обреченного пропадания* (М. Хайдеггер). Повседневная вещь, став объектом искусства, объясняет себя и одновременно избавляется от своего смысла. Происходящее «обрушение банальности в искусство и искусства в банальность» [2: 294] делает мир одновременно чуждым/Нечто и ничтожным/Ничто. Вещь на полотне выворачивается наизнанку посредством *возвышенного ничтожения/ничтожащего возвышения*. Энди, осознав не только собственное бытие в движении к Ничто, но и переход всякой вещи и личности в Ничто, пытается донести эту мысль в своих произведениях. Художник словно опустошает мир, демонстрируя своим творчеством *чтойную ничтожность/ничтожность* Нечто. Удивительно, но уорхоловское опустошение приводит к вопрошанию о сущности бытийствующего и поиску ответов на него. За повседневностью образов Уорхола скрываются философские смыслы, заставляющие задуматься об экзистенциальных основаниях бытия человека и его бренности. Художник в своем творчестве привлекает внимание к оборотной стороне бытия – ничтожности, способной вступить в свои права в любой момент. Ничтожность вещи на картине «репрезентирует экзистенцию», которая остается отстраненной, посторонней или потусторонней, то есть призрачной [5]. Суть уорхоловского искусства связана с практикой «отлепления

бытия от сущего, при котором более ничего не возникает, никакого другого существования, а только лишь Ничто, небытие, которое здесь и не здесь» [5].

Даже в портретах художник одновременно возвеличивал известных людей и трансформировал их в образ-товар, соблазняющий своей *мертвой красотой*. Его портреты демонстрируют позицию автора, говорящего о бренности жизни и недолговечности всех ее характеристик. Как замечает Энди, портреты оставляют шлейф «воспоминаний о чем-то, что уже исчезло» или «ощущение, что ты забудешь о чем-то раньше, чем оно успеет исчезнуть» [14: 50]. В уорхоловских холстах таится безмолвное величие, вызывающее неоднозначную реакцию – от восхищения/благоговения до отвращения/ужаса, напоминая *песни сирен* (Барбара Крюгер).

В целом уорхоловские полотна одновременно демонстрируют абсолютную художественность всего сущего, поэтизацию повседневных вещей, превращение образа в товар, диалектическое суждение о бытии, пространство для новых идей, понимание раскола бытия, мутацию в симулякры, фетишизацию мира... Благодаря многозначности уорхоловские произведения получают несколько вариантов интерпретации. Само произведение фокусирует внимание на *вещи-как-сюжете/образе-как-сюжете*, стирая их историю и динамику развития. Объект как вещь-в-себе, обладая многозначностью смыслов, помогает зрителю встретиться с неожиданным его пониманием. Все, продуцируемое Уорхолом, необходимо было воспринимать внимательно, потому что полотна художника «больше не значат ничего, но это что-то означает» [2: 273]. Недаром Энди прибегал к беспощадным повторам одной и той же идеи/образа/вещи, пытаясь заставить людей посмотреть на них и вдуматься в их суть. Уорхол считал, что своим творчеством он может научить желающих «сознательно относиться к жизни»: «жизнь так коротка и порой проходит слишком быстро», поэтому «людям лучше понять, что необходимо работать над ее познанием» [3: 7].

За банальностью смысла на полотнах скрывается серьезное содержание, но художник словно иронично насмехается над зрителем. Неслучайно *ирония* можно назвать фирменным знаком Энди Уорхола. В ней Энди устраняет «то, что он полагает; он принуждает верить, чтобы не верили, он утверждает, чтобы отрицать, и отрицает, чтобы утверждать, он создает положительный объект, который не имеет другого бытия, кроме своего ничто» [8: 120]. Ирония, связанная с отрицанием бытийного, вуалировано демонстрирует опыт Энди в Ничто, а уорхоловское отрицание направлено, в первую очередь, на себя, играя роль самообмана. Ирония одновременно возвышает

художника в бытии и низвергает в пучину Ничто. Ложь себе, безусловно, отрицательная позиция, но ее сущность «предполагает в действительности, что обманывающий полностью владеет истиной, которую он скрывает» [8: 121]. Перечисленное свидетельствует об ироничном сознании Энди, «утверждающим в себе истину, отрицающим ее в своих словах и отрицающим для себя это отрицание» [8: 121]. Подобное отрицание легло не только в основу творчества, но и в языковые игры художника. Энди обманывал намеренно, разыгрывая из себя фрика и привлекая внимание публики, что способствовало его популярности. Его языковые игры прятали бытие-для-себя и раскрывали бытие-для-другого, а сознание активно использовало онтологическую двойственность Я в выгодных целях, запутывая людей принципом «быть значит появляться, а появляться – значит отрицаться» [8: 151]. Но этот принцип был известен только Энди, вуалирующим нередко неприятную истину посредством приятного заблуждения. Уорхол с юмором позиционировал, что *он не есть то, чем является*. Художник словно избегал себя. Постоянным отрицанием Я он символически поддерживал Ничто в своей судьбе, демонстрируя своеобразный отказ от существующего положения дел либо отбрасывание себя в Ничто. Уорхоловское отрицание перечеркивает его позитивность по отношению к Нечто, обнажая не только диалектический взгляд на мир, но и собственную трагичность бытия в зоне разлома. Как заметил Ж.-П. Сартр, «чтобы можно было сказать “нет”, необходимо постоянное присутствие небытия в нас и вне нас, когда Ничто *преследует* бытие» [8: 73]. Парадокс ситуации заключается в следующем: отрицая, нельзя добиться отрицаемого, поскольку отрицают бытийствующее. Ничтожение демонстрирует *ядро плотности бытия* (Ж.-П. Сартр), которое оказывается сердцевинной ничтожения. Только бытие может ничтожиться, а «Ничто не ничтожится», так как оно есть *ничтожащее* [8: 87]. Отрицание предполагает Нечто, добавляя частицу *не*, потому что бытие служит основанием Ничто, а само *отрицание есть условие утверждения* (Ж.-П. Сартр). Энди понял, что в жизни «нельзя утверждать, не отрицая» [10: 87]. Данный тезис – ключ к пониманию его эксцентричной натуры, обнажающий разлом в его жизни. Речевым отрицанием Энди осуществлял очередной разлом жизни в виде отрыва от собственной позиции и ее ничтожения. При этом отрицанием в речи он пытался закрыть разрыв, полагая, что «всякая щель, через которую могло бы проскользнуть отрицание, была бы целиком заткнута» [8: 94].

Языковые игры прячут истинное мнение Энди, предлагая вариативность понимания и интерпретаций. Нередко он отвечал на вопросы «да нет», «нет да не знаю» или «я включаюсь, когда отключаюсь»

[9: 90]. Нарушая закон бивалентности, он допускал многозначность суждений и существование более двух истинных значений. Энди нравилось говорить, сталкивая противоположное (Нечто и Ничто), что делало его высказывания провокационными. Но в его суждениях небытие всегда вторично к бытию, полагается им и только потом отрицается. Уорхоловское отношение демонстрирует бытие в мире как *повсюду и нигде* (М. Хайдеггер). Обладая даром видеть вещи/ситуации с нескольких позиций, он использовал в речи «странные перевертыши, юмористический взгляд на мир, при котором вроде бы лицевая сторона картины мира вдруг становилась изнанкой» [3: 91]. Для формирования подобной позиции необходимо обладать пониманием Нечто, исходя из чего происходит постижение Ничто как разлома/разрушения.

Необходимо признать, метафизический разлом Энди пытался превратить в забавный факт, что вуалировало его внутреннее напряжение. Вспомним его языковые игры. Например, «я люблю быть подходящим объектом в неподходящем пространстве и неподходящим объектом в подходящем пространстве» [9: 168]. В приведенной цитате прочитывается ирония художника по поводу собственной ничтожности и готовности к стиранию себя. Он считал, что «его сознание напоминает магнитофон с единственной кнопкой “стереть”», тем самым демонстрируя «индифферентную готовность соглашаться, принимать и так же легко утрачивать» [1: 314] себя/приобретаемое. Но сам художник тяготился создаваемыми разломами и ситуациями ничтожности. Он признавался, что обожает возвращаться домой, сбросив с себя *костюм Энди*. Создаваемые им расколы и позиционирование ничтожности помогли быть публичным человеком, но прятали его истинное Я.

На примере жизни Э. Уорхола выстраивается следующая *экзистенциальная логика разлома*. Негативная ситуация служит разрыву бытийной ткани и разделению жизни на Нечто и Ничто, что обладает (большим/меньшим) травматическим эффектом. Разлом либо оставляет личность в оцепенении, либо, активизируя ее физические/интеллектуальные/творческие ресурсы, инициирует движение от него и способствует выработке защитных механизмов, блокирующих негативный опыт и даже заставляющих забыть его. Одновременно у индивида вследствие его любопытства/завороженности Ничто или азартности натуры может наблюдаться (сознательный/бессознательный и (или) постоянный/периодический) возврат к ничтожному, что свидетельствует о пролонгированном эффекте травматического опыта и даже замороженности личности во времени. Если единичное попадание в зону разлома и движение от нее способствует образо-

ванию только одной трещины бытия, то периодическое возвращение в Ничто приводит к появлению множества трещин и обусловленных ими смещений, сдвигов и даже разрушений. Перманентное движение от Нечто к Ничто и наоборот, формируя пессимистический взгляд на мир, делает жизнь личности непредсказуемой (из-за разнонаправленного появления трещин) и разрушительной. В этой ситуации наличие защитных барьеров аннулируется, сводя жизнь к абсурдности.

В заключение выделим следующие моменты. В жизни Энди Уорхола вследствие болезни появился разлом, ставший основой бытийствования художника, что позволяет говорить о масштабности его размеров и трещин. Разлом инициировал движение от него и к нему. Уорхол, воспринимая ситуацию как неизбежность, множил разломы в своей жизни. Трещины разлома распространялись разнонаправленно, что делало его жизнь непредсказуемой. Разрывы здесь бытия, обнажая хрупкость жизни, помогали Энди видеть мир в двойном фокусе – через призму Нечто и Ничто. Художник, постоянно производя разломы в Нечто, проявлял устойчивый интерес к Ничто, фиксируя знания о нем в мировосприятии, творчестве, речи. Его настоящее было продолжением детского опыта и появившегося в нем экзистенциального разлома. Уорхол выстраивал свое существование в чередовании Нечто и Ничто. Совмещение в жизни разнонаправленного движения (от разлома и к нему) делало Энди человеком эксцентричным. Его жизненными принципами стали следующие: «я один являюсь постоянным источником... небытия, я включен в него», а «чтобы появилась моя возможность, я полагаю другие возможности, чтобы их ничтожить» [8: 99]. Мир виделся Энди в разломах, образующихся ничтожениями. В многочисленных разломах, создаваемых художником, проходила драма его душевных мук. Уорхол был глубоко несчастным человеком, прочувствовавшим и довольно рано понявшим Ничто. Уорхоловская ничтожность связана с пониманием бренности жизни, что породило в пучинах его отчаяния иронию. Поэтизируя банальное и воспевая красоту повседневного, он, иронично обнажая эстетический нигилизм, говорил о бренности бытия.

В разломах уорхоловской жизни можно обнаружить два плана экзистенциального бытия: внутреннее, реально-глубинное, прячущее истинное Я, и внешнее, поверхностное, демонстрирующее ничтожность Я. Уорхоловское поверхностное Я, привлекающее внимание провозглашением ничтожности, скрывало глубинное Я, понимающее бренность жизни и даже ее абсурдность. Двуплановость бытия позволяет говорить об Энди Уорхолое как *расколотой личности*. Творчество сыграло роль сублимационного фактора. Но смысловые метаморфозы жизни, экзистенциальных ситуаций и объектов полотен,

постоянно оборачиваемые из Нечто в Ничто и наоборот, приводили Энди всегда к Ничто. Перечисленное свидетельствует о тотальности Ничто в бытии художника и невозможности вырваться из него. Можно только предположить, какие страсти бушевали во внутреннем мире Энди, уходящим от разломов и возвращающимся к ним. Художник осуществлял разрывы не только с самим собой, но и с миром. Он был источником ничтожения. Для него ничтожность была значима и в то же время обнажала травматичность бытия. Ничто давало возможность погружаться в свой внутренний мир, связанный с движением *мысле-образов*, обязательно приводившим к Ничто, что позволяет говорить об уорхоловском бытийствовании как *пропадающей обреченности/обреченного пропадания* (М. Хайдеггер).

Примечания

1. Его настоящее русинское имя Андрей/Эндрю Варгола/Вархола. В августе 1949 г. в журнале *Glamour* был впервые опубликован рисунок художника, где его имя написали с ошибкой. С тех пор он стал Энди Уорхолом.

2. Термин заимствован из горной промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Е. Все и Ничто: Символические фигуры в искусстве второй половины XX века. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 584 с.

2. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства. М.: РИПОЛ классик, 2019. 347 с.

3. Бокрис В. Уорхол. М.: РИПОЛ классик, Пальмира, 2019. 647 с.

4. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.

5. Деррида Ж. Истина в живописи. URL: https://hren-morkovkin.ucoz.ru/load/derrida_zh_istina_v_zhivopisi/1-1-0-112 (дата обращения: 14.01.2023).

6. Колядко В.И. Предисловие // Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2009. С. 5–28.

7. Нюридсани М. Уорхол. М.: Этерна, 2019. 664 с.

8. Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2009. 925 с.

9. Уорхол Э. Философия Энди Уорхола (от А к Б и наоборот). М.: Изд-во Ад Маргинем Пресс, 2014. 268 с.

10. Уорхол Э., Хэкетт П. Попизм: уорхоловские 60-е. СПб.: Амфора, 2009. 349 с.

11. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 603 с.

12. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический Проект, 2008. 527 с.

13. Яковлева Е.Л. Ничто как элемент имиджа и символ творчества Энди Уорхола // XIII Поленовские чтения «Художественная культура и образование в условиях глобализации». Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. С. 93–96. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48490976> (дата обращения: 14.01.2023).

14. «Я стану твоим зеркалом»: Избранные интервью Энди Уорхола (1962–1987) / сост. Кеннет Голдсмит. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 432 с.

REFERENCES

1. Andreeva, E. (2019) *Vse i Nichto: Simvolicheskie figury v iskusstve vtoroy poloviny XX veka* [Everything and Nothing: Symbolic figures in the art of the second half of the twentieth century]. St. Petersburg: Ivan Limbakh.

2. Baudrillard, J. (2019) *Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva* [A Perfect Crime. The Conspiracy of Art]. Translated from French. Moscow: RIPOL klassik.

3. Bokris, V. (2019) *Uorkhol* [Warhol]. Moscow: RIPOL klassik, Pal'mira.

4. Deleuze, J. (2011) *Logika smysla* [The Logic of Meaning]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii Proekt.

5. Derrida, J. (n.d.) *Istina v zhivopisi* [The Truth in Painting]. [Online] Available from: https://hren-morkovkin.ucoz.ru/load/derrida_zh_istina_v_zhivopisi/1-1-0-112 (Accessed: 14th January 2023).

6. Kolyadko, V.I. (2009) Predislovie [Preface]. In: Sartre, J.-P. *Bytie i Nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothing. The Phenomenological Ontology]. Moscow: AST. pp. 5–28.

7. Nuridsani, M. (2019) *Uorkhol* [Warhol]. Moscow: Eterna.

8. Sartre, J.-P. *Bytie i Nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothing. The Phenomenological Ontology]. Moscow: AST.

9. Warhol, A. (2014) *Filosofiya Endi Uorkhola (ot A k B i naoborot)* [Andy Warhol's philosophy (from A to B and vice versa)]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.

10. Warhol, E. & Hackett, P. (2009) *Popizm: uorkholovskie 60-e* [Popism: Warhol's 60s]. Translated from English. St. Petersburg: Amfora.

11. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Kharkiv: Folio.

12. Heidegger, M. (2008) *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [The source of artistic creation]. Translated from German. Moscow: Akademicheskij Proekt.

13. Iakovleva, E.L. (2022) Nichto kak element imidzha i simvol tvorchestva Endi Uorkhola [Nothing as an image element and a symbol of Andy Warhol's creativity]. In: *Khudozhestvennaya kul'tura i obrazovanie v usloviyakh globalizatsii* [Artistic culture and education in the context of globalization]. Tambov: Der-

zhavinskiy. pp. 93–96. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48490976> (Accessed: 14th January 2023).

14. Warhol, A. (2016) “*Ya stanu tvoim zerkalom*”: *Izbrannye interv’yu Endi Uorkhola (1962–1987)* [“I Will Be Your Mirror”: Selected Interviews with Andy Warhol (1962–1987)]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.

Яковлева Елена Людвиговна – доктор философских наук, кандидат культурологии, зав. кафедрой философии и социально-политических дисциплин, профессор Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (Россия).

Elena L. Iakovleva – Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (Russia).

E-mail: mifoigra@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ Русины

ОСНОВАН В 2003 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2023. № 71

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)
Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)
– 360 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул. Миорица 1С, кв. 83

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 30.05.2023.

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 26/0923.

Отпечатано в типографии «Таicom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2023 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

